

Тан
804-8
10115
ШАРЛЬ РИШЕ

СОМНАМБУЛИЗМЪ,
ДЕМОНИЗМЪ

И

ЯДЫ ИНТЕЛЛЕКТА

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

1885

ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 11—2

СОМНАМБУЛИЗМЪ, ДЕМОНИЗМЪ

И

ЯДЫ ИНТЕЛЛЕКТА

22069-0

2007115164

СОМНАМБУЛИЗМЪ *)

I.

Симуляція (притворство).

Доказательства условныя и безусловныя. — Общность явленій сомнамбулизма. — Совпаденіе прежнихъ фактовъ съ настоящими. — Контрактура, анестезія, аналгезія. — Опроверженіе возраженій противъ дѣйствительности сомнамбулизма.

Возможны ли явленія сомнамбулизма? Возможно ли посредствомъ, такъ называемыхъ, магнетическихъ пассовъ, фиксированія зрѣнія и тому подобныхъ пріемовъ, дѣйствительно усыпить человека? Таковъ первый вопросъ, возникающій въ самомъ началѣ изученія даннаго предмета. На нашъ

*) Слово «сомнамбулизмъ», быть можетъ, самый подходящій терминъ для обозначенія психо-физиологическихъ явленій, называемыхъ также «сомніаціей», «животнымъ магнетизмомъ» и «гипнотизмомъ». Въ самомъ дѣлѣ, слово «сомніація», нѣкогда предложенное Франкомъ, мало употребляемо. Вы-

взглядъ, утвердительное рѣшеніе этого вопроса не можетъ подлежать сомнѣнію. Однако, въ глазахъ многихъ, весьма просвѣщенныхъ медиковъ и ученыхъ, отказывающихся допустить существованіе фактовъ, по нашему мнѣнію несомнѣнныхъ, вопросъ о достовѣрности сомнамбулическихъ явленій до сихъ поръ остается спорнымъ.

раженіе — «животный магнетизмъ» указываетъ на нѣкоторое сходство съ электрическими явленіями, наблюдаемыми въ магнитахъ и хотя это сходство отчасти, быть можетъ, и не такъ неправдоподобно, какъ предполагали долгое время, но лучше приберечь слово «магнетизмъ» для обозначенія электромагнитныхъ явленій. Остаются еще выраженія: «месмеризмъ», «брэдизмъ» и наконецъ «гипнотизмъ». Что касается слова «месмеризмъ», то, какъ это дознано въ настоящее время, явленія, вызываемыя Месмеромъ, не соответствуютъ тѣмъ состояніямъ сомнамбулизма, которыя извѣстны нынѣ; и объ истинномъ характерѣ явленій его пресловутаго чана имѣются весьма сбивчивыя свѣдѣнія. Слово «брэдизмъ» совершенно непримѣнимо, такъ какъ Бредъ явился спустя полстолѣтія послѣ Месмера, Пуисагора, Делѣза, Юссона. Что же касается термина «гипнотизмъ», то терминъ этотъ, въ сущности, ничего не выражаетъ, кромѣ понятія о снѣ. Вообще, слово «гипнотизмъ», указываетъ на состояніе усыпленія, вызываемое спеціальными приѣмами, напр. продолжительнымъ созерцаніемъ блестящаго предмета. Въ виду всего этого, мы полагаемъ, что обыкновенному слову «сомнамбулизмъ», не заключающему въ себѣ никакой предвзятой мысли, должно быть отдано предпочтеніе предъ всѣми другими. Мы можемъ, такимъ образомъ принять, что существуетъ сомнамбулизмъ произвольный (сомнамбулизмъ древнихъ авторовъ) и сомнамбулизмъ вызванный (животный магнетизмъ новѣйшихъ авторовъ). Здѣсь мы займемся послѣднимъ. Въ дѣйствительности, конечно, не въ словѣ дѣло: какъ бы ни называли явленіе, оно остается все тѣмъ же, и всякій пойметъ о чемъ идетъ рѣчь. Несомнѣнно и у насъ, въ этомъ сочиненіи, подчасъ прорвется слово «магнетизмъ».

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, говорятъ они, мы имѣемъ дѣло съ обманутыми или съ обманщиками. Съ одной стороны, мы видимъ шарлатановъ, эксплуатирующихъ общественное легковѣріе и истеричныхъ женщинъ, завѣдомо обманывающихъ и притворяющихся, изъ одной любви къ обману и притворству, а съ другой — наивныхъ наблюдателей, вводимыхъ въ обманъ этимъ фиглярствомъ. Иногда, впрочемъ, нѣкоторые изъ скептиковъ готовы снисходительно признать, что, быть можетъ, здѣсь и скрывается нѣчто серьезное; но въ такой ничтожной степени, что не стоитъ объ этомъ и говорить.

Однако, число скептиковъ уменьшается ежедневно. Особенно въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, появившіяся многочисленныя изслѣдованія по данному предмету заставили многихъ перемѣнить свое убѣжденіе. Но въ дѣлѣ науки недостаточно убѣдить нѣсколько лицъ: нужно убѣдить всѣхъ. Въ виду этого, прежде чѣмъ приняться за изученіе сомнамбулизма, необходимо тщательно провѣрить доказательства его достовѣрности. Обманъ ли это или дѣйствительный фактъ? Слѣдуетъ ли относиться съ довѣріемъ къ тѣмъ ученымъ, которые на него ссылаются, или намѣхаться надъ ихъ легковѣріемъ?

Научно установленнымъ явленіе считается тогда, когда оно можетъ быть вызвано по желанію каждаго, кто повторитъ тѣ приемы, какими пользовался первый изслѣдователь. Такимъ образомъ, когда химикъ объявляетъ, что хлоръ, пропущенный че-

резъ поташъ, даетъ хлористый калий и хлорноватокалиевую соль, нѣтъ необходимости повторять этотъ опытъ, чтобы убѣдиться въ его достовѣрности. Если открывшій эту реакцію, сколько-нибудь сносный экспериментаторъ — ему повѣрятъ на слово, зная, что повторенный опытъ дастъ тотъ же результатъ. Въ математикѣ, въ физикѣ и, до нѣкоторой степени, въ физиологіи мы видимъ то же самое: доказательствомъ служить уже одна возможность воспроизвести по желанію данное явленіе, обставивъ его одинаковыми соотвѣтствующими условіями. Не то съ сомнамбулизмомъ. Я объявляю, наприимѣръ, что, дѣлая въ теченіи десяти минутъ пассы надъ головой и лбомъ молодаго человѣка двадцати пяти лѣтъ, привелъ его въ состояніе сомнамбулизма и констатировалъ въ немъ контрактуру (сведеніе мышцъ), катаlepsію, галлюцинаціи и т. д. Изъ этого, однако, вовсе не слѣдуетъ, что другой экспериментаторъ, поступаая одинаковымъ образомъ съ другимъ молодымъ субъектомъ, вызоветъ тѣ же самыя явленія. Напротивъ, правдоподобнѣе, что онъ не достигнетъ тѣхъ же результатовъ, такъ какъ проявленіе сомнамбулизма съ перваго же опыта — случай крайне исключительный.

Такимъ образомъ, чтобы установить достовѣрность фактовъ, не повторяющихся всякій разъ по желанію и самихъ по себѣ довольно странныхъ, слѣдуетъ искать такія доказательства, которыя отличались бы, если не постоянствомъ, то по крайней мѣрѣ убѣдительностью.

Мы можемъ имѣть или безусловное доказательство, патаномническое, неопровержимое, или цѣлое собраніе данныхъ, соотвѣтствующихъ въ совокупности самому точному и неоспоримому свидѣтельству. Но дѣло въ томъ, что въ настоящемъ случаѣ безусловнаго доказательства представить нельзя. Положимъ, передъ нами лежитъ особа, которая кажется усыпленной. Обнаруживаетъ ли она болѣе или менѣ полную аналгезію или анестезію, это, говорятъ, ничего не доказываетъ, такъ какъ, во-первыхъ, то и другое не трудно симулировать, а во-вторыхъ, данные симптомы часто отсутствуютъ во время сомнамбулизма. Если бы измѣненія въ чувствительности пожелали принять за безусловный критеріумъ, то пришлось бы неминуемо признать усыпленными такихъ субъектовъ, которые, быть можетъ, притворяются; а въ другихъ случаяхъ, заподозрить въ обманѣ лицъ, дѣйствительно усыпленныхъ. Смыканіе и подергиваніе вѣкъ, судорожныя движенія глазнаго яблока, сведеніе мышцъ, галлюцинаціи, — все это въ крайнемъ случаѣ можетъ быть имитировано. Кто же намъ поручится, что лицо, кажущееся усыпленнымъ, не притворяется?

Итакъ, безусловнаго доказательства нѣтъ или, лучше сказать, есть одно; но его трудно представить и оно можетъ быть убѣдительнымъ только для даннаго лица: это усыпить того, кто сомнѣвается, и, по пробужденіи, заставить его выслушать отъ различныхъ свидѣтелей рассказъ о томъ, что онъ дѣлалъ во время сна, и о чемъ у него не сохраняется

никакого воспоминанія. Хотя примѣненіе этого способа довольно затруднительно, но я, тѣмъ не менѣе, практиковалъ его весьма часто, разъ, между прочимъ, съ миссъ С... Присутствуя на одномъ изъ сеансовъ, миссъ С... мнѣ объявила, что она совсѣмъ не убѣждена, чтобы усыпленная особа не притворялась: «Что вы тутъ находите удивительнаго? она отлично можетъ притвориться спящей. Я только тогда повѣрю въ сомнамбулизмъ, когда вы меня усыпите». Я предложилъ ей попробовать, она согласилась и, спустя десять минутъ, уже спала. Когда я ее разбудилъ, то, не смотря на увѣренія г-жи Д..., — ея подруги, также, какъ и она, изучающей медицину, — миссъ С... не повѣрила своему сомнамбулизму и была готова обвинить меня въ томъ, что ее угостили снотворнымъ напиткомъ. Однако, ей пришлось, наконецъ, уступить очевидности, особенно когда, взглянувъ на свои часы, она увидала, что проспала полтора часа, тогда какъ ей казалось, будто прошло всего нѣсколько минутъ.

Словомъ, существуетъ только одно точное, неоспоримое доказательство: это усыпить того, кого желаютъ убѣдить.

Къ сожалѣнію этотъ способъ непрактиченъ по многимъ причинамъ, между прочимъ потому, что тѣ ученые, которыхъ желали бы убѣдить, оказались бы весьма плохими сомнамбулами. Къ тому же, этимъ путемъ нельзя убѣдить одновременно болѣе одного. Необходимо, стало быть, обратиться къ другимъ доводамъ.

1. Главный доводъ состоитъ въ нелѣпости предположенія будто всѣ рѣшительно усыпляемые притворяются. Я, по крайней мѣрѣ, нахожу это предположеніе просто смѣшнымъ. Вотъ напр. трое моихъ пріятелей, образованные и просвѣщенные молодые люди, которымъ я довѣряю вполне. Неужели слѣдуетъ допустить, что они надо мною насмѣхались, надували меня! Я могу сказать тоже самое про пятерыхъ или шестерыхъ особъ, вполне почтенныхъ, которыхъ я никакимъ образомъ не вправе заподозрить въ обманѣ. Къ тому же, я долженъ бы былъ придти къ заключенію, что и тѣ пятьдесятъ, или около того, особъ, разныхъ возрастовъ и сословій, которыхъ мнѣ удавалось усыплять, что всѣ онѣ, всѣ безъ одинаго исключенія, лгали и притворялись. Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, предполагать что либо подобное. Могу ли я допустить, чтобы по несчастному стеченію обстоятельствъ, я былъ окруженъ одними лгунами и лицемерами, и что въ числѣ близкихъ мнѣ людей, родныхъ и друзей, всѣ заранее сговорились, ввести меня въ самый крупный обманъ?

При этомъ, пришлось бы, конечно, признать тоже самое и относительно многихъ другихъ изслѣдователей. Извѣстный профессоръ фізіологіи въ Бреславлѣ, Р. Гейденгайнъ, рассказываетъ, что онъ усыплялъ своего младшаго брата, студента университета. Кто же повѣрить, чтобы этотъ молодой человекъ сталъ играть комедію, съ цѣлью злоупо-

требить довѣріемъ своего брата и выставить его на всеобщее осмѣяніе?

Далѣе мы увидимъ, что почти всѣ женщины могутъ быть, болѣе или менѣе, усыпляемы. Должны ли мы предполагать, что почти всѣ женщины притворяются? Основательно ли такое предположеніе? Неужели нельзя найти женщины, которой была бы противна подобная комедія? Приходится выбирать одно изъ двухъ: или, что всѣ женщины обманщицы и притворщицы — или, что сомнамбулизмъ дѣйствительно существуетъ. Со мною согласится, я надѣюсь, каждый, что изъ этихъ двухъ предположеній, первое — чистѣйшій вздоръ.

2. Слѣдуетъ также обратить вниманіе и на другое обстоятельство, именно на тождественность явленій. Тѣже явленія, которыя Пюисэгуръ, Ростанъ, Жоржъ и Юссонъ наблюдали во Франціи шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, наблюдались въ 1840 году въ Англіи Брэдомъ, въ Парижѣ въ 1860 г. профессоромъ Брока, а въ 1877 году Полемъ Риче и Шарко. Профессоръ Гейденгайнъ изучалъ ихъ въ Бреславлѣ въ 1880 году. И въ теченіи цѣлаго столѣтія во всей Европѣ, значительное количество ученыхъ, имена которыхъ мы здѣсь не приводимъ, встрѣчались все съ одними и тѣми же явленіями: смыканіемъ вѣкъ, фибриллярнымъ сокращеніемъ лицевыхъ мышцъ, т. е. сокращеніемъ отдѣльныхъ пучковъ этихъ мышцъ, галлюцинаціями зрѣнія и слуха, катаlepsіей, контрактурой...

Какимъ образомъ женщины, только что прибывшія изъ деревни, никогда не слыхавшія даже слова

«магнетизмъ», могутъ симулировать то, о чемъ онѣ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія? Съ помощью какого волшебства больная, усыпленная мною въ Шаритѣ, и никогда не присутствовавшая на опытахъ съ сомнамбулами, могла въ точности обнаружить тѣ же явленія, которыя наблюдались на другой больной въ госпиталѣ Божонъ, усыпленной мною въ первый же день ея пріѣзда изъ провинціи? Вѣдь это чудо, нисколько не уступающее тѣмъ чудесамъ, которыя продѣлываютъ магнетизеры по профессіи! Какъ! все это одинъ обманъ и первымъ обманщикомъ является маленькій крестьянскій мальчикъ, Викторъ, усыпленный Пюисэгуромъ въ 1780 году! Онъ подалъ примѣръ извѣстнаго рода усыпленію и съ тѣхъ поръ всѣ, подвергающіеся опытамъ только и дѣлаютъ, что подражаютъ этому маленькому притворщику! *)

*) Нѣсколько времени тому назадъ, путешествуя по Алжиріи и занятый мыслью объ отысканіи доказательства дѣйствительности сомнамбулизма, я попробовалъ усыпить арабскую женщину изъ негрскаго села Бискры (пріятель мой, офицеръ, знающій арабскій языкъ, служилъ мнѣ переводчикомъ). Въ нѣсколько минутъ эта женщина, почувствовавъ тяжесть вѣкъ, сказала своей пораженной подругѣ: «Глаза мои смыкаются». — «Скажи: именемъ Аллаха!» посоветовала ей эта послѣдняя. — «Именемъ Аллаха! мои глаза смыкаются». И, дѣйствительно, вскорѣ она уснула къ великому удивленію всѣхъ присутствующихъ. Что-же, прикажете и этотъ фактъ отнести къ вліянію маленькаго Виктора?

Въ больницѣ Питье, я произвелъ одинъ опытъ, во время котораго, думаю, вполне оградилъ себя отъ возможности симуляціи: Молодая дѣвушка, надъ которой я производилъ опытъ, не знала, что я желаю дѣлать. Я ей сказалъ, что буду ее электризовать, чтобы излечить отъ боли, которой она страдала въ колѣнѣ, съ каковою цѣлью у кровати была помѣщена батарея.

3. Предположимъ, однако, что обманъ возможенъ, и посмотримъ, согласуется ли это предположеніе съ фактами? Я полагаю, что нѣтъ; потому что подобный обманъ въ дѣйствительности указываетъ на глубокое знаніе анатоміи и фізіологіи. Шарко особенно настаиваетъ на томъ фактѣ, что у многихъ сомнамбуловъ, вслѣдствіи крайней возбудимости нервовъ, при надавливаніи ихъ или легкомъ дотрагиваніи, мускулы, ими управляемые, сокращаются. Такъ, напримѣръ, если надавить лицевой нервъ, то приводится въ движеніе скуловой мускуль, глазной, общій подниматель ноздрей и т. п. При раздраженіи сосцово-грудинаго мускула, онъ сокращается, и голова поворачивается въ противоположную сторону. Необходимо, однако, владѣть весьма серьезнымъ знаніемъ фізіологіи движеній, чтобы знать, что сосцово-грудиный мускуль сокращаясь, поворачиваетъ голову въ обратную сторону. У сомнамбуловъ можно, прямымъ раздраженіемъ, вызвать сокращеніе мышцъ (зачаточныхъ у человѣка), приводящихъ въ движеніе ушную раковину; тогда какъ въ нормальномъ состояніи человѣкъ неспособенъ двигать ушами. Открывая правый глазъ, вызываютъ — у однихъ истеричныхъ

Но батарея, которую больная считала весьма сильной, не дѣйствовала. Тѣмъ не менѣе, моя пациентка почувствовала такое влеченіе ко сну и такую усталость, что у нея невольно стали смыкаться глаза. Такъ какъ я не желалъ прибѣгать къ пассамъ и ограничивался сжиманіемъ обоихъ большихъ пальцевъ, то не могъ вызвать полного усыпленія; но всякій разъ, какъ я повторялъ этотъ опытъ, мнѣ удавалось вызвать весьма явную дремоту.

каталепсію правой стороны тѣла, вслѣдствіе двояко-перекрестнаго дѣйствія зрительныхъ нервовъ и спиннаго мозга,—у другихъ афазію (потерю рѣчи); между тѣмъ, когда открываютъ лѣвый глазъ, афазія не обнаруживается. Конечно, если это симуляція, то надо предположить, что больному извѣстно, что именно лѣвое полушаріе головного мозга, а не правое, управляетъ способностью рѣчи, и что сѣтчатая оболочка праваго глаза сообщается съ лѣвымъ полушаріемъ.

Каждый, кто наблюдалъ у истеричныхъ сведеніе мышцъ въ состояніи сомнамбулизма, знаетъ очень хорошо, что подобное извращеніе мышечной системы нельзя симулировать. Нѣтъ такого человѣка, какой бы силою онъ ни отличался, который могъ бы однимъ вліяніемъ воли, удержать мускуль въ теченіи четверти часа въ сокращенномъ состояніи, не обнаруживая ни малѣйшаго признака усталости или ослабленія. У сомнамбуловъ же мышцы удерживаются въ этомъ состояніи въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, и, послѣ пробужденія, у нихъ не замѣчается никакихъ послѣдствій, никакого утомленія отъ этого продолжительнаго и невѣроятнаго усилія мускуловъ.

Что же касается внѣшняго выраженія различныхъ движеній души и необыкновенной силы этого выраженія, то я весьма сомнѣваюсь, чтобы существовали на свѣтѣ актрисы, которыя могли бы исполнять мимическія сцены съ такимъ совершенствомъ, какъ это дѣлаютъ бѣдныя истеричныя дѣвушки въ Сальпетриерѣ. Всѣ сомнамбулы въ этомъ отношеніи одинаковы; ихъ мимика такъ вырази-

тельна, чувства восторга, любви, восхищенія, гнѣва, отвращенія, презрѣнія, угрозы передаются съ такой захватывающей силой, что всѣ, кому приходилось быть свидѣтелями этихъ сценъ, выносили полное убѣжденіе въ невозможности симуляціи.

Въ большинствѣ случаевъ, у сомнамбуловъ замѣчается анестезія и аналгезія. Эти два явленія постоянны или почти постоянны. По обыкновенію и тутъ пришлось бы признать симуляцію. Конечно, говоря вообще, можно притвориться нечувствительнымъ. Но много ли вы найдете людей, имѣющихъ мужество переносить, безъ серьезной причины, уколы на лицѣ, ноздряхъ и рукахъ; готовыхъ позволить вырывать у себя волосы, щекотать соединительную оболочку глаза, носъ, уши, прокалывать руку иглами, пить зловонныя жидкости, нюхать съ наслажденіемъ амміакъ и серную кислоту? Вотъ цѣлый рядъ пытокъ, угрожающихъ каждому, кто вздумалъ бы, удовольствія ради, подшутить надъ легковѣрнымъ врачомъ, съ любопытствомъ наблюдающимъ и записывающимъ эти явленія! А между тѣмъ, почти всѣ сомнамбулы подвергаются такимъ пыткамъ и при каждомъ новомъ испытаніи онѣ не выказываютъ сопротивленія, не отбиваются, не вздрагиваютъ, а невозмутимо, спокойно и безропотно переносятъ крайне болѣзненные испытанія. Слѣдуетъ ли въ этомъ видѣть геройство (весьма неумѣстное, по нашему) или просто потерю чувствительности (анестезію)?

Я могъ бы привести еще множество примѣровъ,

свидѣтельствующихъ о нелѣпости предположенія симуляціи. Ничто, напримѣръ, не указываетъ такъ ясно на уклоненіе психическаго состоянія отъ нормальнаго, какъ возможность вызвать по желанію рвоту. Кого можетъ вырвать только потому, что ему скажутъ: «Понюхайте какъ воняетъ!» А между тѣмъ это явленіе у сомнамбуловъ постоянное, и чтобы возбудить у нихъ рвоту, достаточно произнести эту фразу. Сомнамбулка плачетъ, когда ей велятъ плакать, она проливаетъ при этомъ потоки слезъ и громко рыдаетъ. Полагаютъ ли, что такъ легко расплакаться по желанію? Достаточно сдѣлать самому опытъ, чтобы убѣдиться, что это почти невозможно.

Недавно я былъ свидѣтелемъ случая, который могъ бы принять весьма печальный оборотъ, но, къ счастью, все обошлось безъ серьезныхъ послѣдствій. Рѣчь идетъ о молодой женщинѣ, весьма интересномъ объектѣ для магнетическихъ опытовъ. Желая возбудить въ ней чувство испуга, я сказалъ ей: «Смотрите, я беру вашу руку и отрѣзаю ее прочь. Взгляните, какъ льется кровь». Немедленно, не вскрикнувъ, не сдѣлавъ ни одного жеста, она свалилась на полъ, какъ мертвая. Дѣйствительно, жизнь ея на время приостановилась, сердце перестало биться и нельзя было уловить ни малѣйшаго признака дыханія. Это состояніе продолжалось приблизительно съ полъ-минуты, но для меня — цѣлой вѣчностью; затѣмъ глубокій вздохъ возвѣстилъ о возвращеніи жизненныхъ явленій... Быть можетъ

скажутъ, что и этотъ обморокъ — искусно сыгранная комедія. Во всякомъ случаѣ, рискуя прослыть легковѣрнымъ, я ни за что на свѣтѣ не согласился бы повторить этотъ опытъ.

Итакъ, возможно, кажется, привести, если не безусловныя доказательства, то, по крайней мѣрѣ, цѣлый рядъ достаточно убѣдительныхъ данныхъ въ пользу существованія сомнамбулическаго состоянія.

Разсмотримъ теперь, въ чемъ состоятъ главныя возраженія. Вотъ, если не ошибаюсь, наиболѣе существенныя:

1-е возраженіе. — Явленія сомнамбулизма не совмѣстимы съ научными истинами. Невозможно допустить, чтобы пассы вызывали усыпленіе; чтобы изъ тѣла магнетизирующаго исходило, по его желанію, неуловимое вещество; чтобы мысль передавалась безъ всякаго внѣшняго проявленія; чтобы можно было видѣть желудкомъ, слышать ладонью рукъ и испытывать лбомъ вкусовыя ощущенія.

Тутъ, очевидно, недоразумѣніе, которое необходимо устранить. Сомнамбулизмъ, — этотъ неврозъ, причины и сущность котораго еще такъ таинственны, — не имѣетъ ничего общаго съ тѣми объясненіями, которыми истолковываютъ его шарлатаны. Здѣсь рѣчь идетъ не объ опроверженіи ихъ болѣе или менѣе корыстныхъ бредней, а объ изученіи и провѣркѣ того, что было подмѣчено серьезными учеными, людьми достойными уваженія. Всѣ тѣ, кто вмѣсто того, чтобы стараться доказать, что сомнам-

булы никогда не дѣлали чудесъ, изучали лично физиологическія явленія, всѣ они убѣдились вскорѣ, что дѣйствіемъ пассивъ или фиксированіемъ зрѣнія можно вызвать спеціальнѣйшій неврозъ, весьма опредѣленнаго характера. Очень легко, конечно, отвергнуть тотъ или другой нелѣпый рассказъ. Но вѣдь этимъ будетъ доказано только то, что къ данной задачѣ патологической физиологіи, примѣшались бездѣльники и невѣжды. Тѣмъ не менѣе, въ виду такого количества распространенныхъ заблужденій, кажется, что здѣсь должна быть немалая доля и правды. Если бы все было одна мистификація, одинъ обманъ, то магнетизмъ не только не могъ бы установиться, онъ не распространился бы и исчезъ бы, не оставивъ слѣда. Заблужденіе можетъ восторжествовать только благодаря тѣмъ истинамъ, которыя въ немъ сокрыты.

Къ тому же, относительно природы и отправленій нервной системы, мы совсѣмъ не имѣемъ такихъ точныхъ и совершенныхъ свѣдѣній, которыя давали бы намъ право отрицать возможность того или другого явленія. Мы постоянно должны придерживаться экспериментальнаго метода, и апіорныя отрицанія, точно также какъ и апіорныя утвержденія, должны быть изгнаны изъ научныхъ споровъ. Говоря правду, относительно сомнамбулизма, отрицанія всегда отличались апіорнымъ характеромъ. Я не думаю, чтобъ хоть одинъ экспериментаторъ, опираясь на извѣстное число фактовъ, пришелъ бы къ заключенію о не существованіи сом-

намбулизма. Его отвергаютъ, исходя изъ разсуждений, а не опытовъ. Никто еще, сколько мнѣ извѣстно, не сказалъ: «Я пытался усыпить въ разное время четырехъ субъектовъ, употребляя обычные приемы, и ничего не добился». До сихъ поръ удовольствуются одной улыбочкой и замѣчаніемъ: «Это невозможно». Опроверженіе едва ли достаточное...

2-е возраженіе. — Все подлежащее наблюденію — непостоянно, неправильно и измѣнчиво *). Ни одного прочнаго правила; изучаемыя явленія мѣняются съ каждымъ наблюдателемъ и съ каждымъ объектомъ. То чего ожидаютъ не обнаруживаются, а чего не предвидятъ — является.

Что у различныхъ сомнамбуловъ существуютъ замѣтныя особенности, этого нельзя отрицать. Но эти особенности относятся къ второстепеннымъ явленіямъ. Въ общемъ, состояніе сомнамбулизма оди-

*) Въ статьѣ «Times» въ которой разбирали мое сочиненіе «о бѣсноватыхъ въ настоящемъ и въ прошломъ», мнѣ возразили, что нѣтъ возможности описать явленія на столько измѣнчивыя и капризныя, какъ истерика. Это тоже самое, говоритъ критикъ, какъ если бы попробовали отпечатать на фотографической пластинкѣ волнующуюся поверхность океана. Примѣръ нынѣ никуда уже не годный; потому что мгновенный способъ фотографированія даетъ возможность уловить очертанія еще измѣнчивѣе морскихъ волнъ. Къ этому замѣчанію, присовокупленъ былъ еще довольно странный упрекъ; именно, что я говорю о явленіяхъ, о которыхъ слѣдовало бы умолчать, и что, описывая истерику и припадки этой болѣзни, я содѣйствую не распространенію познаній, а развитію самой болѣзни. Вотъ, мнѣ кажется, неумѣстная научная щепетильность...

наковое у всѣхъ. Его можно охарактеризовать однимъ словомъ — автоматизмомъ. Что же удивительнаго, если этотъ автоматизмъ проявляется въ разныхъ формахъ, въ зависимости, съ одной стороны, отъ личности сомнамбула, а съ другой, отъ приѣмовъ, практикуемыхъ для усыпленія.

Кромѣ того, это различіе, это непостоянство, эта неправильность вполне объясняются замѣчательной сложностью явленій духа. Безъ сомнѣнія, мозгъ человека — аппаратъ въ тысячу разъ сложнѣе флейты, а между тѣмъ, неучъ не съумѣетъ сыграть на флейтѣ, если долгимъ упражненіемъ не выучился съ ней обходиться. «Вы желали бы играть на мнѣ, говоритъ Гамлетъ посланцамъ дяди-короля; вы желали бы показать, что знакомы съ моими клапанами; вы желали бы извлечь изъ меня звуки, начиная съ самой низкой до самой высокой ноты моей гаммы. Много музыки, прекрасный голосъ въ этой маленькой дуткѣ и тѣмъ не менѣе вы не сможете заставить ее говорить... Чортъ возми! Думаете ли вы, что на мнѣ легче играть, чѣмъ на флейтѣ?»

Эти слова Гамлета, могутъ быть обращены къ тѣмъ, которые находятъ, что психическія явленія сомнамбулизма слишкомъ непостоянны, чтобы ихъ можно было описывать научно.

Предположимъ, что пятьдесятъ неопытныхъ субъектовъ пробуютъ, по очереди, сыграть одинъ и тотъ же мотивъ на флейтѣ; они извлекутъ на пятьдесятъ различныхъ ладовъ фальшивые звуки и только. Что же удивительнаго, если медики или исследо-

ватели, всѣ крайне невѣжественные по части знакомствомъ съ природою нервной системы, получаютъ противорѣчивые результаты? На мой взглядъ, весьма даже удивительно, что не смотря на почти безконечное разнообразіе экспериментальныхъ условій, замѣчается еще такая аналогія между наблюдаемыми явленіями. Намъ, по справедливости, гораздо болѣе должно было бы поражать сходство, чѣмъ различіе, потому что послѣднее ничтожно сравнительно съ тѣмъ, какимъ оно могло бы быть.

Я, съ своей стороны, придерживаясь постоянно одного способа, получалъ довольно согласные результаты, не смотря на огромныя индивидуальныя особенности между лицами, которыхъ подвергалъ опытамъ.

Различныя стороны одной и той же болѣзни иногда отличаются еще большими особенностями, чѣмъ различные виды сомнамбулизма. Почему бы не уподобить его болѣзни? Въ немъ наблюдаются начальный періодъ, періодъ развитія и періодъ критическій; симптомы его дѣлятся на основныя и постоянныя, и на придаточныя или непостоянныя. Но сомнамбулизмъ всегда остается сомнамбулизмомъ.

Необходимо также знать, что на проявленія магнетическаго сна оказываетъ сильное вліяніе направленіе, даваемое экспериментаторомъ.

Дѣло въ томъ, что когда субъектъ усыпленъ впервые, то онъ находится въ особомъ состояніи, допускающемъ возможность настоящаго воспитанія. Помѣръ того, какъ вызывается то или другое сом-

намбулическое явленіе, возможно соотвѣтственно этому направлять вниманіе субъекта, и, благодаря такого рода воспитанію, достигаютъ того, что данное явленіе вызывается легче другихъ. Это просто значитъ, что воля, привычка, воспитаніе играютъ весьма важную роль въ проявленіяхъ сомнамбулическаго невроза.

Если, напримѣръ, имѣются въ виду нервно-мускульныя явленія: катаlepsія, сведеніе мышць и т. п., то, при каждомъ новомъ сеансѣ, не только повторяются всѣ, замѣченныя въ предъидущіе сеансы явленія, но почти всякій разъ можно наблюдать какое-нибудь новое явленіе, мало по малу выступающее все яснѣе и яснѣе. Точно также, если обращаютъ вниманіе на психическія явленія (галлюцинаціи), то чѣмъ болѣе предпринимается опытовъ въ этомъ направленіи, съ цѣлью упражненія умственныхъ способностей сомнамбула, тѣмъ легче проявляются эти способности. Въ концѣ концовъ, галлюцинаціи вызываются весьма легко и становятся чрезвычайно яркими. Такимъ же образомъ, если останавливаются на явленіяхъ автоматизма, то съ каждымъ сеансомъ эти явленія, постепенно совершенствуясь, пріобрѣтаютъ, подъ конецъ, рѣзко очерченный характеръ, тогда какъ вначалѣ они едва замѣтны.

Благодаря упражненію и воспитанію, сомнамбулы, усиленные много разъ однимъ и тѣмъ же экспериментаторомъ, обнаруживаютъ большое между собою сходство; это потому, что экспериментаторъ раз-

виль въ нихъ одиѣ и тѣ же способности, усовершенствовались одни и тѣ же явленія, побуждая ихъ при содѣйствіи навыка и воспитанія, обнаруживаться все съ большей и большей ясностью. Эти сомнамбулы, такъ сказать, настроенные все на одинъ тонъ, будутъ, напротивъ, замѣтно различаться отъ всѣхъ остальныхъ, которые воспитывались и приучались другимъ экспериментаторомъ.

Въ этихъ фактахъ нѣтъ ничего удивительнаго для того, кому извѣстно преобладающее вліяніе привычки и воспитанія на психическія явленія.

3-е возраженіе. — Если-бы животный магнетизмъ былъ фактомъ реальнымъ, то сомнамбулы не выдѣлывали бы подъ руководствомъ шарлатановъ всякихъ глупостей, которымъ ихъ научаютъ. Никто не станетъ отвергать, что существуетъ масса обманщиковъ. Часто даже нѣкоторыя сомнамбулы, которыхъ считали правдивыми, впоследствии сами признавались, что они играли комедію. —

Совершенно вѣрно, что нельзя отвергать существованіе обманщиковъ; но если только, какъ я старался это дѣлать, внимательно прослѣдить представленія, даваемые публично магнетизерами по профессіи, то приходишь къ убѣжденію, съ одной стороны, что субъекты дѣйствительно спятъ, а съ другой, что они фиглярничаютъ. Это симулирующіе сомнамбулы. Сомнамбулизмъ и симуляція два выраженія, совсѣмъ не исключаютія другъ друга, какъ можно было бы ошибочно предполагать. Дѣйствительно, состояніе усыпленной женщины не на

столько отличается отъ обычнаго состоянія, въ періодъ бодрствованія, чтобы она не понимала своего положенія, не могла размышлять и симулировать. Она усыплена, что доказывается всѣми фізіологическими явленіями, ею обнаруживаемыми: каталепсіей, контрактурой, анестезіей, фибриллярнымъ подергиваніемъ вѣкъ, судорогами глазъ, задержкой глотанія. Но, будучи усыпленной, она исполняетъ свою роль. Она старается предсказывать грядущее, отгадываетъ по локону волосъ лѣта, характеръ и состояніе здоровья даннаго лица и т. д. Эти прорицанія составляютъ именно часть заданной ей работы. Она это знаетъ и принаравливается къ этому. Тѣмъ не менѣе она дѣйствительно усыплена, и именно только благодаря сомнамбулизму, можетъ выполнить свою задачу. Еслибъ она находилась въ состояніи бодрствованія, то ей пришлось бы расходовать непомерную умственную дѣятельность и испытывать невыносимое мускульное утомленіе. Случалось видѣть, какъ глупцы притворяются съумасшедшими; точно также существуютъ сомнамбулы, симулирующіе ясновидящихъ. Акробату по ремеслу потребовались бы чудеса ловкости и мускульной силы, чтобы исполнить половину тѣхъ удивительныхъ упражненій, которыя легко продѣлываетъ сомнамбуль, благодаря каталептическому состоянію своихъ мышць. Извѣстная Люсиль, которую весь свѣтъ видѣлъ въ Парижѣ года два или три тому назадъ, была дѣйствительно усыпляема. Но будучи усыпленной, она прекрасно понимала, что находится на сценѣ и продолжала

играть свою роль передъ публикой, выдѣлывая всевозможныя туръ-де-форсы съ акуратностью актрисы, добросовѣстно исполняющей свое дѣло.

Психіатры отлично поймутъ, что нѣтъ никакого противорѣчія между такими явленіями, какъ сомнамбулизмъ и симуляція ясновидѣнія.

Умалишенный часто разсуждаетъ, мыслить весьма логично. Слѣдуетъ ли изъ этого, что онъ въ здоровомъ умѣ? Только люди, совершенно чуждые медицины, могутъ думать такимъ образомъ. Дѣйствительно, хотя съумасшедшій или сомнамбуль могутъ разсуждать, мыслить, симулировать, изъ этого однако было бы нелѣпо выводить заключеніе, что ихъ съумасшествіе или сомнамбулизмъ притворны.

Необходимо также имѣть въ виду нѣкоторыя часто наблюдаемыя причудливыя, психическія явленія. Иные субъекты, отдають себѣ во время усыпленія ясный отчетъ въ томъ, что ихъ галлюцинаціи суть только фікціи, и что то, что кажется имъ реальнымъ, на самомъ дѣлѣ совсѣмъ не реально. Этотъ фактъ замѣчается также во время обыкновеннаго сна и въ съумасшествіи. Часто мы видимъ во снѣ такихъ странныхъ чудовищъ и такіе нелѣпые призраки, что отказываемся имъ вѣрить. Въ насъ происходитъ тогда какое-то раздвоеніе сознанія: мы грезимъ и сознаемъ, что это только сонъ и употребляемъ большія усилія, чтобы прогнать преслѣдующее насъ видѣніе. Точно также и галлюцинаты слышатъ голоса, зная отлично, что это явленіе субъективное. Такимъ же образомъ и нѣкоторыя сомнам-

булы сознають свое состояніе, вслѣдствіи чего въ нихъ возникаетъ прелюбопытный антагонизмъ: ихъ воображеніе рисуетъ имъ реальный образъ предметовъ, а ихъ умъ сознаетъ всю неправдоподобность такой реальности. Вотъ почему у сомнамбуловъ часто замѣчаются противорѣчія, которыя могутъ показаться поверхностному наблюдателю признакомъ притворства. Это явленіе необыкновенно ясно обнаружилось у одной больной изъ госпиталя Божона, очень молодой дѣвушки, которую я нѣсколько разъ усыплялъ съ большой легкостью. Я ей объявлялъ, что подвергаю ее болѣзненной операціи, на примѣръ ампутирую руку. Она кричала отъ боли, сильно плакала и видѣла истекающую кровь; но вмѣстѣ съ тѣмъ она сознавала, что это обманъ и смѣялась сквозь слезы. Часто также, когда заставляютъ усыпленныхъ субъектовъ совершать воображаемыя путешествія, они отлично сознають, что находятся въ креслѣ или въ постелѣ, и тѣмъ не менѣе видятъ тѣ мѣстности, куда уносятъ ихъ воображеніе, — подобно тому какъ въ обыкновенномъ снѣ мы переносимся въ отдаленныя страны, не забывая, однако, что преспокойно спимъ въ своей комнатѣ.

Внимательный анализъ явленій, какой можетъ быть сдѣланъ образованными и интеллигентными людьми, согласившимися подвергнуться дѣйствию магнетизма, свидѣтельствуетъ, какъ трудно усыпленному субъекту сознавать, что онъ не симулируетъ. Для подобныхъ наблюденій усыпленіе не должно быть слишкомъ сильнымъ; оно не должно пересту-

пять перваго періода, который можетъ быть названъ періодомъ онѣмѣнія. Въ этомъ періодѣ сознание хотя и сохраняется, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаются уже весьма явные признаки автоматизма.

Одинъ докторъ изъ Бреславля увѣрялъ г. Гейденгайна, что магнетизированіе не оказываетъ на него никакого дѣйствія; но когда магнетизеръ Ганзенъ слегка усыпилъ его (привелъ въ состояніе онѣмѣнія)— онъ не могъ произнести ни одного слова. Его разбудили и онъ сталъ увѣрять, что отлично могъ бы говорить; если же молчалъ, то потому лишь, что ничего не желалъ сказать. Его вновь усыпили такимъ же образомъ и вновь та же исторія. Его разбудили вторично и онъ принужденъ былъ сознаться, что если не говорилъ, то именно потому, что не могъ говорить. Одинъ изъ моихъ друзей, будучи приведенъ въ состояніи онѣмѣнія—неполнаго усыпленія—хорошо изучилъ эту неспособность сопротивленія съ кажущейся возможностью противодѣйствія. Когда я ему внушалъ то или другое движеніе, онъ его исполнялъ всегда, даже въ томъ случаѣ, если передъ усыпленіемъ твердо рѣшался не слушаться меня. Но какъ только впадалъ въ состояніе онѣмѣнія, онъ не могъ сопротивляться, что, по пробужденіи, крайне озадачивало его.— «Конечно, говорилъ онъ мнѣ, я бы могъ воспротивиться, но у меня нѣтъ желанія этого сдѣлать». Точно также ему иногда казалось, что онъ симулируетъ. «Когда я нахожусь въ состояніи онѣмѣнія, говоритъ онъ, я симулирую автоматизмъ, хотя мнѣ кажется, что

еслибъ я твердо рѣшилъ, то могъ бы этого не дѣлать. Я начинаю съ непоколебимаго желанія не притворяться, но противъ воли, какъ только наступаетъ усиленіе, мнѣ кажется, что я симулирую». Легко понять, что этотъ родъ симуляціи явленія, совершенно сливается съ дѣйствительностью самаго явленія. Автоматизмъ доказывается ужъ однимъ тѣмъ фактомъ, что особы, вполне добросовѣстныя, не могутъ поступать иначе, какъ автоматы. Нужды нѣтъ, что онѣ воображаютъ, будто могутъ сопротивляться. Онѣ не сопротивляются. Этотъ фактъ и долженъ быть принятъ во вниманіе, а не иллюзія, которую онѣ питаютъ на счетъ своей, якобы, способности сопротивленія.

Мы видимъ такимъ образомъ, что возраженія, рѣзкія въ прежнія времена, но робкія въ настоящее, — возраженія, направленные противъ дѣйствительности сомнамбулизма, не имѣютъ никакого вѣса, въ сравненіи съ многочисленными положительными данными, приведенными выше и еще ни кѣмъ до сихъ поръ не опровергнутыми.

Въ самомъ дѣлѣ, хотя намъ и не достаетъ абсолютнаго доказательства, но мы имѣемъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ, указывающихъ на полнѣйшую несостоятельность предположенія о симуляціи. Научный скептицизмъ отличная вещь; но не слѣдуетъ его доводить до того, чтобы во всемъ видѣть мистификацію и обманъ. Предполагать, что сотни изслѣдователей, благоразумныхъ и обыкновенно осто-

рожныхъ, позволять ввести себя въ заблужденіе продолжительной мистификаціей, — что эта мистификація постоянно повторяется, не принося симулянтамъ ничего, кромѣ несносныхъ мученій, — что она неизмѣнно возобновляется въ теченіи цѣлаго столѣтія въ различныхъ странахъ, — предполагать все это, значить впадать въ крайность. Каждому, ознакомившемуся съ настоящимъ вопросомъ, такъ же смѣшно сомнѣваться въ существованіи сомнамбулизма, какъ и въ существованіи эпилепсіи

Впрочемъ, если есть еще люди сомнѣвающіеся, то имъ стоитъ только самимъ взяться за дѣло, самимъ изслѣдовать, экспериментировать и они скоро убѣдятся въ неосновательности своихъ сомнѣній, настолько факты ясны, рѣзки, и такъ краснорѣчиво они говорятъ сами за себя. (См. прибавленіе I-е).

II.

Симптомы.

Періодъ онѣмѣнія.— Періодъ возбужденія.— Галлюцинаціи.— Характеръ этихъ галлюцинацій.— Внушенныя идеи.— Автоматизмъ.— Аффективное и умственное состояніе.— Память.— Амнезія частная и общая.— Память дѣятельная и пассивная.— Различіе между сомнамбулизмомъ нормальныхъ субъектовъ и сомнамбулизмомъ истеричныхъ.— Контрактура, катаlepsія, анестезія.— Роль магнетизма въ медицинѣ.

Всѣмъ извѣстно, что обыкновенный сонъ имѣетъ нѣсколько градаций: — состояніе дремоты, предшествующее настоящему сну, глубокій сонъ первыхъ часовъ ночи и, наконецъ, легкій утренній сонъ. Между этими тремя степенями существуютъ неуловимые переходы. Но это не устраняетъ, однако, полезности классификаціи, облегчающей изложеніе предмета и болѣе точное описаніе его.

Точно также мы можемъ установить три степени, три періода и для сомнамбулизма. Это именно тѣ фазисы, тѣ пункты, которые постепенно проходить

усыпляемый, чтобъ достигнуть, въ концѣ концовъ, глубокаго, полнаго сна. Отъ большей или меньшей продолжительности магнетическихъ приемовъ зависитъ проявленіе первой, второй и третьей степени сомнамбулизма.

Первую степень мы назовемъ періодомъ онѣмѣнія.

Вторую — періодомъ возбужденія.

Третью — періодомъ оцѣпенѣнія или окоченѣнія.

1-я степень. — Если, согласно тѣмъ смѣшнымъ эмпирическимъ приемамъ, которые считаются необходимыми, чтобы вызвать магнетическія явленія, мы станемъ дѣлать пассы надъ головой и лбомъ особы, подлежащей усыпленію, то послѣ пяти-пятнадцати минутъ, разъ субъектъ сколько нибудь воспріимчивъ, замѣтимъ, что въ немъ происходятъ глубокія измѣненія. Лицо вытягивается, глаза закрываются, отяжелѣвшія руки падаютъ на кресло. Взрывы хохота и шутки вначалѣ сеанса, уступаютъ мѣсто молчанію, прерываемому только отвѣтами на задаваемые вопросы. Это молчаніе весьма характерно. Субъекты, которыхъ въ первый разъ усыпляютъ, много говорятъ, смѣются и ажитируются въ началѣ опыта; но мало по малу ихъ словоохотливость и ажитация смѣняются упорнымъ молчаніемъ. По мѣрѣ продолженія пассовъ, усыпляемый старается поднять вѣки; но, отяжелѣвъ, онѣ вскорѣ закрываются и вообще не могутъ долго оставаться открытыми. При этомъ иногда наблюдается любопытный фактъ: чтобы открыть глаза,

пациентъ пытается сократить мышцы, поднимающія вѣки; но такъ какъ эти мышцы парализуются первыми, то вѣки остаются опущенными. Тогда онъ старается приподнять глазную завѣсу дѣйствіемъ однородныхъ мускуловъ — мускулами бровей и, въ особенности, лобныхъ мышцъ, что вызываетъ морщины на лбу и странныя гримасы. — Дыханіе спокойное и правильное; члены становятся совершенно инертными, но не смотря на эту инертность, мышцы испытываютъ фибрилярныя сокращенія, въ чемъ легко убѣдиться, если обхватить руку подлѣ кисти, какъ при ощупываніи пульса. Руки и ноги пребываютъ неподвижно въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ находились вначалѣ сеанса. Что же касается лица, то это настоящая маска, не обнаруживающая никакого внутренняго волненія.

Кромѣ этихъ измѣненій, наблюдаются еще два симптома, если и не постоянныхъ, то по крайней мѣрѣ весьма частыхъ. Дыханіе, хотя и достаточно правильное, становится тяжелымъ. Пациентъ какъ бы испытываетъ стѣсненіе, одышку. Онъ чувствуетъ въ груди тяжесть; тѣмъ не менѣе, ритмъ дыханія почти не измѣняется. Глаза краснѣютъ и заливаются слезой. Однако, это не зависитъ отъ утомленія сѣтчатой оболочки или отъ фиксированія зрѣнія. Такъ, если у субъектовъ, сколько нибудь впечатлительныхъ, дѣлать пассы надъ головой сзади, чтобъ не утомлять зрѣнія, они, тѣмъ не менѣе, испытываютъ то же ощущение жара и покалыванія въ глазахъ. Даже у субъектовъ мало воспримчивыхъ

весьма рѣдко отсутствуетъ этотъ характерный симптомъ.

Нетерпѣливое желаніе пациента открыть вѣки, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, весьма замѣчательно. Тогда какъ всѣ отправленія ума и воли налицо, вѣки остаются закрытыми и нѣтъ возможности ихъ приподнять. Я раза два или три наблюдалъ это явленіе; однажды, между прочимъ, у моего друга Р... когда я еще не могъ вполне его усыпить: Онъ совсѣмъ не спалъ — могъ вставать, ходить взадъ и впередъ по комнатѣ; но не могъ открыть вѣки.)

Иногда наблюдается также другое, весьма глубокое измѣненіе въ нервной системѣ: Со времени изслѣдованій, произведенныхъ мною съ Бриссо *), стало извѣстнымъ, что у истеричныхъ, страдающихъ тяжелой истеріей (*hysteria major*), различные мускулы могутъ, вслѣдствіе простаго раздраженія, впадать въ состояніе контрактуры. Напримѣръ, если вытянуть сильно руку у истеричной, такимъ образомъ, чтобы подѣйствовать на трехглавую мышцу, то мышцу эту немедленно сводить и она уже не можетъ ослабнуть подъ вліяніемъ воли.

Это же явленіе можетъ быть вызвано послѣ нѣсколькихъ минутъ магнетизированія и у такихъ субъектовъ, у которыхъ до магнетизированія оно отсутствуетъ. Я наблюдалъ его самымъ яснымъ образомъ на различныхъ субъектахъ. На одного изъ

*) Progrès medical, mai-juin 1880. Faits pour servir contractures.

субъектовъ, котораго я тщетно пытался усыпить въ теченіи десяти минутъ, пассы, повидимому, не оказывали никакого вліянія. Онъ не засыпалъ и смѣялся надъ моими напрасными усиліями. Но когда я вытянулъ ему обѣ руки, онъ не могъ ихъ согнуть. Точно также я вызывалъ контрактуру въ сосцово-грудиной мышцѣ, двигательныхъ мышцахъ глаза, пальцевъ, флекторахъ (сгибающихъ мышцахъ) и т. п. Онъ сравнивалъ себя съ механической куклой, такъ какъ его одеревенѣлые члены могли производить только неровныя, отрывочныя движенія. Тутъ, повидимому, существуетъ нѣкоторое отношеніе между дѣйствіемъ магнетизма и тяжелой истерикой *).

На другихъ субъектахъ я тоже замѣчалъ это сведеніе мышцъ; но, вообще говоря, въ первомъ періодѣ сомнамбулическаго состоянія подобные симптомы отсутствуютъ и все ограничивается болѣе или менѣе полнымъ онѣмѣніемъ. Сознаніе и память сохраняются вполнѣ; всѣ внѣшнія событія воспринимаются отчетливо; никакой катаlepsii или анестезіи. Если въ это время сказать пациенту: «Ну,

*) Я не стану распространяться о любопытныхъ симптомахъ, подмѣченныхъ мною у этой личности, такъ какъ они значительно отличаются отъ всего, что мнѣ приходилось наблюдать до сихъ поръ. У этого субъекта вызывались безусловно всѣ явленія сомнамбулизма, за исключеніемъ сна. Память, сознаніе сохранялись. Никакого видимаго измѣненія. Глаза открыты; воля, казалось, не подавлена. И тѣмъ не менѣе у него можно было констатировать нѣкоторыя явленія рѣзко выраженнаго автоматизма, внушенныхъ идей, экстаза.

довольно, вставайте!» Онъ встаетъ, протираетъ глаза и начинаетъ увѣрять, что не подвергался никакому вліянію. И дѣйствительно, онъ не терялъ ни на одну минуту сознанія своего положенія и хорошо помнилъ, что происходило съ нимъ. Самое большее, что онъ ощущаетъ это нѣкоторое утомленіе въ рукахъ и ногахъ, нѣкоторую тяжесть въ груди, усталость въ глазахъ, слабость и дрожь въ мускулахъ *). (См прибавленіе II-е).

Но возможно ли утверждать, въ виду такой скудости результатовъ, что организмъ не испытываетъ никакихъ измѣненій? Конечно, нѣтъ! Въ самомъ дѣлѣ, если на слѣдующій день повторить тѣ же опыты, то данный результатъ достигается уже гораздо скорѣе. Предположимъ, что въ первый день потребовалось пятнадцать минутъ для того, чтобы вызвать нѣкоторое состояніе онѣмбнія; на второй день для этого потребуется только десять минутъ, на третій — пять и т. д. Стало быть, въ нервной системѣ происходитъ нѣкоторая перемѣна; вырабатывается своего рода привычка, благодаря которой, состояніе сомнамбулизма, послѣ нѣсколькихъ предшествующихъ сеансовъ, вызывается легче и скорѣе, нежели вначалѣ. Это доказываетъ съ очевидной ясностью, что даже въ случаѣ отсутствія

*) Я тоже самое испыталъ на себѣ, когда магнетизеръ старался усыпить меня: Онъ не добился никакого опредѣленнаго результата; но я чувствовалъ сильную усталость, ноги подгибались и я едва могъ на нихъ держаться.

полнаго усыпленія, пассы тѣмъ не менѣе оказываютъ замѣтное вліяніе на нервную систему.

Въ большинствѣ случаевъ, первый опытъ почти никогда не удается; но не слѣдуетъ отчаиваться, тѣмъ болѣе, что два или три начальныхъ сеанса носятъ чисто подготовительный характеръ. Субъектъ становится раздражительнѣе и чувствительнѣе, такъ что, по всему вѣроятію, въ одномъ изъ слѣдующихъ сеансовъ онъ уже заснетъ.

Я беру даже на себя смѣлость утверждать, что по прошествіи пяти или шести послѣдовательныхъ опытовъ (т. е. черезъ день или два) можно, въ концѣ концовъ, вызвать состояніе сомнамбулизма второй степени, какова бы ни была особа, подлежащая опыту.

Наконецъ, важно также замѣтить, что магнетическіе пассы дѣйствуютъ успокоивающимъ образомъ на лицъ нервныхъ, взволнованныхъ, или страдающихъ бессонницею. Я даже замѣчалъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда не удается немедленно вызвать сомнамбулизма, въ ночь, слѣдующую за сеансомъ, обыкновенный сонъ бываетъ спокойный и глубокий.

Если вмѣсто пассовъ пытаются вызвать сонъ фиксированіемъ зрѣнія на блестящемъ предметѣ, то также получаютъ нѣкоторые результаты, хотя и отличающіеся отъ сомнамбулизма, вызываемаго пассами: глаза слезятся и наливаются кровью, слѣзчатая оболочка утомляется, изображенія предметовъ исчезаютъ съ поля зрѣнія. Рука, держащая бле-

стоящій предметъ, становится не ясной, самый предметъ расплывается, и особа, которую хотять усыпить, становится болѣе или менѣе нечувствительной къ болевымъ ощущеніямъ.

Другой важный внѣшній признакъ, на который Гейденгайнъ и Грюднеръ обращаютъ вниманіе, это контрактура (сведеніе) круговой рѣсничной мышцы. Разстояніе, на которое простирается область зрѣнія, уменьшается. Вслѣдствіе чрезмѣрнаго сокращенія названной мышцы, письмо, которое можно было прежде читать на дальномъ разстояніи, разбирается только вблизи. Отдаленные пункты совершенно исчезаютъ съ поля зрѣнія. Одновременно съ близорукостью, замѣчается также расширеніе зрачковъ и, до нѣкоторой степени, выпучиваніе глазъ. Совокупность этихъ явленій позволяетъ заключить, что въ самомъ началѣ, подъ вліяніемъ гипнотизаціи, большой блуждающій нервъ испытываетъ раздраженіе.

Само собою разумѣется, что эти явленія измѣняются соотвѣтственно лицамъ. Но нѣтъ, однако, такого человѣка, на котораго безусловно нельзя было бы повліять. Поэтому слѣдуетъ, не теряя терпѣнія, дѣлать какъ можно болѣе новыхъ опытовъ надъ каждымъ, кто только изъявитъ свое согласіе. Весьма рѣдко, чтобы серьезный магнетическій сеансъ не далъ никакихъ результатовъ, потому что даже въ томъ случаѣ, когда не удастся вызвать полного, продолжительнаго сна, всегда проявляются легкіе,

преходящие симптомы, изучение которых весьма интересно и поучительно.

2-я степень. По мнѣнію большинства авторовъ, сомнамбулизмъ въ дѣйствительности наступаетъ со втораго періода. Я предлагаю назвать его періодомъ возбужденія, потому что тутъ, вообще, господствуетъ умственное возбужденіе (гиперидіація).

Наступленіе этого періода обозначается тѣмъ, что пациентъ не можетъ болѣе открыть глазъ; не отвѣчаетъ на задаваемые ему вопросы; не пытается встать и остается нечувствительнымъ къ внѣшнему раздраженію. Кромѣ того, если въ эту минуту его спросить, въ какомъ онъ находится положеніи, онъ охотно отвѣтитъ, что спитъ, какъ бы сознавая свое физическое состояніе. Я настаиваю на этомъ весьма важномъ фактѣ, указывающемъ на совершенно особенное умственное состояніе: усыпленные субъекты знаютъ, что они спятъ.)

Анестезія, какъ и каталепсія, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ обнаруживаются въ совершенномъ видѣ; но въ настоящую минуту я не буду заниматься этими явленіями, такъ какъ они гораздо рѣзче выступаютъ въ третьемъ періодѣ сомнамбулизма, періодѣ оцѣпенѣнія, и ограничусь пока только психическими явленіями.

Уже одинъ тотъ фактъ, что пациентъ отвѣчаетъ на задаваемые ему вопросы, устанавливаетъ существенную разницу между сомнамбуломъ и субъек-

томъ, погруженнымъ въ обыкновенный сонъ. Если обратиться къ послѣднему съ какимъ-нибудь вопросомъ, напримѣръ: спать ли онъ, то случится одно изъ двухъ: или онъ совсѣмъ не отвѣтитъ, или проснется; но ни въ какомъ случаѣ не скажетъ, что спитъ. Напротивъ, сомнамбуль можетъ въ состояніи сна отвѣтить, что онъ спитъ, и способенъ, не пробуждаясь, разговаривать съ окружающими его лицами. Вотъ характеристическая черта сомнамбулическаго сна, едва ли встрѣчающаяся при какомъ-либо другомъ умственномъ состояніи.

Благодаря этой возможности поддерживать разговоръ съ усыпленными сомнамбулами, не трудно составить себѣ весьма точное понятіе объ ихъ умственномъ состояніи. Необходимо, однако, много терпѣнія и даже настойчивости, чтобы заставить ихъ говорить, такъ какъ они отличаются естественной склонностью къ умственной инерціи; но при нѣкоторой настойчивости можно добиться нѣсколькихъ отвѣтовъ, и чѣмъ чаще субъектъ подвергается усыпленію, тѣмъ яснѣе его отвѣты.

а. Галлюцинаціи. Мои наблюденія были прежде всего сосредоточены на явленіяхъ галлюцинаціи. Я, напримѣръ, говорилъ моему другу Р...: «Вотъ мои часы, онѣ въ твоей рукѣ!» Онъ тотчасъ же видѣлъ ихъ, видѣлъ циферблатъ и стрѣлки, хотя никогда не указывалъ, въ какую сторону циферблата я перевелъ стрѣлки. Это просто значитъ, что подъ вліяніемъ психическаго состоянія, свойственнаго сомнамбуламъ, вызванное воображеніе рисуетъ

предметы въ ихъ осязательной, а не отвлеченной формѣ.

У всѣхъ сомнамбуловъ каждый разъ, какъ вызывается то или другое представленіе, оно немедленно воплощается въ осязательный образъ. Лица, наименѣе знакомыя съ самыми обычными проявленіями магнетизма, всегда употребляютъ во снѣ такія выраженія: «Я вижу, я не вижу, я не ясно различаю», словно каждый воображаемый предметъ облекся въ видимую форму и является уму только въ этой формѣ.

Воображенія иногда такъ живы и точны, что отождествляются съ дѣйствительностью. Я могъ бы привести много примѣровъ въ подтвержденіе этого. Такъ, когда я говорилъ моему другу Р...: «Посмотри на этого льва», Р... начиналъ беспокоиться, его фигура выражала сильный испугъ: «Но вѣдь онъ идетъ сюда, онъ приближается. Уйдемъ скорѣе, скорѣе...» И Р... метался въ своемъ креслѣ; подъ вліяніемъ страха, съ нимъ дѣлался почти нервный припадокъ.

Магнетизеры заставляютъ переноситься замagnetизированныхъ черезъ пространства; совершать путешествія и дѣлаютъ ихъ свидѣтелями событій, происходящихъ вдали отъ нихъ. Фактъ несомнѣнный. Но ошибочно было бы отождествлять подобныя грезы съ дѣйствительностью и думать, что эти видѣнія находятся въ какомъ-нибудь отношеніи къ внѣшнимъ событіямъ. Напримѣръ, когда я говорилъ одной больной изъ больницы Божонъ: «Пойдемте со мною; мы

выйдемъ отсюда и отправимся путешествовать», она послѣдовательно начинала описывать тѣ мѣста, по которымъ проходила: корридоры госпиталя, улицы, ведущія къ вокзалу желѣзной дороги; затѣмъ больная приходила на станцію, и такъ какъ она знала весь этотъ путь, то довольно точно описывала подробности, представлявшіяся ей возбужденными воображеніемъ и памятью въ реальныхъ образахъ. Потомъ, моментально больную можно было перенести въ отдаленную, совершенно ей неизвѣстную мѣстность, напримѣръ, на берега озера Комо или въ область полярныхъ льдинъ. Ея воображеніе, ничѣмъ въ этомъ случаѣ не стѣсняемое, предавалось вымысламъ, не лишеннымъ обаянія и интереса, вслѣдствіе ихъ кажущейся правдивости. Мы всегда удивлялись той живости, съ которой она воспринимала эти воображаемые впечатлѣнія. Можно легко измѣнить теченіе этихъ искусственныхъ грезъ и перенести усыпленную, напримѣръ, въ кругъ ея семьи, ея родныхъ. Тогда она видитъ свою мать, своихъ братьевъ, занятыхъ обычной работой; они входятъ и выходятъ изъ комнаты; она слышитъ ихъ разговоры, видитъ ихъ читающими, шьющими и т. п. Но, что доказываетъ полную субъективность подобныхъ явленій (хотя и доказывать тутъ нечего), это то, что, по своему желанію, я могъ вводить въ комнату кого хотѣлъ и могъ руководить дѣйствіями личностей, которыхъ видѣла больная, какъ мнѣ было угодно.

Со всѣми гипнотизированными я получалъ тож-

дественные результаты. Мой другъ Ф... давно уже находился въ разлукѣ съ своей матерью. Когда онъ былъ усыпленъ, я предложилъ ему показать его мать; онъ немедленно согласился. «Я ее вижу, я ее вижу», воскликнулъ Ф... «Она работаетъ, она обо мнѣ думаетъ!» И слезы радости заблестали на его глазахъ. Но вдругъ радость смѣнилась горемъ. «Увы! воскликнулъ онъ, она не можетъ меня видѣть!» И Ф... волновался и приходилъ въ отчаяніе...

Когда заставляютъ сомнамбуловъ совершать путешествіе по извѣстнымъ имъ мѣстамъ, они видятъ людей, идущихъ взадъ и впередъ, описываютъ ихъ дѣйствія, жесты; хотя, тѣмъ не менѣе, очень хорошо понимаютъ, что все это галлюцинаціи, воображаемая видѣнія. В..., будучи усыплена, воображала, что она въ Трувиллѣ, и видѣла на морскомъ прибрежьи своихъ родныхъ — мать и сестру. «Ну, заговорите съ ними!» сказалъ я ей. — «Какъ же я могу съ ними заговорить, возразила она, если меня тамъ нѣтъ!»

У нѣкоторыхъ сомнамбуловъ наблюдается, однако, иное: М... вступала въ разговоры съ воображаемыми лицами. Разъ она грезила тѣмъ, что султанъ предлагалъ ей поступить въ его гаремъ. М..., въ одно и то же время, говорила за него и за себя; она говорила громко, когда отвѣчала за себя, и едва шевелила губами, когда обращался къ ней съ вопросомъ султанъ, какъ это иногда дѣлаютъ инстинктивно, слѣдя со вниманіемъ за рѣчью собесѣдника.

Можно замѣнить путешествія, другими, болѣе или менѣе фантастичными вымыслами. Однажды одна изъ больныхъ Божона, будучи усыпленной, грезила кладбищемъ. Дойдя до рѣшетки той могилы, которую хотѣла посѣтить больная, она остановилась, объявивъ, что далѣе идти не можетъ. Однако, я ей приказалъ идти дальше, открыть рѣшетку, войти въ могилу и приподнять доски гроба. Въ ту же минуту ее охватило такое волненіе, такой ужасъ, она почувствовала такое отвращеніе, что я никогда не забуду того выраженія, которое появилось на ея лицѣ. Слѣдствіемъ этого волненія — слишкомъ сильнаго, сознаюсь — былъ нервный припадокъ, длившійся около часа, и который съ трудомъ мнѣ удалось остановить.

Я всегда съ удивленіемъ констатировалъ живость воспримчивости усыпленныхъ субъектовъ. Такъ, напримѣръ, я говорилъ моему другу Ф...: «Идемъ со мной, мы отправимся на воздушномъ шарѣ... Мы поднимаемся, мы на лунѣ!» И по мѣрѣ того, какъ я говорилъ, онъ видѣлъ всѣ перипетіи этого фантастическаго путешествія. Вдругъ Ф... расхохотался: «Посмотри-ка, воскликнулъ онъ, посмотри на этотъ громадный блестящій шаръ, вонъ тамъ, внизу!» Его воображенію рисовалась, въ этомъ видѣ, наша планета. Онъ видѣлъ также фантастическихъ животныхъ, и такъ какъ я изъявилъ желаніе взять ихъ съ собою, то онъ сказалъ мнѣ: «Какъ это на тебя похоже; ты еще самъ не знаешь, какимъ образомъ мы спустимся внизъ, на землю,

а хочешь тащить съ собою этихъ огромныхъ звѣрей»... Онъ говорилъ это пресерьезно и даже сердился: «Ну, бери ихъ, если тебѣ хочется, повторялъ онъ; но я не желаю съ ними возиться». Тѣмъ не менѣе, Ф... вполне понималъ всю странность этихъ видѣній... «Какое интересное повѣствованіе можно было бы написать объ этомъ путешествіи! восклицалъ онъ; но, къ несчастію, намъ никто не повѣритъ». Когда пришлось возвращаться, я сказалъ, что мы спустимся внизъ на рукахъ, по протянутой къ землѣ веревкѣ. Во время этого опаснаго путешествія Ф... вдругъ остановилъ меня, сказавъ, что веревка обожгла ему руки.— Всѣ эти грезы представлялись Ф... въ видѣ реальныхъ образовъ, что и не позволяло ему сомнѣваться въ ихъ дѣйствительности. Какъ галлюцинировать не можетъ не вѣрить всѣмъ причудливымъ измышленіямъ своего больнаго мозга, такъ точно и сомнамбулъ не сомнѣвается въ грезахъ, являющихся ему въ воплощенныхъ, осязательныхъ формахъ.

Такимъ же образомъ можно увѣрить усыпленныхъ субъектовъ, что они превратились въ то или другое животное; что носъ ихъ необыкновенно увеличился; что у нихъ три руки, одинъ глазъ и т. п. Всѣ эти нелѣпости немедленно отождествляются съ дѣйствительностью.—

Теперь мы обратимся къ другой группѣ симптомовъ, выступающихъ гораздо рѣзче, чѣмъ въ обычныхъ сновидѣніяхъ. Всякому извѣстно, что во снѣ часто возникаютъ ощущенія въ зависимости

отъ тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ дѣйствій или влiяній. Напримѣръ, кто озябъ во снѣ, тому грезится зима и наоборотъ, кому жарко, тотъ видитъ во снѣ лѣто. Нѣтъ ничего легче, какъ наблюдать у сомнамбуловъ аналогичныя явленiя. Такъ, я разъ сказалъ одной изъ больныхъ Божона, чтобъ она курила; нѣсколько минутъ спустя, я ужъ забылъ объ этомъ. Вдругъ больная принялась сильно кашлять, и когда я спросилъ у нея причину ея кашля, она стала меня увѣрять, что это отъ табачнаго дыму. Когда я предлагалъ ей взобраться со мною на вершину башни, она испытывала усталость отъ подъема; а если я приказывалъ ей броситься съ башни внизъ, больной казалось, что она падаетъ; она чувствовала себя расшибленной и жаловалась на боли во всѣхъ членахъ. (Кто изъ насъ не испытывалъ въ дремахъ аналогичныхъ ощущенiй?). Другой больной, тоже усыпленной, я сказалъ, что вырываю у нея зубъ, и бѣдная дѣвушка немедленно вскрикнула отъ боли, какъ будто бы я дѣйствительно произвелъ эту операцiю. Когда я усыпилъ миссъ С..., то, снисходя къ ея желанiю, предложилъ ей отправиться на пароходѣ въ Нью-Йоркъ; видъ корабля возбудилъ въ ней сильный восторгъ: «Слышите, какъ онъ свиститъ?» Но вскорѣ она поблѣднѣла и, откинувъ назадъ голову, стала жаловаться на тошноту, словно испытывала приступъ морской болѣзни.

Достоинно удивленiя, что весьма часто эта крайняя чувствительность психическаго возбужденiя,

совпадаетъ почти съ полной анестезіей. Интересно видѣть какое сильное отвращеніе высказываетъ сомнамбулка, какъ она задыхается, когда подносятъ къ ея носу пустой флаконъ съ предложениемъ понюхать аммиакъ, и, съ другой стороны, какъ безъ малѣйшаго признака неудовольствія она вдыхаетъ аммиакъ, если ей говорятъ, что это чистая вода. У нѣкоторыхъ лицъ, ничего нѣтъ легче какъ вызвать рвоту. Стоитъ только сказать: «какой противный запахъ». Можно также приглашать сомнамбуловъ на роскошные обѣды (конечно, воображаемые) и заставлять ихъ ѣсть самыя отвратительныя вещи, увѣряя ихъ, что, это наиболѣе изысканныя блюда. Я составлялъ въ больницѣ Боженьки отвратительный, хотя и безвредный напитокъ, изъ смѣси постнаго масла, чернилъ, кофе и вина; и усыпленные больные на перерывъ выпивали эту гадость, какъ только я имъ объявлялъ, что это отличный шоколадъ.

Абы могъ привести массу другихъ подобныхъ же фактовъ; но достаточно и предъидущихъ, чтобы составить себѣ представленіе о разсматриваемомъ явленіи, которое характеризуется тѣмъ, что въ состояніи сомнамбулизма, галлюцинаціи могутъ быть вызываемы. Это, такъ сказать, родъ внушенныхъ галлюцинацій, терминъ хотя и неправильный, но ясно выражающій самый фактъ.

в. Внушенные идеи (Suggestions) — Бредъ первый показалъ, что, сообщая членамъ то или другое опредѣленное положеніе, можно вызывать идеи,

а вслѣдствіе этого и галлюцинаціи, соотвѣтствующія данному положенію. Если, напримѣръ, сомнамбулу сжать пальцы въ кулакъ и вытянуть его руку, то немедленно черты лица и вся его фигура принимаютъ гнѣвное или угрожающее выраженіе. Если придать его рукамъ положеніе умоляющаго, то соотвѣтствующее выраженіе появляется на лицѣ, причеиъ онъ становится на колѣни, и все его существо проникнуто смиренной мольбой о пощадѣ.

Въ этомъ отношеніи въ особенности замѣчательна одна изъ больныхъ доктора Шарко въ Сальпетриерѣ, Ж.... Когда она усыплена, у нея легко вызываетъ помощью нѣкоторыхъ, самыхъ простыхъ жестовъ, цѣлый рядъ галлюцинацій. Если, напримѣръ, сдѣлать видъ, что рассыпаешь что-нибудь по полу (у этой больной, въ состояніи сомнамбулизма, глаза открыты) она воображаетъ, что передъ нею цвѣты, присѣдаетъ, чтобы собрать ихъ и, срывая одинъ за другимъ, кладетъ ихъ въ свой передникъ; затѣмъ, съ помощью воображаемой нитки, связываетъ ихъ въ букетъ и прикалываетъ къ своему корсажу. Если поднять ея правый указательный палецъ и вытянуть его горизонтально передъ глазами, ей кажется, что у нея на палецъ сѣла птичка. Ж... ласкаетъ ее и цѣлуетъ. Но стоитъ сдѣлать внезапное движеніе, и птичка слетаетъ. Сомнамбулка бѣгаетъ тогда по залу, слѣдя глазами за воображаемой птичкой. — Можно также соотвѣтствующими мимическими движеніями, заставить эту больную галлюцинировать змѣями, роетъ ось и т. д. Во всѣхъ

подобныхъ случаяхъ, явленія тѣже, что и въ предъидущихъ, только здѣсь галлюцинаціи вызываются не словесными внушеніями, а сообщаемой тѣлу позитурой, или постороннимъ жестомъ. Всего замѣчательнѣе, въ данномъ случаѣ, именно то, что единичная идея служитъ источникомъ всей совокупности галлюцинацій, вызываетъ цѣлый рядъ другихъ идей, въ полной зависимости отъ первой.

Одна изъ постоянныхъ особенностей разсматриваемыхъ галлюцинацій состоитъ въ томъ, что онѣ всегда сопровождаются соотвѣтствующей имъ общей позитурой тѣла и выраженіемъ лица. У сомнамбуловъ нѣтъ ни одной мысли, которую они могли бы скрыть. Человѣкъ въ нормальномъ состояніи, испытывая чувство страха, отвращенія или любви, можетъ подавить въ себѣ проявленіе этихъ чувствъ; его лицо не будетъ выражать ни испуга, ни отвращенія, ни любви. Воля даетъ ему возможность господства надъ чувствомъ, — дозволяетъ ему сдерживать проявленіе внутренняго, душевнаго состоянія. У сомнамбуловъ, напротивъ, отсутствуетъ подобная способность. Каждое чувство страха, выражается у нихъ соотвѣтствующими внѣшними знаками; тоже самое и со всѣми другими чувствами. Словомъ движеніе всегда въ совершенствѣ соотвѣтствуетъ идеи, и наоборотъ. Съ одной стороны извѣстное движеніе вызываетъ извѣстную идею; съ другой извѣстная идея вызываетъ всегда извѣстное движеніе (III).

И это явленіе обнаруживается не только при всякомъ характерномъ жестѣ, но даже когда жестъ

едва намѣченъ. Достаточно ничтожнаго импульса, чтобы сомнамбуль самъ довершилъ начатое движеніе и принялъ бы положеніе, которое кажется ему наиболѣе соотвѣтствующимъ начальному толчку. Словомъ, достаточно самаго незначительнаго импульса, самаго слабаго внушенія, чтобы привести въ дѣйствіе весь аппаратъ, служащій для выраженія нашихъ аффективныхъ чувствованій (IV).

Существуетъ однако цѣлая бездна, между весьма слабымъ внушеніемъ и нулевымъ т. е. совершенно не уловимымъ. Магнетизеры по профессіи утверждаютъ, что существуетъ задуманное внушеніе (*suggestion mentale*): По ихъ мнѣнію, магнетизированный субъектъ можетъ исполнять приказанія, задуманныя магнетизеромъ, хотя и не выраженные имъ тѣмъ или другимъ внѣшнимъ знакомъ. Я часто старался провѣрить истинность даннаго утвержденія, но ни разу мнѣ это не удавалось. Однако, несвязные результаты, полученные мною, даютъ мнѣ право заявить, что этотъ вопросъ не долженъ быть отвергаемъ *à priori*. Необходимы дальнѣйшія изслѣдованія и изысканія. Счастливы тѣ, которые могутъ довольствоваться простымъ отрицаніемъ факта и думать, что словами — «это невозможно» — сказано все.

с. Автоматизмъ. — Самое важное явленіе, господствующее надъ остальными, это автоматизмъ. Если спросить у усыпленнаго субъекта, о чемъ онъ думаетъ, онъ всегда отвѣтитъ, что ни о чемъ не думаетъ и что у него нѣтъ мыслей. Необходи-

димо понимать этотъ отвѣтъ въ буквальномъ смыслѣ. Сомнамбуль, дѣйствительно, ни о чемъ не думаетъ. Его умъ ничѣмъ не занятъ; въ немъ царствуетъ абсолютный мракъ. Эта психическая инерція выражается совершенной неподвижностью лица и отсутствіемъ волевыхъ движеній.

Но достаточно явиться среди такого глубокаго мрака какому нибудь образу, какой нибудь мысли, чтобы эта мысль стала господствующей и завладѣла всѣмъ воображеніемъ даннаго субъекта.

Психической инерціей объясняется, какъ живость впечатлѣній, такъ, до нѣкоторой степени, и самый автоматизмъ. Всѣмъ извѣстно, какъ сильно распространено среди несвѣдущихъ умовъ убѣжденіе въ полной подчиненности магнетизируемаго субъекта волѣ магнетизера. Въ этомъ убѣжденіи есть нѣкоторая доля правды; постараемся же прослѣдить, что справедливо въ немъ и что преувеличено.

Когда субъектъ усыпленъ, съ нимъ можно обращаться какъ съ настоящей машиной. Если ему говорить: «Встаньте, сядьте, поднимите руку, поднимите ногу, опустите руку, встаньте на колѣни» и т. д. безъконца, онъ все исполняетъ; это настоящій автоматъ, заведенная машина, повинующаяся безпрекословно и съ безпримѣрнымъ послушаніемъ.

Этотъ автоматизмъ можетъ быть выраженъ еще въ болѣе замѣчательной формѣ, для чего достаточно сообщить сомнамбулу какое-нибудь ритмическое движеніе; послѣднее будетъ продолжаться невольно.

и самъ сомнамбуль не въ состояніи остановить его. Напримѣръ, если раскачать у такого субъекта руку вдоль его тѣла и, затѣмъ, пустить ее, то рука будетъ продолжать качаться, на подобіе маятника, неопредѣленно долгое время. Постороннее лицо можетъ остановить это движеніе, но самъ усыпленный — никогда. Лицамъ знакомымъ съ физикою, хорошо извѣстно, что инерція матеріи проявляется какъ въ сохраненіи покоя, такъ и въ сохраненіи движенія.

Чѣмъ совершеннѣе сомнамбулическое воспитаніе субъекта, т. е. чѣмъ большее число разъ онъ былъ усыпляемъ, тѣмъ совершеннѣе обнаруживается автоматизмъ. Въ концѣ концовъ, магнетизируемый субъектъ не имѣетъ другихъ мыслей или побужденій кромѣ тѣхъ, какія пожелаетъ ему внушить усыпившее его лицо. Когда послѣдній говоритъ, сомнамбуль слушаетъ его внимательно, стараясь предвосхитить его мысли, сообразоваться съ его желаніями, исполнять его приказанія. Въ данномъ случаѣ, наблюдается любопытное вліяніе привычки: (Привычка повиноваться одному и тому же лицу превращается почти въ потребность и является какъ бы необходимымъ условіемъ мышленія.)

Безъ сомнѣнія, автоматизмъ представляетъ собою наиболѣе характерный симптомъ сомнамбулическаго состоянія. Это глубокое измѣненіе интеллекта проливаетъ, быть можетъ, нѣкоторый свѣтъ на природу сомнамбулизма. Мы еще вернемся къ настоящему

вопросу въ послѣдней главѣ, гдѣ попытаемся выяснить связь, существующую между различными симптомами даннаго состоянія.

d. Аффективное и умственное состояніе. Одинъ извѣстный романистъ рассказываетъ о сомнамбулкѣ, которая по пробужденіи, чувствовала сильную антипатію къ своему магнетизеру, во время же сомнамбулизма, наоборотъ, обнаруживала страстную любовь. Въ ней, стало быть, происходило какъ бы раздвоеніе личности. Въ состояніи усыпленія, она была совершенно другою, чѣмъ по пробужденіи. Этотъ рассказъ романиста не противорѣчитъ наблюдаемымъ фактамъ. Г. Азамъ подробно изложилъ исторію Фелиды X..., которая обнаруживала такое же раздвоеніе личности, какъ и героиня Жозефа Балъзамо.

Я наблюдалъ большое число сомнамбулокъ и могъ, въ свою очередь, подмѣтить глубокія измѣненія въ ихъ аффективномъ и умственномъ состояніи.

Моральная чувствительность крайне развита у всѣхъ сомнамбулокъ. Ничего нѣтъ легче какъ заставить ихъ плакать. Стоитъ лишь заговорить съ ними о какомъ-либо грустномъ событіи, о болѣзни, о смерти, о страданіи, и онѣ немедленно начинаютъ плакать, рыдать, что нерѣдко сопровождается сильнымъ возбужденіемъ, переходящимъ въ настоящій нервный припадокъ. Онѣ сочувствуютъ всякому постороннему горю, какъ бы относя къ себѣ всё страданія, о которыхъ имъ рассказываютъ. Онѣ не умѣютъ различать правды отъ вымысла. Трудно

найти другихъ, болѣе внимательныхъ и снисходительныхъ слушателей. Все что имъ говорятъ, принимается ими за чистую монету. Разъ, я сказалъ В..., чтобы она слушала оперу. Ей захотѣлось слышать Фауста, и нѣкоторое время она слушала съ видимымъ наслажденіемъ, шевеля губами и качая головой. Но вдругъ она закрыла лицо руками и зарыдала: «Нѣтъ, воскликнула она, я не сумасшедшая, я не хочу быть сумасшедшей!» Она, очевидно, воображала, что присутствуетъ при послѣднемъ актѣ Фауста, и отождествляла себя съ личностью Маргариты.

Но если сомнамбулки легко проливаютъ слезы надъ чужимъ несчастіемъ, онѣ и смѣются также весьма легко, и ихъ хохоть, какъ и слезы, оканчиваются все тѣмъ же возбужденіемъ; чаще всего, впрочемъ, онѣ сохраняютъ серьезность. Однако, весьма нетрудно вызвать у нихъ чувство восхищенія. Нѣсколько музыкальныхъ звуковъ приводятъ ихъ въ настоящій экстазъ. И кому хоть однажды приходилось быть свидѣтелемъ этого экстаза, тотъ никогда его не забудетъ, до того выразительна вся мимика усыпленного субъекта. Можно тоже заставить сомнамбулокъ пѣть; и хотя, повидимому, это занятіе имъ не нравится, но онѣ все-таки подъ конецъ повинуются. Онѣ поютъ глухимъ, взволнованнымъ, почти дрожащимъ голосомъ, и, кажется, проникнуты глубокимъ убѣжденіемъ въ трогательности своего пѣнія. Иногда это пѣніе оканчивается

слезами, а иногда субъектъ впадаетъ въ лирическое настроеніе, граничащее съ экстазомъ.

Хотя у всѣхъ сомнамбуловъ существуетъ умственная инертность, тѣмъ не менѣе, имъ какъ-бы присуще и умственное возбужденіе; но для того, чтобы послѣднее проявилось, необходимо пробудить усыпленный интеллектъ. Это достигается возбужденіемъ галлюцинацій. Тогда воображеніе развертывается вполнѣ и порождаетъ грезы, свидѣтельствующія о замѣчательной умственной дѣятельности даннаго субъекта. Бесѣды съ усыпленными субъектами весьма разнообразны и интересны. Обороты рѣчи женщинъ, принадлежащихъ къ простонародію, становятся почти изящными и красивыми, и выражаемая ими мысли не лишены нѣкоторой возвышенности. Въ больницѣ Божонъ, X..., горничная, личность весьма посредственнаго ума, соглашалась только пѣть аріи изъ Африканки, оперы, которую она слышала одинъ разъ въ своей жизни, что недостаточно, по моему, для ея усвоенія. Когда же я хотѣлъ заставить ее спѣть простонародную пѣсенку— «J'ai du bon tabac» или арію изъ «мадамъ Анго», — она презрительно улыбалась и пожимала плечами. Я часто замѣчалъ у сомнамбулокъ подобное презрѣніе къ пошлостямъ.

Какъ бы то ни было, но главное, господствующее явленіе, это автоматизмъ, благодаря которому весь умъ усыпленнаго субъекта повинуется тѣмъ мыслямъ, которыя вызываются въ немъ посторон-

нимъ внушеніемъ. Такъ напр., я говорю В...: «Приласкайте эту собаку». Она немедленно начинаетъ ласкать ее. Если собака увертывается, В... бѣжитъ за ней; если собака уходитъ изъ комнаты, и она старается слѣдомъ уйти. Если поставить кресло или скамейку, чтобъ помѣшать ей пройти, В... опрокидываетъ ихъ или съ гнѣвомъ отталкиваетъ. Но при первомъ знакѣ, она послушно останавливается, хотя и продолжаетъ волноваться отъ гнѣва и негодованія. Я могу дать ей какой-нибудь предметъ въ руки, напр. карандашъ, и сказать ей, чтобы она его никому не отдавала. Если, затѣмъ, кто-нибудь изъ присутствующихъ, попытается отнять у В... карандашъ, то она станетъ сопротивляться самымъ отчаяннымъ образомъ; будетъ бѣгать по комнатѣ, вырываться, кусаться, отбиваться руками и ногами, и при этомъ доходить до такого состоянія раздраженія и бѣшенства, о которомъ, не видя, невозможно составить себѣ никакого понятія. Магнетизеры по ремеслу, любятъ показывать публично подобныя сцены, а скептики воображаютъ, что это притворство. Конечно нѣтъ такого явленія, которое нельзя было бы симулировать, но сами по себѣ данныя явленія вполнѣ реальны и не нуждаются въ симуляціи. Усыпленный субъектъ, по видимому, сознаетъ лишь одну необходимость — исполнить полученное приказаніе. Одна идея проникаетъ въ его умъ и становится господствующей. Вокругъ одной свѣтлой мысли царствуетъ глубокій мракъ, а потому все, что противодѣйствуетъ осу-

ществленію данной идеи, вызываетъ гнѣвъ и возбужденное состояніе.) Если я скажу А..., чтобы она одѣлась и шла гулять, она немедленно отправляется за необходимыми предметами своего туалета; она сперва соображаетъ, а затѣмъ идетъ съ закрытыми глазами къ тому мѣсту, гдѣ должна лежать данная вещь. Обдумываніе происходитъ медленно, но за то самое дѣйствіе совершается весьма быстро. Если А... встрѣчаетъ препятствіе, въ видѣ не скоро отпирающагося замка, или запутаннаго шнурка, она выходитъ изъ себя, сердится и съ гнѣвомъ уничтожаетъ все, что мѣшаетъ исполненію ея намѣренія. Движенія ея лихорадочны и отрывисты, хотя и отличаются замѣчательной точностью. Иногда она останавливается, какъ бы утомленная производимыми усиліями. Но спустя нѣкоторое время, принимается за дѣло съ новымъ рвеніемъ. При этомъ она разговариваетъ сама съ собой, беспокоится о томъ, что подумаютъ когда она придетъ, воображаетъ, что опоздала; словомъ, всѣ силы ея существа обращены на возможно скорѣйшее и точнѣйшее исполненіе даннаго ей приказанія.

Впрочемъ, въ этомъ отношеніи замѣчается огромная разница между различными субъектами, и весьма трудно формулировать общее правило. Въ большинствѣ случаевъ, дѣло происходитъ именно вышеизложеннымъ образомъ. Чѣмъ чаще субъектъ подвергался усыпленію, тѣмъ легче наблюдается это приспособленіе всѣхъ мыслительныхъ способ-

ностей и всей чувствительности къ внушаемымъ идеямъ. Но и здѣсь, какъ и въ состояніи усыпленія, вызванномъ хлороформомъ или алкогольемъ, каждый данный субъектъ обнаруживаетъ индивидуальныя особенности. Воспріятіе различно, и я никогда не встрѣчалъ двухъ сомнамбуловъ, которые вели бы себя вполне одинаково. Любопытно, однако, что у одной и той же личности, магнетическій сонъ всегда проявляется одинаково; при томъ, чѣмъ чаще усыпленіе, тѣмъ яснѣе и рельефнѣе выступаютъ явленія и тѣмъ глубже самый сонъ. Въ послѣднемъ случаѣ только и возможно производить цѣнныя психологическія наблюденія, потому что первые результаты бываютъ обыкновенно неясны и сбивчивы, вслѣдствіе своей крайней безпорядочности.

Я часто пытался провѣрить фактъ, о которомъ говорятъ многіе авторы, именно о проявленіи во время магнетическаго сна гиперестезіи (чрезвычайной обостренности чувствъ), благодаря которой легко воспринимаются самыя слабыя впечатлѣнія, неуловимыя въ нормальномъ состояніи. Но, сказать правду, мнѣ не удавалось добиться рѣшительныхъ результатовъ. Напримѣръ, говоря самымъ тихимъ шопотомъ, я не замѣчалъ, чтобы усыпленная особа лучше слышала, чѣмъ по пробужденіи. Въ госпиталѣ Божонъ, я усыплялъ N... вечеромъ около шести часовъ. Я ей приказывалъ спать, вытянувъ надъ головой руку съ какимъ нибудь предметомъ.

Я производилъ эти опыты на своихъ ночныхъ

дежурствахъ; и разъ пять или шесть въ теченіи ночи, безъ свѣчи, старался неслышными шагами подкрасться къ ней. Но, при всей осторожности, больная всякій разъ слышала мое приближеніе. Я ее заставлялъ постоянно въ одномъ и томъ же положеніи: она держала руку съ предметомъ надъ головой. Этотъ опытъ весьма интересенъ, во-первыхъ, съ точки зрѣнія необыкновенной трудности симуляціи, а во-вторыхъ, потому, что онъ свидѣтельствуеетъ о нѣкоторой ненормальной обостренности чувствъ. Я нѣсколько разъ повторялъ на томъ же субъектѣ этотъ экспериментъ, и одинъ изъ моихъ коллегъ въ больницѣ, повторивъ его въ свою очередь, получилъ тотъ же результатъ.

У одного изъ моихъ пріятелей, д-ра Л***, магнетическіе пассы вызывали весьма странное состояніе гиперестезіи: его никогда не могли усыпить; глаза у него оставались постоянно открытыми, память и сознаніе не обнаруживали ни малѣйшихъ измѣненій, но чувствительность обострялась до такой степени, что самое легкое прикосновеніе къ кожѣ вызывало въ немъ ощущеніе сильнѣйшей боли. Онъ вскакивалъ съ мѣста и подпрыгивалъ, точно серьезно раненый. Подобное состояніе аналогично состоянію лягушки, отравленной стрихниномъ. —

Измѣненія въ сферѣ памяти представляютъ, въ свою очередь, большой интересъ и дозволяютъ точнѣе опредѣлить условія проявленія данной способности въ нормальномъ состояніи.

Прежде всего необходимо различать активную

память отъ пассивной. Эти двѣ различныя способности, хотя и извѣстны подѣ однимъ общимъ именемъ памяти, далеко не тождественны. Дѣятельная или активная память, это способность удерживать, запечатлѣвать въ умѣ факты и слова, воспринимаемые нашими чувствами. Пассивная память, это способность пробуждать въ умѣ прошлые образы, воскрешать вновь факты и слова, ранѣе воспринятыя нашими чувствами. У сомнамбуловъ пассивная память (способность припоминанія) изошрена, между тѣмъ какъ активная (способность запоминанія) — подавлена и почти отсутствуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, по пробужденіи, субъектъ ничего не помнитъ изъ того, что онъ дѣлалъ, говорилъ или слышалъ въ сомнамбулическомъ снѣ; повидимому, въ его памяти не удерживается ни малѣйшаго слѣда изъ происшедшаго. Если, напримѣръ, данный субъектъ въ состояніи усыпленія всталъ и одѣлся, то онъ съ величайшимъ удивленіемъ осматриваетъ свою одежду, глядитъ растеряннымъ взглядомъ на окружающихъ и отказывается вѣрить, чтобы это онъ совершилъ самъ въ сомнамбулическомъ снѣ. Такъ какъ, съ психологической точки зрѣнія, время измѣряется нашими воспоминаніями, то подобный субъектъ очевидно вполне утрачиваетъ способность оцѣнки пройденнаго времени. (Для него минута пробужденія совпадаетъ съ минутой усыпленія.) Миссъ С... говорила намъ, что послѣднее, что она помнитъ, это ваза съ цвѣтами на каминѣ:

«Вдругъ я перестала ее видѣть, хотя мой обморокъ и продолжался не болѣе секунды».

Въ своемъ первомъ сочиненіи объ искусственно вызываемомъ сомнамбулизмѣ, изданномъ въ 1875 году, я утверждалъ, что потеря памяти составляетъ фактъ постоянный. Это явное преувеличеніе. Память не вполне исчезаетъ, она только становится неясной и неопредѣленной; но стоитъ лишь навести данное лицо на слѣдъ и память немедленно восстанавливается.) Гейденгайнъ приводитъ нѣсколько примѣровъ подобнаго восстановленія памяти. Усыпивъ своего брата, онъ прочиталъ ему слѣдующій стихъ Гомера:

Ποῖόν σε ἔπος φύγεν ἕρκος ὀδοῦτων.

Затѣмъ онъ его разбудилъ. Чтобы воскресить въ его памяти эти стихи, ему стоило только сказать: «Гомеръ... бѣгство», и немедленно молодой Гейденгайнъ повторилъ, слово въ слово, слышанный стихъ. Я могъ пробудить у Ф... воспоминаніе о томъ, что онъ дѣлалъ. Вначалѣ онъ обыкновенно утверждалъ, что рѣшительно ничего не помнить. Но когда я напоминалъ ему, на примѣръ, что онъ вставалъ и что онъ испугался: «Ахъ да, помню, — говорилъ онъ — ты мнѣ показывалъ змѣю». Во всякомъ случаѣ, чтобы воскресить воспоминаніе о случившемся не слѣдуетъ откладывать въ долгій ящикъ, потому что на другой или третій день все уже улетучивается. Не то ли же самое наблю-

дается и въ обыкновенномъ снѣ. При внезапномъ пробужденіи, въ первую минуту можно припомнить то, что сейчасъ видѣлъ во снѣ, но по истеченіи нѣсколькихъ минутъ все улетучивается изъ памяти и только случайно, въ теченіи дня, припоминаются отрывки сновидѣнія; въ моментъ же пробужденія легко было бы припомнить его почти весь цѣликомъ.

Мнѣ удавалось, хотя гораздо рѣже, наблюдать еще другое, весьма странное явленіе: Л..., крайне чувствительная особа, ничего не помнила изъ того, что она дѣлала, слышала или говорила въ сомнамбулическомъ снѣ. Однако, она не теряла совсѣмъ памяти, что доказывается слѣдующимъ фактомъ: Л... обыкновенно весьма мало ѣла. Разъ, во время ея сна, я сказалъ ей, что нужно много ѣсть. Проснувшись, Л... позабыла мой совѣтъ. Но, нѣсколько дней спустя, монахиня изъ больницы отвела меня въ сторону и стала говорить, что она не знаетъ, что дѣлается съ Л...: «Она просто никакъ не можетъ наѣсться и просить у меня болѣе пищи, чѣмъ ей полагается». Вѣроятно, здѣсь дѣйствовало смутное, пробуждаемое соответствующей внѣшней обстановкой, воспоминаніе слышаннаго, въ связи съ безсознательнымъ стремленіемъ къ его осуществленію.

Но вотъ явленіе, которое наблюдается гораздо чаще: Я усыпляю В... прочитываю ей стихи и затѣмъ бужу ее. Она ничего рѣшительно не помнитъ. Я вторично ее усыпляю и она отлично вспоминаетъ

прочитанные ей стихи. Я вновь бужу ее и В... опять ничего не помнить.

Это дает возможность объяснить раздвоение личности. Наше я собственно есть совокупность наших воспоминаний и, разъ послѣднія находятся въ условіяхъ особаго физическаго состоянія, должно произойти раздвоение личности, причемъ одни субъекты припоминаютъ цѣлую серію фактовъ, другіе же ничего не помнятъ. Повторяю, это весьма общее явленіе, и мнѣ крайне рѣдко случалось наталкиваться на исключенія изъ этого правила.

Если, такимъ образомъ, дѣятельная память значительно подавлена, то, наоборотъ, пассивная является скорѣе экзальтированной. Сомнамбулы припоминаютъ съ необыкновенной живостью мельчайшія подробности мѣстности, которыя они нѣкогда видѣли, или факты, которыхъ были свидѣтелями. Они описываютъ весьма подробно городъ или домъ, гдѣ имъ когда нибудь доводилось побывать, хотя, по пробужденіи, не всегда могутъ сказать, точно ли они все это видѣли. Х...; которая пѣла во время сна арію изъ втораго акта «Африканки», не могла, по пробужденіи, вспомнить ни одной ноты изъ этой оперы. Подобное обостреніе памяти, въ связи съ экзальтаціей силы воображенія, прекрасно объясняетъ, какимъ образомъ шарлатаны выдаютъ своихъ субъектовъ за ясновидящихъ. Возьмемъ напр. женщину, которая лѣтъ пятнадцать тому назадъ пробыва въ Версалѣ, въ теченіи одного или двухъ часовъ и совершенно забыла объ этомъ об-

стоятельствъ. Она даже не могла бы утвердительно сказать, была ли она когда-нибудь тамъ, или нѣтъ. Однако, если ее усыпить и заговорить съ ней о Версалѣ, она съумѣетъ весьма вѣрно описать широкія аллеи, статуи и деревья. Она увидитъ паркъ, дорожки, большую площадь и, къ великому удивленію присутствующихъ, сообщитъ имъ самыя точныя подробности объ этомъ городѣ. Если слушатели наивны, они примутъ все это за сверхъестественное ясновидѣніе, тогда какъ это ясновидѣніе есть, въ сущности, экзальтація памяти.

Впрочемъ, подобныя явленія не представляютъ ничего необычайнаго. Въ самомъ дѣлѣ, извѣстно, что въ нѣкоторыхъ патологическихъ случаяхъ, сильно возбужденная память воскрешаетъ въ умѣ давно забытыя факты. Въ обыкновенныхъ ясновидѣніяхъ также всплываютъ иногда отрывки изъ отдаленнаго прошлаго, которое казалось уже совершенно забытымъ. Это доказываетъ, что въ сущности ничего изъ видѣннаго и слышаннаго нами не исчезаетъ безслѣдно. Каждое впечатлѣніе оставляетъ неизгладимый слѣдъ въ нашемъ умѣ и, при извѣстныхъ условіяхъ, оно можетъ ожить и явиться тогда, когда казалось уже безслѣдно исчезнувшимъ. Есть воспоминанія, которыя мы сознаемъ, но существуютъ и бессознательныя воспоминанія. Этихъ послѣднихъ безчисленное множество, и важность ихъ въ умственной жизни нисколько не уступаетъ сознательнымъ воспоминаніямъ.

Существуетъ еще одинъ фактъ относительно па-

мяти, о которомъ я не желалъ бы умолчать, несмотря на его кажущуюся странность: можно сомнамбула лишить памяти, не только памяти вообще, но опредѣленной, специальной памяти: памяти собственныхъ именъ и т. п. Я, на примѣръ, говорю В... что она болѣе не помнитъ своего имени, и въ теченіи получаса она тщетно старается сказать, какъ ее зовутъ; тогда я ей говорю: «Да, вѣдь, васъ зовутъ В...» — «Ну, конечно»!, отвѣчаетъ она. Минуту спустя, я опять ее спрашиваю: «Какъ васъ зовутъ?» Она думаетъ, думаетъ и не въ силахъ припомнить. Стало быть, можно простымъ утвержденіемъ отнять память собственныхъ именъ, память мѣстностей и т. д. Можно даже лишить субъекта всей его памяти. Но, говоря откровенно, къ подобному опыту слѣдуетъ прибѣгать съ большими предосторожностями и, во всякомъ случаѣ, не продолжать его болѣе нѣсколькихъ минутъ. Мнѣ приходилось быть свидѣтелемъ такого ужаса и такого разстройства умственныхъ способностей, разстройства, продолжавшагося около четверти часа, что я не желалъ бы часто возобновлять столь опаснаго опыта.

Я знаю, что и тутъ могутъ предположить симуляцію. Я охотно сознаюсь, что фактъ этотъ самъ по себѣ настолько удивителенъ, что трудно повѣрить въ его существованіе. Я часто искалъ неопровержимаго доказательства, что въ подобномъ случаѣ, субъектъ не притворяется, но не могъ такового найти. Однако, во время этихъ опытовъ встрѣ-

чаются такіе признаки правдивости, такіе характеристическіе и типическіе отвѣты (въ совокупности съ другими личными причинами довѣрія), что я вполне убѣжденъ въ непреложности указаннаго явленія. Я сознаю, что доказательства приводимыя мною слишкомъ слабы, чтобы убѣдить другихъ; и я вполне понимаю, что въ этомъ отношеніи требуется больше данныхъ, чтобы вынести опредѣленное убѣжденіе. Однако, лицамъ сомнѣвающимся, советую самимъ повторить вышеприведенный опытъ, если это для нихъ возможно. Опытъ весьма интересенъ, и меня крайне удивило бы, если бы онъ не далъ ожидаемаго результата.

3-я степень. — Между періодомъ галлюцинацій и періодомъ оцѣпенѣнія существуютъ самые неумовимые переходы; можно указать только на одно важное различіе, состоящее въ томъ, что въ періодѣ оцѣпенѣнія, автоматизмъ гораздо совершеннѣе и усиленные субъекты, вмѣсто того, чтобы легко галлюцинировать, обнаруживаютъ глубокую умственную инерцію. Ничто не въ состояніи пробудить субъекта изъ того глубокаго сна, въ который онъ погруженъ: это настоящій автоматъ, безъ малѣйшаго слѣда воли.

Вообще говоря, я въ своихъ опытахъ не доходилъ до этого послѣдняго періода, между тѣмъ какъ въ опытахъ г. Гейденгайна или надъ истеричными въ Сальпетриерѣ, чаще наблюдалось оцѣпенѣніе, нежели галлюцинаціи.

Эта разница обусловливается, повидимому, двумя

причинами: Женщины Сальпетриеры — больныя; страдающія тяжелой истерикой и ихъ сомнамбулизмъ представляетъ только одну изъ формъ истерическаго припадка; поэтому, вызываемое въ нихъ состояніе зависитъ отъ тѣхъ патологическихъ условий, въ которыхъ онѣ находятся. Что же касается опытовъ Бреда и Гейденгайна, то это собственно не настоящій сомнамбулизмъ, а гипнотизмъ, что составляетъ нѣкоторую разницу. Въмѣсто того, чтобы усыплять пассами, Ганзенъ и Гейденгайнъ усыпляютъ субъекта, заставляя его фиксировать блестящій предметъ, напримѣръ, хрустальный шарикъ. Сонъ, обусловливаемый этимъ способомъ, гораздо глубже и весьма трудно вызывать при немъ галлюцинаціи.

Всѣ сомнамбулы даннаго періода отличаются полнѣйшимъ автоматизмомъ. Стоитъ только сдѣлать передъ ними какое нибудь движеніе и они немедленно повторяютъ его, безъ всякаго воздѣйствія, покорно и вѣроятно—безсознательно. Въ научномъ фельетонѣ «Journal des Débats», отъ 5-го августа 1880 года, де-Парвилль рассказываетъ, что въ 1859 году онъ гипнотизировалъ индійцевъ-москитосовъ, посредствомъ графинныхъ стеклянныхъ пробокъ. Эти гипнотизированные субъекты рабски подражали всѣмъ его движеніямъ: «Я бѣгалъ и они бѣгали; я садился и они садились; я становился на колѣни и они становились; я поднималъ руку и они поднимали». Мы въ достаточной мѣрѣ уже описали автоматизмъ, чтобы къ

нему не возвращаться. Скажемъ только, что въ этомъ, третьемъ періодѣ глубокаго сомнамбулизма, замѣчается еще меньше волевой реакціи, чѣмъ во второмъ.

Весьма интересныя могутъ быть производимы надъ сомнамбулами изслѣдованія о состояніи двигательной нервной системы и патологической физиологіи мышцъ.

Извѣстно, что въ нормальномъ состояніи, мышцы соединяются съ нервной системой, съ одной стороны двигательными нервами, вызывающими въ нихъ движеніе, а съ другой—чувствительными, сообщающими нервнымъ центрамъ о состояніи данныхъ мышцъ. При обычныхъ условіяхъ, рядъ весьма слабыхъ возбужденій постоянно передается отъ чувствительныхъ нервовъ, черезъ спинной мозгъ, двигательнымъ нервамъ мускула (рефлекторный актъ, чувствительно-двигательная дуга), вслѣдствіе чего мускуль находится въ состояніи неощутимаго сокращенія или, какъ выражаются, тонизма. Благодаря такому тонизму, мускуль въ нормальномъ состояніи никогда не бываетъ вполне расслабленнымъ; для этого слѣдовало бы перерѣзать двигательный нервъ, или разрушить спинной мозгъ.

Извѣстно также, со времени опытовъ Сѣченова, Гольца и другихъ физиологовъ, что высшіе нервные центры (нѣкоторые участки головного мозга) оказываютъ угнетающее дѣйствіе (ингибируютъ) на рефлекторную дѣятельность подлежащихъ частей

спинного мозга. Слѣдовательно, если въ силу какого-нибудь вліянія, высшіе нервныя центры будутъ парализованы, ихъ угнетающее дѣйствіе уже не можетъ имѣть мѣста, и ничѣмъ несдерживаемая рефлекторная дѣятельность подлежащихъ частей спинного мозга чрезмѣрно возрастаетъ.

Это именно и происходитъ въ случаѣ мускульнаго тонизма у сомнамбуловъ; этотъ тонизмъ, являясь въ нормальномъ состояніи въ видѣ простаго рефлекса, сильно повышается во время гипнотическаго сна, и возбудимость мускула становится чрезмѣрной.

Такъ, напримѣръ, стоитъ только слегка дотрогнуться у гипнотика или сомнамбула до какой-нибудь мышцы, чтобы послѣдняя немедленно не только сократилась, но и перешла въ состояніе окоченѣнія. Всѣ мускулы, при дотрогиваніи, обнаруживаютъ подобное же явленіе. Можно даже вызвать контрактуру (сведеніе) дыхательныхъ мышцъ, но этотъ опытъ не безопасенъ и не долженъ долго продолжаться.

Сведеніе такъ велико, что видѣвшіе его въ первый разъ, удивляются той силѣ, которою оно отличается. Когда, напримѣръ, флекторы, т. е. мышцы, сгибающія пальцы, сведены и кулакъ сжать, то нѣтъ физической возможности разжать пальцы и побороть это сокращеніе. Мускулы могутъ порваться, но не ослабнуть.

Множество такъ-называемыхъ чудесныхъ явленій, вызываемыхъ магнетизерами по профессіи,

основаны, вѣроятно, на этой контрактурѣ мышцъ. Можно, въ самомъ дѣлѣ, вызвать контрактуру въ мускулахъ языка, глотки, глазнаго яблока, что производитъ необычайный эффектъ, кажущійся сверхъ-естественнымъ для невѣждъ и симуляціей для поверхностныхъ наблюдателей.

Не только мускулы, но и двигательные нервы становятся раздражительнѣе. Д-ръ Шарко это доказалъ фактически. Если слегка надавить лицевой нервъ у сомнамбула, то немедленно всѣ иннервируемыя имъ мышцы начинаютъ сокращаться. Надавливъ слегка за ухомъ, можно привести въ дѣйствіе маленькую группу мышцъ, зачаточныхъ у человѣка, которыя двигаютъ ушную раковину. Вслѣдствіе ихъ сокращенія, ушная раковина начинаетъ слегка двигаться и движенія эти настолько отчетливы, что могутъ служить прекраснымъ доказательствомъ несостоятельности предположенія симуляціи.

Это повышеніе рефлекторной раздражительности мускуловъ не составляетъ особенность, исключительно присущую сомнамбулизму, оно также наблюдается у всѣхъ тяжело-истеричныхъ. Во время изслѣдованій, произведенныхъ мною по этому вопросу съ Бриссо, мы доказали, что мышцы истеричной впадаютъ въ состояніе контрактуры, если ихъ сильно вытянуть. Это устанавливаетъ весьма тѣсную связь между сомнамбулизмомъ и истерикой, связь, важное значеніе которой не можетъ быть отрицаемо. Въ томъ и другомъ случаѣ, мускулы

становятся крайне раздражительными, рефлекторная дѣятельность повышается; въ томъ и другомъ случаѣ оба эти явленія происходятъ отъ бездѣйствія высшихъ, задерживающихъ нервныхъ центровъ.

Даже когда усыпленіе отсутствуетъ и субъектъ находится еще въ первомъ періодѣ, уже замѣчается повышеніе мышечнаго тонизма. Я выше говорилъ объ одной особѣ, которая, не подвергаясь усыпленію, обнаруживала, послѣ десятиминутнаго магнетизированія, замѣчательную раздражительность мускуловъ. Стоило только вытянуть ихъ, чтобы вызвать контрактуру.

Стало быть, способность къ контрактурѣ, такъ ярко выступающая въ третьемъ періодѣ сомнамбулизма, замѣчается уже въ двухъ предъидущихъ періодахъ и существуетъ также въ тяжелой истерикѣ. Это весьма поучительное явленіе; оно показываетъ, что высшіе нервные центры утеряли почти всякую дѣятельность и что субъектъ, подчиняясь рабски внѣшнимъ впечатлѣніямъ, не обладаетъ болѣе достаточной силой воли, чтобы противодѣйствовать этимъ впечатлѣніямъ. Спинной мозгъ царствуетъ, тогда какъ головной бездѣйствуетъ.

Рядомъ съ контрактурой и ея различными формами, слѣдуетъ поставить каталепсію. Если на одномъ изъ дворовъ Сальпетріеры сильно ударяютъ въ тамъ-тамъ, то немедленно двѣ или три больныя останавливаются съ поднятыми вверхъ ру-

ками, съ широко раскрытыми глазами, съ выраженіемъ испуга на лицѣ; онѣ остаются неподвижными, какъ бы застывшими въ этомъ положеніи, до тѣхъ поръ, пока тѣмъ или другимъ способомъ не будетъ измѣнена центральная иннервація. Ихъ мышцы находятся въ каталептическомъ состояніи и можно придать имъ на неопредѣленное время какое угодно положеніе.

Эта каталепсія немедленно, однако, прекращается если закрыть субъекту глаза; словно каталептическое состояніе мускуловъ поддерживается свѣтовымъ раздраженіемъ, идущимъ отъ сѣтчатой оболочки къ мозгу. Когда глаза закрыты, каталепсія отсутствуетъ и остается только крайняя рефлекторная раздражительность *).

Нѣкоторые пункты на тѣлѣ отличаются, повидимому, наибольшимъ повышеніемъ этой раздражительности. Существуютъ, по мнѣнію Д-ра Шарко, области эпилептородныя (*épileptogéne*), различныя, вѣроятно, для различныхъ субъектовъ. У одной больной, напримѣръ, легкое дотрогиваніе къ брюшной полости вызываетъ общую контрактуру всѣхъ мускуловъ. По словамъ же д-ра Гейденгайна, можно заставить говорить самыхъ молчаливыхъ сомнамбуловъ, слегка прикасаясь къ затылочной области. Этотъ опытъ представляетъ любопытное сходство съ извѣстнымъ опытомъ Гольца надъ

*) См. подробнѣе: «Paul Richer. Etude descriptive de la grande attac hysterique», 1879, p. 122—179.

лягушками. Когда у лягушки вынуты оба мозговых полушарія, стоитъ только слегка пощекотать у нея затылокъ, чтобы возбудить весьма энергичное кваканіе.

Что касается чувствительности въ третьемъ періодѣ, то наблюдаются болѣе глубокія измѣненія, чѣмъ въ предъидущихъ, причемъ почти всегда существуетъ анестезія. Съ этой стороны, мы не имѣемъ сказать ничего новаго. Анестезія до того совершенная, что позволяла иногда производить хирургическія операціи (Брока, Фолленъ и др.). Поднесенный къ носу аммиакъ, сѣрная кислота, не вызываютъ никакой реакціи. Можно проколоть руку иглой, и сомнамбуль не выразитъ ни удивленія, ни болеваго чувства. Когда сонъ проходитъ и чувствительность возстановляется, — уколы, которыхъ спящій не ощущалъ, становятся болѣзненными. Напр., мой пріятель Р... обнаруживалъ во время сна полную анестезію и однажды я довольно сильно укололъ его руку иглой. Какъ только онъ проснулся, вниманіе его тотчасъ же было обращено на этотъ уколъ, происхожденіе котораго онъ не могъ себѣ объяснить.

Эта полная анестезія третьяго періода, составляетъ контрастъ съ неполной анестезіей періода галлюцинацій. Весьма рѣдко субъекты, подвергающіеся галлюцинаціямъ, отличаются полной нечувствительностью. Они почти всегда ощущаютъ причиняемые имъ уколы и жалуются на боль. Однако, и у нихъ можно вызвать анестезію, если

подвергнуть пассамъ опредѣленную часть тѣла, напр., потереть слегка руку, которую желаютъ анестезировать. Этому факту, который еще нѣсколько лѣтъ назадъ казался бы чудеснымъ, можно теперь подыскать объясненіе, благодаря опытамъ Бюрка и Шарко по металлоте-рапіи. У субъектовъ, глубоко гипнотизированныхъ, можно, въ свою очередь, возстановить чувствительность; но опытъ этотъ не всегда удается, и общее правило состоитъ въ томъ, что въ третьемъ періодѣ анестезія бываетъ полная.

Внушенные идеи также отчетливѣе въ періодѣ оцѣпенѣнія, чѣмъ въ періодѣ галлюцинацій и это весьма понятно, такъ какъ подобное внушеніе выражаетъ собою только одну изъ формъ автоматизма.

Словомъ, всѣ эти явленія: катаlepsія, контрактура, анестезія, подтверждаютъ предположеніе, что въ состояніи глубокаго сомнамбулизма, высшая способность—воля отсутствуетъ.

Въ минуту пробужденія, мозговья отправленія не приходятъ тотчасъ же въ нормальное состояніе. Къ несчастію, у насъ весьма мало данныхъ, относительно этого, неразъясненнаго еще пункта. Можно установить сходство между пробужденіемъ отъ сомнамбулизма и пробужденіемъ отъ обыкновеннаго сна. Нѣкоторыя лица, внезапно пробужденныя, не приходятъ немедленно въ полное сознаніе; въ теченіи нѣкотораго времени они находятся еще въ полузабытіи и оцѣпенѣніи. Тоже замѣ-

чается и у сомнамбуловъ. У В..., напр., послѣ ея пробужденія, я могъ въ теченіи десяти минутъ, вызывать галлюцинаціи или, по меньшей мѣрѣ, иллюзіи. Если я ей говорилъ: «Вотъ собака»,—ей дѣйствительно представлялась собака, хотя глаза ея были открыты, умственные способности, казалось, возвратились къ нормальному состоянію и ничто не говорило, чтобы она продолжала находиться подъ вліяніемъ сомнамбулизма.

Относительно этого вопроса, какъ и большинства другихъ, остается еще сдѣлать много изысканій, опытовъ, плодотворныхъ и неплодотворныхъ. На каждомъ шагѣ встаетъ масса задачъ, самыхъ сложныхъ и трудно разрѣшимыхъ.

Рождается вопросъ: можетъ-ли сомнамбулическое состояніе, возбуждаемое въ здоровыхъ субъектахъ, имѣть вредныя послѣдствія? Не вдаваясь въ подробное изученіе этого вопроса, стоящаго въ зависимости отъ разработки самаго предмета, приходится, однако, сказать о немъ нѣсколько словъ.

Вначалѣ моихъ изслѣдованій, я боялся усыплять надолго своихъ паціентовъ и будилъ ихъ приблизительно по истеченіи получаса. Но мало по-малу, видя, что сеансы эти безвредны, я пересталъ нарушать магнетическій сонъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ и всегда безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій. Иногда развѣ замѣчалась легкая головная боль у мужчинъ и легкое нервное раздраженіе у женщинъ; но никогда мнѣ не приходилось быть свидѣтелемъ истерическаго при-

падка. Правда, я постоянно придерживался известной осторожности, избѣгая опасныхъ опытовъ и слишкомъ сильныхъ сотрясеній, останавливаясь немедленно, какъ только нервная чувствительность казалась мнѣ крайне повывисившейся.

Слѣдуетъ-ли отсюда, что магнетическіе опыты совершенно безвредны? Я этого ни въ какомъ случаѣ не думаю. Нельзя безнаказанно возбуждать такой сильной пертурбаціи въ отправленияхъ нервной системы. Уже одинъ фактъ сомнамбулическаго воспитанія, указываетъ на глубокое и постоянное измѣненіе. Поэтому, было бы весьма неразумно говорить о полезности или даже безвредности подобныхъ опытовъ; самое большее возможно допустить, что они почти безвредны.

Вообще говоря, такъ оно и есть; но въ нѣкоторыхъ, довольно рѣдкихъ случаяхъ, возникаютъ весьма серьезные послѣдствія. Одна изъ больныхъ госпиталя Божонъ, которую я часто усыплялъ, сдѣлалась въ сильной степени истеричной. Вначалѣ моихъ опытовъ она обнаруживала крайнюю нечувствительность къ магнетизму и мнѣ стоило большаго труда усыпить ее; но впослѣдствіи, въ ней развилась такая чувствительность, что я усыплялъ ее въ нѣсколько секундъ, безъ пассовъ, простымъ прикосновеніемъ ко лбу или къ рукѣ. Одинъ изъ моихъ пріятелей, докторъ Г... также наблюдалъ подобное явленіе: нѣкая совсѣмъ неистеричная женщина, которую онъ часто весьма легко усыплялъ, подъ конецъ стала обнаруживать всѣ симптомы сильной

истеричности. Эти два факта еще разъ показываютъ, какая тѣсная связь существуетъ между сомнамбулизмомъ и истерикой.

Однако, справедливость требуетъ замѣтить, что подобные случаи весьма рѣдки и, съ другой стороны, что магнетизмъ часто оказываетъ благотворное вліяніе. Онъ успокоиваетъ нервное возбужденіе и можетъ излечивать отъ нѣкоторыхъ бессонницъ. Слѣдовательно, практикуемый опытнымъ врачомъ, магнетизмъ не представляетъ серьезной опасности. Поэтому, можно смѣло продолжать изслѣдованія по данному вопросу, остерегаясь, конечно, проявленія опасныхъ симптомовъ, и все, что приходится сказать, это то, что при небольшомъ количествѣ, опыты не представляютъ опасности, тогда какъ тѣже опыты, часто повторяемые, вносятъ, въ концѣ концовъ, измѣненія и извращенія въ нервную систему экспериментируемаго субъекта (V).

III.

О сомнамбулизмѣ животныхъ.

Опыты Кирхера. — Опыты Мейера съ катаплексіей. — Критика теоріи Гюбеля.

Казалось - бы, что для разрѣшенія вопроса о симуляціи, проще всего было бы производить опыты надъ существами, неспособными притворяться. Однако, тутъ приходится имѣть дѣло съ трудностями настолько сильными, что съ ними еще не удалось вполне совладать. Въ самомъ дѣлѣ, весьма вѣроятно, что высшая способность — воля, достигающая такого развитія у человѣка, существуетъ у животныхъ только въ зачаточномъ состояніи. И если правда, какъ мы постараемся доказать, что всѣ симптомы сомнамбулизма исходятъ отъ подавленія этой способности, то отсюда неминуемо слѣдуетъ, что сомнамбулическія явленія должны быть весьма слабо очерчены у животныхъ. Поэтому всѣ

опыты съ животными мало доказательны и проливаютъ весьма мало свѣта на этотъ темный вопросъ.

Въ 1646 году Кирхеръ *) издалъ книгу. «*Arg magna lucis et umbræ*», въ которой онъ приводитъ свой знаменитый опытъ о гипнотизмѣ. Если провести передъ клювомъ птицы, преимущественно пѣтуха, черту мѣломъ, то животное становится неподвижнымъ.

Этотъ опытъ былъ повторенъ Чермакомъ**), который распространилъ его и на другихъ животныхъ, напр. на мелкихъ птицъ и на раковъ.

Г. Прейеръ, повторяя эти опыты, приписываетъ наблюдаемыя явленія у животныхъ, при данныхъ условіяхъ, чувству страха. У раковъ, лягушекъ, морскихъ свинокъ и кроликовъ, состояніе неподвижности вызывается различными способами. Чаще всего это удается при сильномъ раздраженіи чувствительныхъ нервовъ. Такое раздраженіе, повидѣмому, возбуждаетъ дѣятельность угнетающаго (ингибирующаго) аппарата высшихъ нервныхъ

*) Впрочемъ, по Прейеру, Давидъ Швентеръ въ своей книгѣ *Deliciae physico-mathematicae*. (Nuremberg, 1636 p. 562), и другой неизвѣстный авторъ того же времени, профессоръ парижскаго университета, имени котораго Швентеръ не упоминаетъ,—еще ранѣе Кирхера производилъ тотъ же опытъ. Я также нашелъ въ другой книгѣ Кирхера, — *Magnes, sive de arte magnetica opus* (Cologne, 1643) интересные разсужденія о магнетизаціи животныхъ (*liber III, pars VI, p. 657 a 677 Magnetismus animalium*): жаба, угорь, олень, электрической скать придицало и нѣкоторыя причудливыя рыбы вродѣ сиренъ принадлежатъ къ магнетическимъ животнымъ.

**) Отчеты Вѣнской Академіи, 1872 год. ст. 361 и Архивы Пфлюгера, т. XVII, отъ стр. 107 до 121.

центровъ. Въ сообщеніи медицинскому обществу въ Іенѣ (28-го мая 1880 года), г. Прейеръ говоритъ слѣдующее: «Я гипнотизировалъ множество животныхъ и пришелъ къ тому заключенію, что путемъ раздраженія периферій можно вызвать въ нихъ два различныхъ состоянія неподвижности. Первое состояніе — катаплексія, т. е. родъ испуга и ужаса; параличъ вслѣдствіе страха. Второе состояніе, это состояніе гипноза. Животныя, также какъ и люди, впадаютъ въ катаплексію вслѣдствіе внезапныхъ и сильныхъ периферическихъ раздраженій. Состояніе же гипноза наступаетъ послѣ продолжительныхъ, легкихъ и однообразныхъ периферическихъ раздраженій; причемъ въ способѣ реагированія между различными животными, какъ и между различными людьми, наблюдается значительное индивидуальное различіе. Если слегка пинцетомъ сдавить ноздри морской свинки или слегка придержать за ухо, она впадаетъ въ состояніе гипноза. Можно тогда отнять пинцетъ или выпустить ухо изъ рукъ и животное остается въ такомъ оцѣпенѣніи, что ему легко сообщить, не пробуждая, самыя странныя положенія. Но достаточно слегка толкнуть или дунуть въ него, чтобы животное вернулось къ нормальному состоянію. Этотъ гипнозъ весьма сходенъ съ катаплексіей; различается лишь въ томъ, что гипнотики могутъ приводить въ движеніе свои члены, между тѣмъ какъ въ состояніи катаплексіи, подобныя движенія невозможны» *).

*) Это различіе между катаплексіей и гипнотизмомъ весьма

Первый трудъ г. Прейера о катаплексіи довольно поучителенъ и, кромѣ новыхъ фактовъ, изслѣдованныхъ этимъ экспериментаторомъ, въ немъ находится подробный разборъ предъидущихъ работъ по данному предмету.

Если схватить быстро морскую свинку и удерживать ее въ неподвижномъ состояніи вверхъ брюшкомъ, то, по истеченіи одной или двухъ минутъ, она совершенно оцѣпенѣетъ и станетъ неподвижной. Тотъ же самый опытъ удается одинаково хорошо съ курицей, пѣтухомъ или кроликомъ. Можно тогда дуть на животное, ярко его освѣтить, звонить возлѣ него въ колокольчикъ, не боясь пробудить отъ оцѣпенѣнія. Перевязавъ быстро ниткой клювъ пѣтуха или лапку лягушки, можно также вызвать подобное же состояніе катаплексіи.

Осязательныя раздраженія, повидимому, успѣшнѣе другихъ вызываютъ катаплексію. Такъ, внезапный лучъ электрическаго свѣта, внезапный и пронзительный звукъ, не производятъ никакого дѣйствія. Эти, вполне установленные Прейеромъ, факты, я могу дополнить опытомъ, часто мною повторяемымъ: сильный и внезапный электрическій ударъ, направленный на голову животного (разряженіе сильной Лейденской банки), вызываетъ внезапное и полное движеніе во всѣхъ мускулахъ тѣла, но катаплексія при этомъ не наблюдается.

гадательно и произвольно. Наблюдаемая, явленія не отличаются къ сожалѣнію, такой характерной опредѣленностью.

У весьма молодыхъ животныхъ катаплексія никогда не бываетъ. Новорожденныя морскія свинки, или только десяти дней отъ роду, ни на минуту не остаются въ покоѣ, если ихъ внезапно схватить и держать. Но тѣже самыя животныя, которыя до десятидневнаго возраста не обнаруживаютъ катаплексическихъ явленій, въ послѣдствіи, когда дѣлаютъ надъ ними опыты, легко впадаютъ въ это состояніе.

Гюбель *) производилъ подобныя же опыты надъ лягушками. Хотя факты у него вѣрно подмѣчены, но выводимыя имъ заключенія, по моему мнѣнію, не выдерживаютъ критики.

Я часто повторялъ опытъ Гюбеля. Вотъ въ чемъ онъ состоитъ: Берутъ сильную и проворную лягушку и держутъ ее около двухъ минутъ, наложивъ большой палецъ на животъ, а четыре остальныхъ на спину, причемъ придавливаютъ ее на столько, чтобы она не могла вырваться. Движенія лягушки становятся медленнѣе и лѣнивѣе; она едва пытается вырваться; наконецъ, ее можно положить на столъ брюшкомъ кверху, и она остается неподвижной въ теченіи четверти часа, иногда цѣлаго часа и даже болѣе.

Гюбель полагаетъ что это состояніе инертности и неподвижности есть своего рода сонъ и что причиною такого сна служитъ полное отсутствіе

*) Archives de Pfluger, t. p. XIV, p. 158—250. L'état de veille du cerveau pendant des excitations extérieures.

вѣшнихъ раздраженій. По его мнѣнію, сонъ наступаетъ неминуемо, если периферическія возбужденія не оказываютъ дѣйствія на головной мозгъ, такъ какъ состояніе бодрствованія поддерживается только непрерывными периферическими возбужденіями, отражающимися на центральной нервной системѣ.

Подобная гипотеза не отвѣчаетъ однако фактамъ, которые могутъ быть наблюдаемы надъ лягушками. Въ самомъ дѣлѣ, подъ вліяніемъ легкаго раздраженія, лягушка, приведенная въ неподвижное состояніе, выходитъ изъ ошѣпенѣнія; но если продолжать ее раздражать, производя пальцемъ легкое щекотаніе спины, то вмѣсто того, чтобы вызвать совершенное пробужденіе, какъ слѣдовало бы по теоріи Гюбеля, напротивъ, наступаетъ болѣе и болѣе полное паралитическое состояніе; такъ что въ концѣ концовъ лягушка почти уже совсѣмъ теряетъ способность двигаться. Ее можно тогда положить на столъ, брюшкомъ кверху и вытянуть заднія лапки, не вызывая рефлекторныхъ движеній, можно также придать самыя невѣроятныя и неестественныя положенія, напр., прислонить ее спиной къ доскѣ, вытянувъ при этомъ обѣ ея заднія лапки, не вызывая въ ней замѣтнаго воздѣйствія, — словно она отравлена какимъ нибудь наркотическимъ веществомъ или лишена спиннаго мозга.

Если сдѣлать такіе же опыты съ обезглавленной лягушкой (перерѣзавъ спинной мозгъ ниже лу-

ковки), то подобнаго результата нельзя уже получить. У обезглавленной лягушки рефлексорныя движенія сохраняются всегда; ея невозможно вытянуть на столъ, безъ того, чтобы она немедленно не подобрала подъ себя заднія лапки.

Наоборотъ, нормальная лягушка, продержанная въ рукѣ въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, остается на столѣ въ томъ положеніи, которое ей придали, въ теченіи четверти, полчаса и даже болѣе *).

Доказательствомъ того, что гипотеза Гюбеля— «сонъ зависитъ отъ отсутствія периферическихъ возбужденій» — не вѣрна, служитъ тотъ фактъ, что лягушку, приведенную въ состояніе оцѣпенѣнія, можно трогать, переворачивать, раздражать, и она не двинется съ мѣста. Внѣшнія, сравнительно интенсивныя раздраженія оказываются недостаточными, чтобы пробудить животное.

Возможно ли въ виду этого утверждать, что данное состояніе усыпленія зависитъ отъ отсутствія внѣшнихъ раздраженій. Я часто повторялъ слѣдующій опытъ: вытягивалъ на столѣ лягушку, приведенную въ состояніе оцѣпенѣнія вышеизложеннымъ способомъ, и рядомъ съ ней приводилъ въ дѣйствіе громкій будильникъ; однако этотъ звукъ не возбуждалъ въ животномъ никакой реакціи.

Наконецъ, мнѣніе Гюбеля опровергается также

*) Эти опыты не согласуются съ нѣкоторыми фактами, замѣченными г. Прейеромъ, loc. cit., стр. 63.

опытомъ Чермака *), повтореннымъ Прейеромъ **): Если быстро ущемить хвостъ или лапку лягушки, то животное мгновенно цѣпенѣеть, и такое состояніе продолжается иногда нѣсколько минутъ. Тутъ стало быть гипнозъ вызывается ужь не отсутствіемъ периферическихъ раздраженій, а, наоборотъ, сильнымъ раздраженіемъ. Поэтому трудно указать на теорію, которая болѣе теоріи Гюбеля противорѣчила бы фактамъ.

Эта теорія совершенно несостоятельна, и вмѣсто того, чтобы гипнозъ лягушки приписывать отсутствію раздраженія, слѣдовало бы, наоборотъ, видѣть въ немъ скорѣе слѣдствіе слишкомъ сильнаго раздраженія.

Весьма вѣроятно, что, подъ влияніемъ периферическихъ раздраженій, участки головного мозга, управляющіе задержкой рефлекторныхъ и волевыхъ актовъ, приходятъ въ дѣятельное состояніе и парализуютъ подлежащія части спиннаго мозга ***).

*) Eine neuropathologische Beobachtung an einem Triton cristatus (Zeitschrift für wiss. Zoologie, 1856, p. 340).

**) Loc. cit. Смотри фотографическую таблицу 3, приложенную въ концѣ его сочиненія.

***) Я имѣю въ виду издать болѣе подробно эти изслѣдованія и развить въ специальномъ трудѣ тѣ заключенія, къ которымъ я пришелъ. Поэтому считаю лишнимъ останавливаться долѣе на гипнозѣ лягушекъ и на тѣхъ психо-физиологическихъ соображеніяхъ, которые могли бы тутъ имѣть мѣсто. Что же касается нѣкоторыхъ наблюденій магнетизировъ по профессіи, надъ гипнозомъ животныхъ, то эти наблюденія вообще несвязны, неполны и мало заслуживаютъ довѣрія, за невозможностью повторить данные факты всякій разъ

Таковы, въ общихъ чертахъ, извѣстныя до настоящаго времени изслѣдованія о гипнотизмѣ животныхъ. Весьма желательно, чтобы вновь принялись за эти изслѣдованія, такъ какъ они обѣщаютъ дать интересные результаты. Во всякомъ случаѣ и то, что сдѣлано до сихъ поръ по настоящему предмету, можетъ быть съ нѣкоторою пользою примѣняемо къ истолкованію причинъ, обуславливающихъ явленія сомнамбулизма у человѣка.

по желанію. Повидимому, на Востокѣ, очарователи змѣй достигаютъ удивительныхъ результатовъ; но относящіеся сюда факты должны быть провѣрены на мѣстѣ естествоиспытателями или опытными физиологами, для того чтобы они могли приобрести право гражданства въ наукѣ. Въ Персіи существуютъ очарователи зайцевъ (*Tour du Monde*. 1862, II, p. 127).

Быть можетъ возможно приурочить къ магнетизму то очарованіе, которое замѣчается въ нѣкоторыхъ животныхъ по отношенію къ змѣямъ; а также стойку охотничьихъ собакъ и т. п. явленія. Нельзя ли обратить вниманіе изслѣдователей на эти пункты, съ цѣлью пролить на нихъ нѣкоторый свѣтъ? Вопросъ о сомнамбулизмѣ животныхъ только еще началъ возникать. Трудъ г. Прейера представляетъ собою едва ли не самое точное описаніе даннаго предмета.

Г. Данилевскій вызывалъ нѣкоторыя гипнотическія явленія у крокодила. (*Archives de Pflüger*, t. XXIV, p. 595).

IV.

О способах сомнамбулизаціи.

Сомнамбулическое воспитаніе. — Предложенныя гипотезы. —
Эмпирическіе методы.

Само собою разумѣется, что изученіе симптомовъ и формъ сомнамбулизма еще крайне несовершенно; тѣмъ не менѣе, оно значительно подвинулось впередъ въ сравненіи съ тѣмъ, что извѣстно о причинахъ явленія. Нельзя, правда, сказать, чтобы не было недостатка въ теоріяхъ, но всѣ онѣ крайне неудовлетворительны.

Прежде всего, дознано, что одни и тѣ же приемы, прилагаемые къ различнымъ особамъ, не могутъ быть одинаково удачными. Прейеръ подмѣтилъ вліяніе индивидуальнаго различія у морскихъ свинокъ и лягушекъ. Каково же оно должно быть у человѣка? Весьма основательно замѣчено, что чѣмъ высшее мѣсто занимаетъ видъ, тѣмъ болѣе различаются между собою принадлежація къ нему индивиды — лягушки болѣе уст-

риць, собаки болѣе лягушекъ, а у человѣка индивидуальныя особенности еще значительнѣе. Это вѣрно уже относительно органовъ растительныхъ процессовъ, насколько же вѣрнѣе оно должно быть относительно органовъ высшихъ жизненныхъ процессовъ, въ особенности же относительно органа интеллекта. Такимъ образомъ, въ опытахъ съ сомнамбулизмомъ, приходится имѣть дѣло съ самымъ измѣнчивымъ органомъ, самаго сложнаго существа, индивидуальныя различія котораго достигаютъ максимума колебаній. Какая трудность для экспериментированія!

Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя благопріятныя условія могутъ быть опредѣлены съ точностью: женщины чувствительнѣе мужчины; относительно же возраста, я склоненъ думать, что дѣти могутъ быть усыпляемы, хотя я никогда не пытался производить опытовъ надъ очень молодыми субъектами, чтобы не возбуждать въ нихъ нервознаго состоянія, могущаго имѣть вредныя послѣдствія. Я даже убѣжденъ, что не слѣдуетъ магнетизировать дѣтей, потому что въ то время, когда всѣ органы находятся на пути развитія, они легко могутъ быть отклонены отъ своего нормальнаго направленія и на весь организмъ можетъ быть такимъ образомъ наложена печать нервозности, весьма опаснаго и даже патологическаго характера. Я усыплялъ молодыхъ, семнадцати и восемнадцатилѣтнихъ дѣвушекъ, но этотъ возрастъ не можетъ считаться особенно благопріятнымъ. По моимъ наблюденіямъ скорѣе всего впа-

даютъ въ сомнамбулическое состояніе лица отъ двадцатипяти до сорока лѣтняго возраста. Что же касается стариковъ, то я склоненъ думать, что они весьма трудно поддаются усыпленію. Мнѣ удалось усыпить шестидесятилѣтнюю женщину, но я никогда не могъ вызвать въ ней глубокаго сна и симптомы даннаго явленія не представляли особеннаго интереса.

Нервные темпераменты, какъ справедливо полагаютъ, гораздо чувствительнѣе другихъ. Вообще говоря, женщины небольшого роста, брюнетки съ черными глазами, черными густыми волосами, густыми бровями, весьма благопріятные субъекты. Иногда, однако, опыты удаются прекрасно съ блѣдными лимфатическими женщинами и наоборотъ: совершенно не удаются съ очень нервными особами. Въ сущности, нѣжныя, нервныя, слабыя женщины, страдающія хроническимъ недугомъ или только что оправившіяся отъ болѣзни, скорѣе другихъ субъектовъ подчиняются вліянію магнетизированія.

Впрочемъ, условіе, преобладающее надъ всѣми остальными—это упомянутое выше сомнамбулическое воспитаніе. Самый фактъ, что субъектъ былъ уже разъ усыпленъ, отвѣчаетъ за то, что въ слѣдующій разъ усыпленіе будетъ успѣшнѣе.

Если даже первый опытъ неудаченъ, тѣмъ не менѣе, онъ настолько измѣняетъ воспріимчивость пациента, что второй опытъ можетъ оказаться удачнѣе. Стало быть, послѣдствія магнетизма всегдѣ не такъ скоропреходящи, какъ кажется;

организация испытываетъ, несомнѣнно, существенныя измѣненія *). Словомъ, самыми чувствительными къ магнетизму субъектами оказываются тѣ, которые чаще подвергались усыпленію. Они становятся до такой степени чувствительными, что можно вызвать у нихъ сомнамбулическое состояніе помощью самыхъ простыхъ приѣмовъ.

Стало бытъ, для изученія способовъ, вызывающихъ сомнамбулическое состояніе необходимо точно установить различіе между субъектами, неподвергавшимися еще усыпленію и тѣми, которые испытывали уже на себѣ дѣйствіе сомнамбулизаціи. Съ первыми многіе приѣмы оказываются недѣйствительными; со вторыми же всякіе приѣмы удачны.

Предположимъ, прежде всего, что желаютъ про-

*) Я могу привести въ примѣръ этой возрастающей восприимчивости къ магнетическому вліянію, по мѣрѣ повторенія опытовъ, изслѣдованія, произведенныя Дюпотэ и Юссономъ надъ С***. (Публичные опыты надъ животнымъ магнетизмомъ, произведенные въ парижской больницѣ «Hôtel-Dieu» 1826 г.).—1-й сеансъ: продолжительность опыта 30 минутъ; никакого результата.—2-й сеансъ: продолжительность 30 минутъ; никакого результата.—3-й сеансъ: продолжительность 45 минутъ; усыпленіе.—4-й сеансъ: сонъ послѣ 30 минутъ.—5-й сеансъ сонъ по истеченіи 15 минутъ.—6-й сеансъ: сонъ по истеченіи 15 минутъ.—7-й сеансъ: сонъ послѣ двухъ минутъ и т. п. Какимъ образомъ возможно предположить, въ данномъ случаѣ симуляцію, если всѣ изслѣдователи постоянно наблюдаютъ подобные же факты? Сторонникамъ этого страннаго предположенія пришлось бы допустить, что симулянты, по мѣрѣ повторенія опытовъ, все ранѣе и ранѣе симулируютъ данное явленіе. У истерическихъ особъ сомнамбулическое воспитаніе далеко, однако, не отличается такой регулярностью.

изводить опыты надъ субъектомъ, котораго никогда еще не усыпляли. Чтобы усыпить его, можно прибѣгнуть къ двумъ различнымъ методамъ: или къ фиксированію зрѣнія, или къ пассамъ. Что касается вліянія фиксированія, то, съ перваго взгляда, объясненіе кажется весьма легкимъ. Въ случаѣ фиксированія блестящаго предмета, яркость предмета можетъ обусловить продолжительное раздраженіе мозговыхъ центровъ, находящихся въ соотношеніи съ зрительными нервами. Это раздраженіе парализуетъ умственную самодѣятельность или путемъ утомленія мозга, или, что еще вѣрнѣе, особымъ задерживающимъ вліяніемъ: раздраженіе зрительныхъ центровъ распространяется на нѣкоторые угнетающіе центры, которые, вступая въ дѣйствіе, задерживаютъ проявленіе самостоятельныхъ функций головного мозга, проявленіе воли, и автоматизмъ смѣняетъ наше я.

Словомъ, приходится прибѣгать къ цѣлому ряду гипотезъ, хотя и вѣроятныхъ, но тѣмъ не менѣе не имѣющихъ инаго значенія, помимо голаго предположенія.

Со времени первыхъ опытовъ Ж. Брэда, многимъ изслѣдователямъ удавалось вызывать гипнотическое состояніе путемъ фиксированія блестящаго предмета. Куры и морскія свинки, передъ глазами которыхъ держать нѣкоторое время хрустальный предметъ или кусокъ мѣла, обнаруживаютъ симптомы весьма аналогичныя съ явленіями гипноза.

Между истерическими въ Сальпетриерѣ, припадки

сомнамбулизма вызываются внезапнымъ яркимъ эвѣтомъ. Если напр. направить на глаза Ж... лучъ электрическаго свѣта, больная немедленно впадаетъ въ состояніе сомнамбулизма. Это явленіе, кажется, не особенно разнится отъ наблюдаемаго у субъектовъ, фиксирующихъ въ теченіи пяти минутъ хрустальный шарикъ; вся разница въ воспримчивости. Вслѣдствіе истерическаго состоянія и, вѣроятно также, вслѣдствіе многочисленныхъ опытовъ, которымъ подвергалась Ж..., она обнаруживала необыкновенную чувствительность къ такимъ вліяніямъ, которыя на другихъ проходятъ безслѣдно.

Одинъ опытъ, производимый мною весьма часто надъ самимъ собою, доказываетъ, что въ данномъ случаѣ не столько дѣйствуетъ блескъ предмета, сколько самое фиксированіе зрѣнія. Часто ночью, когда въ комнатѣ нѣтъ огня и когда я лежу въ постели въ ожиданіи сна, я прибѣгаю къ весьма простому способу усыпленія, который мнѣ почти всегда удается. Я фиксирую воображаемую въ пространствѣ точку и сосредоточенно смотрю на нее съ закрытыми вѣками.) Вскорѣ я замѣчаю тонкія линіи, въ общемъ въ видѣ маленькой шахматной доски, медленно надвигающейся къ глазу. За этой шахматной доской слѣдуетъ болѣе освѣщенная точка, которую я продолжаю пристально фиксировать и которая въ началѣ является въ видѣ желтаго круглаго пятна. Это желтое пятно двигается, быстро измѣняясь и принимая разнообразныя формы, подобно тучамъ на небѣ, гони-

мымъ вѣтромъ. По мѣрѣ измѣненія формъ, очертанія ихъ становятся все менѣе и менѣе определенными: то появляются человѣческія фигуры, то какіе-то фантастическіе предметы; они мелькають другъ за другомъ, мѣняются, вновь возникаютъ и исчезаютъ. Но утомленное вниманіе все менѣе и менѣе ихъ различаетъ. Воспоминаніе также становится болѣе и болѣе смутнымъ. Сознаніе внѣшняго міра постепенно исчезаетъ и сонъ исподволь вступаетъ въ свои права. Всѣ образы потухаютъ одинъ за другимъ, по мѣрѣ того, какъ облакаются въ болѣе измѣнчивыя и причудливыя формы.

Конечно, между настоящимъ сномъ и сомнамбулизмомъ существуетъ немалая разница. Но нельзя, однако, отрицать и нѣкоторой аналогіи между данными состояніями. То, что примѣнимо къ одному изъ этихъ состояній, можетъ быть, по всей вѣроятности, примѣнимо и къ другому. Сосредоточеніе вниманія утомляетъ его, а это утомленіе и служить однимъ изъ существенныхъ элементовъ сна.

По этому, было бы непозволительно утверждать, что гипнотизмъ обуславливается блескомъ фиксируемаго предмета. Слѣдующій, весьма поучительный опытъ г. Прейера, еще болѣе подтверждаетъ это. Показавъ, что у морскихъ свинокъ, куръ и кроликовъ можно вызвать оцѣпенѣніе, схватывая ихъ быстро за шею, Прейеръ собралъ значительное число этихъ животныхъ въ весьма темномъ помѣщеніи и быстро направилъ на нихъ лучъ элек-

трическаго свѣта; ни въ одномъ изъ нихъ не обнаружилось катаплексіи; тогда какъ, напротивъ, животное, приведенное въ темнотѣ въ каталептическое состояніе, тотчасъ же приходитъ въ себя, если направляютъ на него лучъ электрическаго свѣта. Стало быть, даже очень интенсивный свѣтъ менѣе способенъ вызывать катаплексію, чѣмъ простое прикосновеніе къ кожѣ.

Къ тому же, развѣ можно сказать о хрустальномъ шарикѣ, не освѣщенномъ непосредственно солнечнымъ лучомъ, что это блестящій предметъ. Если видъ такого предмета вызываетъ сонъ, то, конечно, причиною тому не блескъ его, въ сущности весьма умѣренный. Сколькимъ, наконецъ, лицамъ приходится разсматривать яркоосвѣщенные предметы, не впадая въ сомнамбулизмъ! Путешественники въ полярныхъ странахъ проходятъ огромныя снѣжныя пространства, освѣщенные солнцемъ, часто чуть ли не слѣпнуть, страдаютъ тяжкими глазными болѣзнями и, тѣмъ не менѣе, не подвергаются гипнозу.

Все это приводитъ насъ къ заключенію, что степень освѣщенія можетъ вызывать гипнотическое состояніе только при нѣкоторыхъ специальныхъ условіяхъ и что, въ данномъ случаѣ, самое фиксированіе зрѣнія играетъ болѣе важную роль въ сравненіи съ свѣтомъ падающимъ на сѣтчатку.

Тѣмъ не менѣе одному фиксированію невозможно приписывать всѣ наблюдаемыя явленія. Въ самомъ дѣлѣ, въ опытахъ, напримѣръ съ лягуш-

ками, это животное ни на одну минуту не сосредоточиваетъ своего взгляда на опредѣленномъ предметѣ; такимъ же образомъ морскія свинки, которыхъ схватываютъ быстро за шею, тритоны, которымъ ущемляютъ хвостъ, впадаютъ въ катаплексическое состояніе, хотя бы при этомъ ихъ сѣтчатая оболочка не испытываетъ никакого утомленія. Катаплексія можетъ имѣть мѣсто, какъ показалъ Гюбель, даже въ томъ случаѣ, если перерѣзанъ зрительный нервъ.

Прейеръ, основываясь на различныхъ замѣченныхъ имъ фактахъ, предполагаетъ, что состояніе оцѣпенѣнія, въ которое впадаютъ животныя, происходитъ отъ страха: внезапное и сильное впечатлѣніе возбуждаетъ въ животныхъ ужасъ, въ связи съ чувствомъ полнѣйшей беспомощности относительно угрожающей опасности. Этотъ родъ испуга и служить, по мнѣнію названнаго ученаго, причиною паралича.

Объясненіе заманчивое! Но, во-первыхъ, оно не примѣнимо къ человѣку, что въ значительной степени суживаетъ его значеніе. И затѣмъ, или даже признать его, — развѣ это настоящее объясненіе? Сказать, что катаплексія составляетъ специальное проявленіе особаго рода испуга, значитъ, въ дѣйствительности, сознаться въ незнаніи ея причинъ. Мы видимъ явленіе, вызванное толчкомъ, могущимъ также служить причиною испуга; но основательно ли отсюда заключить, что данное явленіе есть слѣдствіе самаго испуга? Никкимъ образомъ!

Мы имѣемъ только право сказать, что поражающія ужасомъ впечатлѣнія вызываютъ катаплексію; но происходитъ ли эта катаплексія дѣйствительно отъ страха, это еще очень и очень спорно.

Мы видимъ такимъ образомъ, что хотя относительно различныхъ проявленій гипнотизма и могутъ быть указаны тѣ или другія причины, но почти нѣтъ возможности остановиться окончательно на какомъ нибудь одномъ правдоподобномъ выводѣ.

Что же касается магнетическихъ пассовъ, то тутъ обнаруживаются еще большія трудности. Здѣсь уже отсутствуютъ такіе факторы, какъ фиксированіе зрѣнія, блестящій предметъ или внезапный испугъ...

Вотъ какимъ образомъ я обыкновенно экспериментирую. Мой методъ чисто эмпирической и представляетъ нѣкоторый интересъ въ томъ отношеніи, что, удаваясь мнѣ часто, обѣщаетъ и другимъ изслѣдователямъ оказать ту же услугу. Многие изъ моихъ друзей и товарищей, слѣдуя моему методу, достигли тѣхъ же результатовъ:

Я сажаю пациента въ кресло, прямо противъ себя; затѣмъ беру его руками за большіе пальцы и сжимаю ихъ довольно сильно, но по возможности равномерно. Я пролжаю эту операцію минуты три или четыре; причемъ, вообще говоря, нервныя особы начинаютъ уже испытывать нѣкоторую тяжесть въ предплечіи, локтяхъ и въ особенности въ кистяхъ. Затѣмъ я прибѣгаю къ пассамъ,

вытягивая руки надъ головой, лбомъ, плечами и въ особенности надъ вѣками экспериментируемаго субъекта. Пасы состоятъ изъ однообразныхъ передвиженій рукъ сверху внизъ, передъ самыми глазами субъекта, какъ бы съ тѣмъ, чтобы закрыть ему вѣки. Въ началѣ опытовъ я полагалъ, что необходимо заставлятъ пациента фиксировать какой нибудь предметъ, но потомъ убѣдился, что это бесполезное осложненіе. Фиксированіе быть можетъ и имѣетъ какое нибудь значеніе, но въ данномъ случаѣ оно не необходимо.

Какое дѣйствіе оказываютъ эти пасы? И сжиманіе пальцевъ играетъ ли, дѣйствительно, какую нибудь роль? Я не могъ еще выяснитъ эти вопросы и предположенія, возможные въ данномъ случаѣ, весьма проблематичныя.

Во-первыхъ, что касается сжиманія большихъ пальцевъ, не существуетъ ли тутъ аналогіи съ вышеприведеннымъ опытомъ Чермака? Если перевязать ниткой лапку лягушки, животное становится почти неподвижнымъ; если обмотать тесьмой клювъ пѣтуха, онъ становится соннымъ и одурѣлымъ: слабое, но продолжительное раздраженіе какъ бы причиняетъ гипнотизмъ, а внезапное и сильное — катаплексію.

Такимъ же образомъ и на пасы передъ глазами усыпляемаго слѣдуетъ, быть можетъ, смотрѣть, какъ на слабое, продолжительное раздраженіе, дѣйствующее своимъ однообразіемъ и повтореніемъ. Это предположеніе оправдывается до нѣкоторой степени

наблюдениемъ Гейденгайна надъ субъектами, много разъ уже усыпляемыми: подъ влияниемъ тиканія часовъ, приставленныхъ къ ихъ уху, эти субъекты легко впадаютъ въ гипнозъ. Съ своей стороны, я видѣлъ параплегическую истеричную, которая погружалась въ сомнамбулизмъ отъ той же причины. Впрочемъ, мы уже знаемъ, что у субъектовъ, однажды или нѣсколько разъ проявлявшихъ симптомы сомнамбулизма, весьма легко вызвать ихъ вновь. Поэтому, именно у больныхъ Сальетриеры, одной вибраціи камертона достаточно, чтобы вызвать гипнозъ.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, легкія и повторяемая раздраженія, какъ напр., тиканіе часовъ, монотонная, однообразная мелодія или вибрація камертона не въ состояннн вызвать сомнамбулизма даже въ весьма нервномъ субъектѣ, если послѣдній ранѣе не проявлялъ симптомовъ этого невроза, хотя, повидимому, г. Гейденгайнъ и склоненъ думать противное (loc. cit., 28). Слѣдовательно, гипотеза монотонныхъ, повторяемыхъ раздраженій, какъ причины сомнамбулизма, хотя несомнѣнно и вѣрна относительно нѣкоторыхъ случаевъ, но не имѣетъ универсальнаго значенія. Эти простые способы могутъ имѣть влияние на субъектовъ расположенныхъ къ сомнамбулизму предъидущими опытами, но они оказались бы неэффективными, еслибы съ помощью ихъ пожелали усыпить въ первый разъ того или другаго субъекта.

Была предложена еще другая гипотеза, не лишен-

ная нѣкотораго правдоподобія: Говорятъ, что пациентъ самъ себя усыпляетъ. Его вниманіе сосредоточено на мысли о снѣ, его представленіе поглощено тѣми необычайными явленіями, которыя онъ ожидаетъ испытать на себѣ; онъ засыпаетъ, потому-что ждетъ быть усыпленнымъ.

Есть нѣкоторая доля правды въ этомъ объясненіи, но оно также далеко не универсально. Я видѣлъ субъектовъ совершенно спокойныхъ, ничего неожиданныхъ, незнавшихъ, что имъ предстоитъ уснуть, не слыжавшихъ даже о гипнотизмѣ и которые, тѣмъ не менѣе, довольно скоро засыпали подѣ вліяніемъ пассовъ.

Само собою разумѣется, что у подобныхъ особъ выжидательное вниманіе не играетъ почти никакой роли. Поэтому приписывать всѣ случаи усыпленія или гипноза, данному вниманію — значило бы насиловать факты въ угоду произвольнаго предположенія (VI).

Давно уже было высказано еще другое предположеніе, именно, что магнетизирующій дѣйствуетъ силою своей волей; что въ то время, когда онъ производитъ пассы или держитъ пациента за большіе пальцы, изъ него истекаетъ особая, магнетическая жидкость, погружающая пациента въ сонъ. Это предположеніе довольно удобно, пока дѣло идетъ объ усыпленіи когонибудь, потому что оно побуждаетъ продѣлывать въ теченіи получаса и болѣе соответствующія манипуляціи съ терпѣніемъ, какое было бы невозможно, если бы отсут-

ствовало убѣжденіе, что отъ рукъ не исходить нѣкая жидкость. Къ тому же, во время пассовъ усиленное напряженіе вниманія и воли располагаетъ думать, что тутъ участвуетъ волевой актъ въ качествѣ истекающей жидкости. У весьма чувствительныхъ къ усыпленію субъектовъ, пассы вызываютъ особенныя ощущенія зуда, тепла и холода.

Тѣмъ не менѣе предположеніе магнетической жидкости ничѣмъ не доказано. Чтобы допустить такой невѣроятный, идущій въ разрѣзъ со всѣми научными истинами фактъ, какъ истечение, подъ вліяніемъ воли даннаго субъекта, особой жидкости, дѣйствующей на волю другаго субъекта, необходима совокупность солидныхъ, неопровержимыхъ свидѣтельствъ. Между тѣмъ, подобныя свидѣтельства совершенно отсутствуютъ. Конечно, гипотеза магнетической жидкости весьма удобна: она объясняетъ нѣкоторые факты, безъ нея трудно объяснимые; но она невѣроятна до абсурда и не имѣетъ за собою ни единого опытнаго доказательства.

Быть можетъ часть наблюдаемыхъ явленій обусловливается слабыми электрическими токами. Известно, что во всѣхъ тканяхъ развиваются электродвигательныя силы, хотя и крайнѣ слабыя, но уловимыя съ помощью чувствительнаго гальванометра. Интенсивность этихъ электрическихъ токовъ возрастаетъ съ сокращеніемъ мускуловъ, вытягиваніемъ сухожилій, треніемъ суставныхъ по-

верхностей, измѣненіями капиллярности сосудовъ, влажности кожи и т. п. Такимъ образомъ, когда производятъ рукой магнетическіе пассы, въ ней несомнѣнно развиваются электрическія токи, которые, быть можетъ, и служатъ причиной измѣненій въ нервной системѣ субъекта, усыпляемаго пассами. Въ самомъ дѣлѣ, какъ показали Бюркъ и Шарко, весьма легкіе электрическіе токи, поражаемые прикосновеніемъ къ кожѣ мало-окисляющимся металломъ, напримѣръ золотомъ, могутъ очень быстро измѣнить чувствительность въ цѣлой области тѣла.

Поэтому возможно — я предлагаю эту гипотезу весьма робко — что повтореніе крайне слабыхъ электрическихъ токовъ, дѣйствующихъ въ теченіи полчася по одному направленію, оказываетъ значительное вліяніе на нервные центры воспримчиваго субъекта. Чтобы доказать основательность подобнаго предположенія, слѣдовало бы усыпить кого нибудь, быстро пропуская легкіе электрическіе токи передъ лбомъ и глазами даннаго субъекта. Съ этой цѣлью я и устроилъ соотвѣтствующій небольшой аппаратъ, безъ особенной, впрочемъ, вѣры въ него, но не имѣлъ еще случая испытать его на практикѣ при надлежащихъ условіяхъ (VII).

И такъ, если въ концѣ концовъ, ближе всмотрѣться въ предположенія, когда либо сдѣланныя съ цѣлью объяснить происхожденіе магнетическаго сна, мы увидимъ, что ни одно изъ нихъ не можетъ считаться удовлетворительнымъ.

Вотъ эти всѣ восемь предположеній:

1°) Гипотеза яркости блестящаго предмета.

2°) Гипотеза фиксированія зрѣнія (съ большимъ или меньшимъ косоглазиемъ и спазмами аккоммодаци).

3°) Гипотеза испуга.

4°) Гипотеза выжидательнаго вниманія.

5°) Гипотеза особой жидкости животнаго магнетизма.

6°) Гипотеза однообразныхъ слабыхъ и повторяемыхъ раздраженій.

7°) Гипотеза электрическихъ токовъ, слабыхъ и повторяемыхъ.

8°) Гипотеза отсутствія внѣшнихъ впечатлѣнй.

Ни на одну однако изъ этихъ причинъ нельзя смотрѣть какъ на вполне доказанную. Все это одни слова, которыми обыкновенно отдѣлываются, когда не знаютъ настоящей причины. Я, съ своей стороны, весьма склоненъ думать, что истинная причина сомнамбулизма до сихъ поръ намъ совершенно неизвѣстна.

При современномъ положеніи науки ничего болѣе неостается, какъ предположить, что многіе изъ вышеуказанныхъ различныхъ факторовъ дѣйствуютъ одновременно и совмѣстно. Напримѣръ, рядомъ съ выжидательнымъ вниманіемъ могутъ играть роль зрительныя и слуховыя раздраженія, угнетающія своимъ однообразіемъ и повтореніемъ, предрасположенную къ тому нервную систему. Участіе воли сказывается, быть можетъ, имен-

но въ томъ, что электрическое состояніе руки магнетизера измѣняется подъ вліяніемъ ощущаемаго имъ волненія и производимыхъ имъ движеній.

Конечно, все это крайне еще гипотетично, и наши выводы отличаются отрицательнымъ характеромъ, но хорошо уже и то, что мы умѣемъ въ этомъ сознаться (VIII).

Всѣ упомянутые выше способы сомнамбулизації могутъ оказаться недѣйствительными, часто не достигающими цѣли, если имѣютъ въ виду примѣнить ихъ непременно къ субъекту, никогда еще не подвергавшемуся усыпленію. На оборотъ, съ чувствительными особами все удается, и затрудненіе является обратное. вмѣсто того, чтобы пріискивать средство, которое бы всегда дѣйствовало усыпляющимъ образомъ, приходится искать средство, которое никогда не оказывало бы подобнаго дѣйствія, и таковое не находится. Тиканіе часовъ, прикосновеніе руки или неодушевленнаго предмета, вибраціи каммертона, рѣзкое движеніе, яркій лучъ свѣта, простое слово, даже одинъ взглядъ, составляютъ достаточную причину для усыпленія. Такимъ образомъ, въ одномъ случаѣ неудача попытокъ, а въ другомъ крайне легкая ихъ осуществимость, значительно умалятъ значеніе вышеприведенныхъ объясненій.

М ***, которую я усыплялъ въ больницѣ Божонъ, отличалась такой чувствительностью, что, какъ только я входилъ въ палату, съ желаніемъ-ли или безъ желанія ее усыпить, она немедленно засы-

пала. Эта крайняя степень чувствительности развилась у нея постепенно. Такъ, въ первый разъ мнѣ не удалось ее усыпить; во второй разъ она уснула послѣ десятиминутнаго сеанса; въ третій—послѣ пятиминутнаго, и т. д. На пятомъ сеансѣ я усыпилъ ее однимъ прикосновеніемъ къ ея лбу; а нѣсколько времени спустя, мнѣ достаточно было для этого подойти къ ея кровати. Наконецъ, позднѣе, какъ только я входилъ въ палату, она засыпала при одномъ взглядѣ на меня. Однако, данное явленіе усложнялось тѣмъ фактомъ, что М*** не всегда погружалась въ сонъ: часто я подходилъ къ ея постели и разговаривалъ съ нею, не замѣчая никакого измѣненія къ ея состоянію; но достаточно было какого нибудь раздраженія, короткаго стука, стоило, напримѣръ, хлопнуть въ ладоши, или громко сказать: «усните» и М*** немедленно засыпала. Физиологическое состояніе этой больной можно сравнить съ состояніемъ тѣла въ неустойчивомъ равновѣсіи, которое падаетъ при малѣйшемъ сотрясеніи.

Устраняя даже подобные случаи чрезмѣрной, почти болѣзненной чувствительности къ сомнамбулизму, можно, тѣмъ не менѣе, констатировать весьма любопытные факты, указывающіе на необходимость строго различать случаи, когда сомнамбулическое состояніе вызывается въ первый разъ, отъ тѣхъ, когда субъектъ пріобрѣлъ уже значительную чувствительность предшествующими опытами.

А, Гейденгайнъ, вначалѣ усыпляемый съ большимъ трудомъ своимъ братомъ, впоследствии легко впадалъ въ сомнамбулическое состояніе, даже когда д-ръ Р. Гейденгайнъ надѣвалъ на руки толстыя перчатки. Такимъ же образомъ и друзья мои — Ф***, Р*** и С***, вначалѣ съ трудомъ усыпляемые, приобрѣли подѣ конецъ такую чувствительны, что я могъ усыплять ихъ пассами на разстояніи двухъ и даже болѣе метровъ.

Всѣ эти факты и другіе, столь же трудно понимаемые, объясняютъ распространившееся въ публикѣ, хотя, по всей вѣроятности, и ложное мнѣніе будто воля магнетизера служить причиною сна усыпляемаго. Видя, какъ послѣдній легко впадаетъ въ сомнамбулическое состояніе по желанію магнетизера, весьма естественно было связать эти два явленія, какъ причину съ слѣдствіемъ, хотя подобная связь не основана ни на какихъ доказательствахъ и до сихъ поръ не могла быть научно констатирована.

Возможно-ли усыпить субъекта не только на разстояніи, но и тогда, когда онъ ничего не знаетъ о присутствіи магнетизера, не видитъ и не слышитъ его? Хотя мнѣ иногда и казалось, что нѣкоторые факты подтверждаютъ это мнѣніе, но я не могу однако назвать его спорнымъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ приходится имѣть дѣло съ какой нибудь необычайной и невѣроятной идеей, нельзя довольствоваться показаніями единичнаго факта: необходимы многочисленныя доказательства и все-

возможныя предосторожности; необходимо вполне оградить себя отъ ошибокъ или обмана, чтобы имѣть право утверждать, что данный фактъ дѣйствительно существуетъ, такъ какъ онъ можетъ быть воспроизведенъ каждый разъ по желанію. Этотъ послѣдній признакъ единственный, по которому научная истина отличается отъ голословнаго утвержденія. Рѣшаясь продолжать въ данномъ направленіи эти затруднительные опыты, я склоненъ, однако, думать, что къ какимъ бы усиліямъ воли не прибѣгалъ магнетизеръ, съ цѣлью вызвать у своего паціента сомнамбулическое состояніе, послѣдній не уснетъ, если не будетъ знать о присутствіи магнетизера.

Нѣкоторымъ лицамъ могутъ показаться странными попытки къ подобнымъ опытамъ, и меня, вѣроятно, обвинятъ въ непростительномъ легковѣріи. Однако, я полагаю, что держусь элементарно-научнаго безпристрастія, не отвергая а priori мнѣнія, какъ бы парадоксальнымъ оно не казалось. Крайнее отрицаніе всего неразумнѣе въ подобныхъ случаяхъ. Что намъ въ сущности извѣстно о нервной системѣ? И какое великое ослѣпленіе, отказываться отъ изслѣдованій подъ предлогомъ, что для отрицанія у насъ достаточно знаній! Если бы, не входя ни въ какія подробности, объявили современнику Галилея, что можно переговариваться между Парижемъ и Римомъ, какъ это дѣлаютъ въ наше время, благодаря телефону и электричеству, онъ, вѣроятно, отвергъ бы а priori такое заявленіе,

считая его абсурднымъ и противнымъ всѣмъ научнымъ даннымъ своего времени.

Современникъ Галилея оказался бы однако не правымъ; точно также и мы были бы не правы, отвергая безъ разбора все, что не согласно съ нашими крошечными знаніями. Выражаясь опредѣленнѣе, я скажу, что если бы мнѣ показали на наглядномъ опытѣ, что усыпленіе можетъ быть возбуждено магнетизеромъ, безъ вѣдома магнетизируемаго, я этому повѣрилъ бы, такъ какъ факты—высшій авторитетъ, передъ которымъ я всегда готовъ преклониться.

V.

О физиологической природѣ сомнамбулизма.

Воля.—Автоматизмъ физическій и умственный.—Ингибация.

Въ одной изъ предыдущихъ главъ мы говорили о различныхъ симптомахъ сомнамбулизма и указали на тѣ заключенія, которыя могутъ быть сдѣланы относительно состоянія нервной системы у сомнамбуловъ. Я желалъ бы возвратиться къ этимъ соображеніямъ и бросить болѣе общій взглядъ на это состоянія нервной системы.

Предположимъ на минуту, что психическая жизнь человѣка подчинена высшей силѣ, участвующей во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ и регулирующей направленіе нашихъ мыслей и чувствъ. Пусть этой силою будетъ воля самопроизвольность или вниманіе, какъ хотите. Вотъ я, на примѣръ, сижу за столомъ и пишу. Я могу до нѣкоторой степени дать своимъ мыслямъ направленіе, какое

пожелаю. Шумъ и движеніе внѣшняго міра доносятся до меня, но мнѣ не до нихъ: занятый опредѣленной мыслью, я сосредоточиваю все свое вниманіе на томъ, что пишу. Стало быть, дѣйствительно или только по видимому, я самъ себѣ господинъ. Я могу продолжать свою работу; но могу и встать, если пожелаю, положить перо на столъ, взять шляпу и уйти. Я могу также произвести рядъ другихъ поступковъ, произвольныхъ или кажущихся таковыми. Направленіе, воля, самопроизвольность этихъ различныхъ поступковъ исходятъ, вѣроятно, отъ периферической части головного мозга: именно, отъ сѣраго коркового вещества.

Но по мимо этого желающаго и дѣйствующаго я, есть еще другое я—вполнѣ автоматическое, регулирующее и координирующее волевые движенія; побуждающее мышцы сокращаться подъ вліяніемъ соотвѣтствующаго импульса, получаемого отъ волеваго я. Всѣ рефлекторныя, инстинктивныя, неволевые движенія регулируются автоматическимъ аппаратомъ, находящимся во мнѣ; сѣдалищемъ этого автоматическаго аппарата служатъ—четырехолміе, луковка, спинной мозгъ, и, вѣроятно, также зрительные бугры.

Многими фізіологами было показано, что въ нормальномъ состояніи высшіе нервные центры оказываютъ умѣряющее вліяніе на автоматическіе нервные акты. Дѣло происходитъ такимъ образомъ, что отъ высшихъ центровъ какъ бы постоянно исходить умѣряющій нервный импульсъ къ нис-

шимъ центрамъ (четырехолмію, луковкѣ и спинному мозгу), ослабляющій интенсивность рефлѣкторныхъ движеній, опредѣляемыхъ этими низшими центрами. Рефлѣкторныя движенія животнаго, лишеннаго головнаго мозга, гораздо энергичнѣе, чѣмъ у животнаго совершенно нормальнаго.

Эти рефлѣкторныя и автоматическіе акты проявляются въ условіяхъ весьма аналогичныхъ съ нормальными. Такъ, напримѣръ, лягушка, лишенная полушарій головнаго мозга, скачетъ и плаваетъ почти также, какъ въ нормальномъ состояніи.

Безъ сомнѣнія и у сомнамбуловъ происходитъ нѣчто аналогичное: воли у нихъ нѣтъ и рефлѣкторныя акты повышены. Я говорю, напр., г-жѣ В...: «Садитесь!» и она садится; «Ходите!» и она ходитъ до тѣхъ поръ, пока я не прикажу остановиться. Голуби Флуранса (т. е. голуби съ вырѣзанными полушаріями головнаго мозга) продѣлываютъ тоже самое. Если ихъ толкнуть впередъ, они идутъ по столу до края столешницы и затѣмъ падаютъ на полъ, такъ какъ безостановочно продолжаютъ передвигаться по разъ сообщенному имъ направленію.

Такимъ образомъ, разъ данный импульсъ не задерживается волей, онъ продолжаетъ дѣйствовать непрерывно, пока новое раздраженіе извнѣ не остановитъ первоначальнаго толчка.

Повышеніе рефлѣкторной дѣятельности принадлежитъ, въ свою очередь, къ числу постоянныхъ

явленій, какъ это въ особенности наблюдается на рефлекторной раздражительности мускуловъ. Чѣмъ глубже сонъ, тѣмъ значительнѣе раздражительность мышцъ, причемъ иногда она до того возрастаетъ, что достаточно самаго легкаго прикосновенія къ мускуламъ, чтобы вызвать въ нихъ состояніе контрактуры.

Такимъ образомъ, эти два явленія—чрезмѣрное повышеніе рефлекторной раздражительности и автоматизмъ, идутъ объ руку съ предположеніемъ, что въ состояніи сомнамбулизма, нормальная дѣятельность высшихъ нервныхъ центровъ, какъ сѣдалища воли, совершенно отсутствуетъ.

Однако, словомъ «автоматизмъ» исчерпывается далеко еще не все. Нельзя отождествлять состояніе животнаго, лишеннаго головнаго мозга и тѣмъ погруженнаго въ бездремный сонъ, съ состояніемъ сомнамбула, память котораго совершенна, умственная дѣятельность котораго очень жива и возбужденное воображеніе котораго создаетъ самыя сложныя галлюцинаціи.

Чтобы надлежаще объяснить это кажущееся противорѣчіе, возвратимся къ нашему первому предположенію о существованіи въ интеллектѣ человѣка высшей силы—воли, самопроизвольности. Какова бы ни была эта сила, а не мало метафизическихъ споровъ возникало по вопросу о сущности и характерѣ ея, можно во всякомъ случаѣ признать, что она одна лишь отсутствуетъ въ разсматриваемомъ здѣсь состояніи, тогда какъ всѣ осталь-

ныя умственныя способности пребываютъ въ полной неприкосновенности. Связь между волей и интеллектомъ обрывается, и никакое вниманіе, никакое сознательное усиліе не руководить болѣе памятью или воображеніемъ.

Такимъ образомъ, подобно тому, какъ обезглавленное животное можетъ быть вызвано къ дѣятельности только внѣшнимъ раздраженіемъ, такъ и умственныя способности сомнамбула проявляются лишь подъ вліяніемъ внѣшняго стимула. Въ нормальномъ состояніи этотъ внѣшній импульсъ смѣняется волей. Но у сомнамбула нѣтъ воли; его умственная дѣятельность автоматична, подобно полету или ходьбѣ голубя съ вырѣзанными полусферами головного мозга. Такъ напр., когда я говорю сомнамбулу: «Вотъ змѣя!», тотчасъ же идея змѣи рисуется его воображенію въ формѣ реальнаго образа. Онъ видитъ ея движенія, видитъ, какъ она бросается на него, кусаетъ; онъ пугается, начинаетъ кричать, старается уйти и т. п. Весь этотъ рядъ идей свидѣтельствуетъ, конечно, объ умственной дѣятельности сомнамбула, но дѣятельности, лишенной всякаго самообладанія. Если мнѣ скажутъ: «вотъ змѣя!» Я могу, измѣняя ассоціацію своихъ мыслей въ какомъ угодно мнѣ направленіи, могу думать о деревѣ или лодкѣ, яблокѣ, картинѣ, романѣ, о солдатѣ, лабораторіи, о рѣкѣ и т. д. Я полный господинъ надъ этими ассоціаціями идей, какъ мнѣ, по крайней мѣрѣ кажется, и, defacto, все такъ и происходитъ, словно я, дѣйствительно,

господствуютъ надъ всей данной ассоціаціей идей; у сомнамбула же, напротивъ, умственная дѣятельность отличается совершенно пассивнымъ характеромъ. Ему говорятъ: «Вотъ змѣя!» — и предъ нимъ неизбежно встаетъ образъ змѣи, со всѣми представленіями, связанными съ этой идеей. Онъ не въ силахъ избрать другую идею изъ серіи своихъ воспоминаній, чтобы такимъ образомъ измѣнить теченіе мыслей, порожденныхъ воображаемымъ видомъ змѣи.

И такъ, у сомнамбула умственная способность не отсутствуетъ, но она дремлетъ. Чтобы пробудить ее, чтобы вызвать идеи къ движенію, достаточно одного импульса, который опредѣлилъ бы собою весь психическій процессъ, связанный со словомъ змѣя. Вслѣдъ за этимъ словомъ — память, воображеніе, чувствительность, все пробуждается къ дѣятельности, какъ и у нормальнаго субъекта. Вся разница лишь въ томъ, что въ нормальномъ состояніи мысль о змѣѣ можетъ быть направляема, измѣняема, увеличиваема, или подавляема силою воли, тогда какъ у сомнамбула эта сила отсутствуетъ. Весь мозговой аппаратъ аффективной и умственной дѣятельности приводится въ дѣйствіе внѣшнимъ импульсомъ, внутренняго импульса, т. е. воли совсѣмъ нѣтъ.

Сомнамбула можно себѣ представить въ положеніи человѣка, находящагося въ одиночествѣ, среди полнаго мрака и абсолютной тишины. Какое нибудь внѣшнее дѣйствіе, которое прошло бы

незамѣченнымъ въ ярко освѣщенномъ и шумномъ залѣ, производитъ сильное впечатлѣніе на такого субъекта. Вотъ почему у сомнамбуловъ, слабый импульсъ, ничтожное внушеніе служатъ исходною точкою къ возникновенію многочисленной серіи галлюцинацій.

По характеру своего возникновенія эти галлюцинаціи въ высокой степени замѣчательны: онѣ необходимы, фатальны. Фактически онѣ постоянны для одного и того-же индивидуума. Какъ у истеричной различныя формы неистоваго бреда наступаютъ другъ за другомъ съ изумительной правильностью и пунктуальностью, такъ и у одного и того-же сомнамбула рядъ галлюцинацій, вызываемыхъ даннымъ стимуломъ, всегда слѣдуютъ въ одномъ и томъ же порядкѣ. Тѣже жесты, тѣже слова, тѣже выраженія фізіономіи, повторяются послѣ одного или двухъ-лѣтняго промежутка.

Такимъ образомъ, допуская этотъ умственный автоматизмъ, легко уже объяснить главные особенности галлюцинарной идеи. Подобная идея не произвольна: она порождается притекающимъ изъ внѣ раздраженіемъ; она единична и вслѣдствіи того настолько интенсивна, что пробуждаетъ къ дѣятельности всѣ умственные способности. Она вызываетъ цѣлую серію идей, являющихся какъ необходимое слѣдствіе перзоначальной. Всѣ чувства немедленно и неотразимо выражаются соответствующими жестами и позами. Ничто не въ

силахъ остановить или измѣнить ихъ теченія. Воля неимѣетъ болѣе никакой власти надъ раз-нузданнымъ воображеніемъ.

И такъ, въ концѣ концовъ, возможно, кажется, радомъ съ соматическимъ, тѣлеснымъ автоматизмомъ признать автоматизмъ психическій. Подобно тому, какъ существуютъ спинно-мозговые рефлексы, такъ точно существуютъ и церебральные рефлексы (головнаго мозга), психическіе. Въ сомнамбулическомъ состояніи умственная дѣятельность не отсутствуетъ, но она автоматична. Чудная машина все еще продолжаетъ работать; но работать въ качествѣ простаго, настоящаго механизма, гдѣ никакая воля не измѣняетъ ея роковаго теченія. Это глубокое нарушеніе умственныхъ отправленій наблюдается не только въ сомнамбулическомъ состояніи. Всѣ яды, дѣйствующіе на головной мозгъ и умственныя способности, оказываютъ почти аналогичное вліяніе. Кажется, наше волевое я скорѣе поддается дѣйствию ядовъ, чѣмъ автоматическое. Люди, принявшіе алкоголь, индѣйскую коноплю или опиумъ, не обладаютъ той способностью господства надъ ассоціаціями идей, которую мы чувствуемъ въ себѣ. Такимъ же образомъ и у истеричныхъ наблюдается замѣтный упадокъ воли и разума. То умственное равновѣсіе, *imprium sui*, которое въ нормальномъ состояніи кажется присутимъ намъ, живущемъ въ насъ — совершенно отсутствуетъ.

Возвратитесь теперь еще разъ къ нашему пер-

вому предположенію. Оно было удобно для предъидущаго изложенія, но болѣе не необходимо. Нѣтъ надобности предполагать существованіе особой самородной силы, управляющей умственной дѣятельностью. Эта сила есть, быть можетъ, ничто иное какъ воспоминаніе прежнихъ впечатлѣній, скопленныхъ въ умѣ. У каждаго здороваго субъекта существуетъ въ умѣ множество мыслей, находящихся въ колебаніи и взаимномъ уравновѣшиваніи. Всѣ эти мысли, являясь одновременно нашему сознанию, благодаря такому колебанію и взаимному уравновѣживанію, рождаютъ въ насъ чувство самопроизвольности. Но если предположить, что весьма правдоподобно, что у сомнамбуловъ это одновременное существованіе мыслей въ сознаниі совершенно отсутствуетъ то, понятно, тутъ уже не можетъ установиться равновѣсіе: единичная идея, вызванная внѣшнимъ стимуломъ, не уравновѣшиваемая другими мыслями, господствуетъ безраздѣльно и фатально подчиняетъ себѣ всю умственную дѣятельность. Стало быть, въ состояніи сомнамбулизма, отсутствуетъ не самапроизвольность, тѣмъ болѣе, что весьма сомнительно самое существованіе такой самопроизвольности—а сознательное воспоминаніе предъидущихъ идей. Чтобы пробудить такое воспоминаніе, необходимъ внѣшній стимулъ; для нормальнаго же субъекта нѣтъ надобности въ этомъ стимулѣ: его сознаніе и память бодрствуютъ одновременно.

Если бы требовалось опредѣлить однимъ сло-

вомъ психическое состояніе сомнамбуловъ, я бы назвалъ это состояніе мертвымъ штилемъ. Въмѣсто дѣятельной работы мысли, которой занята наша голова, когда мы бодрствуемъ, у сомнамбула ничего нѣтъ—ни сознанія, ни памяти; онъ не думаетъ, не мыслить; необходимъ толчекъ извнѣ, чтобы душа его пробудилась отъ того оцѣпенѣнія, въ которое она погружена.

Чѣмъ именно обуславливается такое умственное разстройство? Параличъ-ли это, или-же результатъ угнетающаго вліянія высшихъ нервныхъ центровъ? На этотъ вопросъ нельзя еще дать опредѣленнаго отвѣта. Несомнѣнно, одно изъ этихъ предположеній должно быть признано, и по нашему мнѣнію мысль объ угнетающемъ вліяніи (ингибациі) болѣе правдоподобна. (IX).

VI.

Личность и память.

Объективизация типовъ. — Частная амнезія. — Распаденіе элементовъ нашего я. — Вліяніе памяти на личность. — Вліяніе внѣшнихъ воспріятій. — Вліяніе дѣятельности тѣлесной и психической. — Память сознательная и бессознательная.

Я говорилъ уже выше о нѣкоторыхъ случаяхъ амнезіи; необходимо теперь сообщить о нихъ болѣе подробностей. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, я имѣлъ возможность наблюдать двухъ особъ, обнаруживавшихъ относительно амнезіи и раздвоенія личности, нигдѣ еще не описанныя или едва лишь отмѣченныя явленія.

Рѣчь идетъ о двухъ женщинахъ, изъ совершенно различной соціальной среды, никогда другъ друга не видавшихъ и, тѣмъ не менѣе, обнаружи-

вавших удивительное сходство въ симптомахъ и явленіяхъ, такъ называемыхъ магнетическихъ.

Одна изъ этихъ женщинъ—которую я обозначаю буквою А... высокая полная блондинка, мать семейства, съ весьма опредѣленными религіозными убѣжденіями. Это жена выдающагося негоціанта, постоянно живущаго въ провинціи. чѣмъ и объясняется, что до моихъ опытовъ съ нею, она ничего не слыхала о сомнамбулизмѣ или магнетизмѣ.

Другая,—я обозначаю ее черезъ Б...—маленькая блондинка, лѣтъ тридцати двухъ. Жизнь провела довольно бурную. Четыре-пять лѣтъ тому назадъ была магнетизируема различными лицами; но съ тѣхъ поръ не подвергалась другимъ опытамъ, помимо тѣхъ, которыя я сейчасъ опишу.

Правдивость этихъ особъ, за которыми я тщательно наблюдалъ въ теченіи почти трехъ лѣтъ, не подлежитъ, по моему, сомнѣнію. Поэтому я не стану здѣсь возвращаться къ вопросу о симуляціи *),

*) Я укажу только на нѣкоторые факты изъ множества другихъ, не менѣе убѣдительныхъ: Б... та самая особа, съ которой однажды, послѣ сильно испугавшей ее галлюцинаціи, сдѣлался обморокъ, длившійся цѣлую минуту, и возбуждвшій во мнѣ такое безпокойство, эта самая особа недавно въ состояніи сомнамбулизма впала въ летаргію, продолжавшуюся цѣлый часъ. Но какъ извѣстно, изъ всѣхъ сомнамбулическихъ явленій, всего труднѣе симулировать летаргію. — У А... я наблюдалъ однажды весьма интересное явленіе: въ нормальномъ состояніи, она отличалась крайней близорукостью и весьма неясно различала сколько нибудь отдаленные предметы. Въ одинъ изъ сеансовъ, будучи усыплена, она галлюцинировала (галлюцинація была вызвана), отрядомъ приближающихся къ ней въ пустынѣ всадниковъ, при чемъ сдѣлала мнѣ

на которомъ, какъ мнѣ кажется, было-бы неумѣстно настаивать. Я нахожу излишнимъ доказывать, что возможность ничѣмъ не поддерживаемой трехлѣтней симуляціи, сопряженной съ искусствомъ и хитростью, не приносящими симулянтамъ ни малѣйшей пользы — чистѣйшій абсурдъ и невѣроятнѣе всякой другой невѣроятности.

Интересное и сложное явленіе, которое я имѣю въ виду теперь описать, я охотно назвалъ бы объективизаціей типовъ (*objectivation des types*), если бы не боялся такого варварскаго выраженія.

Можно въ нѣсколькихъ словахъ объяснить, что я разумѣю подъ этой объективизаціей.

Когда мы бодрствуемъ и вполне владѣемъ своими способностями, мы можемъ представить себѣ чувства, различныя отъ тѣхъ, которыхъ испыты-

такое замѣчаніе: «я ихъ отлично вижу, гораздо лучше чѣмъ на яву». И дѣйствительно, слабое зрѣніе близорукихъ зависитъ, какъ извѣстно, отъ неправильнаго преломленія свѣтовыхъ лучей. На галлюцинаціи зрѣнія, явленіе вполне мозговое, и поэтому совершенное, безъ недостатковъ въ преломленіи. У близорукихъ, галлюцинаціи такія же ясны и отчетливыя, какъ у лицъ, имѣющихъ нормальный хрусталикъ. — Однажды В... явилась ко мнѣ, страдая упорнымъ бронхитомъ. Она кашляла ежеминутно. Но какъ только я усыпилъ ее, кашель прекратился, вѣроятно вслѣдствіи общей анестезіи, распространившейся на гортань и на развѣтвленія бронхій. По пробужденіи, кашель немедленно возобновился, упорный, несносный. Въ этотъ день я нѣсколько разъ усыплялъ и пробуждалъ А..., и всякій разъ, ничего не говоря ей, наблюдалъ то же самое явленіе бронхитной анестезіи, продолжавшейся во время сна и прекращавшейся по пробужденіи.

ваемъ въ данную минуту. Напримѣръ: въ то время, какъ я сижу спокойно у своего стола и пишу эти строки, я могу постичь тѣ чувства, которыя въ томъ или другомъ положеніи будетъ испытывать солдатъ, женщина, живописецъ или англичанинъ. Я могу сказать: «Вотъ какимъ образомъ стала бы мыслить женщина»; или: «Вотъ какъ поступилъ бы англичанинъ»; или: «Вотъ что сдѣлалъ бы солдатъ».

Романисты, драматурги и поэты, въ моментъ творчества, надѣляются своихъ героевъ чувствами, соответствующими ихъ возрасту, полу, національности, общественному положенію, характеру. Но каковы бы не были усилія этихъ писателей, они никогда не теряютъ при этомъ сознанія своей личности; никогда не отождествляютъ себя съ своимъ твореніемъ. Ни на одну минуту они не забываютъ своего я. Несмотря на лихорадочное вдохновеніе, они постоянно сознаютъ себя сидящими за своимъ столомъ, пишущими поэму, драму или романъ.

Какимъ бы фантастическимъ построеніемъ не отличались наши измышленія, мы никогда не перестаемъ сознавать свое личное существованіе. Какъ бы далеко не уносило насъ наше воображеніе, у насъ всегда сохраняется память о самихъ себѣ. Эта память не принимаетъ участія въ порывахъ фантазіи и не теряетъ подъ собою почвы. Въ то время, какъ всѣ остальные умственные способности уносятся въ безпредѣльное пространство міра

фантазій, наше я остается прикованнымъ къ дѣйствительности.

Здѣсь происходитъ весьма замѣчательное раздвоеніе интеллекта, которому можно было бы привести множество примѣровъ: театральнѣй зритель, плачущій въ самую патетическую минуту драмы, отлично знаетъ, что онъ зритель, что онъ сидитъ въ креслѣ и что предъ нимъ разыгрывается драма на театральнѣхъ подмосткахъ, а не въ дѣйствительной жизни. Человѣкъ, только что испытавшій большое горе или находящійся въ состояніи сильнаго безпокойства, можетъ все-таки заинтересоваться чтеніемъ романа или поддерживать серьезный разговоръ, продолжая въ тоже время сознавать самого себя и сознавать что его я удручено большимъ горемъ или испытываетъ сильное безпокойство. (X)

Словомъ, у нормальнаго субъекта, всегда сохраняется память о своей личности. Онъ знаетъ, что это онъ, а не кто другой; что вчера онъ сдѣлалъ то-то; что сейчасъ онъ написалъ письмо; что недѣлю тому назадъ былъ въ Парижѣ и т. д., и т. д. Вотъ эта-то память о прошедшихъ фактахъ, память всегда присущая уму, и служитъ причиною сознанія нашей личности.

Такимъ образомъ, сознаніе своей личности есть явленіе памяти. Потеря же сознанія личности, — явленіе частной амнезіи.

У двухъ вышеупомянутыхъ женщинъ (А... и В...), которыхъ я наблюдалъ, эта частная амнезія обнаруживается весьма рельефно. Подъ вліяніемъ

незначительныхъ причинъ, о которыхъ я не стану здѣсь говорить, онѣ немедленно теряли сознание своей личности.

Но у нихъ не только обнаруживается частная амнезія, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ способны принять себя за совершенно другую личность, на примѣръ, за солдата, священника, маленькую дѣвочку или даже кролика, и тогда воображаютъ, что дѣйствительно превратились въ солдата, священника, маленькую дѣвочку или кролика.)

Вотъ это я и назвалъ выше объективизаціей типовъ, что обозначаетъ потерю своей личности (амнезію личности), замѣною новой личностью. Усыпленные и подвергнутыя нѣкоторымъ влияніямъ, А... и Б... забываютъ, кто онѣ такія; забываютъ свои лѣта, одежду, полъ, общественное положеніе, національность, даже мѣсто и время въ какое живутъ. Все исчезаетъ. (Въ умѣ остается только одинъ образъ и одно сознание, — это сознание и образъ новаго существа, явившагося ихъ воображенію.)

Онѣ забываютъ все изъ своей прежней жизни. Онѣ живутъ, говорятъ, думаютъ, совершенно такъ, какъ то лицо, за которое принимаютъ себя. Только присутствовавшіе при этихъ опытахъ въ состояніи понять, какой замѣчательной жизненной правдивостью отличается подобная объективизація типовъ. Простое описаніе даетъ очень блѣдную и неполную картину.

Вмѣсто того чтобы только постичь данный типъ,

онѣ реализируютъ, объективизируютъ его. Это не галлюцинировать, присутствующій въ качествѣ зрителя передъ развертывающимися образами, а актеръ, воображающій въ припадкѣ безумія, что пьеса, въ которой онѣ участвуетъ не фикція, а правда и что онѣ тѣломъ и душой превращенъ въ то лицо, роль котораго исполняетъ. Чтобы произвести такое превращеніе личности, достаточно нѣсколько словъ, произнесенныхъ внушительнымъ тономъ. Я, на примѣръ, говорю А...: «Вы старуха»; и она видитъ себя превращенной въ старуху: ея фізіономія, походка, чувства становятся старушечьими. Я говорю Б... «Вы маленькая дѣвочка»; и у нея тотчасъ же появляются выговоръ, манеры, вкусы маленькой дѣвочки.

Хотя передача на бумагѣ подобныхъ сценъ крайне безцвѣтна, въ сравненіи съ зрѣлищемъ, представляемымъ этими удивительными, мгновенными превращеніями, но я тѣмъ не менѣе позволю себѣ указать на нѣкоторые изъ нихъ. (XI)

Вотъ нѣкоторыя изъ объективизацій А...

Крестьянкой. А... протираетъ глаза и потягивается. «Который часъ? четыре часа утра!» (она идетъ волоча ноги, какъ бы обутая въ сабо...) «Ну, надо вставать и идти въ хлѣвъ! Эй, ты, рыженькая, поворачивайся...» (дѣлаетъ видъ, что доить корову...) «Отстань, Жанъ. Да ну-же, отстань, говорятъ тебѣ!.. Послѣ, когда подою. Ты видишь я не кончила... Ну да, да! — послѣ...»

Актрисой. Въмѣсто грубыхъ, угловатыхъ ма-

нерь крестьянки, вся фигура дышетъ игривостью. «Вы видите эту юбку! Это мой директоръ распорядился удлинить ее *). Какіе всѣ эти директора несносные! Я того мнѣнія, что чѣмъ юбка короче, тѣмъ лучше. Какъ ее не укорачивай, она все еще будетъ слишкомъ длинною. Право! достаточно простаго винограднаго листочка! Неправда-ли моя крошка, ты согласенъ со мной, что болѣе ничего не нужно, кромѣ винограднаго листочка? Посмотри-ка на эту каланчу, на Люси, какія у нея ноги, а?»

«Послушай, миленькій! (она смѣется) Ты слишкомъ робокъ съ женщинами. Напрасно! Заходи-ка иногда ко мнѣ. Знаешь, въ три часа я всегда дома. Заходи и приноси что нибудь въ подарокъ».

Генераломъ. «Передайте мнѣ мою зрительную трубу... Хорошо! хорошо! Гдѣ командиръ 1-го баталіона зуавовъ? Вотъ тамъ Крумиры! Я вижу какъ они вылѣзаютъ изъ оврага... Командиръ, возьмите-ка съ собой роту и атакуйте этихъ людей. Захватите также полевую батарею... Молодцы эти зуавы! Какъ они отлично влѣзаютъ... Ну! что вамъ отъ меня угодно? Какъ? вы ждете распорядженій? (Про себя)**). Это плохой офицеръ; онъ ни на что неспособенъ. Ей вы, смотрите — налѣво... Поѣзжайте скорѣе. — (про себя) Вотъ этотъ лучше... но все еще мало обѣщаетъ хорошаго. (Громко):

*) Это говоритъ почтенная женщина, уважаемая мать семейства, отличающаяся религіозностью своихъ чувствъ.

**) Когда она прерываетъ рѣчь и говоритъ про себя, то едва шевелитъ губами и говоритъ тихо, но внятно.

Ну, ведите лошадь, давайте шпагу! (она дѣлаетъ видъ что застегиваетъ португую) Впередь!.. Ахъ! я раненъ!

Священникомъ. (А... воображаетъ себя парижскимъ архіепископомъ. Лице принимаетъ серьезное выраженіе. Голосъ нѣсколько пѣвучій и мягкій, существенно отличающійся отъ грубаго и рѣзкаго въ предыдущемъ воплощеніи). (Про себя): «Нужно же мнѣ, однако, докончить мое пастьрское посланіе». (Она подпираетъ голову руками и размышляетъ). (Громко): «Ахъ это вы, отецъ викарій; что вамъ угодно? Я выразилъ желаніе чтобы меня не беспокоили... Да, сегодня 1-й январь, нужно идти въ соборъ... Какъ вся эта толпа почитательна, отецъ викарій, неправда-ли? Чтобы не говорили, а въ народѣ еще много благочестія. Ахъ! ребенокъ! пусть подходитъ, я его благословлю. Хорошо, дитя мое. (Она подаетъ ему свой воображаемый жезль, чтобы онъ приложился. Въ теченіи всей этой сцены, А... постоянно благословляетъ на право и на лѣво, правой рукой...) «Теперь мнѣ предстоитъ непріятная обязанность: я долженъ отправиться съ поздравленіями къ президенту республики... Г-нъ президентъ, я пришелъ вамъ передать мои пожеланія. Церковь надѣется что вы проживете долгіе годы; она знаетъ что, несмотря на жестокіе нападки, ей нечего опасаться, пока во главѣ республиканскаго правительства, будетъ находиться вполне честный человѣкъ». (Она умолкаетъ и дѣлаетъ видъ, что слушаетъ внимательно).

(Про себя): «Ну, конечно, пустыя фразы. Но, что дѣлать!.. Помолимся!» (Она преклоняется).

Монахиней. (А... немедленно становится на колѣни и начинаетъ читать молитвы, безпрестанно крестясь, потомъ поднимается на ноги: «Надо идти въ больницу. Тутъ въ этой палатѣ раненый... Ну что, другъ мой, неправда-ли, вамъ сегодня лучше? Ну! дайте, я вамъ сдѣлаю перевязку. (Она дѣлаетъ видъ, что снимаетъ бинтъ). Я ужь и такъ осторожно дѣйствую; неправда-ли, это васъ облегчаетъ?.. Что же дѣлать, другъ мой, окажите такое же мужество передъ страданіемъ, какое вы выказывали передъ непріателемъ»...

Я могъ бы привести еще другія превращенія А..., въ старуху, маленькую дѣвочку, кокетку. Но мнѣ кажется, что вышеприведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы дать ясное понятіе объ этомъ полномъ превращеніи личности въ тотъ или другой воображаемый типъ. Это не простое сновидѣніе: это сновидѣніе прожитое.

Объективизаціи Б... также поразительны какъ и А... Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

Генераломъ. Онъ дѣлаетъ нѣсколько разъ: «Гмъ, гмъ!» принимаетъ свирѣпый видъ, и говорить отрывисто: «Пойдемъ, вышьемъ! — Человѣкъ, абценту! Это что за фертикъ такой? Ну, пропустите меня... Что тебѣ нужно?» (Ей подають бумагу, и она дѣлаетъ видъ что читаетъ ее) «Кто это тамъ?» (Отвѣтъ: «Это солдатъ изъ 1-й роты 3-го батальона»). — «А, хорошо! Вотъ!» (Она пи-

петь что-то, чего разобрать нельзя). «Вы передадите это капитану, полковому адъютанту, ну, маршъ, скорѣе!—Что же! скоро подадутъ абцентъ?» (Его спрашиваютъ, имѣеть-ли онъ орденъ). «Еще бы!»—(«Но о васъ рассказывали какія-то исторіи, во время оно). «Какія исторіи? Это что еще такое? Смотрите, чортъ васъ побери! Какія исторіи? Прошу не забываться, а не то!.. Что это за бездѣльникъ такой?» (Она впадаетъ въ сильнѣйшій гнѣвъ, едва не переходящій въ нервный припадокъ).

Матросомъ. Она ходитъ покачиваясь, какъ матросъ только что ступившій на материкъ послѣ продолжительнаго плаванія. «Ага! вотъ и ты, старый землякъ! Ну пойдёмъ, кутнемъ! Я знаю кабачекъ, гдѣ намъ будетъ отлично. Какія тамъ дѣвки!..» Мы отказываемся передавать конецъ исторіи.

Старухой. Ее спрашиваютъ: «Какъ ваше здорovie?»; она опускаетъ голову и говоритъ: «А-а-а!—Что такое?» «Какъ ваше здорovie?» Она опять: «Что такое! Говорите громче, я крѣпка на ухо». Она садится охаетъ, кашляетъ, потираетъ себѣ грудь, колѣни и говоритъ про себя: «Это опять боли! Ой! Ой!.. Ахъ! вы привели вашу дочку! Она миленькая! Поцѣлуй меня, душечка и ступай играть... Есть у васъ немножко табачку?»

Маленькой дѣвочкой *). Она говоритъ какъ

*) Это воплощеніе продолжалось цѣлыхъ полтора часа, и Б... ни разу не замѣнила своему дѣтскому лепету и обращенію.

пяти или шести лѣтній ребенокъ. «Я хочу игръять. Яскази мнѣ сто нибудь. Давай игръять въ пятки, и т. д...» Она бѣгаетъ, смѣется, прячется, кричитъ ку-ку. Эта игра, весьма для насъ утомительная, продолжается почти четверть часа. Затѣмъ, она переходитъ къ игрѣ въ жмурки, въ пятнашки и т. п., возится съ куклой, укачиваетъ ее. Ее заставляютъ рассказать сказку про Красную Шапочку, она говоритъ, что эта сказка хорошая, но грустная. Ее спрашиваютъ, нравственная-ли эта сказка; она говоритъ, что не понимаетъ значенія этого слова. Она не хочетъ рассказывать другой сказки, сердится, показываетъ языкъ, топаетъ ногами, и т. д. отказывается отъ полишинеля, потому что эта игрушка для мальчиковъ, обѣщается быть умной и проситъ дать ей куклу или варенья.

Кондитеромъ Х...—Эта послѣдняя объективизація особенно интересна, такъ какъ нѣсколько лѣтъ назадъ, будучи въ услуженіи у Х..., онъ прибилъ ее и кажется даже дѣло доходило у нихъ до суда. Б... воображаетъ себя Х—омъ, вся фигура измѣняется, становится важной. Когда являются покупатели, она принимаетъ ихъ любезно. «Непремѣнно, сударь, сегодня въ восемь часовъ мороженое будетъ у васъ! Прикажете записать вашу фамилію? Извините пожалуйста, что тутъ никого нѣтъ; но у меня такая лѣнивая прислуга. Б....! Б....! Вотъ видите, эта дура опять куда-то убѣжала... А вамъ, сударь, что угодно?» (отв.: Я полицейскій комиссаръ, пришелъ узнать,

зачѣмъ вы прибили вашу прислугу). — «Помилуйте, г. комиссаръ, я ее не билъ...» (отв.: Однако она жалуется). — Б... принимаетъ смущенный видъ. «Право она жалуется напрасно; я можетъ быть ее слегка толкнулъ, но я ей никакого вреда не причинилъ. Увѣрю васъ, г. комиссаръ, что она преувеличиваетъ. Она тутъ цѣлый скандалъ учинила передъ магазиномъ... (Б... принимаетъ все болѣе и болѣе смущенный видъ). «Пусть она уйдетъ. Я васъ увѣрю, что она преувеличиваетъ. Да, наконецъ, я готовъ войти съ ней въ соглашеніе. Я дамъ ей приличное вознагражденіе». (отв.: Вы били также своихъ дѣтей). «Сударь, у меня нѣтъ дѣтей у меня одинъ ребенокъ, и я его не билъ».

Какъ видно, хотя личность воплощаемая Б... крайне антипатична ей, но она не старается представить ее въ смѣшномъ или отталкивающимъ видѣ. Напротивъ, она старается ее извинить, до такой степени она входитъ въ роль. Ея смущенный видъ, ея уклончивые, хотя и вѣжливые отвѣты, совершенно согласуются съ тѣмъ, что можетъ говорить, думать и дѣлать человѣкъ, допрашиваемый судебнымъ лицомъ и сознающій свою вину.

Дѣйствительно, полное измѣненіе чувствованій, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій въ этихъ воплощеніяхъ: А... робка; но когда она воплощаетъ смѣлаго человѣка, она становится чрезвычайно смѣлой; она очень религіозна, но становится безбожницей, разъ воплощаетъ невѣрующаго. Б..... молчалива. Она становится болтливой, когда объек-

тивизируетъ болтливаго человѣка. Характеръ ея совершенно измѣняется. Прежніе вкусы исчезаютъ и замѣняются новыми, соотвѣтствующими тѣмъ, которые предполагаются у новаго, воплощаемаго ею лица.

Надо, я полагаю, смотрѣть на эти факты, какъ на совершенно неопровержимые. Съ перваго взгляда, они могутъ казаться странными, почти сверхъестественными; но, въ дѣйствительности, они если и возбуждаютъ удивленіе, то вслѣдствіе легкости, съ какой воспроизводятся; такъ какъ симптомы ихъ довольно точно соотвѣтствуютъ тому, что намъ извѣстно о нормальныхъ психологическихъ явленіяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, разсматривая различныя условія нашего умственнаго существованія мы увидимъ, что оно складывается изъ различныхъ элементовъ.

Прежде всего изъ личности, то есть, сознательной памяти о самомъ себѣ, о томъ, кто мы такіе, о нашемъ возрастѣ, о нашемъ полѣ, о нашей національности, о мѣстѣ нашего существованія, о нашихъ обычныхъ чувствованіяхъ, о нашемъ общественномъ, психическомъ и физическомъ положеніи. Все это явленія памяти.

Во-вторыхъ, воспріятіе окружающаго, видимыхъ нами мѣстностей, нашей одежды, нашего состоянія, лицъ насъ окружающихъ, предметовъ находящихся у насъ подъ рукой. Въ нормальномъ состояніи, наши чувства постоянно возбуждены, и вызываемыя ими чувствованія порождаютъ въ насъ

понятіе, которое не есть сознаніе нашей личности, но которое тѣмъ не менѣе приводитъ къ соотвѣтствующему результату, такъ какъ окружающіе насъ внѣшніе факты постоянно напоминаютъ намъ о дѣйствительности.

Въ-третьихъ, понятіе о нашемъ я, т. е. понятіе о существѣ, въ одно и то же время чувствующемъ и дѣйствующемъ, существѣ, съ одной стороны воспринимающемъ чувственныя впечатлѣнія, а съ другой—могущемъ дѣйствовать на мускулы и приводить ихъ въ движеніе. Чувствовать, мыслить и дѣйствовать—этимъ характеризуется наше я.

Но у сомнамбуловъ, умственное состояніе которыхъ мы только что изучали, эти психическіе элементы обнаруживаютъ замѣтное распаденіе. Я сохраняется, тогда какъ амнезія личности полная. Съ другой стороны, при нѣкоторыхъ специальныхъ условіяхъ, какъ мы видѣли, хотя личность, я вполне сохраняются, тѣмъ не менѣе иллюзія чувствъ такова, что все окружающее субъекта измѣняется подъ влияніемъ его воображенія.

Тутъ мы имѣемъ дѣло съ крайне любопытнымъ состояніемъ, правда весьма слабо еще изученнымъ, но несомнѣнно существующимъ и легко констатируемымъ на двухъ субъектахъ, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь.

Дѣйствительно, у этихъ двухъ женщинъ не замѣчается того рѣзкаго различія между магнетическимъ сномъ и нормальнымъ состояніемъ, о которомъ говорится въ классическихъ сочиненіяхъ. У

нихъ можно вызывать почти всѣ явленія галлюцинаціи при открытыхъ глазахъ и при полномъ сохраненіи сознанія своей личности.:

Напримѣръ, когда А..., повидимому, вполне уже пробуждена, я ей говорю: «Посмотрите, вы одѣты женщиной, на васъ костюмъ времени Людвига XV: жабо, кружева, красные каблукы, французскій кафтанъ, шпага и т. д.» Она смотритъ на себя съ удивленіемъ, щупаетъ свою одежду, удивляется своему превращенію и говоритъ: «Какъ это смѣшно!.. Мнѣ нельзя выйти на улицу въ такомъ видѣ: меня на смѣхъ поднимутъ». И она рассказываетъ по комнатѣ, разглядывая себя въ зеркалѣ, и удивляется, что одѣта по маскараднему. Въ данномъ случаѣ иллюзія полная; но сознаніе личности не утрачено; А... знаетъ, что она А..., а не маркизь двора Людвига XV; она понимаетъ, что живетъ въ 1883, а не въ 1750 году, что находится въ моемъ кабинетѣ, а не въ Версалѣ. Поэтому, ея галлюцинація, на которую она сама смотритъ какъ на галлюцинацію, а не какъ на дѣйствительность, не вліяетъ на ходъ ея мыслей.

Съ Б... я достигалъ совершенно тѣхъ же результатовъ, и, что довольно интересно, она выражала свое удивленіе тѣми же самыми словами: «Какъ это смѣшно! ахъ, какъ это смѣшно! Вы меня въ такомъ видѣ не оставите, надѣюсь? Мнѣ нельзя будетъ показаться на улицу».

Слѣдовательно, одной иллюзіи чувствъ недостаточно, чтобы потерять сознаніе своей личности и

своего я, можно наблюдать такое психическое состояніе, въ которомъ, при совершенной иллюзіи относительно внѣшнихъ явленій, сознаніе личности сохраняется вполне.

Но, въ болѣе глубокомъ снѣ, это явленіе можетъ исчезнуть, и тогда имѣютъ мѣсто двоякаго рода явленія: съ одной стороны потеря воспоминанія о предъидущихъ фактахъ и о своей личности, а съ другой — внѣшняя иллюзія, вызывающая неотразимое убѣжденіе, что данный субъектъ есть именно то лицо, представленіе о которомъ вызываются въ немъ внѣшними явленіями.

Тогда уже немедленно, по быстрой и внезапной ассоціаціи идей, чувства, рѣчи, вкусы, предполагаемая привычка особы, которою себя воображаютъ, проявляются съ такой силой, что нѣтъ возможности избавиться отъ нихъ: они вполне уже господствуютъ надъ интеллектомъ даннаго субъекта.

Несомнѣнно, мы можемъ понимать различные типы, отличающіеся отъ насъ рѣчами, одеждой, вкусами, чувствами. Если намъ предложить изобразить священника, генерала, матроса, монахиню, крестьянку, актрису, маленькую дѣвочку, старуху, мы можемъ это сдѣлать. Но мы сдѣлаемъ это несовершенно, постоянно сохраняя сознаніе о своей собственной личности. Мы будемъ принуждены притворяться, ни на минуту не забывая, что играемъ комедію. Отсюда крайняя напряженность, сказывающаяся въ недомолвкахъ, разсѣянности, умствен-

номъ утомленіи. Словомъ, представленіе выйдетъ неудачное.

Предположимъ, напротивъ, что мы забываемъ о своемъ я и что кромѣ того, подъ вліяніемъ воображенія, факты кажутся намъ иными, чѣмъ они въ дѣйствительности, тогда уже не можетъ быть недомолвокъ, колебаній, утомленія. Я могу подражать движеніямъ и рѣчамъ старухи, но это подражаніе будетъ весьма посредственное. Если же я забуду о своей личности, подражаніе выйдетъ гораздо легче и вѣрнѣе, а если, сверхъ того, я воображу себя старухой съ поблекшимъ лицомъ, въ старомъ чепчикѣ и съ корзинкой въ рукахъ, и со мною стануть говорить, какъ со старухой, — тогда въ моемъ подражаніи не можетъ уже быть никакого колебанія. Я буду убѣжденъ, что я старуха; и, вѣроятно, воображу, что долженъ говорить, нюхать табакъ, кашлять, отплеиваться и мыслить такъ, какъ тѣ старухи, съ которыми имѣю сходство.

Со всѣмъ не составляетъ большаго труда войти въ чужую роль. Въ Тысяча и одной ночи, напр., увѣряютъ бѣднаго ремесленника, что онъ повелитель правотѣрныхъ, и бѣднякъ весьма скоро входитъ въ роль и усваиваетъ манеры, соответствующія своему новому положенію. Шекспиръ также выводитъ подобное же лицо. Мало-ли сапожниковъ во время коммуны принимали на себя роль генераловъ и, насколько могли, подражали манерамъ и поступкамъ послѣднихъ. Ряса не дѣлаетъ человѣка

монахомъ, говорить пословица; не дѣлаетъ, но многимъ способствуетъ тому. Церковное одѣяніе побуждаетъ облачившагося въ него, принять наружность и манеры духовнаго лица, разъ онъ показывается въ обществѣ. Но одновременно съ наружностью онъ можетъ, даже противъ воли, проникнуться религіозными идеями, которыя будутъ ему навѣяны монашескою рясою. Онъ попытается разыграть роль духовнаго лица, какъ человѣкъ одѣтый въ военное, пытается изобразить солдата.

Какъ бы ни казалось поверхностнымъ это объясненіе даннаго явленія, но, мнѣ кажется, оно заслуживаетъ вниманія. Объективизація типовъ зависитъ отъ разстройства памяти и воображенія. Разъ память о нашей личности извращена, сознаніе о ней исчезаетъ, и сильно возбужденному воображенію являются галлюцинаціи, тогда уже новое «я» совершенно зависитъ отъ природы галлюцинацій.

Сновидѣнія въ обыкновенномъ снѣ не многимъ отличаются отъ этой объективизаціи сомнамбуловъ.

Во всякомъ случаѣ легко видѣть аналогію между этими явленіями и тѣми, которыя были изучаемы другими авторами *).

Между безчисленными впечатлѣніями внѣшнихъ предметовъ на нашъ головной мозгъ, нѣкоторыя играютъ преобладающую роль въ нашей умствен-

*) Смотр. въ особенности интересную записку Паульгана въ *Revue Philosophique: Variations de la personnalité à l'état normals*; juin. 1882, p. 639.

ной жизни; это именно тѣ впечатлѣнія, которыя относятся лично къ нашему я. Такъ, напр., я знаю, что два часа тому назадъ я входилъ въ свою спальню, что я разговаривалъ съ двумя лицами, что я вчера написалъ письмо, что три дня тому назадъ я получилъ такое-то письмо, что годъ тому назадъ я былъ еще здѣсь, а два года назадъ путешествовалъ въ такой-то странѣ, что десять лѣтъ тому назадъ я изучалъ такой-то специальный предметъ и т. п. Вся эта сумма фактовъ, выполненныхъ мною, при условіяхъ и обстоятельствахъ, которыя я помню, дѣлаютъ меня именно тѣмъ, чѣмъ я есть, а не кѣмъ либо другимъ. Еслибы я былъ другимъ, то у меня и воспоминанія были бы другія. Только потому именно, что въ моей памяти свѣжи воспоминанія о дѣйствіяхъ, мысляхъ и чувствахъ, лично мнѣ присущихъ, я именно я, а не кто либо другой.

Стало быть, сознание личности зависитъ отъ нашихъ воспоминаній. Это цѣлая серія специальныхъ образовъ, которые не могутъ не вызываться во мнѣ; это постоянно раскрытая книга, отъ которой я ни на минуту не могу оторвать своихъ глазъ.

Но пусть эти личные воспоминанія разсѣются; пусть исчезнетъ это сознание о томъ, какимъ я былъ минуту, день, годъ, двадцать лѣтъ назадъ, тогда во мнѣ не будетъ другаго я, кромѣ того, которое опредѣлится данными внѣшними условіями.

Если мнѣ тогда дадутъ генеральскій мундиръ или платье священника, крестьянки, маленькой дѣ-

вочки, старухи, то силою ассоціаціи идей, прежнія воспоминанія, разсѣянные въ извилинахъ моей памяти и вызванные представленіемъ о данномъ образѣ, вдругъ встанутъ предо мной. Тѣ или другія воспоминанія изъ прочитанныхъ романовъ, видѣнной комедіи, лицъ, съ которыми я сталкивался во время своей жизни, безчисленныхъ словъ и фактовъ, слышанныхъ или видѣнныхъ мною, — воскреснутъ съ полной ясностью и помогутъ мнѣ создать съ большимъ правдоподобіемъ то лицо, которымъ я себя воображаю.

Я могу привести нѣсколько примѣровъ этой ассоціаціи идеи, немедленно вызываемой галлюцинаціями.

Въ одномъ давнемъ опытѣ, которому я не могъ дать удовлетворительнаго объясненія, когда я говорилъ Ф., что онъ превратился въ животное, въ собаку, обезьяну, попугая, онъ немедленно видѣлъ себя превращеннымъ въ собаку, обезьяну, попугая. Разъ я ему сказалъ: «Ты превратился въ попугая», и послѣ минутнаго колебанія Ф... спрашиваетъ меня: «Долженъ ли я ѣсть конопляное сѣмя, которое находится въ моей клѣткѣ?»

Я говорю А... «Вы превратились въ козу». Немедленно она умолкаетъ и стремительно лѣзетъ на диванъ, какъ бы желая взять приступомъ мою бібліотеку. Она сдѣлала это съ такой поспѣшностью, что разорвала свое платье. Когда я спросилъ ее о причинѣ этой странной гимнастики, она отвѣтила: «Мнѣ показалось, что я стою на высо-

кой скалъ, и мнѣ ужасно захотѣлось лазить и прыгать.»

Въ другой разъ я сказала: «Вы превратились въ маленькаго кролика». А... тотчасъ же бросается на полъ, начинаетъ ходить на четверинкахъ, быстро двигаетъ зубами и губами, и затѣмъ вдругъ дѣлаетъ прыжекъ въ сторону, какъ бы чего испугавшись. Прийдя въ нормальное состояніе, А... объяснила: «Мнѣ казалось, что я ѣмъ капусту, она была такая вкусная, точно трюфели; но потомъ я услышала шумъ; мнѣ показалось, что бѣжитъ собака, я испугалась и скрылась въ свою норку.»

Я намѣренно привожу подлинныя слова. Они представляютъ интересъ, вслѣдствіе употребленія слова *я*. Женщина воображаетъ себя кроликомъ; но вѣдь этого еще недостаточно, чтобы ея *я* было утеряно. *Я* продолжаетъ существовать; потому что существуютъ чувственные впечатлѣнія (нужды нѣтъ, что они являются результатомъ галлюцинаціи), а также двигательныя явленія — приказанія, передаваемыя мышцамъ. Отсюда и сохраненіе *я*, при самыхъ странныхъ по виду превращеніяхъ.

Во всѣхъ вышеприведенныхъ опытахъ — *я* не исчезаетъ.

Можетъ быть, по мнѣнію психологовъ, слѣдуетъ отличать понятіе о личности, отъ понятія о нашемъ *я*. Если *я* воображу себя старухой, у меня еще будетъ *я*, но при этомъ моя личность будетъ уже не та, что въ нормальномъ состояніи. Моя личность зависитъ отъ воспоминаній, присущихъ только мнѣ,

которыя я связываю между собою и которыя память моя относить къ одному и тому же существу, т. е., ко мнѣ.

Но это не есть *я*. Мое *я* зависитъ отъ текущихъ внѣшнихъ раздраженій, отъ того, что я слышу, что вижу, что чувствую, а главное, отъ приказаній, которыя я могу отдавать своимъ мышцамъ. Сомнамбулы, способныя въ теченіе вечера мѣнять свою роль и личность отъ шести до восьми разъ, не перестаютъ ни на одну минуту имѣть *я*, но это *я* относится къ различнымъ личностямъ.

Словомъ, *я* зависитъ отъ текущаго психологическаго и фізіологическаго состоянія; личность же зависитъ отъ прежнихъ воспоминаній. Понятіе о *я*, есть явленіе чувствованія и двигательной иннерваціи; понятіе же о личности есть явленіе памяти (XII).

Впрочемъ я не имѣю въ виду останавливаться долѣе на психологической сторонѣ этого новаго явленія. Я хотѣлъ только представить факты въ томъ видѣ, въ какомъ я ихъ наблюдалъ. Объясненія же этихъ фактовъ и вытекающія изъ нихъ послѣдствія представляютъ меньше интереса, чѣмъ опытная сторона предмета.

Вотъ эта-то опытная сторона и позволяетъ отмѣтить намъ сложные элементы, изъ которыхъ состоитъ сознаніе:

1) *Я*,— элементъ постоянно существующій, потому что всегда существуетъ, какъ двигательная реакція, проявляющаяся мускульными движеніями;

такъ и сознаніе этой дѣятельности, и чувствѣнные воспріятія, вызываемыя внѣшними раздраженіями.

2) Точное воспріятіе внѣшнихъ явленій, постоянно возвращающихъ насъ къ дѣйствительности, напоминаніемъ о томъ, гдѣ мы находимся, какъ мы одѣты, какіе предметы насъ окружаютъ и т. п. Иногда это воспріятіе совершенно разстраивается и даетъ мѣсто всевозможнымъ галлюцинаціямъ; тогда какъ наше я и наша личность остаются въ полной неприкосновенности.

3) Личность, то есть память о внѣшнихъ фактахъ, лично намъ присущихъ. Если эта память уничтожена, т. е., если имѣетъ мѣсто амнезія личности и одновременно съ этимъ иллюзія внѣшнихъ воспріятій — тогда наступаютъ тѣ превращенія, наглядные примѣры которыхъ я выше представилъ *).

Если-бъ предстояло дать названіе этому спеціальному психологическому состоянію, я предложилъ бы назвать его объективизаціей типовъ, вслѣдствіе амнезіи личности. Но не въ названіи дѣло.

Я въ болѣе краткихъ словахъ скажу о другомъ явленіи, которое имѣю въ виду здѣсь описать. Хотя я слегка уже касался его, но нахожу полезнымъ вновь къ нему возвратиться. Я не стану утверждать, чтобы это явленіе никѣмъ еще не было наблю-

(*) Было бы весьма интересно изучить, какимъ образомъ превращеніе личности можетъ измѣнять до основанія природу чувствованій и вкусовъ? Это указывало бы на преобладающее вліяніе ассоціаціи идей надъ чувствами и волей (XIII).

даемо; напротивъ, мнѣ помнится, что о немъ уже говорили, но въ крайне неопредѣленныхъ терминахъ, такъ что окончательно оно не установлено еще.

Я имѣю въ виду явленіе памяти, которое можно бы было назвать бессознательной памятью.

Вотъ въ чемъ состоитъ это явленіе. Я усыпляю А... и говорю ей: «Когда вы проснетесь, возьмите книгу, лежащую на столѣ, прочтите ея заглавіе и положите въ мою библіотеку». Затѣмъ я ее бужу. А... протираетъ глаза, осматривается съ удивленіемъ; надѣваетъ шляпу, чтобъ уйти; но передъ самымъ уходомъ бросаетъ взглядъ на столъ, видитъ книгу, о которой шла рѣчь, беретъ ее, прочитываетъ заглавіе и говоритъ мнѣ: «Вотъ какъ! вы читаете Монтэнья. Я положу ее на мѣсто». И она кладетъ книгу на полку библіотеки.

Я спрашиваю А..., зачѣмъ она это сдѣлала. Она совсѣмъ не помнитъ даннаго ей приказанія и потому вопросъ мой крайне удивляетъ ее: «Да развѣ нельзя было посмотрѣть эту книгу?» спрашиваетъ она.

Вотъ, стало быть, актъ, выполненный безъ сознанія самаго мотива. Мотивъ не сознается; бессознательное воспоминаніе побудило особу къ дѣйствию, и хотя поступокъ кажется вполне произвольнымъ, но въ дѣйствительности онъ опредѣляется причиной, о которой самъ субъектъ ничего не знаетъ.

Такъ какъ главный интересъ въ фактахъ, а не выводахъ, которые могутъ быть изъ нихъ сдѣланы,

то я приведу еще нѣсколько примѣровъ изъ того же самаго явленія.

Б... усыплена; я говорю ей: «Когда вы проснетесь, снимите абажуръ съ лампы». Затѣмъ я пробуждаю ее; послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора, Б... вдругъ замѣчаетъ: «Какъ здѣсь темно» и снимаетъ абажуръ.

Одинъ изъ моихъ друзей, по имени Карлъ Ж..., присутствовалъ при этихъ опытахъ; я сказалъ усыпленной Б...: «Когда вы проснетесь, то въ теченіи всего вечера, называйте Ж... не по фамиліи, а просто Карломъ». И дѣйствительно, она стала называть моего друга Карломъ, хотя знала его очень мало.

Въ другой разъ, я сказалъ спящей Б...: «Проснувшись, кладите побольше сахару въ свой чай». Затѣмъ я разбудилъ ее; подали чай, Б... наложила полную чашку сахару. «Что это вы дѣлаете?» спрашиваютъ ее. — «Кладу сахару». — «Но вы кладете слишкомъ много!». — «Что-жъ такое?» И она продолжаетъ класть сахаръ. Найдя однако свой чай отвратительнымъ, она оттолкнула чашку со словами: «Что прикажете дѣлать, конечно, это была глупость! Но развѣ вы никогда не дѣлаете глупостей?»

Въ слѣдующій разъ я сказалъ Б... во время ея сна: «По пробужденіи возьмите носовой платокъ у г-на О... и бросьте его въ огонь». Проснувшись, она проситъ, чтобы ей дали платокъ и непременно, чтобы дали ей платокъ О... «А что, если вашъ пла-

тогъ сгорить?» спрашиваетъ она его. — «Какъ бы не такъ!» — «Не дразните меня, не то, захочу, брошу его въ огонь». — «Я и не думаю васъ дразнить; однако, отдайте мнѣ мой платокъ». — «А, вы продолжаете дразнить, такъ вотъ же вамъ». И платокъ летитъ въ огонь: «Конечно, говоритъ она, это глупо, но зачѣмъ вы меня дразнили!? Развѣ вы не знаете, что съумасшедшихъ не слѣдуетъ дразнить...»

Еще разъ я сказалъ Б...: «Когда проснетесь, выказывайте симпатію къ г. Ф. и антипатію къ г. Д.» Проснувшись Б... не помнила этого приказанія, тѣмъ не менѣе тотчасъ же сѣла подлѣ Ф., тщательно избѣгая Д. Когда Ф. заговаривалъ съ нею, ея лицо выражало удовольствіе; когда заговаривалъ Д., она смотрѣла на него холодно, съ трудомъ скрываемымъ неудовольствіемъ. Въ теченіи получаса, это двойное чувство шло кресцендо, и Б... не могла отдать себѣ въ немъ отчета; она приискивала всевозможныя причины, чтобы объяснить, почему она любезна съ Ф., и не любезна съ Д...

Но наиболѣе характеристичный изъ всѣхъ опытовъ, конечно, слѣдующій: я производилъ его съ одинаковымъ успѣхомъ надъ А... и надъ Б...

Я усыпляю А... (или Б...) и говорю ей: «Приходите ко мнѣ въ такой-то день, въ такомъ-то часу» *). Проснувшись и ничего не помня, она спрашиваетъ меня: «Когда теперь прийти къ вамъ?» — «Когда можете, какъ нибудъ на слѣдующей не-

*) Каждый разъ я измѣнялъ часъ и день.

дѣлѣ». — «Въ которомъ часу?» — «Въ какомъ хотите». И аккуратно, съ изумительной точностью, она является въ назначенный день и часъ.

Я дѣлалъ этотъ опытъ три раза съ А... и четыре раза съ Б..., и всегда съ одинаковымъ успѣхомъ.

Однажды это повело къ курьезнымъ послѣдствіямъ. Разъ является А... (въ часъ назначенный ей во время ея сна) и первымъ словомъ говорить мнѣ: «Я рѣшительно не знаю зачѣмъ пришла; погода ужасная. У меня дома гости. Я бѣжала, чтобъ сюда скорѣе дойти; мнѣ нѣкогда у васъ оставаться, я должна немедленно уйти. Это просто нелѣпо. Я совершенно не понимаю, зачѣмъ пришла. Неужели это также магнетическое явленіе?»

Въ другой разъ я ее ожидалъ и предупредилъ своего человѣка, что она придетъ. Въ назначенный часъ она входитъ въ мой кабинетъ вся взволнованная. «Какимъ образомъ могли вы знать, что я приду?» спрашиваетъ она меня въ упоръ. — «Я и не зналъ этого». — «Неправда, вы предупредили своего человѣка, онъ мнѣ сказалъ, что вы меня ждете. Какже могло это случиться, когда я сама не знала, что приду».

Опытъ удавался даже по истеченіи десяти дней. Такъ, я разъ сказалъ усыпленной А...: «Приходите ко мнѣ черезъ десять дней, въ такой-то день, и такой-то часъ». Она явилась въ назначенный день и часъ, не зная зачѣмъ и объясняя свое посѣщеніе тѣмъ, что давно меня не видала. Этотъ

день она была очень утомлена: ненормальное состояние, вызванное въ ней бессознательнымъ воспоминаніемъ, наградило ее сильной головной болью.

Само собою разумѣется, я здѣсь совсѣмъ не рассматриваю вопроса о томъ: способны ли А... и Б... воспротивиться данному приказанію. Это особый вопросъ, въ подробности котораго я теперь не стану входить. Для нихъ все происходитъ такимъ образомъ, какъ будто дѣло идетъ о приказаніи, послушаться котораго невозможно. Быть можетъ онѣ и могли бы его послушаться, но по той или другой ли причинѣ, онѣ этого не дѣлали и безпрекословно повиновались данному приказанію. Я же, съ своей стороны, никогда не пытался имъ противорѣчить и требовалъ отъ нихъ только то, что легко исполнимо.

Что, по моему мнѣнію, всего замѣчательнѣе въ этомъ проявленіи бессознательной памяти и что всего болѣе мнѣ хотѣлось бы выставить на видъ— это абсолютная бессознательность, благодаря которой даже въ теченіе продолжительнаго времени за поминаніе можетъ имѣть мѣсто въ данномъ субъектѣ невѣдомо для него самаго. Это — бессознательное или скрытое воспоминаніе, какъ бы странно не звучало подобное названіе. И мнѣ кажется, что данное явленіе не составляетъ исключительнаго достоянія сомнамбулизма. Между нормальными и ненормальными явленіями нѣтъ другой разницы, какъ только въ степени. Нѣкоторыя сообенности такъ замаскированы и не ясно выражены въ нормаль-

номъ состояніи, что ихъ никогда нельзя было бы понять, еслибы онѣ рѣзче и опредѣленнѣе не выступали въ ненормальномъ состояніи. Скрытыя воспоминанія присущи, вѣроятно, всѣмъ намъ. Безчисленное количество безсознательныхъ причинъ, надо полагать, постоянно вліяютъ на наши поступки. Сколько безсознательныхъ воспоминаній управляютъ роковымъ образомъ волей! (XIV).

Прослѣдимъ, какъ проявляется это явленіе: А... не помнитъ, чтобы я приказывалъ ей придти въ понедѣльникъ, но вспоминаетъ объ этомъ безсознательно, и приходитъ. При этомъ она старается объяснить, почему пришла, и ссылается на болѣе или менѣе пустой предлогъ. Она пришла и затѣмъ уже ищетъ тому объясненія. Она не приходила по той или другой причинѣ; но только потому, что пришла, старается объяснить—зачѣмъ пришла.

Я часто удивлялся этимъ приискиваніямъ мотивовъ для объясненія своего поступка. Настоящей причины А..., не знаетъ, такъ какъ эта причина внѣ ея сознанія, скрыта отъ нея, и она измышляетъ мотивы, которые кажутся ей болѣе или менѣе подходящими.

Я склоненъ думать, что и съ нами, въ нормальномъ состояніи происходитъ часто тоже самое: многочисленныя, неизвѣстныя намъ причины съ неотразимой силой руководятъ нашими поступками. Когда дѣло сдѣлано, и мы хотимъ проанализировать его причины, намъ это удается съ большимъ трудомъ и притомъ далеко несовершенно. Великіе моралисты,

глубже обыкновенныхъ людей проникающіе въ тайники движеній души, и тѣ проникаютъ не настолькоъ глубоко, чтобы многія бессознательныя, смутныя причины не ускользали отъ ихъ вниманія.

Предположимъ теперь, что вмѣсто устнаго приказанія, дѣло идетъ о какомъ-нибудь специальномъ инстинктѣ. Напримѣръ, о склонности кукушки класть свои яйца въ чужія гнѣзда. Поступая такимъ образомъ кукушка, быть можетъ, воображаетъ себѣ, что сама того хочетъ, потому что, конечно, она никогда не видала, какъ птицы одной съ ней породы это дѣлали. Очевидно она понятія не имѣетъ о томъ, что всѣ ея предки въ теченіи нѣсколькихъ тысячъ поколѣній поступали такимъ же образомъ. Итакъ, еслибы кукушка обладала способностью вдумываться въ свой поступокъ, могла ли бы она угадать истинную причину, которая кроется въ роковомъ, наслѣдственномъ инстинктѣ, совсѣмъ ею несознаваемомъ? Конечно, нѣтъ! Она стала бы приискивать подходящія причины и нашла бы ихъ нѣсколько: близость прекрасно устроеннаго гнѣзда, потребность кладки яицъ, трудность устройства новаго гнѣзда, возможность предоставить дѣтямъ обезпеченное убѣжище, выгоды для будущаго поколѣнія въ распредѣленіи яицъ по разнымъ гнѣздамъ; мало ли еще до чего могла бы въ данномъ случаѣ додуматься умная кукушка. Но, до чего бы она не додумывалась, она никогда не узнаетъ истинной причины своего поступка; эта причина внѣ ея созна-

нія, она не въ состояніи поэтому отдать себѣ отчета въ томъ, что скрыто отъ нея. А между тѣмъ, эта самая скрытая причина такъ сильна, что управляетъ ея дѣйствіями.

Возвратимтесь, однако, къ сомнамбуламъ и къ ихъ бессознательной памяти.

Вышеприведенный опытъ, который не трудно провѣрить на другихъ чувствительныхъ субъектахъ, доказываетъ самымъ положительнымъ образомъ, что наши поступки могутъ опредѣляться причинами, намъ неизвѣстными. Этотъ опытъ доказываетъ также, какое огромное участіе принимаютъ автоматизмъ и бессознательность въ явленіяхъ психической дѣятельности.

VII.

Заключеніе.

1) Слѣдуетъ допустить, что нѣкоторые индивидуумы могутъ быть погружаемы въ специальное нервное состояніе, называемое сомнамбулизмомъ, гипнотизмомъ или магнетизмомъ. Это слѣдуетъ допустить именно потому, что неосновательно во всемъ и всегда предполагать обманъ и хитрость.

Тождественность явленій, наблюдаемыхъ въ различныхъ странахъ и въ различныя времена, и положительная невозможность нѣкоторыхъ симуляцій, вполне доказываютъ нелѣпость предположенія постоянной и повсесвѣтной мистификаціи.

Никогда лица, отрицающія существованіе сомнамбулизма, не давали себѣ труда повторить опыты тѣхъ, которые признаютъ его существованіе.

2) Это состояніе сомнамбулизма характеризуется психическими и тѣлесными явленіями.

Къ психическимъ явленіямъ относятся:

а) Галлюцинаціи, которыя могутъ быть вызы-

ваемы внѣшними раздраженіями, даже весьма слабыми.

b) Отсутствіе произвольныхъ, или кажущихся таковыми, идей; слѣдовательно, умственный автоматизмъ.

c) Частное возбужденіе памяти.

d) Болѣе или менѣе полная забывчивость, по пробужденіи, фактовъ, происходившихъ во время сна; причемъ память восстанавливается, если вызвать вторичный припадокъ сомнамбулизма: стало быть, до нѣкоторой степени существуетъ раздвоеніе личности.

e) Непосредственное отраженіе движеній въ чувствахъ и чувствъ въ движеніяхъ.

Къ тѣлеснымъ явленіямъ относятся:

a) Анестэзія.

b) Катаlepsія.

c) Повышеніе рефлексорной раздражительности мускуловъ.

d) Автоматизмъ движеній — тѣлесное состояніе, аналогичное съ умственнымъ автоматизмомъ.

3) Состояніе сомнамбулизма, трудно вызываемое въ началѣ опытовъ, все легче и легче обнаруживается на тѣхъ же субъектахъ, по мѣрѣ повторенія опытовъ. Существуетъ сомнамбулическое воспитаніе, какъ и относительно всякихъ другихъ нервныхъ явленій. Психическіе и тѣлесные симптомы обнаруживаются у одного и того же субъекта почти всегда въ одномъ и томъ же порядкѣ и въ одной и той же формѣ.

4) Возможно и у животныхъ вызывать болѣе или менѣе сходныя проявленія (каталепсія, гипнотизмъ); но произведенные до сихъ поръ опыты надъ животными проливаютъ еще слишкомъ мало свѣта на причины и сущность сомнамбулическаго состоянія у человѣка.

5) Блескъ яркаго предмета, фиксированіе зрѣнія, выжидательное вниманіе, страхъ, монотонное повтореніе слабаго раздраженія, воля магнетизера, электричество руки, — вотъ, по очереди, предполагаемые причины, якобы вызывающія сомнамбулизмъ. Всѣ эти предположенія болѣе или менѣе неудовлетворительны. Весьма вѣроятно, что настоящая причина до сихъ поръ еще не найдена; а пока можно допустить, что всѣ вышеприведенныя причины дѣйствуютъ совокупно.

6) У субъектовъ, у которыхъ частые опыты развили особенную чувствительность, достаточно самой легкой причины, чтобъ вызвать сомнамбулическое состояніе.

7) Относительно природы сомнамбулизма можно допустить, что этотъ неврозъ по преимуществу есть продуктъ отсутствія воли, результатъ автоматизма. Чтобы у сомнамбула могла возникнуть какая нибудь мысль, она должна быть внушена ему извнѣ.

8) Сравнивая состояніе сомнамбулизма съ нѣкоторыми фізіологическими явленіями, въ настоящее время хорошо уже извѣстными, можно предположить, что здѣсь происходитъ ингибация тѣхъ частей мозга, которыя управляютъ волей и памятью.

9) Когда нѣкоторые элементы памяти нарушены, то можетъ произойти потеря сознанія личности. Личность, повидимому, преимущественно явленіе памяти.

10) Психофизиологическое изученіе этого сложнаго и темнаго явленія едва еще только намѣчено. Поэтому, весьма желательно, чтобъ на него было обращено болѣе глубокое и серьезное вниманіе.

Этому послѣднему выводу слѣдуетъ, пожалуй, придать самое важное значеніе. Факты такъ интересны, такъ неожиданны, такъ темны, что дальнѣйшее, настойчивое ихъ изученіе положительно необходимо. набросанный нами очеркъ представляетъ интересъ именно въ томъ отношеніи, что онъ можетъ вызвать споры и побудить къ предпринятію дальнѣйшихъ опытовъ *).

*) Было бы бесполезно приводить тутъ библиографическія указанія изъ древнихъ сочиненій; ихъ можно найти въ любомъ словарѣ (Статьи: Месмеризмъ, Магнетизмъ, Гипнотизмъ, Сомнамбулизмъ, въ главныхъ Медицинскихъ Словаряхъ). Вотъ перечень нѣкоторыхъ болѣе новыхъ сочиненій, гдѣ можно найти поучительныя данныя: Azam, *Amnésie périodique ou doublement de la vie*. (Revue scientifique, 1876, p. 481 — 489, № 47). — P. Richer, *Etude descriptive de la grande attaque hystérique*, Th. in Paris, 1879, p. 124 — 179. — Czermak, *Гипнотическое состояніе у животныхъ*. (Archives de Flüger, 1873, t. VII, p. 107 — 122). — Heubel, *Состояніе бодрствованія головного мозга*. (Archives de Flüger, 1877, t. XIV, p. 158 — 211). — Preyer, *Катаплексія и гипнотизмъ животныхъ*. (Sammlung physiol. Abhandl., 2 partie p. 100, Jena, 1878). — Despine, *Etude scientifique sur le somnambulisme*, 1880, Paris. — Heidenhain. *Le magnétisme ani-*

mal. Leipzig, 1880, 3 édit. — Heidenhain et Grützner «Communication sur le magnétiser animal à la Société de médecine de Breslau, février 1880. — P. Radestock, Le Sommeil et les rêves. Leipzig 1879. — Delboeuf, Le Sommeil et les rêves, Revue philosophique, t. VIII, p. 329 et 494; t. IX, p. 129, 413 et 632. Baillif, Du sommeil magnétique dans l'hystérie, th. inaug. Strasbourg, 1868. Въ этомъ послѣднемъ трудѣ излагаются весьма интересные опыты надъ истеричными. Тутъ явленія носятъ патологическій характеръ, указывающій на замѣчательную разницу между сомнамбулизмомъ вполне здоровыхъ субъектовъ и сомнамбулизмомъ истеричныхъ.

Я издалъ записку о вызываемомъ сомнамбулизмѣ въ Journal d'anatomie et de physique, 1875, t. XI; многіе изъ приведенныхъ здѣсь фактовъ, взяты мною оттуда, а также и изъ ряда статей, напечатанныхъ въ Revue des Deux Mondes: Les démoniaques d'aujourd'hui et d'autrefois, janvier-février, 1880 г. и въ Revue philosophique, 1881 и 1883.

Въ дополненіяхъ, помѣщенныхъ въ концѣ этого сочиненія, находятся еще другія библиографическія указанія (XV).

Что же касается произведеній досужей фантазіи магнетизеровъ по профессіи, то я на нихъ тутъ не указываю, по весьма понятной причинѣ.

ДЕМОНИЗМЪ.

Бѣснующіеся въ настоящемъ *).

Истерика.— Умственное состояніе истеричныхъ.— Истерика въ романахъ.— Тяжелая истерика.— Припадки истерико-эпилептическіе или бѣснованіе.— Припадки сомнамбулическіе.— Историческій обзоръ животнаго магнетизма.

I.

Слово «истерика» не такъ давно стало встрѣчаться помимо медицинскихъ сочиненій. Это до нѣкоторой степени объясняется ошибочнымъ взглядомъ

*) Въ этой первой части мы займемся описаніемъ психологическихъ симптомовъ истерики. Благодаря медикамъ Сальпетриеры, тщательно изучившимъ эту болѣзнь, свѣдѣнія о ней достигли значительнаго развитія, и нѣкоторые добытые результаты могутъ представлять интересъ и для лицъ, незнакомыхъ съ медициной.

Во второй части мы укажемъ, какую роль въ прошедшіе вѣка играли соответствующія явленія, и путемъ какихъ заблужденій пришли къ убѣжденію, что дьяволъ поселялся въ тѣлахъ людей, и что нужно было жесть, уничтожить эти несчастныя тѣла, какъ вмѣстилища злыхъ духовъ. Въ

въ публикѣ на причины и природу данной болѣзни. Романисты вообще, а именующіеся натуралистами въ особенности, не преминули пропагандировать ученіе объ эротической истерике. Это ученіе далеко отъ истины. Между истерикой и безбрачіемъ нѣтъ никакого отношенія причины къ слѣдствію; можно говорить объ истерикѣ, изучать ея причины и описывать ея симптомы, не прибѣгая къ латинскому языку для опредѣленія щекотливыхъ подробностей. Это — нервная болѣзнь, насколько не эротичнѣе другихъ нервныхъ болѣзней, и несмотря на ужасъ, внушаемый ею полуобразованнымъ лицамъ, мы смѣло можемъ сказать, что подобный ужасъ ничѣмъ не оправдывается. Я полагаю, что читатели будутъ имѣть случай въ этомъ скоро убѣдиться.

Въ Сальпетриерѣ, за обширными строеніями, въ которыхъ живутъ престарѣлыя женщины, находится домъ для умалишенныхъ. Тамъ содержатся и истеричные. Они не разбросаны по разнымъ отдѣленіямъ, а

концѣ книги мы преставимъ историческій обзоръ великихъ судебныхъ процессовъ, по обвиненію въ колдовствѣ XVI и XVII вѣковъ. Чтобы сохранить хронологическій порядокъ, слѣдовало бы начать съ бѣснующихся въ прошедшемъ и затѣмъ уже перейти къ бѣснующимся въ настоящемъ. Но мы предпочли держаться обратнаго порядка. Когда неоспоримые факты, добытые современной наукой, становятся извѣстными, тогда уже болѣе интересъ приобрѣтаютъ и рассказы о суевѣріяхъ нашихъ предковъ. Логическая послѣдовательность не тоже самое, что хронологическій порядокъ; чтобы съ точностью судить о заблужденіяхъ, нужно сперва познакомиться съ истиной.

помѣщаются въ одной части больницы и уже нѣсколько лѣтъ находятся подъ непосредственнымъ наблюдениемъ профессора Шарко. Этотъ ученый медикъ, желая примѣнить къ изученію нервныхъ болѣзней точный методъ, употребляемый при физиологическихъ изслѣдованіяхъ, устроилъ вблизи палатъ, гдѣ содержатся больные, лабораторію для точнѣйшаго наблюденія за самыми щекотливыми патологическими явленіями нервной системы. Къ этой лабораторіи примыкаетъ мастерская фотографа. Такимъ образомъ, представлялась возможность съ неоспоримой точностью установить главные фазисы припадковъ истерики, эпилепсіи и сомнамбулизма*), не только установить, но и описать до мельчайшихъ подробностей явленія столь ужасныя и причудливыя, что не болѣе двухсотъ лѣтъ назадъ ихъ приписывали дьявольскому навожденію, обитателямъ чистилища!

Быть можетъ, нѣкоторымъ покажется страннымъ, что въ Сальпетріерѣ содержатся истеричныя женщины. Дѣйствительно, на истерику не привыкли смотрѣть, какъ на серьезную болѣзнь, требующую или, по крайней мѣрѣ, оправдывающую лишеніе свободы; и, пожалуй, въ этомъ есть своя доля правды, потому что, въ дѣйствительности, болѣзнь проявляется въ разной степени. Подобно тому, какъ обжоги бываютъ настолько легкіе, что не заслу-

*) Фотографическіе снимки, столь полезныя для исторіи нервныхъ болѣзней, изданы Бурневилемъ и Реньяромъ подъ названіемъ: «Фотографическая иконографія Сальпетріеры».

живають вниманія и настолько сильныя, глубокіе, что влекутъ за собою неминуемую смерть, — какъ лихорадки бываютъ незначительныя и быстро вызывающія смерть, такъ и истерика проявляется въ двухъ формахъ — въ формѣ легкой, почти неуловимой, которую скорѣе можно назвать расположеніемъ организма, чѣмъ болѣзнью, и въ тяжелой формѣ, тяжелой до того, что ее отождествляютъ съ сумасшествіемъ, общимъ параличемъ и эпилепсіей.

Въ Сальпетриерѣ, какъ и слѣдуетъ ожидать, находятся почти только однѣ тяжело истеричныя. Что же касается легкой истерики, то эта форма встрѣчается всюду. Когда врачи говорятъ о нервной женщинѣ, они называютъ ее «истеричной»; и хотя этотъ способъ выраженія кажется неумѣстнымъ въ разговорѣ или въ романѣ, но въ психологическомъ изслѣдованіи онъ вполне уместенъ, такъ какъ, собственно говоря, то, что извѣстно у молодыхъ женщинъ подъ именемъ «нервовъ», есть просто-на-просто истерика.

Я полагаю, что всѣ болѣе или менѣе знакомы съ странностями характера нервныхъ женщинъ. Всѣ ихъ чувствованія находятся въ напряженномъ состояніи. Достаточно самаго ничтожнаго событія, чтобы вызвать въ нихъ восхищеніе или отчаяніе. Никто не плачетъ съ такой легкостью. Словно у нихъ есть ключъ къ источнику слезъ, который онѣ умѣютъ отмыкать, но не умѣютъ во-время запираеть. Сказать, что истеричныя женщины плачутъ изъ-за всякаго ничтожнаго повода, значитъ не

совѣмъ точно выразиться, такъ какъ онѣ плачутъ безъ всякаго повода. Иногда онѣ чувствуютъ себя вдругъ охваченными необъяснимой тоской, безпричиннымъ, непреодолимымъ горемъ; точно какой-то шаръ поднимается съ груди, подступаетъ къ горлу, мѣшаетъ дышать, душитъ. Въ такіе моменты у истеричныхъ является потребность куда нибудь скрыться, уйти въ темный уголокъ и тамъ, въ дали отъ посторонняго взора, плакать, рыдать по цѣлымъ часамъ. Но затѣмъ припадокъ исчезаетъ, мгновенно, уступая мѣсто необузданной веселости.

Все, что обыкновенно относятъ къ нервному temperamentу женщины, принадлежитъ области истерики. Аппетитъ капризный, своевольный: сегодня, напримѣръ, ей ничего не нравится и невозможно уговорить ее принять хоть крупинку пищи; завтра же, наоборотъ, ничѣмъ нельзя утолить проявившійся голодъ. Вообще, истеричныя любятъ очень уксусъ, зеленые, неспѣлые плоды, что, конечно, весьма вредно вліяетъ на здоровье. Эта неправильная, противонормальная пища дѣйствуетъ пагубно на общее питаніе тѣла и развиваетъ малокровіе. Такимъ образомъ, происходитъ одно изъ тѣхъ взаимодѣйствій, которыя довольно часто наблюдаются въ патологіи: малокровіе увеличиваетъ истеричность, обусловившую его появленіе. И почти всегда молодыя дѣвушки, страдающія анеміей, болѣе другихъ расположены къ истерикѣ.

Характеръ истеричныхъ, какъ знаетъ каждый, представляетъ много странностей. Напримѣръ, ка-

кая нибудь молодая дѣвушка вчера еще милая, любезная, привѣтливая, сегодня безъ всякой причины вдругъ измѣняется. Она не переноситъ ни малѣйшаго возраженія, всѣмъ недовольна, со всѣми крайне груба, пренебрегаетъ всякими совѣтами; словомъ, становится несноснѣе любаго шалуна школьника. Подобное состояніе тѣмъ болѣе удивительно, что оно проявляется вдругъ, безъ всякой причины и также безпричинно исчезаетъ.

Самолюбіе всегда развивается до такой болѣзненности, что самая невинная шутка причиняетъ часто жестокую обиду, вызываетъ негодованіе и нескончаемыя слезы. Все превращается въ драму, пріобрѣтаетъ театральнй характеръ. Правильная, простая, обыденная жизнь съ ея зауряднымъ теченіемъ, превращается истеричными въ цѣлый рядъ важныхъ событій, полныхъ драматизма. Онѣ непрерывно и съ одинаковымъ успѣхомъ играютъ комедію и трагедію на плоской сценѣ дѣйствительности. «Ничего нѣтъ проще жизни и ничего нѣтъ сложнѣе жизни», сказали одинъ писатель. Къ истеричнымъ относится только второе изъ этихъ положеній; онѣ не понимаютъ простоты. Страсть, ревность, радость, гнѣвъ, любовь, все у нихъ преувеличено, все выходитъ изъ ряда обычнаго, умѣреннаго проявленія чувствъ.

Въ каждомъ человѣкѣ какъ бы находятся двѣ противоположныя силы: чувствованіе и воля. Воля побѣждаетъ чувство, заставляя умолкнуть инстинктивные и необузданные порывы грубой природы.

Владѣть собою, compassi, какъ говаривали встарину, знать, что одну вещь можно сказать, а о другой лучше воздержаться, что есть возвышенные чувства и низменные страсти и что, отдаваясь влеченію первыхъ, необходимо подавлять вторыя, — все это недоступно истеричнымъ, онѣ не знаютъ, что значитъ господствовать надъ страстями. Страсть управляетъ ими и онѣ отдаютъ себя въ ея полное распоряженіе. Если ими овладѣваетъ гнѣвъ или ревность, тѣмъ хуже: онѣ безъ удержа отдаются этимъ чувствамъ. Если ими овладѣваетъ чувство милосердія или покорности, тѣмъ лучше: онѣ тогда становятся добрыми и послушными. Достаточно имъ подумать только сказать какую нибудь несообразность или дерзость, чтобы то или другое тотчасъ же сорвалось съ языка. Истеричныя слегка напоминаютъ людей, принявшихъ гашишъ *).

Такимъ образомъ, никогда нельзя знать въ точности, насколько можно положиться на чувства истеричныхъ. Всякое предвидѣніе было бы напрасно и въ каждый моментъ можетъ оказаться столько же причинъ для хорошаго расположенія духа, какъ и для совершенно противоположнаго. Впрочемъ, то или другое настроеніе скоро преходяще и истеричныя не

*) Я имѣлъ случай наблюдать на себѣ дѣйствіе этого яда. Принявъ небольшую дозу гашиша и видя, что онъ на меня не произвелъ никакого дѣйствія, я поѣхалъ въ одинъ знакомый мнѣ домъ. Но тамъ, вдругъ, при какомъ-то смѣшномъ замѣчаніи, я принялся громко хохотать и прыгать какъ ребенокъ. Воля бездѣйствовала, вмѣсто того, чтобы сдерживать проявленіе чувства.

думаютъ даже соблюдать какого нибудь перехода отъ смѣха къ слезамъ или отъ гнѣва къ радости. Дурное расположеніе духа исчезаетъ мгновенно; онѣ ведутъ себя подобно дѣтямъ, которыхъ можно заставить громко смѣяться въ то время, какъ на щекахъ еще не просохли только что проливавшіяся слезы.

Несмотря на эту подвижность, на эту неудержимость, истеричныя совершенно лишены откровенности: всѣ онѣ болѣе или менѣе лживы, и не столько кажется изъ-за выгодъ, сколько изъ любви къ искусству. Онѣ питаютъ особенное влеченіе къ обману, надувательству. Ничто не доставляетъ имъ такого удовольствія, какъ вводить въ заблужденіе тѣхъ, которые спрашиваютъ ихъ; рассказывать небылицы, не смущаясь ихъ неподобностью; хвалиться тѣмъ, что дѣлали или чего никогда не дѣлали, приплетая цѣлую вереницу ложныхъ подробностей. И вся эта крупная ложь высказывается прямо, дерзко, съ несокрушимымъ хладнокровіемъ. Докторъ при допросѣ истеричныхъ, долженъ постоянно помнить, что онѣ готовы обмануть его, скрыть отъ него правду и увѣрить въ томъ, чего не существуетъ. Таковы же и дѣти. Было бы очень ошибочно приписывать имъ врожденное чувство правдивости. Ни въ комъ нѣтъ такъ мало искренности, какъ въ ребенкѣ; въ эти лѣта лгутъ безъ зазрѣнія совѣсти, изъ одного удовольствія солгать. У низшихъ расъ, приближающихся по своей неразвитости къ дѣтямъ и къ исте-

ричнымъ, наблюдается та-же склонность къ обману. Честность и искренность не рождаются съ челоуѣкомъ. Онѣ не составляютъ природнаго дара, но являютъ собою побѣду надъ грубой природой. Если челоуѣкъ честенъ и правдивъ, то потому именно, что онѣ сумѣлъ побороть свои дурные инстинкты.)

Изъ предыдущаго видно, насколько истерика отличается отъ сумасшествія. Въ сумасшествіи умъ бываетъ глубоко пораженъ, между тѣмъ какъ истерика скорѣе особенность характера, чѣмъ болѣзнь ума. Въ этомъ и кроется психологическій интересъ даннаго состоянія. Умъ у истеричныхъ блестящій, память вѣрная, воображеніе живое, отсутствуетъ только одна душевная способность, — способность воли обуздывать чувства. Дѣйствительно, воля, повидимому, самая нѣжная часть душевнаго организма; покрайней мѣрѣ, разъ какое-нибудь ядовитое вещество нарушаетъ умственные отправленія, оно прежде всего подавляетъ вліяніе воли на чувства.

Истерика, особенно въ легкой формѣ, встрѣчается весьма часто и обусловливаюція ее причины должны быть поэтому очень обыкновенныя. Одна изъ главныхъ причинъ — это наследственность. Если отецъ или мать имѣютъ нервные темпераменты, то, вѣроятно, что дочь будетъ расположена къ истерикѣ. Слѣдуетъ, однако, оговориться относительно вліянія наследственности. Нѣтъ необходимости, чтобы одна и таже форма болѣзни встрѣ-

чалась у родителей и дѣтей. Если родители страдаютъ нервною, то у дѣтей она проявится подѣ различными видами. Напримѣръ, у эпилептическаго отца могутъ родиться: сынъ идиотъ или сумасшедшій, дочь истеричная. Этотъ законъ роковой наслѣдственности одинаково примѣнимъ какъ къ серьезнымъ нервнымъ болѣзнямъ — эпилепсiи или сумасшествiю, такъ и къ самымъ легкимъ проявленiямъ нервнаго темперамента. Какъ цвѣтъ волосъ, форма носа и тембръ голоса переходятъ отъ родителей къ дѣтямъ, такъ и складъ характера передается однимъ поколѣнiемъ другому. Многолѣтнiя наблюденiя медицины сходятся въ этомъ отношенiи съ простымъ здравымъ смысломъ. Во времена чародѣйства, дочь колдуньи, т. е. дочь истеричной женщины, также считалась колдуньей, и этого было совершенно достаточно, чтобы обвинить ее...

Впрочемъ, побочныя причины также содѣйствуютъ господствующему влиянiю наслѣдственности. Молодая дѣвушка, получившая изысканное воспитанiе, встрѣчаясь впоследствии съ своими школьными подругами съ болѣе блестящимъ положенiемъ чѣмъ ее, легко можетъ сдѣлаться истеричной, потому что судьба ей не дала тѣхъ удовольствiй, о которыхъ она мечтала. Несбывшiяся грезы, улетѣвшiя иллюзiи, сказочныя надежды, все это почти достаточныя причины къ развитiю истерики. Въ Парижѣ, напримѣръ, и вообще въ большихъ городахъ, гдѣ молодыя дѣвушки низшаго сословiя и мелкой бур-

жуазіи получаютъ воспитаніе, превышающее ихъ общественное положеніе, истерика встрѣчается весьма часто. Дѣйствительно, слишкомъ трудно найти такого идеальнаго мужа, о которомъ мечта-лось. Бракъ въ подобныхъ случаяхъ не можетъ служить исцѣляющимъ средствомъ: будничныя не-пріятности и мелкія заботы по хозяйству не въ со-стояніи удовлетворить широкихъ стремленій раз-нузданнаго воображенія. Такимъ образомъ, у мно-гихъ молодыхъ дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ, отличающихся только легкой склонностью къ исте-рикѣ, подѣ влияніемъ бѣдности, горя и лишеній, эта болѣзнь достигаетъ часто значительнаго раз-витія. Однимъ словомъ, истерика имѣетъ фізіоло-гическую причину — наслѣдственность и социаль-ную — дѣйствительность, не соотвѣтствующую гре-замъ.

Такая легкая форма истерики не есть настоя-щая болѣзнь. Это просто одна изъ разновидностей женскаго характера. Можно даже сказать, что исте-ричныя женственнѣе другихъ женщинъ: у нихъ чув-ства живѣе и болѣе преходящи, воображеніе подвиж-нѣе и болѣе блестяще, и при всемъ томъ отсутствіе господства разума надъ чувствами и фантазіей. Ро-манисты поняли всю пользу, которую можно из-влечь изъ изученія подобныхъ характеровъ. Особен-но въ послѣднее время, съ тѣхъ поръ какъ описа-тельный методъ вошелъ въ моду и патологія на-шла себѣ мѣсто въ искусствѣ, появилось множе-ство попытокъ къ изображенію истерическихъ при-

падковъ и истерическихъ характеровъ. Не всѣ эти попытки оказались удачными. Тѣмъ не менѣе, иногда встрѣчаются весьма точныя описанія, которыми мы и позволимъ себѣ дополнить сказанное выше о психическомъ состояніи нервныхъ женщинъ.

Октавъ Фелье, весьма тонкій наблюдатель, заставляетъ говорить одного изъ своихъ героевъ, жена котораго сдѣлалась истеричной. Правда, слово «истерика» имъ не произносится, но симптомы такъ вѣрно очерчены, что не можетъ быть никакого сомнѣнія для діагноза! «Эта свѣтская женщина, говоритъ де-Марсанъ, вдругъ переняла у арестантовъ грубыя, рѣзкія, отчаянныя выраженія, вродѣ тѣхъ, которыми исписываются стѣны тюремныхъ камеръ. Эта разсудительная женщина стала упиваться чтеніемъ самыхъ нескромныхъ поэтовъ и писателей... Я съ ужасомъ замѣчалъ въ ея рѣчи, нѣкогда столь трезвой, какой-то оттѣнокъ прянной поэтичности. Иногда можно было подумать, что она впадала въ дѣтство, настолько ребячески были обороты ея рѣчи. Прибавьте къ этому дѣтскія или рѣзкія манеры; фраза, только что отличавшаяся крайней щепетильностью, вдругъ обрывается какой-нибудь плоской остротой или нескромнымъ вопросомъ. Безъ всякой послѣдовательности она переходитъ отъ высокопарной рѣчи Рамбулье или байроновскаго слога къ выраженіямъ рыночныхъ торговкокъ. И все это безъ всякой необходимости, безъ всякаго повода, безъ всякой причины. вмѣстѣ съ тѣмъ перерождаются какъ чувства женщины, жены, такъ и чувства

матери, и послѣ того какъ мужъ возведенъ ею въ тирана, дѣти, повидимому, становятся обузой».

Вотъ вѣрное наблюденіе; вотъ настоящій человѣческій документъ. Дѣйствительно, какъ часто мы видимъ, что молодая женщина, нѣжно любившая мужа и дѣтей, вдругъ охладѣваетъ къ нимъ, а затѣмъ и ненавидитъ. И въ подобныхъ случаяхъ ненависть вызывается ничтожной причиной, самой нелѣпой, какую только можно себѣ представить. Поводомъ служить пустѣйшій предлогъ вроде, напимѣръ, формы бороды или брелокъ на часахъ, манеры говорить нараспѣвъ, привычки повторять часто одно и то же слово, — мало-ли что? Трудно и придумать сразу тѣ нелѣпыя причины, на которыя ссылаются истерическія женщины, для оправданія своего отвращенія къ той или другой личности. Говоря правду, таковыми личностями вообще оказываются мужья.

Е. А. Франсъ, романистъ, не чуждый точныхъ научныхъ познаній, говорить объ одной изъ своихъ героинь: «Она была тихая, неподвижная, хотя и съ большими порывами привязанности и весьма сердобольная. За обѣдомъ крайне трудно было заставить ее что нибудь съѣсть, кромѣ хлѣба съ солью и салата. Она очень сошлась съ одной изъ своихъ подругъ, къ которой ѣздила въ свободные дни. Богатая подруга уводила Елену въ свою комнату, всю обитую стеганой матеріей, гдѣ онѣ обѣдались сладостями. Еленой овладѣвала истома въ этомъ мягкомъ гнѣздѣ. Когда она оттуда выходила,

все казалось ей тусклымъ, грубымъ, отвратительнымъ; на нее нападало уныніе. Она мечтала, что будетъ имѣть голубую комнату, гдѣ, лежа на кушеткѣ, станетъ читать романы. У нея явились боли въ желудкѣ, которыя окончательно сломили ее... Она терпѣла молча, безучастно относясь ко всему, что ее окружало, мечтая о брилліантахъ, дорогихъ платьяхъ, собственныхъ лошадяхъ, катаніяхъ на лодкѣ, и... горько плакала при одной мысли о своемъ отцѣ!»

Братья Э. и Ж. Гонкуры написали раздражающую, ужасную исторію несчастной Жермини Ласертѣ. Вотъ настоящій типъ истерической женщины; натуры необузданной, страстной, легко способной какъ на всякое самоотверженіе, такъ и на всякое позорное дѣло; слабая духомъ, она слѣпо, почти безсознательно отдается своимъ страстямъ, которыя играютъ ею, какъ вѣтеръ флюгеромъ, «Жермини не принадлежала къ числу тѣхъ оскотинившихся женщинъ, которымъ недоступны страданія и которыя пребываютъ въ какомъ-то состояніи одурѣнія, не понимая преступности своихъ дѣйствій. Ея болезненная чувствительность, въ соединеніи съ расположеніемъ мозга къ постоянной работѣ, къ непрерывнымъ безпокойствамъ, недовольствомъ собою и нравственнымъ чувствомъ, которое какъ бы росло въ ней, помѣрѣ ея паденія, — всѣ эти качества нѣжныхъ, избранныхъ и несчастныхъ натуръ, соединились въ ней въ одно, чтобы терзать ее». Чувствовать, мыслить и не мочь, вотъ три бѣдствія, съ которыми борются несчастныя истеричныя,

Альберъ Дельпи описываетъ слѣдующимъ образомъ симптомы истерики. «На нее нападали припадки грусти, слѣдствіемъ которыхъ были: то обильныя слезы, то неумѣренные взрывы хохота. Часто она вся дрожала съ головы до ногъ, и тогда становилась блѣдной, жалуясь на удушіе. Мало по малу ея характеръ подвергся коренному измѣненію. Принуждены были отказаться вывозить ее въ свѣтъ; ея слишкомъ свободныя приемы всѣхъ пугали».

Но изъ всѣхъ истерическихъ жёнщинъ, описанныхъ романистами, самая живая, самая правдивая, самая страстная это мадамъ Бовари. — Воспитанная въ монастырѣ, среди дѣвушекъ богаче ея, она выходитъ замужъ за скромнаго сельскаго лекаря, неимущаго и придурковатаго парня, мужиковатость и бѣдность котораго ее возмущаютъ. Въ нѣсколькихъ строкахъ Флоберъ характеризуетъ истерику, и, читая это точное и блестящее описаніе, незнаешь чему болѣе дивиться, таланту-ли романиста, или знанію наблюдателя. «Эмма становилась съ каждымъ днемъ страннѣе, капризнѣе; она заказывала отдѣльныя кушанія собственно для себя и не дотрогивалась до нихъ; то она пила только чистое молоко, то выпивала до двѣнадцати чашекъ кофе. Часто она упорно сидѣла дома, никуда не выходила, затѣмъ на нее нападало удушіе, отворяла окна, одѣвалась въ платье изъ легкой ткани... Она ни для чего и ни для кого не скрывала своего презрѣнія, принимаясь иногда высказывать странныя мнѣнія, порицать то, что всѣ хвалили и

хвалить безнравственныя, порочныя поступки и мысли. Неужели не будетъ конца этому несчастію? Неужели же нѣтъ никакого выходѣ? Вѣдь не хуже она въ самомъ дѣлѣ тѣхъ, которыя живутъ въ счастіи? — И она принималась роптать на Божию несправедливость. Она прислонялась головою къ стѣнѣ и плакала. Она жаждала шумной жизни, ночныхъ маскарадовъ, бурныхъ удовольствій, со всѣми ихъ упоеніями, которыхъ не знала, но которые предугадывала... Она стала блѣднѣть, у нея появилось сердцебіеніе... Въ нѣкоторые дни она болтала безъ умолку, съ лихорадочной горячностью, затѣмъ возбужденіе смѣнялось оцѣпенѣніемъ, во время котораго она не говорила, не двигалась... Она купила готическій аналой и въ теченіи одного мѣсяца истратила четырнадцать франковъ на лимоны, чтобы чистить себѣ ногти; приобрѣла у Лерё самый красивый поясъ и, обвязавъ его вокругъ своей талии сверхъ утренняго пенюара, при закрытыхъ ставняхъ, съ книгою въ рукахъ, легла въ этомъ нарядѣ на диванъ. Ей вздумалось учиться итальянскому языку; она накупила лексиконовъ, грамматикъ, цѣлый запасъ бѣлой бумаги; пробовала заняться серьезнымъ чтеніемъ, исторіей, философіей... Она впадала въ экзальтацію, во время которой легко было вызвать ее на безумныя выходки. Разъ она поспорила съ своимъ мужемъ, что выпьетъ полъ-стакана водки, и такъ какъ Шарль имѣлъ глупость поддержать споръ, она проглотила всю водку до послѣдней капли».

II.

Повидимому, мы очень удалились отъ нашего предмета; но въ дѣйствительности, это не такъ. Между легкой истерикой Бовари и тяжелой, которой страдаютъ больные въ Сальпетриерѣ, существуютъ всевозможные переходы. Въ тяжелой формѣ встрѣчаются всѣ симптомы легкой формы, но они рѣзче выражены и продолжительнѣе. Мы повторяться не станемъ. Что же касается другихъ специальныхъ симптомовъ тяжелой истерики, которыми она именно характеризуется, то это — анестезія, общая или частная, конвульсии и бредъ.

Слово анестезія обозначаетъ потерю чувствительности. Но, чтобъ вѣрно уяснить себѣ этотъ симптомъ, необходимо сдѣлать нѣсколько замѣчаній о чувствительности и осязаніи. Кожа человѣка, какъ и всѣхъ животныхъ, снабжена безчисленными нервами, весьма чувствительными къ малѣйшему раздраженію, такъ что, крайне слабое прикосновеніе къ какой либо точкѣ кожи, сообщаясь чувствительнымъ нервамъ этого органа, передается мозгу и вызываетъ въ немъ ощущеніе и перцепцію. Различаютъ нѣсколько родовъ чувствительности кожи. Такъ, мы ощущаемъ прикосновеніе предметовъ: это осязательная или тактильная чувствительность. Но осязаніе, ограниченное этимъ единственнымъ ощущеніемъ, было бы крайне несовершенно; одновременно

съ прикосновеніемъ мы можемъ ощущать температуру и плотность постороннихъ тѣлъ.

Существуетъ помимо того еще спеціально мышечная чувствительность. Когда мы дѣлаемъ какое нибудь движеніе, напр. сжимаемъ кулакъ, мы не только имѣемъ понятіе объ усилии сдѣланномъ нами при сгибаніи пальцевъ и сжиманіи кулака, но мы еще сознаемъ, что это движеніе исполнено. Словомъ, явленіе происходитъ такимъ образомъ, словно наши мускулы одарены чувствительностью, благодаря которой каждое ихъ сокращеніе вызываетъ въ сознаніи соотвѣтствующее ощущеніе. Но помимо осязательнаго и мышечнаго чувства, необходимо также различать еще болевое чувство. Когда кожа обожжена, порѣзана или разорвана, то сильное нервное потрясеніе вызываетъ особенное ощущеніе, съ которымъ всякій, болѣе или менѣе, знакомъ по собственному опыту и которое извѣстно подъ именемъ болеваго ощущенія или боли. Слово слишкомъ опредѣленное, чувство хорошо каждому извѣстное, для того чтобы разъяснять его.

Всѣ эти различныя ощущенія — тактильныя, термическія, болевыя и мышечныя — могутъ быть уничтожаемы порознь; вслѣдствіе чего и анестезія бываетъ тактильная, термическая, болевая и мышечная. Чаше всего однако эти различныя ощущенія нарушаются одновременно и у истеричныхъ вообще можно наблюдать анестезію всѣхъ родовъ.

Ничто не представляетъ такого интереса, какъ наблюденіе за больными, страдающими полной ане-

стезіей. Ихъ можно колоть, щипать, жечь и они не испытываютъ ни малѣйшей боли. Они даже не ощущаютъ прикосновенія тѣхъ предметовъ, которыми ихъ ранятъ. Такимъ образомъ — къ вящему изумленію лицъ, незнакомыхъ съ медициною — завязавъ истеричной глаза, ей можно затѣмъ проколоть насквозь кожу руки, на примѣръ тонкой иглой, и ни малѣйшее ощущеніе не предупредить больную о причиненномъ пораненіи.

Иногда анестезія бываетъ общая, одинаково поражающая какъ правую, такъ и лѣвую половину тѣла; иногда она ограничивается небольшою областью, на примѣръ лобной, грудной или предплечіемъ. Эта мѣстная анестезія наблюдается даже у больныхъ, весьма слабо истеричныхъ. Если, посредствомъ легкихъ уколовъ булавкой, стараются опредѣлить чувствительность кожи въ различныхъ частяхъ тѣла, то весьма часто находятъ небольшіе участки кожи, совершенно лишенные чувствительности. Инквизиторы XVI вѣка иначе и не поступали, розыскивая «печать діавола». Нужно ли прибавлять, что они не соблюдали предосторожностей современныхъ врачей? вмѣсто того, чтобы слегка касаться кожи кончикомъ булавки, они заставляли палача втыкать длинные желѣзные прутья во всѣ части тѣла. Если испытываемая не вздрагивала отъ боли при каждомъ проколѣ, тотчасъ же кричали, что діаволъ наложилъ на нее свою печать.

«Клеймо сатаны» считалось самымъ неоспоримымъ доказательствомъ колдовства. По весьма точнымъ

свѣдѣніямъ заклинателей, дѣвольскій знакъ имѣлъ форму заячьей лапы, и горе несчастной женщинѣ, не испускавшей стога каждый разъ, когда желѣзный пруть вонзался въ ея тѣло! Ее тотчасъ же объявляли колдуньей, и за этимъ объявленіемъ слѣдовало всѣмъ извѣстное наказаніе.

Часто у истеричныхъ анестезія поражаетъ только одну половину тѣла; тогда она называется гемі-анестезіей. Потеря чувствительности съ такой точностью ограничивается одною половиною тѣла, что достаточно перейти на два или на три миллиметра вправо или влѣво отъ средней линіи тѣла, чтобы констатировать чувствительность или анестезію.

Хотя и было сдѣлано не мало изслѣдованій для уясненія причины рассматриваемаго разстройства чувствительной нервной системы, тѣмъ не менѣе до настоящаго времени не получено никакого удовлетворительнаго результата. Кажется, только, нынѣ уже дознано, что истерика никогда не сопровождается матеріальнымъ, органическимъ поврежденіемъ. Такъ, нервы пораженной стороны ничѣмъ не отличаются отъ нервовъ здоровой части тѣла: спинной и головной мозгъ не обнаруживаютъ ни опухолей, ни кровоизліянія. Стало быть, анестезія истеричныхъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ болѣзней, гдѣ извращеніе структуры даннаго органа поясняетъ извращеніе его функцій. Отправленіе чувствительныхъ нервовъ и чувствительнаго, воспринимающаго аппарата (спиннаго или головнаго мозга) отсутствуетъ, а между тѣмъ никакое яв-

ное поврежденіе не указываетъ на причину подобнаго подавленія нервной чувствительности.— Что свидѣтельствуешь объ отсутствіи органическаго поврежденія тамъ, гдѣ имѣеть мѣсто одно только динамическое извращеніе, такъ это тотъ фактъ, что геміанестезія, продолжавшаяся весьма долгое время, напр. четыре или пять лѣтъ, вдругъ, безъ всякой видимой причины, исчезаетъ безслѣдно. Мы говорили выше, что у истеричныхъ характеръ подвижный и измѣнчивый; ихъ болѣзнь точно также капризна, непостоянна въ такой степени, что появляется и исчезаетъ безъ всякой видимой причины. Достаточно незначительнаго, почти неуловимаго душевнаго волненія, чтобы уничтожить параличъ, продолжавшійся нѣсколько лѣтъ. Я былъ свидѣтелемъ одного подобнаго случая: истерическая больная страдала параличемъ въ теченіи четырехъ лѣтъ,— въ теченіи всего этого времени она не могла ни говорить, ни ѣсть, ни пить; чтобы она не умерла съ голоду, были принуждены вводить ей пищу въ ротъ. Но однажды вечеромъ больная вдругъ заговорила, объявивъ, что она можетъ ѣсть безъ посторонней помощи. Дѣйствительно, она исцѣлилась внезапно, самымъ необъяснимымъ образомъ. Эти факты, аналогичные тѣмъ, которые, наблюдались въ извѣстныхъ Пиренейскихъ пещерахъ и разсматривались, какъ сверхестественные, чудесные. Въ Парижѣ судятъ иначе, и видятъ въ нихъ неправильныя проявленія невполнѣ еще выясненной болѣзни, слож-

ная и причудливая природа которой недостаточно изслѣдована наукою.

У истеричныхъ часто наблюдаются весьма странныя явленія. Напримѣръ, можно считать доказаннымъ, что онѣ въ состояніи оставаться весьма долгое время безъ пищи и питія; вмѣстѣ съ тѣмъ, останавливаются и выдѣленія, такъ что при нѣкоторыхъ, еще не вполне выясненныхъ условіяхъ, замѣчается почти полное прекращеніе химическихъ процессовъ жизни, что у другихъ индивидуумовъ наступаетъ только въ моментъ смерти. «Природа, говоритъ д-ръ Шарко, повидимому, церемонится съ истеричными». Но самое удивительное явленіе это то, что несмотря на силу припадковъ, несмотря на недостаточность питанія, больныя не худѣютъ и даже имѣютъ видъ здоровыхъ людей. Хотя подобные факты и необъяснимы, но въ нихъ, конечно, нѣтъ ничего сверхестественнаго. Нѣтъ никакого основанія принимать такое продолжительное воздержаніе отъ пищи за какое-то чудесное покровительство свыше, какъ недавно старались въ томъ увѣрить по поводу Луизы Лапо. Необходимо также остерегаться нерѣдкихъ симуляцій, весьма искусно практикуемыхъ больными. Ихъ желаніе — обмануть врача. Съ какою цѣлью? Трудно было бы отвѣчать на этотъ вопросъ, если бы не было извѣстно, что онѣ лгутъ изъ любви къ искусству, изъ одного удовольствія солгать, хотя бы это не приносило имъ никакой пользы. Еще въ прежніе вѣка у истеричныхъ проявлялись странныя фантазіи — увѣрить

всѣхъ, что онѣ могутъ жить, не принимая никакой пищи. Виръ, одинъ изъ весьма рѣдкихъ поборниковъ здраваго смысла противъ поголовной глупости, рассказываетъ, какъ онъ разоблачилъ въ 1514 г. маленькую нищю, по имени, Варвару, вѣроятно страдавшую истерикой, которая выдавала за чудо, что она ничего не ѣсть и не пьетъ. Виръ взялъ нищенку къ себѣ, — сталъ за ней тщательно наблюдать, при содѣйствіи своей жены и служанки, и повелъ дѣло такъ хорошо, что разоблачилъ всѣ хитрости маленькой обманщицы. Въ концѣ концовъ, послѣдняя вынуждена была сознаться, но не въ томъ, что она обманывала, а что Виръ ее вылечилъ.

Но не одинъ Виръ еще въ XVI столѣтіи протестовалъ противъ злоупотребленія вѣрою въ сверхъестественныя силы. Извѣстно, что нѣкоторые образованные медики того времени не раздѣляли господствующаго суевѣрія и относили нервные и конвульсивныя припадки къ ихъ истинной причинѣ, т. е. къ истерикѣ, а не къ діаволу. Истерика называлась удушiемъ матки; но тогда небезопасно было отрицать вліяніе діавола, и у нихъ поэтому встрѣчаются оговорки, осторожности въ выраженiяхъ, съ цѣлью замаскировать смѣлость новаго ученія. «Я видѣлъ, говоритъ Гулье, двухъ дочерей президента одного изъ нашихъ французскихъ парламентовъ, расположенныхъ къ припадкамъ такого хохота, котораго нельзя было остановить ни страхомъ, ни угрозами, ни рѣзкими словами». Дру-

гой ученый XVI вѣка говорить: «Отъ маточнаго удущія происходятъ различные болѣзненные припадки, которые невѣжественные врачи приписываютъ чарамъ или другимъ сверхестественнымъ причинамъ». Въ то время было также извѣстно, что при истерикѣ часто наблюдаются припадки каталепсїи, и мнимо умершіе погребались заживо. Но весьма мало ученыхъ не приписывали этихъ симптомовъ злымъ шуткамъ демона.

До послѣдняго времени всѣ усилія врачей противъ истерической анестезїи оставались безуспѣшными. Но неожиданное открытіе, обнаружившее цѣлую серію неоспоримыхъ, хотя и невѣроятныхъ фактовъ, счастливымъ образомъ измѣнило терапию истерики. Хотя открытіе металлотерапїи и сдѣлалось извѣстно только недавно, но оно не совсѣмъ ново. Болѣе тридцати лѣтъ назадъ, Бюркъ утверждалъ уже, что приложеніемъ къ поверхности кожи нѣкоторыхъ металловъ: золота, серебра, мѣди, цинка, можно излечивать мигрени, невралгїи и параличъ. Никто однако не потрудился научно провѣрить это странное показаніе. О докторѣ Бюркѣ перестали говорить. Но онъ тѣмъ не менѣе продолжалъ настойчиво утверждать, что леченіе нервныхъ болѣзней помощью металловъ дѣлаетъ чудеса. По всей вѣроятности, его указаніе оставалось бы гласомъ вопїющаго въ пустынѣ до настоящаго времени, если бы д-ру Шарко не вздумалось повторить опыты Бюрка. И эти опыты увѣнчались успѣхомъ, по крайней мѣрѣ отча-

сти. Примѣненіе металловъ, хотя и даетъ весьма ничтожные результаты во многихъ нервныхъ болѣзняхъ, тѣмъ не менѣе, у истеричныхъ, въ особенности страдающихъ анестезіей, этотъ способъ леченія измѣняетъ значительно симптомы болѣзни. Достаточно приложить къ области, лишенной чувствительности, золотую, серебряную монету или какой-нибудь другой металлическій предметъ, чтобы, спустя нѣсколько часовъ, чувствительность вполне возстановилась. Нѣкоторыя больныя излечиваются золотомъ, другія серебромъ, третьи, наконецъ, цинкомъ или мѣдью. Вотъ этотъ то способъ леченія, состоящій въ наложеніи на кожу металлическихъ пластинокъ и получилъ названіе металлотерапіи.

Какъ бы не казались странными подобные факты, но въ настоящее время они слишкомъ часто были провѣряемы, какъ во Франціи, такъ и внѣ ея, чтобы можно было оспаривать ихъ дѣйствительность. Впрочемъ, позднѣйшими изслѣдованіями обнаружено, въ чемъ именно заключается дѣйствіе металловъ, когда ихъ прикладываютъ къ кожѣ. Вслѣдствій прикосновенія металла къ влажной кожѣ, пропитанной солями, тотчасъ же развиваются легкіе электрическіе токи. Эти токи крайне незначительны, чтобы могли быть ощущаемы, но, тѣмъ не менѣе, достаточно интенсивны, чтобы, измѣняя состояніе чувствующихъ нервовъ, уничтожить анестезію и возстановить чувствительность. Непосредственно произведенные опыты значительно подтверждаютъ предположеніе, что дѣйствіе металлотерапіи осно-

вано на развитіи слабыхъ электрическихъ токовъ, которые, возбуждая парализованные чувствующие нервы, восстанавливаютъ чувствительность. Магниты могутъ быть причислены къ слабымъ электрическимъ токамъ; ихъ дѣйствіе на лишенную чувствительности кожу кажется почти сходнымъ съ дѣйствіемъ металловъ. Явленіе обнаруживается рѣзко; но вмѣсто того чтобы уничтожить анестезію, магнитъ измѣняетъ ее такимъ образомъ, что анестезія съ одной стороны тѣла перемѣщается на другую: это то, что называется трансфертомъ (перенесеніемъ). Если, на примѣръ, приложить магнитъ къ лишенной чувствительности правой сторонѣ тѣла больной, то по истеченіи, положимъ, получаса чувствительность на этой сторонѣ восстановится, но за то она будетъ потеряна на лѣвой сторонѣ. Кажется, что подъ вліяніемъ электрической силы, развиваемой магнитомъ, болѣзнь, не будучи въ состояніи исчезнуть, перемѣщается и анестезія съ больной стороны, которая становится здоровой, общается противоположной сторонѣ, до того здоровой. Не исключаетъ ли подобная подвижность всякое предположеніе о глубокомъ, матеріальномъ поврежденіи нервныхъ центровъ?

Всѣ эти факты металлотерапіи и магнитотерапіи представляютъ большой интересъ съ фізіологической и клинической стороны, но изложеніе ихъ довольно сухо и я опасюсь, чтобы предыдущій краткій обзоръ не показался и безъ того слишкомъ длиннымъ. Къ тому же, я слѣшу перейти къ опи-

санію симптомовъ, которые можно было бы назвать демоническими и которыми характеризуются тяжкіе припадки эпилептической истерики.

Кажется, не можетъ быть зрѣлища ужаснѣе тѣхъ, которые представляютъ демоническіе припадки. Все тѣло трепещетъ и сильно вздрагиваетъ. Всѣ мускулы сокращены и до того напрягаются, что кажется вотъ-вотъ порвутся. Громадные скачки, ужасающіе крики и ревъ, неясныя восклицанія, необычайныя кривлянія, на какія, казалось бы, неспособно ни одно человѣческое существо, — такова отвратительная картина истерическихъ припадковъ. Будучи свидѣтелемъ подобныхъ сценъ, менѣе уже удивляешься средневѣковому легковѣрію, видѣвшему въ этихъ явленіяхъ вмѣшательство злыхъ духовъ и предполагавшему, что одни дьяволы способны вызывать въ человѣческомъ тѣлѣ такое бѣшенное напряженіе всѣхъ его силъ.

Однако, ближайшее изученіе припадковъ эпилептической истерики свидѣтельствуешь, что, несмотря на кажущуюся беспорядочность, болѣзнь отличается правильными, ясно очерченными періодами. Ничто не предоставлено случаю. Каждый симптомъ, какимъ бы необузданнымъ онъ не казался, наступаетъ въ свое время, съ правильностью, я бы могъ сказать — почти съ изумительной пунктуальностью. Д-ръ Шарко и его ученики *) показали, что въ де-

*) Paul Richer: Etude descriptive de la grande attaque hysterique 1879 г. Многочисленные рисунки, приложенные къ этому сочиненію, вмѣстѣ съ прекрасными фотографическими сним-

моническомъ припадкѣ существуетъ три весьма характеристическихъ періода.

Первый періодъ сходенъ съ припадкомъ простой падучей болѣзни. Вдругъ дѣлается обморокъ. Больная падаетъ на полъ. Мускулы ея сокращаются и напрягаются; лице синѣетъ; шея надувается; черты лица искажаются ужасной гримасою. Руки опускаются; пальцы сжимаются; нѣсколько времени спустя, наступаетъ конвульсивное вздрагиваніе мышцъ, которое сперва все усиливается и усиливается, а затѣмъ постепенно уменьшается. Наконецъ, мускулы, утомленные этими чрезмѣрными и продолжительными усиліями, ослабѣваютъ; наступаетъ сонъ, полный, глубокій, бездремный.

Этотъ сонъ продолжается, однако, очень недолго, и нѣсколько минутъ спустя наступаетъ второй періодъ; названный д-ромъ Шарко «клоунизмомъ», такъ какъ онъ напоминаетъ тѣ смѣшныя тѣлодвиженія и невѣроятныя выворачиванія членовъ, которыми клоуны забавляютъ публику въ циркѣ. Въ этомъ періодѣ демоническаго припадка больныя дѣлаютъ удивительнѣйшіе прыжки. Тѣло выгибается въ дугу, такъ что больная касается постели только пятками и теменемъ. Лице все искривлено, лицевые мускулы, подергиваемые во всѣ стороны, сообщаютъ фізіономіи отвратительное выраженіе; иногда все тѣло вдругъ подпрыгиваетъ

ками Реньяра и Вурневиля (Фотографическая иконографія Сальпетриеры), дають возможность составить ясное понятіе о различныхъ періодахъ эпилептико-истеричнаго припадка.

и затѣмъ со всею тяжестью падаетъ на постель. «Больною, говоритъ Поль Рише при описаніи одного изъ этихъ припадковъ, овладѣваетъ бѣшенство противъ самой себя; она старается испарать себѣ лице; рветъ на себѣ волосы, испускаетъ жалобные крики, и съ такой силой бьетъ себя кулаками въ грудь, что бывають вынуждены подложить подушку. Она кидается на окружающихъ, стараясь укусить ихъ, и если ей это не удастся, рветъ все, что попадается подъ руки: простыни, платья и бѣлье; потомъ начинаетъ выть, какъ дикій звѣрь, и до тѣхъ поръ бьется головой и кулаками о кровать, пока не устанетъ; затѣмъ вдругъ выпрямляется, разбрасываетъ руки и ноги во всѣ стороны, качаетъ головой взадъ и впередъ, испуская хриплые крики или, оставаясь въ сидячемъ положеніи, быстро вращаетъ туловищемъ со стороны въ сторону, размахивая руками».

Но, что удивительно не менѣе самаго припадка, это легкость, съ какою его можно остановить. Все это необузданное бѣснованіе мгновенно прекращается, если крѣпко надавить брюшную полость. Повидимому, исходною точкою демоническаго припадка служатъ яичники, такъ какъ сильное надавливаніе рукою брюшной области въ мѣстѣ, соотвѣтствующемъ положенію яичниковъ, немедленно останавливаетъ бѣснованіе, и сознаніе возвращается. Несчастливая «одержимая», прійдя въ себя, бросаетъ удивленный взглядъ на окружающихъ, не понимая въ первую минуту, почему всѣ собрались вокругъ

ея кровати, такъ какъ въ началѣ припадка она была одна, а изъ всего того, что произошло затѣмъ, она рѣшительно ничего не помнитъ. Во все время, пока яичники надавлены, больная владѣеть полнымъ сознаниемъ; она оправляетъ свою одежду, приведенную въ беспорядокъ конвульсіями; разговариваетъ, смѣется, спокойно шутитъ съ своими сосѣдками; но достаточно слегка ослабить давленіе на яичники, чтобы припадокъ возобновился съ прежней силою. Усиливая вновь давленіе, можно опять немедленно остановить припадокъ. Если начатая фраза прервана возобновившимся припадкомъ, больная, прійдя въ себя, оканчиваетъ ее съ того слова, на которомъ остановилась. Во время припадка, сознание совершенно отсутствуетъ; умственная жизнь исчезаетъ, но какъ только припадокъ проходитъ, она вновь возобновляется, словно не было никакого перерыва. Прибѣгая къ грубому, но наглядному сравненію, можно сказать, что между надавливаніемъ яичниковъ и истерическимъ припадкомъ такое же отношеніе, какъ между краномъ и истокомъ воды въ водопроводѣ. Если завернуть кранъ, вода перестанетъ течь, но стоитъ кранъ отвернуть и вода снова польется. Точно также, надавливаніе яичниковъ останавливаетъ истерическій припадокъ, который немедленно возобновляется, какъ только давленіе прекращается. Въ Сальпетриерѣ больные такъ хорошо знакомы съ этимъ явленіемъ, что какъ только у одной изъ нихъ начинается припадокъ, остальные окружаютъ ее кровать и надав-

ливають ея брюшную полость, иногда въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, чтобы остановить демоническій припадокъ.

Если мы безразлично называемъ эти припадки, то демоническими, то истерико-эпилептическими, такъ потому именно, что долгое время демоны считались дѣйствительными, живыми виновниками этихъ страшныхъ болѣзненныхъ явленій. Симптомы тѣ же самыя: достаточно прочитаніе описаніе прежняго демоническаго припадка, чтобы убѣдиться, что онъ совершенно сходенъ съ истерико-эпилептическимъ припадкомъ нашего времени.

Вотъ что рассказываетъ по этому поводу Эсприде-Бороже, патеръ-капуцинъ, на обязанности котораго было заклинять монахинь въ Лувье отъ дьявола *):

«Въ день Троицы (1644 г.), Дагонъ (такъ назывался демонъ, вселившійся въ сестру Марію монастыря Святаго Духа) причинялъ въ теченіи цѣлыхъ четырехъ часовъ самыя ужасныя бѣснованія, какія только можно себѣ представить и это для того, чтобы помѣшать дѣвушкамъ приобщиться Св. Тайнъ. Все

*) La Piété affligée, ou Discours historique et théologique de la possession des religieuses dites de Sainte Elisabeth, à Louviers, par Esprit de Besroger, capucin. Rouen, 1652, p. 257. Это въ высшей степени любопытное сочиненіе Мишле называется «безсмертной книгой въ лѣтописяхъ человѣческой глупости». Мы еще будемъ имѣть случай возвратиться къ этому произведенію. Во всякомъ случаѣ, изъ только что сдѣланной выдержки можно уже судить о письмѣ Эспри де-Бороже.

время онъ подвергалъ ее страшнымъ конвульсіямъ, нѣсколько разъ бросалъ на полъ, заставлялъ дѣлать сотни прыжковъ, сотни разъ бѣгать вокругъ церкви, толкать и сшибать съ ногъ народъ... Милосердый Боже! какія удивительныя движенія! какія странныя кривлянія! какое бѣшенное верченіе! какія частыя и неистовыя судороги и въ такихъ нѣжныхъ созданіяхъ, и при такихъ многократныхъ, ужасныхъ усиліяхъ! Я готовъ бы былъ согласиться, увѣряю васъ, съ мнѣніемъ разумныхъ и разсудительныхъ людей, желающихъ объяснить всѣ эти конвульсіи болѣзнію, а всѣ эти страшныя движенія и кувырканія ломаніемъ скомороховъ. Но что наглядно убѣждаетъ въ противномъ, противъ чего нѣтъ возраженій и что громогласно признается лучшими врачами, это полнѣйшая невозможность, чтобы конвульсіи, въ особенности столь интенсивныя, были естественнымъ слѣдствіемъ болѣзни; чтобы онѣ могли продолжаться такъ долго, возобновляться такъ часто, не вызывая ни малѣйшаго утомленія послѣ ихъ прекращенія и не дѣйствуя разрушительно на субъекта».

Не во гнѣвъ будь сказано почтенному капуцину, демоническіе припадки — настоящая болѣзнь. Можно классифицировать ея симптомы, фазисы, ея приступы, средину и конецъ, и можно утвердительно сказать, что «странные скачки» сестры Маріи изъ Лувье, принадлежатъ ко второму періоду истерико-эпилептического припадка.

Въ третьемъ періодѣ нѣтъ уже болѣе стран-

ныхъ, акробатическихъ движеній, характеризующихъ предыдущій фазисъ. Руки не раскидываются во всѣ стороны, какъ слѣдствіе чрезмѣрнаго возбужденія спиннаго мозга; дѣятельность головного мозга, совершенно исчезающая въ началѣ припадка, возвращается, а съ нею вмѣстѣ и сознаніе, по крайней мѣрѣ, отчасти. Это періодъ всевозможныхъ галлюцинацій, веселыхъ или грустныхъ, любовныхъ, религіозныхъ, восторженныхъ. Каждый разъ, какъ какой-нибудь образъ возникаетъ въ умѣ, — движенія рукъ, черты лица, общее положеніе тѣла, словомъ все соотвѣтствуетъ этой галлюцинаціи. И эти позы, эти страстные выраженія отличаются такой живостью и силой экспрессіи, какихъ нельзя болѣе встрѣтить нигдѣ. Самый искусный актеръ никогда не въ состояніи выразить испугъ, угрозу или гнѣвъ съ такой правдивостью и силою, какъ эти бѣдныя истеричныя въ припадкахъ неистоваго и измѣнчиваго бреда. Одна складываетъ на груди руки и поднимаетъ глаза къ небу съ выраженіемъ религіознаго восхищенія, словно созерцая отверзнутыя небеса съ святыми или ангелами. Другая разговариваетъ съ своей маленькой дочкой, съ которой она уже давно разлучена и къ которой обращается съ самыми нѣжными словами. Третья видитъ вокругъ себя однихъ гадювъ, ящерицъ съ краснымъ клювомъ, съ налитыми кровью глазами, летучихъ мышей необычайныхъ размѣровъ, и черты ея лица искажаются ужасомъ.

Вообще, наблюдаются постоянно двѣ формы бреда, соотвѣтственно двумъ родамъ галлюцинацій: веселыя и грустныя. Чаще всего онѣ смѣшаны и съ быстротой смѣняются одна другою. «М... — говорить Поль Ришэ, — видитъ себя съ Эрнестомъ *) въ одномъ изъ ресторановъ окрестностей Парижа, гдѣ подъ трельяжами съ цвѣтами и вьющимися растеніями разставлены столики. Направо негритянка, окруженная совершенно нагими черными людьми съ сильными татуированными руками. Они схватываютъ несчастную негритянку за волосы и хотятъ ее скальпировать. Кровь льется ручьями по лицу несчастной, которая испускаетъ жалобные крики и молитъ о помощи. Налѣво совершенно другая картина. Тутъ многочисленное общество. У Эрнеста множество друзей, въ компаніи съ ними и молодыя дѣвушки. Всѣ эти лица безъ всякой одежды кромѣ широкаго краснаго пояса; у одного только Эрнеста испанскій костюмъ. Компанія располагается вокругъ столиковъ, всѣ угощаются устрицами, пьютъ бѣлое вино и смѣются... смѣются».

Въ сущности, у каждой бѣснующейся своя форма бреда, такъ что у одной и той же больной и припадки всегда одни и тѣ же. При всѣхъ припадкахъ видятся тѣже лица, повторяются тѣже сцены. Порядокъ, въ какомъ проявляются галлюци-

*) У бѣснующихся прошедшихъ временъ, имена молодыхъ людей замѣняются именами дьяволовъ, даваемыми иногда лицамъ, которыми галлюцинируютъ.

націи, въ свою очередь, до того постоянный, что если случилось ранѣе присутствовать при нѣкоторыхъ припадкахъ той же больной, можно, по характеру галлюцинаціи, предсказать конецъ припадка. У одной онъ совпадаетъ съ трубными звуками военной музыки, у другой—съ грохотомъ желѣзно-дорожнаго поѣзда, у третьей—его предвѣщаютъ галлюцинаціи гадовъ, ехиднъ, воронъ, жабъ, крысъ. Правильность подобныхъ галлюцинацій — удивительна. Прислушиваясь къ крикамъ, къ безумнымъ возгласамъ тяжко истеричныхъ, присутствуя при ихъ бѣшеныхъ конвульсіяхъ, можно было бы подумать, что простой капризный случай управляетъ этими ужасными припадками. Въ дѣйствительности же, все предусмтрѣно, установлено, опредѣлено; вся эта кажущаяся беспорядочность проявляется съ математической точностью хорошо вывѣренныхъ часовъ.

Какъ бы фантастичнымъ не казался бредъ истеричныхъ во время ихъ припадковъ, но онъ всегда имѣетъ свою причину, свой *raison d'être*. Галлюцинаціи бѣснующейся напоминаютъ дѣйствительныя событія изъ ея жизни и въ частности именно то событіе, которое имѣло наибольшее вліяніе на происхожденіе ея болѣзни. Нѣтъ сомнѣнія, какъ мы говорили выше, что главная причина истерики — наследственное предрасположеніе; но кромѣ того, необходимо также соответствующее внѣшнее вліяніе, которое вызвало бы первый нервный кризисъ; необходимо событіе незначительное или тяж-

кое, которое побудило бы обнаружиться болѣзнь, давно уже пребывающую въ скрытомъ состояніи. Часто такимъ событіемъ служатъ — испугъ, сильное волненіе, горе, разочарованіе.

Въ припадочномъ бреду выступаютъ, въ видѣ галлюцинацій, событія и лица, причинившія это волненіе, этотъ испугъ, это горе. Въ вліяніи прошлаго и кроется существенная разница между бредомъ сумасшедшаго и истеричныхъ. Вообще говоря, у сумасшедшихъ, видѣнія не находятся въ непосредственномъ соотношеніи съ предыдущими событіями, каковы бы послѣднія не были; тогда какъ у истеричныхъ, форма бреда почти всегда опредѣляется тѣмъ или другимъ происшествіемъ, игравшимъ нѣкогда важную роль въ жизни больной. Что же касается видѣнія жабъ, крысъ и другихъ гадинъ, то этотъ родъ галлюцинацій встрѣчается во всѣхъ формахъ бреда. Какъ только лихорадочный жаръ нарушитъ мозговья отправленія, немедленно же представляются змѣи, крысы; онѣ бѣгають по комнатѣ, вползають на постель. Тѣ же галлюцинаціи наблюдаются и у алкоголиковъ. Всѣ они видятъ различныхъ гадювъ, которые отравляютъ ихъ существованіе. Кажется человѣчскій разумъ, въ случаѣ извращенія умственной дѣятельности, возвращается къ своему первобытному состоянію и не находитъ, для олицетворенія чувства страха или отвращенія, другихъ образовъ, кромѣ образовъ тѣхъ вредныхъ животныхъ,

которыя возбуждали страхъ или отвращеніе у примитивнаго человѣка.

Періодъ бреда, которымъ знаменуется конецъ демоническаго припадка, иногда весьма непродолжителенъ; но чаще онъ тянется въ теченіи нѣсколькихъ дней. Глубоко нарушенныя мозговья отправленія весьма медленно возвращаются къ нормальному состоянію.

Но не слишкомъ-ли громко называть «нормальнымъ» умственное состояніе истеричныхъ, въ какомъ они находятся въ промежуткахъ между припадками? Конечно, интеллектуальная дѣятельность не отсутствуетъ. Память — этотъ краеугольный камень всего умственнаго зданія — цѣла; но остальные способности крайне извращены. Этого нельзя не видѣть, изучая нравы и слѣдя за бесѣдами истеричныхъ въ Сальпетриерѣ. По цѣлымъ днямъ хохочатъ онѣ безъ умолку надъ вещами не представляющими ничего смѣшнаго, напримѣръ, надъ проходящей служанкой, надъ плохо постланной постелью, надъ птичкой, расположившейся близъ окна, надъ криво надѣтымъ чепцомъ. И тѣже самыя причины могутъ подать поводъ къ слезамъ. Безконечные споры и жалобы наводняютъ ихъ рѣчи, прерываемыя постоянными, безцѣльными, безпричинными ажитаціями. Необходимо украсить изголовье кровати цвѣтами, приколотъ къ прическѣ бантикъ, нарядиться въ какое-нибудь тряпье. И рядомъ съ этимъ часто крайняя неряшливость и беспорядокъ въ остальномъ костюмѣ: не ѣррко истеричная

выходить на дворъ босикомъ, но въ чепцѣ, разукрашенномъ лентами. Причудливыя фантазіи также не рѣдки, какъ и ничѣмъ не оправдываемыя симпатіи и антипатіи. У истеричныхъ одно желаніе: чтобы ими занимались, чтобы сочувствовали ихъ пустяшнымъ волненіямъ, чтобы раздѣляли ихъ гнѣвъ или ихъ привязанности, чтобы восхищались ихъ умомъ или ихъ нарядами. Онѣ рассказываютъ самыя невѣроятныя исторіи, лгутъ безъ совѣсти и когда ихъ уличаютъ во лжи, нисколько не смущаются. Лишенныя всякаго нравственнаго чувства, онѣ, если и послушны, то только потому, что не могутъ иначе поступить. Никакое чувство скромности или стыда не останавливаетъ ихъ: онѣ рассказываютъ свои похождения первому встрѣчному, если только онъ имъ сразу понравился, и разговариваютъ съ мужчинами, какъ бы съ лицами одного съ ними пола. Ничто не смущаетъ этихъ Діогеновъ въ юбкѣ; у нихъ на все готовъ отвѣтъ, онѣ задаютъ самыя нескромныя вопросы и рѣжутъ правду-матку каждому въ глаза. Тѣмъ не менѣе, истеричныя не лишены и самолюбія, и если выказываютъ къ нимъ невниманіе, онѣ этимъ возмущаются. Впрочемъ, онѣ долго не остаются въ одномъ и томъ состояніи, переходя съ изумительной быстротой отъ одного душевнаго настроенія къ другому. Никакая мысль, никакая логика не въ силахъ ихъ покорить или убѣдить. Ихъ умъ перепархиваетъ съ мѣста на мѣсто, не будучи въ состояніи ни на чемъ остановиться; сосредото-

точить ихъ вниманіе на какой-нибудь опредѣленной мысли также невозможно, какъ урезонить птичку не порхать съ вѣтки на вѣтку, а сидѣть смиренно на одномъ мѣстѣ.

Здравый смыслъ до того отсутствуетъ, что, предоставленные самимъ себѣ, эти несчастныя творятъ невообразимыя глупости. Нужно это знать, чтобы понять причину ихъ заключенія въ домъ умалишенныхъ. Когда съ ними разговариваютъ, у нихъ не замѣтно того полнаго умственнаго расстройства, которое такъ легко подмѣчается у большинства сумасшедшихъ. Но необходимо видѣть ихъ въ жизни, брошенными среди общества, среди всевозможныхъ случайностей, чтобы понять до какого сумасбродства, чтобы не сказать больше, могутъ доходить онѣ, если ихъ ничто не сдерживаетъ. Иногда, хотя впрочемъ довольно рѣдко, истеричныя совершаютъ преступленія; чаще всего онѣ изобрѣтаютъ цѣлый рядъ басенъ, чтобы обмануть правосудіе. Одна, на примѣръ, ранитъ себя ножницами и увѣряетъ, что эти раны нанесены ей постороннимъ лицомъ; другая притворяется беременной, чтобы женить на себѣ человѣка, почти совершенно ей незнакомаго; третья страдаетъ маніей воровства и, всякій разъ какъ побываетъ въ какомъ-нибудь магазинѣ, тащитъ все, что попадетъ подъ руку, обвиняя перваго встрѣчнаго въ учиненной кражѣ.

Впрочемъ, никакое описаніе не можетъ дать такого нагляднаго понятія о степени умственнаго из-

вращенія тяжко-истеричныхъ, какъ простой рассказъ о жизни одной истеричной, которую давно уже знаютъ въ Сальпетриерѣ подь именемъ Ж... и которая приобрѣла себѣ извѣстность, какъ странностью своего характера, такъ и жестокостью судорожныхъ припадковъ. Ж... родилась въ Лудѣнѣ, 2-го января 1843 года. Покинутая матерью, она была доставлена въ мѣстный приютъ, гдѣ и провела первые годы своей жизни; затѣмъ ее отправили въ деревню. Ей было четырнадцать лѣтъ, когда за ней стали ухаживать молодой человѣкъ, по имени Камиль. Но, годъ спустя, ея «женихъ» умираетъ отъ воспаленія мозга. Изъ боязни, чтобы М... не учинила во время похоронъ какого скандала, ее запираютъ; но она выскакиваетъ въ окно, бѣжитъ на кладбище и хочетъ броситься въ могилу. Ее снова запираютъ; однако она ночью вторично убѣгаетъ на могилу. Ее настагаютъ и схватываютъ, но съ ней дѣлается нервный припадокъ, въ теченіи котораго она «кажется совершенно мертвой». Около двадцати четырехъ часовъ проводитъ она въ состояніи полной летаргіи. Ее отвозятъ въ приютъ, гдѣ М... остается два года, смотритъ почти здоровой и на восемнадцатомъ году поступаетъ горничной въ одинъ домъ въ Пуатье. Спустя нѣсколько недѣль, у нея опять появляются нервные припадки; ей приходитъ въ голову притвориться беременной; ей вѣрятъ и везутъ ее въ родовспомогательное заведеніе. Вскорѣ обманъ открывается. Но такъ какъ

ея припадки стали гораздо серьезнѣе, а характеръ, и безъ того непокорный, сдѣлался совершенно необузданнымъ, то ее переводятъ въ домъ умалишенныхъ. Тамъ назначаютъ ей леченіе белладонной. М... вздумалось собирать, въ теченіи десяти дней, пилюли, которыя давали ей ежедневно; затѣмъ она проглатываетъ ихъ всѣ разомъ. Это отравленіе едва не имѣло гибельныхъ послѣдствій; однако сошло благополучно; но нѣсколько дней спустя, М... изрѣзала себѣ грудь ножницами, не будучи въ состояніи объяснить причину этой новой глупости. Вскорѣ она ушла изъ больницы и явилась въ Парижъ. Но припадки заставляютъ ее вновь войти въ больницу; ее переводятъ въ Тулузу, въ домъ умалишенныхъ. Ей удается, однако, вновь бѣжать, и она возвращается въ Парижъ. Если вѣрить ея словамъ, она пробралась изъ Тулузы въ Парижъ пѣшкомъ, въ больничномъ одѣяніи, обутая въ сабо, ночуя въ лѣсахъ, раздѣваясь, чтобы мыть свою единственную рубашку и питаясь хлѣбомъ, который ей подавали на фермахъ. Хотя она была страшно горда, но рѣшилась просить милостыню: голодъ сокрушилъ гордость; она утѣшала себя тѣмъ, что самъ Спаситель просилъ милостыню и она можетъ поступать какъ онъ. Ея путешествіе изъ Тулузы въ Парижъ продолжалось три мѣсяца. Вскорѣ ей пришла фантазія прокатиться по Сѣверной желѣзной дорогѣ; на станціи Сень-Лё она сошла съ поѣзда и стала срывать распредѣленіе

поѣздовъ; ее арестовали и доставили въ Сальпетриеръ, гдѣ она родила дочь (1867 г.). Въ 1870 году она бѣжала и поступила сидѣлкой въ больницу св. Антонія. Здѣсь, поспоривъ однажды съ монахиней, она стала буйнить, такъ что ее выгнали вонъ. Когда было подписано перемирие, М... покинула Парижъ, съ цѣлью повидаться съ дочерью, которая находилась въ Бургундіи. Но въ Монбарѣ ее задержали пруссаки и она провела восемь дней въ ихъ лагерѣ. Она возвратилась, затѣмъ, въ Парижъ и вновь очутилась въ Сальпетриерѣ, откуда уже болѣе не выходила, за исключеніемъ двухъ непродолжительныхъ отлучекъ. Однажды, желая убѣжать, она взобралась на крышу въ самомъ первобытномъ костюмѣ, какой только можно себѣ представить. Въ другой разъ, прочитавъ въ газетахъ описаніе чудесныхъ дѣяній Луизы Лашо. М... задумала отправиться въ Богемію, чтобы повидать «сестру». Какъ только она вышла изъ больницы, тотчасъ же поѣхала въ Лувенъ. Проѣзжая Кёнуга (близъ Лилля), съ ней сдѣлался припадокъ; она, однако, продолжала путь до Брюсселя. Но въ этомъ городѣ съ ней случилось «приключеніе», помѣшавшее ей побывать у «сестры». Наконецъ, она возвратилась въ Сальпетриеръ (1877 г.), гдѣ съ тѣхъ поръ и находится, продолжая страдать демоническими припадками, но будучи вообще довольно послушной и, до нѣкоторой степени, благоумной, что, однако, не мѣшаетъ ей расска-

зывать всѣмъ и каждому свою длинную и невѣроятную эпопею *)).

Быть можетъ, знакомство съ этой эпопеей представить еще больше интереса, если принять во вниманіе, что двѣсти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, М... подлежала бы заклинаніямъ, а въ XVI вѣкѣ ее живую сожгли бы на кострѣ, какъ колдунью.

III.

Изученіе демоническихъ припадковъ находится въ тѣсной связи съ изученіемъ сомнамбулизма. Нѣтъ возможности понять истинный характеръ различныхъ средневѣковыхъ эпидемій, не изучивъ различныхъ симптомовъ, такъ называемаго, магнетическаго сна. Къ тому же, благодаря безсовѣстности шарлатановъ, примѣшавшихъ столько вздора къ дѣйствительнымъ фактамъ, лицамъ, не посвятившимъ себя специальному изученію этой болѣзни, очень трудно сохранить равновѣсіе между слѣпой довѣрчивостью, допускающей все, даже абсурдъ и скептицизмомъ, отрицающимъ все — даже истину.

Въ 1778 году, въ Парижъ прибылъ нѣмецкій врачъ, по имени Антонъ Месмеръ. О немъ расска-

*) Болѣе подробное изученіе фактовъ, относящихся къ М., можно найти въ «Фотографической иконографіи». ч. I, стр. 65.

зывали чудеса. Нѣсколько лѣтъ передъ этимъ, онъ издалъ странную, почти мистическую книгу, въ которой доказывалъ существованіе универсальной жидкости, распространенной по всей природѣ и могущей проникать въ человѣческое тѣло. Месмеръ, однако, не былъ еще тогда извѣстенъ; но въ Парижѣ, служившемъ и въ то время, какъ и нынѣ, центромъ, средоточіемъ общественнаго мнѣнія, онъ быстро приобрѣлъ себѣ блестящую извѣстность. Поселившись на Вандомской площади, Месмеръ сталъ пропагандировать свою теорію о магнетической жидкости, и ему удалось завербовать нѣсколько учениковъ, въ особенности одного врача, по имени д'Элона, котораго онъ пригласилъ къ себѣ въ ассистенты. Вскорѣ, однако, вслѣдствіе денежныхъ расчетовъ, между двумя магнетизерами возникли распри. Д'Элонъ подвергся выговору со стороны парижскаго медицинскаго факультета и былъ исключенъ изъ списка его членовъ, какъ шарлатанъ.

Тѣмъ не менѣе, кліенты являлись толпой. Всѣ хотятъ быть магнетизированы. Месмеръ ужъ не въ силахъ самъ удовлетворять такому наплыву требованій. Онъ беретъ себѣ въ помощники простаго слугу, который и магнетизируетъ за него. Но и этого оказывается недостаточно. Тогда Месмеръ изобрѣтаетъ свой знаменитый чанъ, съ помощью котораго одновременно могутъ быть магнетизируемы отъ тридцати до сорока персонъ. Собираются въ большой темный залъ, гдѣ стоитъ дубовый ящикъ

съ стеклянными банками, соединенными между собою металлической проволокой. Все это заключено въ другой ящикъ съ желѣзными прутьями, за которые больные должны держаться, чтобы подвергнуться вліянію. Тишина полная: вдругъ изъ сосѣдней комнаты раздаются мелодическіе звуки. Тогда, подѣ вліяніемъ волненія и подражанія, между присутствующими начинается, мало по малу, распространяться особаго рода нервное возбужденіе: у магнетизируемыхъ обнаруживаются странныя симптомы. Прежде всего наступаетъ какая-то истома и дремота, затѣмъ появляется крайнее возбужденіе, переходящее, въ концѣ концовъ, въ кривляніе и конвульсіи. Только глухіе звуки органа и стоны пациентовъ, поражаемыхъ конвульсивными припадками, нарушаютъ тишину. Легко понять, насколько подобныя сцены могли содѣйствовать развитію нервныхъ припадковъ у лицъ къ тому расположенныхъ. Въ Парижѣ увлеченіе стало всеобщимъ. Защитительныя рѣчи, памфлеты, пѣсни, карикатуры градомъ сыпались на месмеризмъ. Это показываетъ, въ какой онъ былъ модѣ. Домъ на Вандомской площади оказался малымъ, и Месмеръ купилъ отель Бюльонъ на Биржевой площади. Въ теченіи пяти лѣтъ онъ намагнетизировалъ до восьми тысячъ человекъ (1779 — 1784 г.). Но Тарпейская скала близъ Капитоліи. Быстро пришлось славѣ уступить мѣсто презрѣнію. Осмѣянный въ оперѣ, покинутый имъ же обобранными послѣдователями, преслѣдуемый оскорбленіями на улицахъ Парижа, Мес-

мерь принужденъ былъ бѣжать въ Швейцарію (1785 г.).

Ученыя общества также не оставались равнодушными къ магнетизму. Онѣ старались протестовать противъ поголовнаго увлеченія. Академія наукъ назначила комиссію, докладчикомъ которой былъ Байльи, тотъ самый несчастный Байльи, который нѣсколько лѣтъ спустя погибъ на эшафотѣ. По его заключенію, не существуетъ никакой магнетической жидкости и опыты или наблюденія Месмера не имѣютъ никакого серьезнаго основанія. Одинъ изъ членовъ комиссіи, знаменитый Лоранъ де-Жюссё, не согласился, однако, подписать этотъ докладъ, и въ запискѣ, которая имѣла громкій успѣхъ, допускалъ, что въ месмеризмѣ есть своя доля правды, и что слѣдуетъ постараться отдѣлать это зерно правды отъ фокусническихъ прорѣлокъ ученаго.

Въ сущности совсѣмъ не Месмеръ авторъ животнаго магнетизма. Если бы маркизь Арманъ де Пюисегюръ не возобновилъ его опытовъ, магнетизмъ не существовалъ бы, и воспоминаніе о члнѣ Месмера смѣшалось бы съ разсказами о конвульсіонистахъ Сенъ-Медара. Въ Суассонѣ, Пюисегюръ вылечилъ нѣсколько больныхъ, чрезъ прикосновеніе, затѣмъ вылечилъ еще и еще нѣсколькихъ. Онъ приобрѣлъ учениковъ, написалъ многочисленныя записки, указывалъ на способы усыпленія субъектовъ, описывалъ періоды вызываемаго сомнамбулизма (1785—1825). Со всѣхъ сто-

ронъ изслѣдователи, въ добросовѣстности которыхъ, если не въ здравомыслии, нельзя сомнѣваться, стали повторять опыты Пюисегюра. Доктора, ученые изслѣдовали и отчасти подтвердили сказанное имъ. Пететинъ, Делёзъ, Дюпотъ, Юссонъ, Брэдъ и многіе другіе, имена которыхъ неизвѣстны, стали развивать и дополнять мысли Пюисегюра. Въ ихъ туманныхъ сочиненіяхъ, наполненныхъ нелѣпыми ошибками и невообразимыми глупостями, терялась та, до очевидности ясная, истина, что у субъектовъ, болѣе или менѣе къ тому предрасположенныхъ, можетъ быть вызванъ неврозъ, совершенно спеціальнаго характера.

Въ настоящее время всѣ просвѣщенные медики признають существованіе сомнамбулизма, съ постоянно тождественными симптомами, и согласны, что его слѣдуетъ разсматривать, какъ спеціальное патологическое явленіе, какъ настоящую болѣзнь, симптомы которой также явственны, какъ симптомы истеріки или эпилепсіи.

Единственная странная и неясная сторона, съ которой приходится имѣть дѣло при изученіи этого явленія, состоитъ именно въ томъ, что данный неврозъ можетъ быть вызываемъ внѣшними манипуляціями, способы дѣйствія которыхъ неуловимы. Но изъ того, что мы не знаемъ причины этихъ явленій, еще не слѣдуетъ, чтобы мы имѣли право отвергать ихъ существованіе. Позднѣе, черезъ нѣсколько лѣтъ, можетъ быть, дойдутъ до точнаго знанія не только симптомовъ, которые всѣ болѣе

или менѣе уже въ настоящее время извѣстны, но и физиологическихъ причинъ сомнамбулизма. Есть основаніе надѣяться, что эмпирическій методъ, употребляемый нынѣ, будетъ замѣненъ научнымъ, гдѣ не будетъ мѣста сомнѣніямъ, и тогда возможность провѣрки станетъ доступной каждому. Конечно, эти явленія весьма странны и способны удивить каждого, но можно положительно сказать, что онѣ подчиняются естественнымъ законамъ, а не произволу «семи милліоновъ четырехъ сотъ пяти тысячъ девяти сотъ двадцати шести дьяволовъ чистилища». Но не таково было, однако, мнѣніе судей XVII вѣка, и, конечно, наукѣ можно поставить въ немалую заслугу тотъ фактъ, что она подтвердила и доказала невинность тѣхъ несчастныхъ, которыхъ нѣкогда сжигали на кострахъ.

Бѣснующіеся въ прошедшемъ.

Колдуньи и одержимые. — Чародѣйскія книги. — Отчитываніе. — Инквизиція. — Договоръ съ сатаною. — Шабашъ. — Черная обѣдня. — Одержимость. — Наказаніе, костеръ и пытка.

I.

КОЛДУНЬИ И ОДЕРЖИМЫЕ.

Въ своемъ объемистомъ сочиненіи Петръ Лейе *) высказываетъ сожалѣніе о невѣжествѣ язычниковъ, по части происхожденія болѣзней:

«Если пораженный падучкой, блеялъ какъ коза и, распростершись на землѣ, часто поворачивался на правую сторону, то болѣзнь эту приписывали матери боговъ. Если онъ кричалъ болѣе громкимъ и рѣз-

*) Discours et Histoires des spectres, visions et apparitions des esprits, anges, démons et âmes se monstrans visibles aux hommes, par Pierre Le Loyer, conseiller du roy au siège presidial d'Angers; Paris, chez Nicolas Buon, in-4°, 1605.

кимъ голосомъ, напоминающимъ лошадиное ржаніе, виновникомъ считался Нептунъ. Если онъ издавалъ тонкіе, прерывистые звуки щебечущей птицы, виновникомъ былъ Аполлонъ. Если онъ валялся въ грязи и пачкалъ ею свое лицо и все тѣло, причиною тому была Діана управлявшая перепутьями. Если у него шла пѣна изъ рта, онъ бился, лягалъ ногами, — это благодаря Марсу. Если онъ съ испугомъ внезапно вскакивалъ со сна, то это отъ того, что Геката или Прозерпина вселяли въ его умъ эти приступы сумасшествія... Теперь уже каждый знаетъ, что вѣрованія язычниковъ смѣшны, что они не въ мѣру предавались всякимъ суевѣріямъ, словомъ, что сатана совершенно ослѣпилъ ихъ умственные очи. Дьяволъ имѣлъ дѣло, въ лицѣ ихъ, съ людьми несвѣдущими, неопытными по части его хитростей и притворствъ. — съ людьми, принимавшими ночь за день».

Несомнѣнно, Ле-Лойе клевететь на древнихъ. Онъ не замѣчаетъ, цитируя подобныя нелѣпости, что Гиппократъ, этотъ божественный старикъ Коса, приводитъ ихъ именно для того, чтобы опровергнуть ихъ. Если во времена грековъ существовали суевѣрія, то во всякомъ случаѣ, суевѣрія XVI, да пожалуй и XVII вѣка, были гораздо нелѣпѣе и грубѣе.

Колдунъ, колдунья, чортъ, порча, шабашъ, — все это, относительно, новыя повѣрія. Во времена Гиппократа, всѣ болѣзни, за исключеніемъ падучей, которую называли священной или Геркулесовой,

разсматривались какъ слѣдствіе естественныхъ причинъ. Быть можетъ у древнихъ и проглядывала относительно физическаго страданія, смутная религіозная идея — фатализмъ, въ смыслѣ вѣрованія, что судьба посылаетъ людямъ болѣзни въ наказаніе. Но здравый смыслъ древности отказывался болѣе точно характеризовать дѣйствія этой роковой силы. Когда же восточныя религіозныя ученія смѣшались съ умирающимъ язычествомъ, явились всякія суевѣрія — настало благопріятное время для колдуновъ, чародѣевъ и знахарей.

Вскорѣ, однако, съ паденіемъ римской имперіи и полнымъ разрушеніемъ древнихъ религій, всё эти суевѣрія исчезаютъ; по крайней мѣрѣ, невозможно отыскать ихъ слѣдовъ. Только начиная съ среднихъ вѣковъ, вновь всплываютъ вѣрованія въ чертей и дьяволовъ.

Съ XII по XVI вѣкъ, культъ дьявола дѣлаетъ быстрые успѣхи. Число колдуновъ и колдуній возрастаетъ съ такой быстротой, что въ 1600 году ихъ уже насчитываютъ въ одной Франціи около трехсотъ тысячъ. Дьявола рисуютъ, описываютъ, изучаютъ; знаютъ его нравы, его привычки, его вкусы, его антипатіи; знаютъ какъ онъ входитъ въ тѣла больныхъ, какимъ словомъ можно изгнать его оттуда. Изобрѣтаются вѣрнѣйшія средства, чтобы изобличать колдуній, — самые внушительные способы, чтобы заставить ихъ говорить и — ярко пылающіе костры, чтобы казнить ихъ.

Въ свидѣтельствахъ этого безумнаго суевѣрія не-

достатка нѣтъ: ихъ можно найти въ каждой библиотекѣ; хотя съ ними и весьма мало справляются. Быть можетъ, изъ небезосновательнаго опасенія страшной скуки, какою отличаются эти неудобоваримыя компиляціи (въ книгѣ, напр., дель-Ріо, напечатанной въ 4-ю долю листа, въ два столбца мелкаго шрифта, не менѣе 1,070 страницъ); а можетъ быть также останавливала варварская, темная, неправильная латынь нѣмецкихъ, французскихъ, испанскихъ и итальянскихъ писателей XVI вѣка; быть можетъ, наконецъ, не отваживались взглянуть прямо въ лицо этому всемірному заблужденію, длившемуся болѣе четырехъ столѣтій и породившему такое множество жертвъ. А между тѣмъ далеко небезполезно потревожить пыль на старыхъ сочиненіяхъ по магіи и колдовству. Въ нихъ можно найти цѣнные документы по части умственнаго состоянія человѣчества въ средніе вѣка. Это неполнѣ историческіе документы, но и не психологическіе, — это скорѣе историческая психологія, изученіе которой весьма занимательно, и я былъ бы крайне радъ, былъ бы вполнѣ удовлетворенъ, если бы мои работы доставили читателю такой интересъ, съ какимъ я трудился надъ ними.

Наиболѣе важное для справокъ по данному предмету книга, это «Молотъ колдуній» (*Malleus maleficarum*), которая обыкновенно приписывается нѣкому Шпренгеру, но которая, въ дѣйствительности, принадлежитъ двумъ авторамъ — Якову Шпренгеру и Генриху Энгститору, присланныхъ съ апостоличес-

кимъ посланіемъ отъ папы Иннокентія VIII, для пресѣченія еретической развращенности въ Германіи, на берегахъ Рейна *). Эта книга, рекомендованная инквизиторамъ буллою папы Иннокентія VIII и одобренная въ пастырскомъ посланіи Кельнскаго архіепископа (1584), стала сразу правовѣрной книгой. Скоро она сдѣлалась классической. Это было нѣчто въ родѣ руководства для инквизитора, руководство дававшее ему возможность быть свѣдушимъ, правовѣрнымъ, ученымъ, непобѣдимымъ, отвѣчать на всѣ сатаническіе аргументы и побивать ихъ безошадно. Отсюда педантической слогъ книги. Она написана въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, съ безконечными отдѣленіями и подраздѣленіями. Наивная вѣра во всѣ басни, даже самой отдаленной древности, безпредѣльное преклоненіе предъ богословскими доводами, глубокое знаніе святаго Оомы, и вмѣстѣ съ тѣмъ, опытность по части всѣхъ хитростей и козней дьявола, опытность, пріобрѣтенная двадцатилѣтней инквизиторской практикой — таковы атрибуты Шпренгера. «Онъ глупъ, но безстрашенъ, гворитъ Мишле. Онъ смѣло ставитъ самые невозможные тезисы. Другой бы постарался обойти, сгладить, ослабить возраженія; онъ же, съ первой страницы, показываетъ ихъ лицомъ; перечисляетъ одинъ за другимъ естествен-

*) Fr. Jakobi Sprengeri et fr. Henrici Istitoris, Inquisitionum hereticae pravitatis, Malleus maleficarum. Первое изданіе 1580. Изданіе же находящееся у меня отъ 1595, Лионъ.

ные, очевидные доводы. устраняющіе признаніе продѣлокъ дьявола, и затѣмъ прехладнокровно замѣчаетъ: все это еретическія заблужденія».

Каждый знаетъ руководства, предназначаемые для готовящихся къ экзамену на бакалавра: нѣсколько трактатовъ, составленные различными авторами, соединены въ одномъ томѣ, представляющемъ въ общемъ конспектъ знаній, требуемыхъ для экзамена. Въ прежнія времена такимъ же образомъ составлялись руководства и для инквизиторовъ, соединяя въ одномъ томѣ нѣсколько сочиненій, полезныхъ для судей колдуній. Такъ напр. рядомъ съ Молотомъ колдуній находятся другія сочиненія меньшей важности, хотя, однако, достаточно курьезныя, чтобы позволить себѣ перечислить ихъ здѣсь, тѣмъ болѣе, что самыя заглавія весьма характерны: «Замѣчательный трактатъ о чародѣйствахъ и о причиняемыхъ ими обольщеніяхъ, извлеченный весьма тщательно изъ Формикаріума того же автора, соч. Брата Жана Нидера, принадлежащаго къ ордену Братьевъ-Проповѣдниковъ (*frères prêcheurs*), профессора богословіи и инквизитора еретической заразы». — «О наукахъ магіи и о чародѣянιάхъ колдуновъ. Бернара Базена». — «Рѣчи о ламіяхъ (вѣдьмахъ) и о вѣщуньяхъ. Ульриха Молитора». — «Бичъ демоновъ или ужасныя, могущественныя и дѣйствительныя заклинанія, весьма полезныя для изгнанія лукавыхъ духовъ изъ тѣла одержимыхъ и устраненія козней

дьявола. Брата Геронима Мангуса, принадлежащаго къ ордену Меньшихъ братій (*freres mineurs*).— «О вѣщуньяхъ. Томы Мюрнера».— «Трактатъ о заклинаніяхъ и заговорахъ. Феликса Маллеолуса.— «О Вампирахъ и чародѣйствахъ. Брата Вареоломея де-Спина» *).

Инквизиторы и заклинатели встрѣтили серьезнаго противника въ лицѣ фламандскаго доктора Жанъ де-Вира (1515—1588). Жанъ де-Виръ, ученикъ знаменитаго Корнелиуса Агриппы, космополитическаго чернокнижника, бывшаго и солдатомъ, и астрологомъ, и докторомъ, и адвокатомъ, и богословомъ, обезсмертеннаго насмѣшками Рабле, подъ

*) На ряду съ *Malleus* слѣдуетъ упомянуть о другихъ сочиненіяхъ, написанныхъ въ томъ же духѣ: Руководство заклинателей, гдѣ говорится о настоящемъ, истинномъ способѣ изгонять демоновъ изъ тѣла человѣка, лечить больныхъ, защищаться противъ своихъ враговъ: сочиненіе полезное не только заклинателямъ и священникамъ, но и докторамъ, богословамъ, одержимымъ и больнымъ. Преподоб. отца Кандида Броньоли, изъ Бергана, профессора богословія францисканскаго ордена: Венеція, 1702.—*Disquisitiones magicæ*, (Рѣчи о магии). Мартина дель-Ріо, іезуита, Кельнъ, у Гемминга, 1633.— О чародѣйствахъ. Грильяндуса, флорентинскаго юрисконсульта.— О колдунахъ. Жака Франциска Понцинибюса; Франкфуртъ на Майнѣ, 1592.— Разсужденіе о знакахъ присутіихъ колдуньямъ, и о дѣйствительной власти дьявола надъ тѣлами людей. Жака Фонтэна; Лионъ, 1611.— Три книги о заговорахъ, чародѣйствахъ и колдовствахъ, Леона Далера; Парижъ, у Шэно, 1583.— Довольно подробную переченьъ сочиненій XVI и XVII столѣтій о чародѣйствахъ можно найти при концѣ книги Лангле-Дюфресно: Сборникъ разсужденій о привидѣніяхъ; Парижъ, 1751, т. II, 2я часть, стр. 255—292.

псевдонимомъ «Геръ Триппа», и во всякомъ случаѣ, самаго великаго колдуна, когда-либо существовавшего. Агриппа, вначалѣ признававшій и практиковавшій черную магію, пересталъ впослѣдствіи вѣрить въ нее. Онъ написалъ книгу подъ заглавіемъ: «Сущность науки», и умеръ въ 1536 году въ Греноблѣ, въ больницѣ. Онъ оставилъ послѣ себя черную собаку и ученика. Собака, тотчасъ же послѣ смерти Агриппы, бросилась въ рѣку, и ее болѣе никто не видалъ; не оставалось никакого сомнѣнія—это былъ дьяволъ въ образѣ собаки. Что же касается Жана де-Вира, онъ сталъ распространять заразу безвѣрія своего умершаго учителя.

Дѣйствительно, онъ не сомнѣвался въ невинности колдуній и, не стѣсняясь, называлъ мъси-ками тѣхъ, кто пыталъ и осуждалъ ихъ. Въ короткое время его книга выдержала нѣсколько изданій *). «Думаютъ, говорить де-Виръ, что колдуньи вступаютъ въ гнусный союзъ съ демономъ, и, пользуясь силою сатаническихъ заклинаній, могутъ освѣщать воздухъ особеннымъ пламенемъ, могутъ вызывать бури, избивать поля градомъ, переноситься въ нѣсколько часовъ въ самыя отдаленныя мѣста, пировать и плясать съ дьяволами,

*) Вотъ нѣкоторыя сочиненія Жана де-Вира (Орегата omnia, у Жана Берга; Амстердамъ, 1660): «Престижъ демоновъ». — «Оправдательная книга, или собраніе писемъ знаменитыхъ особъ къ де-Виру». — «О псевдомонархіи демоновъ». — «Колдуньи». — «О гнѣвѣ».

превращать людей въ звѣрей и производить тысячи другихъ чудовищныхъ дѣяній. Все это вымыслы, въ которые вѣрятъ, благодаря авторитету поэтовъ. Въ дѣйствительности же, колдуньи — несчастныя, глупыя и невѣжественныя старушонки, воображеніе которыхъ до того обманывается ложными образами лукаваго, что онѣ признаются въ томъ, чего никогда не дѣлали и чего никто никогда не могъ бы сдѣлать». Очень часто Виръ высказывая эти сожалѣнія о колдуньяхъ, называетъ ихъ «бѣдняжками», «старушонками», «несчастными женщинами» (*misellae, apiculae, mulierculae, vetulae*), и обращается смѣло, съ величественнымъ негодованіемъ къ судьямъ, называя ихъ палачами.

«О вы, жестокіе тираны, кровожадные судьи, забывающіе свое человѣческое достоинство, лишенные въ своемъ ослѣпленіи всякаго состраданія! Я призываю васъ всѣхъ на судъ Верховнаго Судьи. Онъ рѣшитъ, кто изъ насъ правъ. Тогда-то истина, которую вы зарываετε въ землю и попираете ногами, воспрянетъ предъ вашимъ лицомъ и возопіетъ о мщеніи за ваши преступленія! Тогда-то ваша, такъ называемая, наука объ евангелической правдѣ будетъ разоблачена передъ всѣми. Тогда вы на себѣ испытаете, что такое слово Божіе, и тою самою мѣрою, которою вы другихъ судили, тою мѣрою стануть васъ судить!» Въ другихъ мѣстахъ, Виръ умоляетъ судей не прибѣгать къ пыткамъ: «Подумайте, говоритъ онъ, вѣдь нѣтъ

на свѣтѣ болѣе ужаснаго несчастія, какъ быть колдуньей? Или эти несчастныя женщины недостаточно сами по себѣ страдаютъ, что вы изощряетесь еще въ изобрѣтеніи для нихъ новыхъ страданій?!».

Тѣмъ не менѣе, Жанъ де-Виръ не былъ свободнымъ мыслителемъ или скептикомъ. Напротивъ, его легковѣріе подчасъ удивительно. Онъ допускаетъ большинство передаваемыхъ ему рассказовъ и, подобно Шпренгеру или дель-Ріо, вѣрить въ дьявола, злаго духа и въ одержимость.

Казалось бы, что такое легковѣріе Ж. Вира могло застраховать его отъ бѣшеныхъ нападокъ благонадежно мыслящихъ людей. Но его счастье, что онъ былъ врачомъ Вильгельма, герцога Клевскаго; эта высокая дружба спасла его. Къ тому же, не такъ легко сжечь на кострѣ великаго доктора, какъ бѣдную старую крестьянку. Итакъ, Виръ умеръ спокойно у себя дома, семидесяти трехъ лѣтъ отъ роду. Во всякомъ случаѣ, Бодень не повиненъ въ томъ, что де-Виръ такъ скандалезно избѣжалъ возмездія!

Знаменитый юрисконсультъ Жанъ Бодень, бывшій въ то время прокуроромъ въ Ланѣ, написавъ свою Демономанію колдуновъ *), счелъ нужнымъ опровергнуть лжеученіе Жана Вира: «Во-первыхъ, во славу Божию, противъ которой онъ ополчился; во-вторыхъ, чтобы укрѣпить нѣкоторыхъ

*) Часто перепечатывалась. Первое изданіе 1860 года.

~~1580~~
1580

судей въ убѣжденіяхъ, поколебленныхъ, какъ похвалялся этотъ человѣкъ, его книгами до того, что теперь выпускаютъ колдуній прямо на волю. Онъ называетъ палачами тѣхъ судей, которые приговариваютъ колдуній къ смертной казни, что меня весьма удивило, такъ какъ подобныя взгляды можетъ высказывать или очень вредный, или очень невѣжественный человѣкъ. Но изъ сочиненія Жана Вирана видно, чтобы онъ былъ невѣжда; онъ докторъ, а между тѣмъ, онъ въ своихъ книгахъ указываетъ тысячи гнусныхъ чародѣйствъ, приводитъ подлинныя слова, заговоры, фигуры, круги, знаки самыхъ величайшихъ колдуновъ, когда либо существовавшихъ, чтобы содѣйствовать тысячамъ злодѣйскихъ мерзостей, о которыхъ я не могу читать безъ содроганія. Болѣе того, онъ помѣстилъ перепись царства демоновъ съ именами и прозвищами его семидесяти двухъ князей и семи миллионъ четырехсотъ пяти тысячъ девятисотъ двадцати шести чертей, если не ошибаюсь». Просматривая эту страшную перепись, ученый Боденъ приходитъ въ ужасъ. Онъ говоритъ: «Все это гнушно; отъ одного воспоминанія у меня дыбомъ становятся волосы». И онъ прибавляетъ съ глубокимъ убѣжденіемъ, убѣжденіемъ напуганнаго человѣка: «Виръ виновенъ наравнѣ съ колдунами, потому что въ законѣ ясно сказано: кто выпуститъ колдуна, долженъ подвергнуться казни наравнѣ съ колдуномъ».

Къ концу XVI столѣтія, въ судейскіе порядки введены были нѣкоторыя реформы. До тѣхъ поръ

Какъ и всегда!

колдуньи судились инквизиторами вообще духовными лицами, но съ этого времени — послѣдніе стали играть второстепенную роль; первое мѣсто заняли свѣтскіе судьи. Не подумайте, однако, чтобы подсудимые или справедливость были отъ этого въ выигрышѣ: нѣтъ, магистратура оказалась еще легковѣрнѣе и безжалостнѣе инквизиторской трибуны. Французскія книги Бодена, Богэ и Ле-Лойе наполнены гораздо большими нелѣпостями, чѣмъ латинскія сочиненія доминиканцевъ, бенедиктинцевъ и іезуитовъ. Даже дель-Ріо и тотъ признается, что Боденъ слишкомъ легко принимаетъ на вѣру весьма сомнительные факты, вродѣ, на примѣръ, посѣщенія шабашовъ.

Уходитъ ли душа колдуній одна, ночью, на шабашъ, въ то время какъ ея тѣло спитъ? Боденъ рѣшаетъ этотъ вопросъ утвердительно, тогда какъ, по мнѣнію дель-Ріо, дьяволъ часто обманываетъ колдуній, такъ что почти всегда эти посѣщенія шабаша оказываются результатомъ простаго воображенія. Въ другомъ мѣстѣ Боденъ утверждаетъ, въ противоположность Шпренгеру и почти всѣмъ инквизиторамъ, что для того, чтобы подвергнуть пыткѣ, достаточно одного свидѣтеля. Духовные судьи, безъ сомнѣнія, менѣе трусливые, оказываются мягче этого представителя магистратуры. Вообще говоря, мало книгъ, въ которыхъ проглядывало бы столько трусости, какъ Демономанія колдуновъ, чѣмъ и объясняется ея успѣхъ.

Съ другой стороны — и самое время благопріятствовало. Проповѣди Жана Вира остались гласомъ

вопиющаго въ пустынь. До 1600 года число колдуновъ продолжаетъ возрастать. Всѣ вѣрятъ въ демоновъ, домовыхъ, вѣдьмъ, чародѣевъ, лѣшихъ и т. п. Настаетъ золотой вѣкъ Сатаны. Фернелъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ врачей того времени, серьезно говоритъ, что онъ знаетъ человѣка, который былъ заколдованъ, съѣвъ яблоко. Амброазъ Парэ *), одинъ изъ знаменитѣйшихъ людей Франціи, весьма подробно говоритъ о колдунахъ и о причиняемыхъ ими порчахъ («Какъ тучи складываются въ форму различныхъ звѣрей, такъ и демоны превращаются во что имъ нравится. Часто ихъ видятъ въ образѣ звѣрей, змѣй, жабъ, филиновъ, удоновъ, воронъ, котовъ, ословъ, кошекъ, волковъ, быковъ и т. д. Они режутъ по ночамъ и производятъ шумъ словно скованные цѣпями; они передвигаютъ лавки, столы, подмостки, качаютъ дѣтей, перелистываютъ книги, считаютъ деньги, отворяютъ двери и окна, бросаютъ посуду на полъ, бьютъ горшки, стаканы, чинятъ множество другихъ безчинствъ, и тѣмъ не менѣе, на другое утро все стоитъ на своемъ мѣстѣ. Ихъ называютъ различными именами, какъ-то: демонами, какодемонами, домовыми, вѣдьмами, кикиморами (соцешагес **), гобеленами, мрачными ангелами, сатаной, Люциферомъ, отцомъ лжи, княземъ мрака, легиономъ.»

*) Полное собр. сочиненій Амброаза Парэ, изданіе Малгенья, 1841, т. III, стр. 54.

**) Отсюда слово sauchemar (кошмаръ).

«Одержимые демонами говорятъ на разныхъ неизвѣстныхъ нарѣчїяхъ, высовывая при этомъ языкъ. Они производятъ землетрясенїя, громъ, молнїю, вѣтры; выворачиваютъ съ корнемъ деревья, даже самыя высокія и толстыя! Они передвигаютъ съ мѣста на мѣсто горы, поднимаютъ на воздухъ цѣлый замокъ и ставятъ его вновь на прежнее мѣсто... Эти же демоны могутъ на различныя лады вводить насъ въ заблужденїе, омрачая наши глаза густымъ покровомъ, который туманитъ наши мысли самымъ фантастическимъ образомъ, опутываютъ насъ сатаническими кознями, и развращаютъ наше воображенїе своимъ шутовствомъ и нечестїемъ. Они доктора лжи, корень злобы. Говоря однимъ словомъ, они обладаютъ неподражаемымъ искусствомъ обманывать, такъ какъ могутъ превращаться на тысячи ладовъ и вводить въ тѣла живыхъ людей тысячи постороннихъ предметовъ, какъ-то: старыя тенѣта, кости, желѣзо, гвозди, ключки, змѣи и другїя безобразныя вещи».

Въ это время повсесвѣтнаго суевѣрїя, только два великихъ ума, не поддаются общему одурѣнїю, и въ то время, когда весь мїръ страшитъ сатаны, одинъ Рабле дерзаетъ смѣяться надъ нимъ, а Монтень — отрицать его.

«Я очень хорошо вижу — говоритъ Монтень — что на меня сердятся и, подъ угрозою гнуснаго насилїя, запрещаютъ сомнѣваться. Новый способъ убѣждать людей! Но благодаря Богу, кулаками меня вѣрить нельзя заставить... Кто подтвержд-

даетъ свои рѣчи бравадой и приказаніями, тотъ свидѣтельствуешь, что доводы его слабы... Мнѣ прожужжали уши безконечными побасенками, вродѣ того, напримѣръ, что трое видѣли «его» тогда-то на востокѣ, а на слѣдующій день, трое видѣли «его» на западѣ, въ такомъ-то часу, въ такомъ-то мѣстѣ, одѣтаго такъ-то. Да я бы самому себѣ не повѣрилъ. Не естественнѣе ли и неправдоподобнѣе ли предположить, что два человѣка соврали, чѣмъ допустить, чтобы человѣкъ могъ въ однѣ сутки перенестись съ востока на западъ! Не естественнѣе ли предположить, что нашъ разумъ, влекомый разстроеннымъ воображеніемъ, уносится куда-то, чѣмъ допустить, что человѣкъ во плоти и крови вылетаетъ въ трубу верхомъ на метлѣ, при помощи какого-то невѣдомаго духа! Къ чему искать какихъ-то особыхъ невѣдомыхъ иллюзій, когда мы и безъ того находимся подъ вѣчнымъ гнетомъ своихъ собственныхъ, обыденныхъ иллюзій. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ владѣтельный принцъ, съ цѣлью поколебать мое недовѣріе, явилъ одолженіе, показавъ мнѣ съ десятокъ или дюжину этихъ колодницъ, въ томъ числѣ и одну старуху, дѣйствительно настоящую вѣдму по безобразной наружности и давно извѣстную своей профессіей. Я присутствовалъ при вышываніи и добровольныхъ признавіяхъ, и видѣлъ какой-то нечувствительный знакъ на тѣлѣ этой несчастной старухи. Я дѣлалъ вопросы, вступалъ въ разговоры, стараясь быть внимательнымъ насколько могъ. Я не изъ

тѣхъ, которыхъ легко оплести. Въ концѣ концовъ, говоря по совѣсти, я скорѣе прописаль бы имъ чемерику, нежели болиголовъ (они мнѣ казались скорѣе сумасшедшими, чѣмъ преступными)... Что же касается возраженій и доводовъ благочестивыхъ людей, то и тутъ я не нахожу ничего такого, что привлекало бы меня. Прежде всего — необходимо не въ мѣру высоко цѣнить свои предположенія, чтобы изъ за нихъ сжигать живаго челоуѣка».

Но займемся исторіей самихъ демоновъ. Начнемъ съ вопроса объ ихъ происхожденіи? На этотъ счетъ существуютъ важныя разногласія. Еврейскіе раввины, по Бальтасару Беккеру*), относятъ происхожденіе демоновъ къ первымъ временамъ міра: Сто тридцать лѣтъ, говорятъ они, Адамъ жилъ вдаль отъ своей жены; къ нему приходили чертовки, отъ которыхъ и пошли демоны, злые духи, ночныя привидѣнія и т. п. Но это мнѣніе еврейское; христіанскіе же писатели XVI вѣка отвергаютъ его. Дель-Ріо возстае даже противъ авторовъ, утверждавшихъ, что Адамъ писалъ сочиненія по алхиміи. Объ этомъ вѣтъ никакихъ свѣдѣній, говоритъ онъ весьма резонно;— это просто ни на чемъ не основанное произведеніе досужей фантазіи праздныхъ людей. Въ дѣйствительности же, первымъ авторомъ демонической магіи былъ Хамъ. Но и этотъ пунктъ

*) *Lemonde enchanté*, Amsterdam, 1694, 4 vol. in 12, t. I, p. 182.

спорный, такъ какъ, по мнѣнію Бернара Базена, первымъ чародѣемъ былъ Зороастръ, который, въ минуту рожденія, вмѣсто того, чтобы расплакаться, подобно всѣмъ дѣтямъ, расхохотался, чѣмъ и обнаружилъ свою демоническую натуру.

Будь то Адамъ, Хамъ или Зороастръ, одно ясно, что колдуны, бѣсовскія навожденія и козни лукаваго духа существуютъ съ незапамятныхъ временъ. У Фараона были чародѣи, которыми онъ противодействовалъ Моисею. Эндорская волшебница была колдуньей. Орфей, очаровывавшій звѣрей, Аморіонъ, приводившій въ движеніе камни звуками своей лиры — также были колдунами. Навуходоносоръ, превращенный въ звѣря, представляетъ собою страшный примѣръ ликантропіи, какъ и несчастный Ликаонъ, о которомъ говоритъ Овидъ. Ифигенія была превращена колдовствомъ въ лань. Цирцея, какъ и Медея, были извѣстныя чародѣйки. Нума Помпиль былъ обманутъ нимфою Эгеріей, оказавшейся колдуньей. Эпименидъ, проспавшій пятьдесятъ лѣтъ въ одной изъ пещеръ Крита, былъ просто жертвою дьявола... Во всякомъ случаѣ, къ числу величайшихъ колдуновъ принадлежитъ Виргилій, «канцлеръ Августа», повелѣвавшій пчелами и спускавшійся въ адъ...

Есть одинъ пунктъ, на которомъ всѣ сходятся, а именно: колдуній гораздо больше чѣмъ колдуновъ. Это оттого, говоритъ Шпренгеръ, что женщина менѣе совершенна, а такое несовершенство объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что она сотворена изъ ребра

перваго человѣка, во-вторыхъ тѣмъ, что у нея меньше вѣры, на что указываетъ и ея названіе: *femina*, женщина, что означаетъ — *fide minus*, т. е. мало вѣры; въ-третьихъ, наконецъ, ея непостоянствомъ и легкомысліемъ, заставляющими ее часто отрекаться отъ своихъ вѣрованій. Шпренгеръ неисчерпаемъ, когда начинаетъ говорить о женскомъ непостоянствѣ. Онъ серьезно перечисляетъ всѣ дѣянія невѣрныхъ женъ, слѣдовавшихъ примѣру своей прародительницы—Евы. «Въ нихъ, — говоритъ сей ученый мужъ — три общихъ порока: невѣрность, честолюбіе и сладострастіе». Другой каноникъ — Базенъ, приводитъ слова изъ Эклезіаста, что лучше жить со львомъ и всепожирающимъ дракономъ, чѣмъ со злой женщиной. Вильгельмъ Парижскій высказываетъ довольно справедливое сужденіе, говоря, что, въслѣдствіе своей чувствительной и пылкой природы, хорошія женщины — чудныя созданія, а дурныя — чудовищныя.

Для посвященія себя дьяволу существовали различныя приемы. Благодаря инквизитору Куманусу, исторія котораго изложена у Шпренгера, на этотъ счетъ можно дать самыя точныя указанія. Этотъ Куманусъ въ теченіи одного года сжегъ сорокъ одну колдунью въ Ломбардіи, «и по нынѣ еще (1584), говоритъ его коллега, продолжаетъ исполнять свои инквизиторскія обязанности». По Куманусу, можно заключать двоякого рода договоры: одинъ торжественный, а другой простой. Для торжественнаго договора, въ назначенный

день, собираются на шабашъ всѣ колдуньи и подводятъ къ сатанѣ, принявшему на себя человѣческій образъ, кандидатку, которую слѣдуетъ посвятить. Дьяволъ предлагаетъ ей отречься отъ своей вѣры, отъ христіанскаго ученія и отъ таинствъ. Если она соглашается, то, послѣ нѣкоторыхъ церемоній, дьяволъ требуетъ, чтобы она предъ нимъ преклонилась, и затѣмъ даетъ ей силу творить всякія чародѣйства помощью различныхъ мазей. Этотъ торжественный договоръ легко можетъ быть разоблаченъ, и виновные наказаны; тогда какъ простой договоръ, по общему свидѣтельству, почти неуловимъ. Нужна продолжительная практика и большая опытность, чтобы сзумѣть открыть его. Для частнаго договора достаточно произнести нѣсколько магическихъ словъ или изреченій, и даже быть въ дружбѣ съ колдуньей. Болѣе того: даже не заключающаго договора, ни торжественнаго, ни частнаго, можно однако принадлежать дьяволу. Такъ бываетъ всегда съ дѣтьми колдуній, которыя по одному ужъ факту своего рожденія, принадлежать по праву сатанѣ. (XVI).

Этотъ торжественный договоръ, казавшійся такимъ очевиднымъ авторамъ XVI вѣка, принадлежитъ къ числу наименѣе выясненныхъ вопросовъ въ исторіи.

Существовали ли въ самомъ дѣлѣ эти шабашы? Сходились-ли дѣйствительно въ опредѣленные часы ночи горожане или поселяне на эти таинственные сборища, устраиваемыя въ лѣсу, степи или го-

рѣ? Мишле, разсматривающій этотъ вопросъ съ точки зрѣнія своего поэтического, необузданнаго воображенія, хотя, впрочемъ, полнаго научнаго интереса, полагаетъ, что подобныя сборища дѣйствительно существовали: «Представьте себѣ, въ обширной степи и, всего скорѣе, возлѣ древняго кельтійскаго долмена, на опушкѣ лѣса, такую картину: съ одной стороны ярко освѣщенная пустошь—тамъ пируетъ народъ; съ другой стороны, у лѣса, клиросъ той церкви, куполомъ которой служитъ небесный сводъ. Я называю клиросомъ пригорокъ, господствующій надъ всей этой сценой. Между—костры изъ смолистаго дерева съ желтымъ пламенемъ и красными раскаленными угольями, распространяющими вокругъ фантастическій свѣтъ. Въ глубинѣ этой картины—колдунья; она устанавливаетъ своего сатану, огромнаго деревяннаго сатану, чернаго, косматаго, мрачная фигура котораго производитъ на присутствующихъ различныя впечатлѣнія».

Это описаніе, скорѣе достойное пера поэта нежели историка, не можетъ быть убѣдительнымъ ни для кого. Достаточно ознакомиться съ нѣкоторыми рассказами о шабашахъ, хотя почти всѣ они крайне противорѣчивы, чтобы согласиться, что эти рассказы фантастичны и составляютъ плодъ разстроеннаго воображенія несчастныхъ истеричныхъ. Когда дѣло идетъ о признаніяхъ подъ пыткой, можно ли имъ придавать какую-нибудь цѣну? Правда, часто подобныя признанія дѣлались добровольно; но воз-

можно-ли поручиться, что это не слѣдствіе бреда или сумасшествія? *)

У многихъ колдуній существовали необходимыя подготовленія къ поѣздкѣ на шабашъ. Онѣ натирались различными мазями, въ числѣ которыхъ, белладона и мандрагора («адамова голова») играли главную роль. Всѣмъ же извѣстно, что эти пасленовыя растенія принадлежатъ къ ядамъ, дѣйствующимъ на умъ, разстраивающимъ зрѣніе и чувства и производящимъ даже въ малыхъ дозахъ особаго рода опьяненіе.

Вотъ, на выдержку одинъ изъ сотни другихъ, подобныхъ же, разказовъ: «Возлѣ Рима, повѣтствуетъ Бодень, жилъ въ 1526 году мужикъ, который, замѣтивъ ночью, что его жена натираетъ себѣ жиромъ все тѣло и что затѣмъ она исчезла изъ дому, принялся на другой день бить ее палкой, до тѣхъ поръ, пока она во всемъ не созналась, прося прощенія. Мужъ простилъ, но подѣ

*) Слѣдующій примѣръ, изъ тысячи другихъ, свидѣтельствуешь, что ночныя сборища колдуній ничто иное, какъ простая галлюцинація. «Кто-то, подозрѣвая свою служанку колдуньей, въ чемъ, однако, она не сознавалась, рѣшился стеречь ее всю ночь, и для этой цѣли крѣпко привязалъ ее за ногу къ стулу возлѣ камина, гдѣ онъ самъ усѣлся, именно въ такую ночь, когда она должна была присутствовать на шабашѣ. Какъ только она казалась спящей, онъ грубо будилъ ее; тѣмъ не менѣе, дьяволь восторжествовалъ: потому что она была на сборищѣ, призналась въ этомъ и разсказывала множество подробностей, подтверждая ихъ еще другими». (De Lancre, 1610). Такое признаніе отрицаетъ всякое значеніе другихъ, подобныхъ же.

условіемъ, что она поведетъ его на ночное сборище. На слѣдующій день, жена дала ему натереться мазью, которую сама употребляла и они очутились каждый верхомъ на козлѣ. Когда они прибыли на сборище, жена, оставивъ мужа поодаль, пошла поклониться начальнику сборища, который былъ въ роскошномъ княжескомъ костюмѣ. Когда поклоны кончились, всѣ, образовавъ кругъ, принялись плясать, лицомъ въ сторону отъ центра круга, чтобы не видѣть другъ друга. Съ окончаніемъ пляски столы покрылись различными мясными блюдами. Тогда жена подвела своего мужа на поклоненіе къ князю, послѣ чего онъ усѣлся съ другими за столъ; замѣтивъ, что мясо безъ соли, онъ сталъ такъ кричать, что ему наконецъ подали соли, но прежде чѣмъ попробовать ее, онъ сказалъ: «Слава Богу, вотъ и соль». Въ ту же минуту все исчезло—люди, столы, мясо; онъ остался одинъ, сильно прозябшій и не зная гдѣ находится. Оказалось, что онъ находится въ ста миляхъ отъ Рима, въ Беневентскомъ графствѣ, и былъ принужденъ просить Христа ради, чтобы ему дали хлѣба и во что одѣться. На восьмой день онъ явился домой, худой, изнуренный и пошелъ донести на свою жену, которую схватили. Она донесла на другихъ; всѣхъ сожгли живыми, послѣ того какъ они во всемъ признались».

У Бодена, Шпренгера и дель-Ріо можно найти множество подобныхъ рассказовъ. Колдунья натираетъ себя различными мазями и тотчасъ же поднимается на воздухъ, то на черномъ козлѣ, кото-

2.05
8.10

13.15
14.20

рый всегда къ ея услугамъ, то на метлѣ, то на другомъ столь же удобномъ предметѣ. Она является на сборище и находитъ тамъ пляшущихъ демоновъ; она пляшетъ съ ними, пляшетъ съ колдунями и колдуньями, прибывшими изъ сосѣднихъ деревень. Вотъ въ чемъ признаются всѣ обвиняемые, вотъ о чемъ говорится во всѣхъ этихъ книжкахъ. Но развѣ могутъ серьезно подобныя признанія служить достаточными свидѣтельствами? Развѣ увѣренія тысячи несчастныхъ женщинъ, истеричныхъ или сумасшедшихъ, могутъ служить основою для исторіи? Нынѣшніе историки требовательнѣе инквизиторовъ прежнихъ временъ. Мы съ трудомъ можемъ повѣрить, чтобы огромныя сборища могли имѣть мѣсто въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ—съ 1300 года въ Тулузѣ, до 1612 въ Бѣрнѣ—и никто бы не могъ захватить на мѣстѣ дѣйствія ни одну изъ этихъ колдуній. Ихъ обвиняютъ исключительно на основаніи ихъ же признаній. Иногда развѣ одну изъ нихъ поймаютъ бѣгающей рано утромъ голою по деревнѣ, что указывало на сумасшествіе или истерическое состояніе, а не на существованіе ночнаго сборища, руководимаго сатаной.

Конечно, не было недостатка и въ такихъ свидѣтельствахъ, которыя бы относились къ самому дьяволу. Вотъ, на примѣръ, какимъ его описываетъ де-Ланкръ: «На шабашѣ, дьяволъ сидитъ за черной каедрой, имѣя на головѣ корону изъ черныхъ роговъ. Кромѣ того, у него два рога на шеѣ и одинъ на лбу, которымъ онъ освѣщаетъ все сборище;

Самъ
человѣкъ

волоса включены, лицо блѣдное и хмурое, глаза круглые, очень открытые, огненные и отвратительные; борода какъ у козла; шея и туловище безобразнаго сложенія, тѣло частью человѣческое, частью козлиное; руки и ноги какъ у человѣка, только всѣ пальцы одинаковой длины, кошавые съ когтями; руки согнуты въ видѣ гусиныхъ лапъ, а хвостъ длинный какъ у осла; голосъ ужасный, но безъ тоновъ; видъ въ высокой степени надменный, съ выраженіемъ скуки и пресыщенія».

Плодъ ли это воображенія одной изъ тѣхъ многочисленныхъ колдуній, которыхъ де-Ланкръ сжегъ (шестьдесятъ—въ четыре мѣсяца) или настоящее описаніе какого-нибудь идола, грубо вырѣзаннаго изъ дерева какой нибудь колдуньей? Если вѣрно послѣднее, то крайне удивительно, что ни одно подобное чучело никѣмъ не было найдено. Сборище въ шесть тысячъ человѣкъ, не оставляющее по себѣ никакого слѣда, было бы весьма удивительнымъ явленіемъ. Не проще-ли допустить, что во всѣхъ отношеніяхъ невѣжественное и наруганное населеніе заблуждалось? Вопросъ такъ и остается нерѣшеннымъ — существовали ли ночныя сборища или это была тысячи разъ повторявшаяся галлюцинація? Историкамъ предстоитъ разъяснить эту проблему, такъ какъ не было еще приведено достаточныхъ данныхъ, которыя позволяли бы утвердительно сказать—существовало-ли тайное сборище, или нѣтъ.

Оставимъ, однако, этотъ темный вопросъ, тѣмъ

болѣе, что, помимо него, мы находимъ еще множество другихъ суевѣрій. Одно изъ самыхъ главныхъ, но на которомъ мы не можемъ остановиться — по причинѣ весьма понятной каждому — это близкія сношенія дьявола съ колдуньями. Въ такомъ случаѣ дьяволъ являлся домовымъ. Но нечистый могъ также принимать на себя личину женщины, молодой или старой, безобразной или красивой, и вступалъ въ союзъ съ колдуномъ. Тогда дьяволъ былъ вѣдьмой. Въ теченіи всего XVI и XVII столѣтій; домовыя, и въ особенности вѣдьмы, просто кипать, нѣтъ ни одной колдуньи, которая не признавалась бы въ своихъ сношеніяхъ съ дьяволомъ. Что касается вопроса, могъ ли дьяволъ быть отцомъ, то это — наиболѣе спорная проблема. Согласно наиболѣе распространенному мнѣнію, дьяволъ могъ быть отцомъ косвеннымъ, переходя изъ состоянія домового въ состояніе вѣдьмы. Омерзительные обряды, будто-бы исполнявшіеся на тайныхъ ночныхъ сборищахъ, дали поводъ Мишле и другимъ авторамъ думать, что эти шабашы были просто сборнымъ мѣстомъ разврата. Не вѣроятно-ли, однако, предположить, что эти признанія колдуній происходили отъ преслѣдовавшихъ ихъ галлюцинацій или видѣній эротическаго характера, примѣры которыхъ такъ часто наблюдаются и нынѣ.

Власть демоновъ безгранична. Чтобы дьяволъ или демонъ низшаго разряда завладѣлъ тѣломъ несчастнаго или несчастной, достаточно малѣйшаго забвенія, минутнаго невниманія. Такъ, одна мо-

нахиня забыла произнести свою предобѣденную молитву, когда ѣла салатъ, — дьяволь, спрятавшійся въ этомъ салатѣ, тотчасъ же вошелъ въ нее и долго мучилъ несчастную страшными конвульсіями, пока наконецъ епископъ, сжалившись, не изгналъ его торжественно изъ тѣла монахини. Нѣкій молодой человекъ, по имени Петръ, ложась спать, забылъ перекреститься; проснувшись посреди ночи, онъ вообразилъ, что настало утро, и, думая, что подъ его ногами гладкій полъ, скатился съ самой верхней ступеньки лѣстницы, внизу которой былъ найденъ въ полумертвомъ состояніи, къ крайнему удивленію всѣхъ его окружающихъ. Не ясно ли, что несчастный былъ введенъ въ заблужденіе дьяволомъ?

Все, что сколько нибудь выступало изъ ряда обыкновеннаго и даже весьма обыкновеннаго, приписывалось злему духу. Лютеръ вѣрилъ въ него болѣе, чѣмъ кто либо. Онъ передаетъ о своихъ разговорахъ съ злымъ духомъ, который по ночамъ билъ у него оконныя стекла и ворочалъ подъ его кроватью мѣшки съ орѣхами. Пиша свои сочиненія, Лютеру немало было заботъ отвѣчать на доводы сатаны. Однажды, озлившись, онъ пустилъ въ чорта чернильницей съ такою силой, что залилъ стѣну чернилами. И теперь еще, говоритъ Луандръ, можно видѣть это пятно, свидѣтельствующее о борьбѣ Лютера съ дьяволомъ. Это пятно находится въ маленькой комнатѣ вартбургскаго замка, гдѣ работалъ Лютеръ. Дьяволь, говоритъ Лютеръ,

страшный учитель—въ его мошнѣ больше ядовъ, чѣмъ у аптекарей всего свѣта. По мнѣнію же дель-Ріо и Шпренгера, апостоль реформаціи имѣлъ полное основаніе бесѣдовать съ дьяволомъ, такъ какъ самъ былъ сыномъ демона и колдуньи *).

Когда Савонароль собирался засыпать, онъ слышалъ, какъ дьяволъ звалъ его по имени, но всякій разъ другимъ голосомъ. Эразмъ — человекъ несомнѣнно великаго ума, ловя блохъ, воображалъ, что ловить чертей, и утверждалъ, что какой-то городъ весь цѣликомъ былъ сожженъ демонами. По словамъ Меланктона, если колдуньи выдергивали шерсть съ платья кого бы то ни было, то эта шерсть тотчасъ же превращалась въ деньги. Михаилъ Серве думалъ, что дьяволъ помѣщается въ родничкахъ мозга и разгуливаетъ тамъ, какъ ему хочется. Всякій разъ, какъ обнаруживалась какое нибудь странное или необъяснимое явленіе, его сейчасъ же приписывали дѣйствию дьявола. Однажды Игнатій де-Лойола, занимаясь изученіемъ грамматическихъ правилъ склоненій и спряженій, былъ охваченъ такимъ сильнымъ наплывомъ мыслей, что не могъ ничего ни усвоить, ни запомнить и, несмотря на все свое вниманіе къ работѣ, не въ силахъ былъ совладать съ своими мыслями и сосредоточить ихъ на опредѣленномъ пунктѣ. «Я узнаю, воскликнулъ онъ тогда, козни нашего гнуснаго врага, коварство и хитрость лукаваго!»

*) Объ этомъ свидѣтельствуютъ каррикатуры того времени.

«Я знаю одного человѣка, рассказываетъ Боденъ, который открылся мнѣ, что его крайне тревожить какой-то духъ, постоянно преслѣдуетъ его, является ему въ различныхъ образахъ, дергаетъ его ночью за носъ, будить его, часто даже бьетъ, и, не смотря на всѣ просьбы несчастнаго оставить его въ покоѣ, — ничего знать не хочетъ, непрестанно мучить, приговаривая: «Прикажи мнѣ чтонибудь!»

Слѣдующіе примѣры наглядно свидѣтельствуютъ, какъ безусловно, слѣпо вѣрили въ могущество чаръ. «Какъ-то разъ, говоритъ Шпренгеръ, колдунья превратила одного молодаго человѣка въ осла. Въ теченіи трехъ лѣтъ несчастнаго обременяли самыми тяжелыми ношами. Наконецъ, къ концу третьяго года, проходя мимо одной церкви, гдѣ шла обѣдня, и боясь войти, чтобы его не прогнали и не избили, онъ остановился у палерти, преклонился на заднія ноги и, сложивъ переднія (т. е. руки, прибавляетъ Шпренгеръ), воздѣлъ ихъ къ небу. Въ то время, какъ присутствовавшіе дивились этому чуду, явилась колдунья и принялась бить осла палкой. Тотчасъ же догадались, что тутъ происходитъ что-то недоброе; потащили колдунью къ судѣ, стали допрашивать, пытаться, и она созналась въ своемъ преступленіи. Ее заставили возвратить несчастному его первоначальный образъ, и въ то время какъ она искупала свое преступленіе, молодой человѣкъ, полный радости, возвращался къ своимъ роднымъ» (стр. 286).

Самыми скверными колдуньями были повитухи, которыя, въ минуту рожденія ребенка, предавали его демону. Нѣкоторыя изъ нихъ отрѣзали у некрещенныхъ еще дѣтей конечности, для составленія чародѣйскихъ мазей. Въ констанскомъ епископствѣ сожгли одну колдунью-повитуху, которая умертвила сорокъ младенцевъ, втыкая имъ въ темя булавку.

Колдуньи располагають всяческими средствами, чтобы насылать болѣзни, отымать у коровъ молоко, вызывать градъ или уничтожать урожай. Чтобы лишить корову способности давать молоко, достаточно поставить на землю пустое ведро, воткнуть ножъ въ стѣну и призвать нечистаго; немедленно дьяволъ отнимаетъ у коровы молоко и переноситъ его въ ведро колдуньи.

Молодую дѣвушку не пригласили на какую-то вечеринку. Обиженная такимъ къ ней невниманіемъ, она вызвала дьявола, который, по ея требованію насылать градъ на все это общество, вызвалъ надъ городомъ страшную бурю съ градомъ, а самую колдунью поднялъ на воздухъ, на глазахъ какихъ-то пастуховъ. Когда она возвратилась въ городъ, пастухи донесли на нее. Ее арестовали, подвергли допросу и, добившись сознанія въ совершенномъ преступленіи, тутъ же сожгли...

Колдуньи принимаютъ на себя часто образъ звѣрей. На одного дровосѣка, когда онъ рубилъ дрова, напали три кошки, стараясь укусить его за ноги. Испугавшись, онъ сталъ отбиваться какъ

могъ и, наконецъ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, разогналъ ихъ. Вернувшись изъ лѣса въ городъ, онъ тутъ же былъ арестованъ за то, что околдовалъ трехъ женщинъ, которыя оказались жестоко поранеными. Его стали судить и вѣроятно казнили бы, еслибы судья не открылъ, что нападшими въ лѣсу на дровосѣка кошками были тѣ именно три женщины, которыя обвиняли его и которыя оказались отвратительными колдуньями, превращенными, при содѣйствіи демона, въ кошекъ.

Часто также колдуньи превращаются въ волчицъ. Богое серьезно рассказываетъ случай съ однимъ охотникомъ, который выстрѣломъ изъ ружья оторвалъ у волчицы лапу, поднялъ эту лапу, но затѣмъ, заблудившись, наткнулся на какой-то замокъ и попросилъ позволенія переночевать въ немъ. На вопросъ, удачно ли онъ охотился, онъ вынулъ лапу волчицы, чтобы показать ее, но, къ удивленію, оказалось, что это женская рука. Владѣтель замка узналъ на рукѣ обручальное кольцо своей жены, отправился къ ней; она отказалась показать свою окровавленную руку. Нѣтъ сомнѣнія, эта женщина была колдуньей, она бѣгала по лѣсу въ образѣ волчицы. Можно было бы подумать, что этотъ рассказъ просто басня, если бы несчастная женщина не погибла на кострѣ.

Иногда самъ дьяволъ превращается въ то или другое животное—въ волка, медвѣдя, паука, жабу, но никогда, однако, не принимаетъ на себя ли-

чины ягненка или голубя. Когда въ 1609 году де-Лангеръ сжегъ нѣсколько колдуній-басковъ, то во время казни послѣдней изъ нихъ, изъ ея головы ринула цѣлая туча жабъ; народъ кинулся на нихъ каменьями; но съ одной черной жабой не могли ничего подѣлать ни огнемъ, ни палками, ни каменьями: то былъ самъ сатана, онъ скрылся въ такое мѣсто, гдѣ никакъ не могли его найти (XVII).

Теперь посмотримъ, какимъ образомъ дьяволъ входитъ въ тѣло человѣка. Собственно говоря, онъ дѣйствуетъ двояко — или чрезъ одержимость или путемъ неотступнаго преслѣдованія. Въ случаѣ одержимости, дьяволъ вполне овладѣваетъ тѣломъ и душой несчастнаго. Во второмъ же случаѣ, напротивъ, онъ только преслѣдуетъ наружно, т. е. не проникая въ самое тѣло, и тогда его легко прогнать постомъ, молитвою, подаваніемъ милостыни. Всего чаще одержимость есть слѣдствіе договора, по которому человѣкъ запродааетъ себя дьяволу. Не всегда однако его жертвы бываютъ сами въ томъ повинны; такихъ слѣдуетъ отчитывать, а не казнить. Инквизиторы важно разсуждали о томъ, входитъ-ли дьяволъ въ тѣло и душу человѣка, въ видѣ вещества или силы, и предавались по этому поводу глубокомысленнымъ соображеніямъ. Но для насъ интереснѣе всего показанія самихъ одержимыхъ по этому вопросу. «Я могу себя сравнивать, г. говоритъ Анджело-де-Фолиньо, съ человѣкомъ, привѣшеннымъ за шею съ завязанными за спину руками и закрытыми глазами. И вотъ, когда я на-

кожусь въ такомъ состоянїи, демоны жестоко терзаютъ меня. Мнѣ кажется, что я лишаяюсь всякой опоры, и всѣ силы моего духа исчезаютъ помимо моей воли. Иногда на меня нападаетъ такое бѣшенство и такое горькое отчаянїе, что я не могу удержаться отъ желанїя разорвать въ клочки свое тѣло. Я наношу себѣ страшные побои, такъ что голова и тѣло покрываются синяками. И такъ, нѣтъ сомнѣнїя, я во власти многочисленныхъ демоновъ и погруженъ въ ужасный мракъ».

Гильдегардъ рассказываетъ почти тоже самое: «Демоническія испаренїя окружаютъ меня и помираютъ. Смердная тѣнь ложится на всѣ мои чувства и не даетъ мнѣ ни говорить, ни дѣйствовать, какъ бы я желала. По истинѣ, дьяволъ входитъ въ человѣка не какъ дьяволъ, а какъ сатаничeskій чадъ. Если бы это былъ самъ дьяволъ, то немедленно всѣ члены человѣка рассыпались бы и были бы разнесены вѣтромъ, какъ явствуетъ изъ свойствъ, присущихъ князю тьмы; но сатана пользуется тѣломъ человѣка какъ окномъ, направляя его способности на всякія пагубныя, непристойныя и, по истинѣ, дьявольскія дѣянїя.» Въ заключенїе всего, она говоритъ, что, не самъ дьяволъ, а только удушливыя испаренїя его проникаютъ въ человѣка.

Однако, въ большинствѣ случаевъ, заклинатели выражаются опредѣленнѣе. Они допускаютъ нѣсколько причинъ, дающихъ возможность дьяволу входить въ тѣло человѣка: страхъ, гнѣвъ, чародѣйство, раз-

стройство воображенія. Иногда входитъ только одинъ демонъ, иногда нѣсколько, въ рѣдкихъ случаяхъ цѣлый легионъ, т. е. шесть тысячъ шестьсотъ шестьдесятъ шесть дьяволовъ. Эти презрѣнныя твари проникаютъ въ сердце, иногда въ чресло, въ мозгъ, въ легкія, въ горло, въ ухо; они устраиваются по своему въ избранныхъ ими пунктахъ и превращаютъ человѣческое тѣло въ свою резиденцію. Дьяволъ пользуется языкомъ одержимаго, чтобы произносить всевозможныя ругательства и богохульства, — его руками, чтобы метаться въ разныя стороны, — его ногами, для странныхъ, всевозможныхъ скачковъ и прыжковъ. Демонъ обладаетъ также способностью говорить на многихъ языкахъ, и притомъ одинаково хорошо какъ на греческомъ, латынскомъ, еврейскомъ, такъ даже на роижезскомъ и другихъ малоизвѣстныхъ нарѣчіяхъ. 11

Въ дѣйствительности же, вслѣдствіе сильнаго возбужденія умственныхъ способностей при истерическомъ бредѣ, могутъ имѣть мѣсто безсознательныя воспоминанія когда либо слышанныхъ словъ или фразъ. Психіатры не разъ наблюдали подобныя явленія. Эти явленія не ускользнули и отъ вниманія врачей XVI вѣка. «Кто имѣетъ дѣло съ больными, и въ особенности кто имѣетъ съ ними дѣло ежедневно, тотъ знаетъ, что они могутъ говорить на неизвѣстныхъ имъ языкахъ: по-гречески, латыни, нѣмецки, еврейски, нисколько не будучи одержимы какимъ бы то не было злымъ духомъ. Это можетъ происходить отъ мокротъ настолько горячихъ, что

какъ только онѣ воспаляются, выдѣляемые ими пары проникаютъ въ мозгъ и заставляютъ больного говорить по иностранному, какъ это мы видимъ у пьяныхъ». (Луи Гюйонъ, цитируемый С. Гулярдомъ).

Но подобныя сужденія были рѣдки, и до середины XVII столѣтія господствовало убѣжденіе, что когда больной въ бреду говоритъ по иностранному, то это демонъ управляетъ языкомъ несчастнаго одержимаго.

Близость святаго елея или вообще освященныхъ предметовъ заставляютъ сатану выть и издавать вопли. Изображенія соотвѣтствующихъ сценъ часто встрѣчаются на картинахъ итальянскихъ мастеровъ XV и XVI столѣтій. Впрочемъ, иногда лукавый бываетъ болѣе терпѣливымъ и молча переноситъ близость священныхъ даровъ. «Однажды, говоритъ Шпренгеръ, отчитывали священника, одержимаго дьяволомъ. Заклинатель спросилъ демона, какимъ образомъ онъ могъ оставаться въ тѣлѣ одержимаго во время принятія послѣднимъ причастія. «А это оттого, отвѣтилъ демонъ, что я спрятался подъ его языкъ». И затѣмъ съ сатанической ироніей прибавилъ: «Развѣ въ то время какъ святой человекъ идетъ по мосту, грѣшникъ не можетъ спрятаться подъ его сводами?»

Когда заклинатель является предъ одержимымъ, онъ долженъ строго придерживаться нѣкоторыхъ правилъ. Чтобы указать эти правила, достаточно переименовать нѣкоторыя главы изъ руководствъ

для заклинателей: — Дозволительно-ли отчитывать того, кто не представляет ни одного явнаго признака одержимости, но въ которомъ она только предполагается? Полезно-ли спрашивать у демона, какъ его зовутъ? Слѣдуетъ-ли спрашивать демона, одинъ ли онъ или въ сообществѣ съ множествомъ своихъ товарищей? Слѣдуетъ-ли его спрашивать, какимъ способомъ онъ вошелъ въ тѣло одержимаго? Съ помощью какихъ святыхъ можно изгнать его? Какіе у него земные и небесные враги, отъ какихъ изреченій онъ всего больше страдаетъ; въ которомъ часу, въ какой день онъ выйдетъ и куда пойдетъ; демонъ ли онъ высшаго разряда, напимѣръ, не самъ ли великій Люциферъ?

«Весьма опасное любопытство, допрашивать дьявола, вошедшаго въ кого нибудь, — откуда онъ, изъ какого легіона, къ какому разряду чертей принадлежитъ, кто изъ умершихъ находится въ состояніи блаженства, кто осужденъ на вѣчныя муки ада, гдѣ находится адъ, въ пещерахъ-ли земли или въ ея центрѣ, какія мученія претерпѣваютъ осужденные и какого рода ихъ страданія». Заклинатель долженъ быть весьма остороженъ, такъ какъ дьяволь легко можетъ обмануть его. Недурно, обращаясь къ дьяволу, оскорблять и ругать его подлецомъ, мошенникомъ, ахеронскимъ поваромъ; но не слѣдуетъ однако не въ мѣру издѣваться надъ нимъ, такъ какъ эти шутки часто очень дорого обходятся. По этому поводу, Нидеръ рассказываетъ курьезный случай съ однимъ кельнскимъ монахомъ, знамени-

тымъ заклинателемъ, но слишкомъ большимъ шутникомъ. Однажды, когда этотъ монахъ изгонялъ изъ одержимаго демона, послѣдній спросилъ его— куда ему удалиться; монахъ назвалъ извѣстное уединенное мѣсто, и былъ очень доволенъ, что такъ удачно подшутилъ надъ лукавымъ. Но, бѣдный заклинатель, ночью онъ почувствовалъ нѣкоторую неловкость въ желудкѣ и принужденъ былъ отправиться въ то самое мѣсто, которое рекомендовалъ дьяволу; не успѣлъ онъ войти, какъ сатана схватилъ его со злости за горло, съ такой силою, что едва не задушилъ монаха.

Описанія бѣснующихся очень часто встрѣчаются у писателей XVI вѣка. Такъ какъ всѣ эти описанія болѣе или менѣе сходны, то достаточно привести одно изъ нихъ. Нижеслѣдующее описаніе представляетъ тѣмъ большій интересъ, что въ немъ несомнѣнно рѣчь идетъ объ истеричной; оно сдѣлано Ле-Лоье достаточно точно, чтобы признать тождественность между одержимостью прежнихъ временъ и истерико-эпилепсіей нашего времени.

«Одержимая женщина была уроженка Милана и принадлежала къ благородному роду и прекрасной семьѣ. Давно уже дьяволъ овладѣлъ ею и такъ ее изуродовалъ, что она скорѣе походила на чудовище, чѣмъ на женщину. Лицо ея было искаженное и шелудивое, глаза косые и страшные, длинный языкъ вывѣшивался изо рта, издававшего зловонный запахъ; кромѣ того, она часто скрежетала зубами и не владѣла ни слухомъ, ни зрѣ-

ніемъ, ни способностью рѣчи. Она представляла собою настоящее жилище дьявола. Ее повели въ церковь святаго Амвросія, къ святому Бернарду, который тамъ находился. Народъ вѣрилъ, что этотъ святой человекъ спасетъ несчастную. Громадная толпа народа нахлынула со всѣхъ сторонъ, и святой Бернардъ приказалъ всѣмъ и каждому приступить къ молитвѣ. Самъ же онъ остался возлѣ алтаря съ священниками и нѣсколькими духовными лицами своего ордена. Онъ потребовалъ, чтобы женщина эта была къ нему подведена привратниками. Но тутъ представилась большая трудность, такъ какъ находившійся въ ней дьяволъ сопротивлялся всѣми силами, билъ превратниковъ ногами, пятился назадъ, скалилъ зубы, наносилъ удары локтями, стараясь всячески вырваться изъ ихъ рукъ. Наконецъ, съ великимъ трудомъ одержимую привели или, лучше сказать, приволокли къ алтарю, гдѣ стоялъ святой Бернардъ и котораго она тотчасъ же ударила ногой. Но святой Бернардъ не подалъ вида, что онъ замѣтилъ этотъ ударъ; подойдя къ алтарю, онъ сталъ на колѣна и принялся молиться, оставаясь такимъ же хладнокровнымъ, спокойнымъ, какъ бы ничего не случилось. Затѣмъ онъ всталъ, надѣлъ ризу и началъ служить обѣдню. Приступивъ къ таинству обѣдни, онъ всякій разъ, благословляя святыми дарами, обращался къ одержимой и ее также осѣнялъ крестнымъ знаменіемъ. При этомъ дьяволъ, противъ котораго святой Бернардъ направлялъ крестное знаменіе, испытывалъ

такую боль, словно ему наносили удары шпагой: онъ омерзительно изворачивался, дѣлалъ страшныя гримасы и съ такою силою бѣсновался въ тѣлѣ несчастной женщины, что видно было, какъ онъ мучился. Послѣ того какъ святой Бернардь прочиталъ молитву Господню, онъ подошелъ къ женщинѣ, чтобы напасть вблизи на врага и, держа дискось съ сянатыми дарами, онъ возложилъ его на голову женщины и произнесъ приблизительно слѣдующія слова, обращаясь къ дьяволу: «Вотъ, презрѣнный и проклятый духъ, вотъ твой судья, вотъ эта великая, несокрушимая сила. Теперь воспротивься ей, если смѣешь; вотъ тотъ, который сказалъ своимъ ученикамъ, готоваясь пріять смерть для нашего спасенія, что князь тьмы будетъ низвергнуть. Вотъ тотъ, тѣло котораго исходитъ изъ самой чистой крови непорочной дѣвы и было распято на крестѣ, лежало въ гробу, воскресло въ третій день, въ присутствіи учениковъ и вознеслось на небо. Говоря именемъ этого великаго Бога, и въ силу хорошо тебѣ извѣстной власти его, я приказываю тебѣ, духъ лукавый, покинуть немедленно тѣло этой рабы Божіей и никогда болѣе не смѣть въ него возвращаться». Во время этой рѣчи дьяволь издавалъ отчаянныя вопли и терзалъ одержимую, показывая ясно, что ему противъ воли приходится покинуть ее.

Сдѣлавъ эту первую попытку изгнанія, святой Бернардь возвратился къ алтарю и докончилъ обѣдню. Когда же онъ пріобщился и дьяконъ провоз-

гласить: «Миръ всѣмъ», онъ отпустилъ народъ домой. Тотъ же миръ сошелъ и на несчастную одержимую: дьяволъ покинулъ ее совершенно, выказавъ этимъ неотразимую силу святаго таинства престола» *).

Освященная вода, восковыя свѣчи тоже имѣютъ силу изгонять дьяволовъ:

«Послѣ святой воды, дьяволъ всего болѣе боится восковыхъ свѣчей, освященныхъ въ церкви въ ночь на Свѣтлое Воскресеніе, а также зажженные церковныя лампы, восковыя свѣчи и подсвѣчники, которыхъ онъ не можетъ видѣть и бѣжить отъ свѣта. Многіе заклинатели, чтобы изгнать дьявола изъ человѣческаго тѣла, сжигаютъ его имя въ пламени освященной восковой свѣчи. Во время этой операціи, дьяволъ испытываетъ удущіе и сильныя терзанія, что обнаруживается стenanіемъ и бѣснованіемъ его въ тѣлѣ одержимаго, ужасными криками и собственнымъ признаніемъ, что онъ страдаетъ. Въ наше время былъ произведенъ такой опытъ надъ Н. Обри, бѣснующейся изъ Вервена:

*) Мы будемъ еще имѣть случай возвратиться къ припадкамъ эпидемической демономаніи. Здѣсь же отмѣтимъ слѣдующую аналогію этихъ припадковъ съ припадками современныхъ бѣснующихся. Извѣстная Луиза Лато изъ Бельгіи также имѣла видѣнія, въ которыхъ дьяволъ игралъ роль: «Дьяволъ являлся ей по нѣскольку разъ каждую ночь во всевозможныхъ гнусныхъ образахъ, бросалъ ее объ полъ, билъ, выворачивалъ ей члены, душилъ за горло. Разъ ночью она съ силой была отброшена на желѣзную спинку своей кровати. («Les Stigmatisés», par le doc. Imbert-Gaurbeyere, prof. à l'ecole de med. de Clermond-Ferrand, Paris, 1873).

Когда ланскій епископъ, заклиная поселившася въ ней дьявола, сжигалъ его имя — Велзевула — въ пасхальной свѣчѣ, женщина стала вся выворачиваться, свертывалась клубкомъ, поднималась на воздухъ, высовывала языкъ изъ рта на полфута, старалась вырваться изъ рукъ державшей ее стражи и при этомъ такъ страшно, дьявольски гримасничала, что самые смѣлые изъ присутствующихъ испытывали нѣкоторый страхъ».

Развѣ это не точная картина тѣхъ демоническихъ припадковъ, которые наблюдаются въ Сальпетриерѣ и которые, такъ сказать, увѣковѣчены фотографическими снимками. Кромѣ того, не только видѣ, но и рѣчи Н. Обри совершенно такія же, какъ у истеричныхъ. Она грубо бранитъ тѣхъ, кто приходитъ отчитывать ее и въ ея словахъ столько же наглости невѣроятной дерзости, какъ и въ словахъ которыми съ такой запальчивостью и изумительной быстротой сыпать истеричныя умалишенныя. [Каждый, кто имѣлъ удовольствіе познакомиться съ ругательствами этихъ больныхъ, тотчасъ узнаетъ въ рѣчахъ Н. Обри или, если угодно, дьявола, овладѣвшаго ею, рѣчи истеричной женщины *).

Луи Сурбо, докторъ богословія, едва приступилъ къ заклинаніямъ, какъ дьяволь, взобравшись на своды, сталъ швырять камнями, такъ что бого-

*) См. Ch. Louandre, Histoire du diable (Revue des Deux Mondes, 15 août 1842).

словъ долженъ былъ скрыться. Тогда въ борьбу съ дьяволомъ попытался вступить ланскій архіепископъ, герцогъ и пэръ Франціи. «Ахъ! это вы, ваше преосвященство, сказалъ ему лукавый духъ; право, вы оказываете слишкомъ много мнѣ чести, и чтобы принять васъ какъ подобаетъ, я пригласилъ въ тѣло этой дѣвушки шесть удалыхъ чертей... Я васъ произведу въ кардиналы и даже въ папы, если вамъ удастся меня выгнать. А пока, ступайте-ка проспите: вы за обѣдомъ лишнее выпили». Затѣмъ явились представители реформаторскаго ученія. «Я служитель Христа», сказалъ пасторъ Турнвель. — «Ты служитель Христа?! переспросилъ сатана, помилосердуй Турнвель, да ты хуже меня!» — Но заступничество Богородицы сильнѣе всѣхъ священниковъ-католиковъ и реформаторовъ; она приказала демону уйти и онъ принужденъ былъ повиноваться. Но, оставляя Н. Обри, онъ изъ мести перепортилъ всѣ цвѣты въ архіепископскомъ саду и затѣмъ отправился въ Женеву, куда его призывали дѣла реформаціи.

Для изгнанія дьявола можно также прибѣгать и къ медицинскимъ средствамъ. Хотя, впрочемъ, эти средства рѣдко дѣйствительны. Николай Мирецъ, греческій врачъ, христіанинъ, даетъ рецептъ особаго курева, дымъ котораго изгоняетъ нечистаго духа. Это курево состоитъ изъ отводка полевой чернушки, семянъ цѣломудренника, оленьяго рога (растеніе), зеренъ лавроваго дерева, полыни, горной или жидовской смолы, англійскаго

маіорана, еѳіопскаго тмина, аниса, бобровой струи, душистаго ноготка, гагата, кедровой смолы и жидкаго вара.

Другіе авторы утверждаютъ, что дьяволъ радуется когда тѣло человѣка заражено черной желчью и что, слѣдовательно, полезно прописывать слабительныя, изгоняющія черную желчь.

Звуки музыки, въ свою очередь, обладаютъ способностью изгонять чертей, и нужно было быть крайне недогадливымъ, чтобы не понимать истинной тому причины: «Дьяволы не могутъ радоваться музыкѣ, такъ какъ страданія, вѣчный огонь и отчаяніе, не даютъ чертямъ времени отдохнуть».

Если время не терпитъ, то нѣтъ необходимости обращаться непременно къ священнику для заклинаній; первый встрѣчный, если только онъ проникнуть благочестіемъ, можетъ заступитъ мѣсто священника. Въслучаѣ нужды, даже женщина въ состояніи быть заклинателемъ. Одна монахиня избавила одержимаго силою своего слова. «Это былъ крестьянинъ, пришедшій въ обитель, куда она постриглась, и принесшій монахинѣ пенсію, высылаемую ей ежегодно ея отцомъ. Едва крестьянинъ предсталъ предъ монахиней, какъ въ него вошелъ дьяволъ и принялся жестоко мучить. Монахиня сейчасъ же поняла въ чемъ дѣло; она встала съ своего мѣста и взволнованнымъ, раздраженнымъ голосомъ гнѣвно воскликнула: «Вонъ изъ этого человѣка, презрѣнный и проклятый духъ, вонъ!» При звукахъ этого голоса, дьяволъ спросилъ устами

страдающаго: «А если я выйду, то куда же мнѣ уйти?» Въ ту самую минуту когда дьяволье это говорилъ, мимо пробѣгалъ маленькій поросенокъ; монахиня приказала дьяволу войти въ поросенка, и немедленно дьяволье, повинувшись, вошелъ въ поросенка и тутъ же задушилъ его».

Но вообще, заклинателемъ долженъ быть священникъ. И если больной давно уже одержимъ дьяволомъ, слѣдуетъ приступать къ заклинанію съ нѣкоторою торжественностью: Епископъ въ полномъ облаченіи является къ одержимому; сжигаютъ изображеніе дьявола, принесенное съ этой цѣлью, и помощью молитвъ и приговоровъ, наконецъ, изгоняютъ демона.

Вотъ одно изъ тысячи другихъ заклинаній:

«О ты, душегубецъ, окаянный, дьяволье, нечистый духъ, искуситель, лжець, еретикъ, пьяница, безумецъ! Заклинаю тебя, именемъ Господа нашего, выйдти немедленно изъ этого человѣческаго тѣла; скройся въ пучинахъ морей, или исчезни въ безплодныхъ деревьяхъ или въ пустынныхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ ни одной христіанской души, куда ни одинъ человѣкъ не можетъ вступить, и тамъ пусть уничтожить тебя небесный огонь. Изыди, проклятый змій, ступай, спѣши и, оставляя это Божіе созданіе, не дѣлай ему вреда, ни ему, никому другому, провались въ преисподнюю ада, и оставайся тамъ до дня вѣчнаго суда».

Насколько здравый смыслъ Жана Вира выше всего этого! Онъ рассказываетъ объ одной фламанд-

ской горожанкѣ, отправившейся однажды къ обѣднѣ со своей служанкой: Когда заплѣли по-нѣмецки Gloria (Слава Господу въ небесахъ), съ послѣдней сдѣлался сильный демоническій припадокъ. Но почтенная матрона, нисколько этимъ не смущенная, вернувшись домой, такъ высѣкла служанку, что къ ней уже болѣе припадки не возвращались. Виръ сообщаетъ этотъ фактъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ. Онъ могъ бы также привести другой случай, когда святой Григорій исцѣлилъ одержимаго, наградивъ его тяжеловѣсной оплеухой (XVIII):

Иногда, впрочемъ, не помогаютъ ни свѣтъ восковыхъ свѣчей, ни музыка, ни заклинанія, ни торжественныя процессіи. Чѣмъ болѣе заклинатель старается, тѣмъ болѣе одержимый неистовствуетъ и богохульствуетъ. Эта озлобленность и сила дьявола ужасають бѣднаго Шпренгера. «Увы! Господи, говорить онъ, пути твои неисповѣдимы! Но кто спасетъ этихъ несчастныхъ одержимыхъ, издающихъ раздирающіе душу крики и непрерывно страдающихъ? Въ наказаніе за наши грѣхи дана такая власть лукавому. Если же мы законными заклинаніями не можемъ успѣшно бороться съ его пагубными дѣяніями, то намъ ничего больше не остается, какъ беспощадно наказывать колдуній, отъ которыхъ это зло исходитъ».

Вотъ высшее средство, чудеснѣйшая панацея: Такъ какъ добратся непосредственно до дьявола нельзя, то нужно дѣйствовать на тѣхъ, кото-

рые вступаютъ съ нимъ въ союзъ: на колдуновъ, колдуній, вѣдьмъ, вампировъ, чародѣевъ, кудесниковъ, чернокнижниковъ. Отсюда варварское, ужасное судопроизводство, отчеты о которомъ нельзя читать безъ содроганія, въ особенности когда подумаешь, что подсудимые были невинны.

Прежде всего нужны улики; нельзя же предстать передъ судомъ безъ подозрѣнія въ колдовствѣ. Но особенныхъ уликъ не требовалось, достаточно было показанія одного или двухъ свидѣтелей. Такой-то жаловался, что его поле уничтожено градомъ и насѣкомыми, тогда какъ на полосѣ его сосѣдки прекраснѣйшій урожай. Не ясное-ли доказательство, что она колдунья, къ тому же эта женщина красавица, у нея черные волосы, и никто никогда не видалъ ее плачущей, понятно—она продалась сатанѣ, который любитъ женщинъ съ длинными волосами и красивымъ тѣломъ. Кромѣ того, есть и прозвища чародѣйскія — Верделе, Жоли-Буа, Бланкъ-демонъ и т. д. Всѣ эти имена проклятыя, имена дьявола. Собственно дель-Рю отрицаетъ подобныя улики, находя ихъ недостаточными. Болѣе важная улика быть дочерью колдуньи. Года не принимаются во вниманіе. Молодыя колдуньи также свѣдуши, какъ и старыя, потому что знаніе ихъ исходитъ отъ сатаны. «Однажды, рассказываетъ Шпренгеръ, крестьянинъ, гуляя по полямъ съ своей маленькой восьмилѣтней дочерью, высказалъ желаніе, въ виду сильной засухи, чтобы пошелъ хорошій дождь. Дѣвочка объявила пренаивно,

что она можетъ вызвать дождь. «Какимъ образомъ?» спросилъ удивленный отецъ. «А это меня мамаша научила; она водила меня къ властелину, который и далъ мнѣ силу вызывать дождь, когда мнѣ вздумается». Говоря это, она зачерпнула немножко воды изъ сосѣдняго потока и бросила ее вверху, призывая на помощь дьявола. Немедленно проливной дождь затопилъ всѣ поля. Испуганный отецъ, вернувшись домой, повелъ свою жену въ судъ. Несчастная созналась и была сожжена; ребенокъ же помилованъ и отданъ въ монастырь».

По выслушанію свидѣтелей, если улики въ колдовствѣ достаточны, оставалось схватить колдунью во что бы то ни стало. Необходимо войти въ ея жилище и сдѣлать тщательный обыскъ — не найдутся-ли гдѣ запрятанныя орудія колдовства. Если есть служанка, слѣдовало арестовать и ее, такъ какъ показанія служанки могутъ быть полезны для правосудія. Во всякомъ случаѣ, не допускать ни подъ какимъ видомъ, чтобы колдунья могла войти въ свой домъ, иначе, забирая съ собою различныя зелья, она можетъ учинить ими новыя порчи. Люди, которымъ поручено схватить колдунью, должны слѣдить, чтобы она не могла дотронуться ногой до земли, такъ какъ колдуньямъ часто удавалось, ударивъ по землѣ ногой, взлетѣть на воздухъ. Полезно и даже необходимо, входя въ ея убѣжище, оборачиваться спиною, чтобы избѣгнуть послѣдствій ея дурнаго глаза. Дѣйствительно, часто приходилось инквизиторамъ страдать пор-

чей отъ дѣйствія дурнаго глаза колдуній. «Бывали примѣры, говорить Шпренгеръ, что колдуньи однимъ взглядомъ брошеннымъ на человѣка, которому онѣ желали зла, вызывали на лицѣ его сильную опухоль или даже накликали на него проказу. Мало утѣшенія, если затѣмъ и удасться сжечь это мерзкое, дьявольское отродіе!»

Разъ колдунья схвачена, ее сажаютъ въ темницу. Но въ какую темницу?! Въ «гноильникъ», по энергическому выраженію Аксенфельда: «Нѣкоторымъ приходится испытывать такой холодъ, что ноги ихъ отмерзаютъ и отваливаются, такъ что, если потомъ ихъ и выпускаютъ, то онѣ остаются калѣками на всю жизнь. Другія погружены въ абсолютный мракъ; къ нимъ не проникаетъ ни единый лучъ свѣта и онѣ не знаютъ когда день смѣняется ночью; кромѣ того, онѣ не могутъ пошевелить ни рукой, ни ногой, такъ что ихъ живыхъ ѣдятъ черви и крысы. Ихъ дурно кормятъ; прибавьте къ этому, что палачъ и его помощники ежечасно надъ ними издѣваются и поносятъ. Тяжкія мысли, дурныя сны, безпрестанный испугъ, преслѣдуютъ ихъ. Такимъ-то образомъ эти заключенные, раньше часто люди терпѣливые, разумные, мужественные, становятся угрюмыми, слабыми духомъ, несмѣлыми, полу-умными...»

Затѣмъ предстояло явиться на судъ, отвѣчать на предварительные допросы. Легко догадаться, каковы эти допросы, въ чемъ они состоятъ: «Вы обколдовали поле вашего сосѣда?» «Бывали-ли вы

на тайномъ сборищѣ?» Какою осторожностью, какою прозорливостью нужно было отличаться, чтобы отпарировать хитрые допросы судьи? Малѣйшее смущеніе ставилось въ вину; самое невинное признаніе считалось важнымъ показаніемъ. Задавались самые невозможные вопросы. Всѣ общественныя и частныя несчастія, обрушивавшіяся на жителей какого-нибудь села, приписывались невинной колдуньѣ.

Вотъ, напримѣръ, извлеченіе изъ допроса Арнулеты Дефранъ, прозванной Королевой колдуновъ (15 февраля 1603 г.) *).

«На вопросъ о причинѣ ея заключенія,
«отвѣтила, что не знаетъ.

«Ей говорятъ, что она арестована, пототому что слыветъ колдуньей.

«Отвѣчаетъ, что арестовали ее напрасно, такъ какъ она не колдунья.

«Обвиняется въ порчѣ двѣнадцатилѣтняго сына Маріи Дюзаръ, вслѣдствіе каковой порчи мальчикъ вскорѣ умеръ.

«Отвѣчаетъ, что она не Богъ, чтобы насылать на людей смерть, не колдунья и ребенку ничего не дѣлала.

«Обвиняется въ томъ, что испортила еще другаго мальчика, постарше, котораго вылечили заклинаніемъ.

*) De la Sorcellerie et de la Justice criminelle à Valenciennes, par Th. Louis. Valenciennes. 1188.

«Отвѣчаетъ, что это не правда.

«Обвиняется въ томъ, что грозила Катеринѣ Ромбо, встрѣтивъ ее однажды на улицѣ, и что съ этихъ угрозъ названная Ромбо заболѣла страшною болѣзною, стала даже извергать хвостатыхъ червей, гусеницъ, уховертокъ и теперь еще испытываетъ послѣдствія этой болѣзни.

«Отвѣчаетъ, что это неправда, и можетъ доказать, что Катерина Ромбо была больна и прежде.

«Обвиняется въ томъ, что ласками околдовала ребенка господина Жана Мамбре, и что ребенокъ немедленно заболѣлъ и на другой день умеръ.

«Отказывается въ томъ, что ласкала его, и говорить, что была у обѣдни въ своемъ селѣ и тамъ узнала о смерти ребенка г. Мамбре».

Въ тѣхъ случаяхъ, когда колдунья не сознавалась, это считалось серьезнымъ доказательствомъ ея виновности; особенно, если испытанія, которымъ ее подвергали, говорили противъ нее. Испытаніе вѣсами основывалось на легкости соучастниковъ дьявола; но такое испытаніе, какъ не признаваемое многими богословами, было отброшено. Существовало также испытаніе водой: Колдунья, брошенная въ воду, всплываетъ. Впрочемъ, и поэтому вопросу мнѣнія раздѣлялись: нѣкоторые, напримѣръ, инквизиторы, полагали, что въ виду тяжеловѣсной натуры демона, колдунья должна не всплывать, а, напротивъ, идти ключомъ ко дну. Подобное испытаніе, обыкновенно практиковавшееся въ Германіи, по мнѣнію дель-Ріо, лишено всякаго основа-

нія, а Вирь называлъ мясниками тѣхъ, которые основывали обвиненіе въ колдовствѣ исключительно на этомъ признакѣ.

Третье испытаніе состояло въ изготовленіи особаго рода сыра изъ молока нѣсколькихъ коровъ, который затѣмъ протыкали иглой; этимъ способомъ заставляли обнаружиться печать дьявола, печать, которую онъ накладывалъ на лобъ колдуньи, когда несчастная отрекалась отъ крещенія. Испытаніе стилетомъ имѣло также большое значеніе. Тутъ дѣло шло о розысканіи нечувствительной части тѣла; дѣйствительно, дьяволъ, налагая свою лапу на человѣческое тѣло, лишалъ чувствительности то мѣсто, до котораго онъ касался; можно было колоть, жечь эту часть тѣла, изъ нея не выступала не единая капля крови и колдунья не испытывала ни малѣйшей боли. Чтобы обнаружить присутствіе такой анестезіи, палачъ втыкалъ глубоко въ тѣло подсудимой иглы и стилеты.

Испытаніе каленымъ желѣзомъ, состоявшее въ томъ, что подсудимую заставляли держать въ рукахъ раскаленное до-красна желѣзо, съ цѣлью узнать, произойдетъ ли ожогъ или нѣтъ, было почти совсѣмъ отвергнуто. Болѣе того, если колдунья предлагала подвергнуть себя такому испытанію, то это указывало, что она состоитъ подъ особымъ покровительствомъ дьявола и заслуживаетъ тѣмъ большаго подозрѣнія.

Отсутствіе слезъ считалось однимъ изъ главныхъ признаковъ. «Это сильная улика, такъ какъ жен-

щины плачутъ и охаютъ кстати и не кстати». Колдуньи не могутъ плакать; эта истина, извѣстная во всѣ древнія времена, подтверждается наиболѣе почтенными авторами. Иногда подсудимая, стараясь ввести судей въ обманъ, притворяется плачущей; хорошій инквизиторъ не долженъ, однако, довѣряться такому притворству. Ему даже рекомендуется производить специальное заклинаніе, съ цѣлью вызвать слезы. Опытомъ дознано, что если приходится имѣть дѣло съ настоящей колдуньей, то чѣмъ усиленнѣе заклинаніе, чтобы вызвать слезы, тѣмъ труднѣе онѣ показываются. Бываютъ, однако, случаи, по мнѣнію инквизиторовъ, когда колдуньи могутъ и плакать, но эти слезы служатъ только доказательствомъ коварства дьявола. Не поддаваясь такому обману, слѣдуетъ искать болѣе точныхъ свидѣтельствъ ихъ преступности.

Часто на всѣ заклинанія, отчитыванія, допросы и даже пытки колдунья отвѣчаетъ молчаніемъ. Это признакъ глубокаго, мрачнаго колдовства. Такое полное молчаніе—одна изъ самыхъ серьезныхъ препонъ, съ которыми приходилось имѣть дѣло инквизиторамъ. Чтобы устранить ее, нужно обречь подсудимую, потому что часто мрачное колдовство скрывается въ волосахъ колдуній. Необходимо осмотрѣть, нѣтъ ли у нея гдѣ нибудь какого талисмана или магическаго кольца и уничтожить немедленно, если таковой найдется; слѣдуетъ выбирать для допроса (т. е. для пытки) предпочтительно праздничные дни, въ которые заговоры

оказываются недѣйствительными, — зажигать свѣчи и стараться заставить подсудимую испить святой воды. Если же подсудимая будетъ продолжать упорствовать, тогда можно прибѣгнуть къ страшнымъ угрозамъ или обнадѣжить лъстивыми обѣщаніями. Шпренгеръ говоритъ это весьма ясно. Можно увѣрить колдунью, что ей даруютъ жизнь, съ тѣмъ конечно, чтобы не сдержатъ обѣщанія, если она окажется крайне преступной. Если бы несчастная женщина пожелала имѣть адвоката, судья можетъ въ томъ отказать, разъ преступность ея слишкомъ ясная. Если же судья согласенъ, можно допустить защиту.

Но сколькими оговорками обставлена эта защита! Прежде всего, имена свидѣтелей должны оставаться тайной; затѣмъ, судья предупреждаетъ адвоката, что если онъ защищаетъ неправо дѣло, то долженъ имѣть въ виду, что онъ это дѣлаетъ на свой страхъ и подъ своей отвѣтственностью; что онъ не долженъ громко кричать, не долженъ рассчитывать ни на какое вознагражденіе и что, наконецъ, если онъ во время защиты станетъ высказывать какія нибудь еретическія мысли, то судьи примутъ это къ свѣдѣнію. Кромѣ того, защитникъ колдуньи ни въ какомъ случаѣ не долженъ требовать другаго судопроизводства, кромѣ быстраго, спѣшнаго уголовнаго; наконецъ, ему запрещалось апеллировать или просить отсрочки. Таковы были права защиты; но булла папы Иннокентія VIII уничтожила и эти права; со времени

этой буллы колдуній судили безъ вмѣшательства адвокатской болтовни (а *strepitu avocatorum*).

Представьте же себѣ теперь несчастную, истеричную, полу-дикую и полу-умную крестьянку, большое воображеніе которой преслѣдуетъ ее смутными видѣніями, навѣянными суевѣрнымъ невѣжествомъ и болѣзнью. Ее хватаютъ, бросаютъ въ темную яму, а потомъ, вдругъ, послѣ трехдневнаго заключенія, приводятъ въ обширное помѣщеніе, обвѣшанное страшными орудіями пытки, и сдаютъ палачу. Вокругъ нее какіе-то грозные люди; они спрашиваютъ ее о видѣніяхъ, которыя ее такъ долго преслѣдуютъ; затѣмъ ее раздѣваютъ, сбиваютъ волосы, изслѣдуютъ острымъ желѣзомъ « всю ея шкуру », говорятъ ей о сатанѣ, о тайномъ ночномъ сборищѣ колдуній, о чарахъ. Показываютъ ей отвратительныя изображенія; приносятъ восковыя свѣчи, ризы, распятіе, евангеліе. Ахъ, она окаянная! она отбрасываетъ ихъ отъ себя съ ужасомъ; она бьется, кричитъ, хочетъ защищаться, всю ее ломаютъ отчаянныя конвульсіи. « Презрѣнная! это ты убила Петра, ты, дыханіемъ своимъ, наслала на Бригитту проказу. Сознайся; — ты съ ними говорила. — Я не колдунья. — Ты отняла молоко у коровъ Магдалины, наслала неурожай на поле Клавдія. Признайся, что ты колдунья. — Я ничего не знаю, говоритъ несчастная, совершенно одурѣвъ. — Признайся, и тебѣ даруютъ жизнь; признайся, и ты не будешь горѣть въ вѣчномъ огнѣ ада. — Я ничего не знаю ».

Во время этого допроса, она слышитъ зловѣщія приготовления. Вотъ застѣнокъ, желѣзный ошейникъ, колеса, «испанскіе сапоги», раскаленные желѣзные прутья, весь арсеналь людской злобы. «Ну! проклятая колдунья, на что ты надѣешься? За чѣмъ упорствуешь? Послушайся моего совѣта, сознайся тотчасъ же, что ты колдунья, говори сейчасъ, и перенеси лучше одну смерть, чѣмъ тысячи мучительныхъ смертей!» *).

Теперь, когда нравы наши стали мягче, съ трудомъ вѣрятся такія жестокости. Перренъ Данденъ, самъ по себѣ очень добрый человѣкъ, называлъ пытки вещью увеселительной, гдѣ

«Шутя, проходить часъ-другой».

Если не было никакого состраданія къ простому преступнику, то какое же чувство могла возбудить къ себѣ колдунья, запродавшая свою душу дьволу, отрекшаяся отъ своего Спасителя и принесшая столько зла Божьимъ созданіямъ! Только время отъ вре-

*) «Передъ началомъ пытки слѣдуетъ дѣлать видъ, что все готовится для пытки: разложить орудія пытки въ большомъ количествѣ, пучки веревокъ, и нѣкоторое время держать подсудимую подъ этимъ страхомъ. Полезно также, прежде чѣмъ вести ее на пытку, заставить кого нибудь крикнуть ужаснымъ голосомъ, какъ бы подъ вліяніемъ страшнаго страданія, и сказать подсудимой, что тамъ кого-то пытають; этимъ способомъ можно ее напугать и вызвать у нея признаніе. Я видѣлъ одного судью, лицо котораго было такъ ужасно и голосъ такой страшный, когда онъ грозилъ немедленно повѣсить, кто не сознается, что подсудимая тотчасъ же винулась, теряя всякое мужество».

мени проглядываютъ отдаленные признаки нѣкотораго смягченія. Такова булла папы Павла III, согласно которой пытка не должна продолжаться болѣе получаса; таковъ указъ короля Людвига XII — не подвергать пытокъ безъ серьезнаго основанія; таковы нѣсколько совѣтовъ дель-Рю, поступать осторожно и не подвергать подсудимыхъ пыткамъ, не собравъ достаточнаго количества уликъ.

Но вообще нигдѣ не видно и слѣда истиннаго чувства состраданія. «Необходимо, говорить дель-Рю, наименѣе жестокий изъ всѣхъ этихъ палачей, — чтобы пыткой не истязали подсудимую до смерти, чтобы она могла оставаться въ живыхъ, какъ на случай свободы, такъ и на случай казни». Однако, тутъ же прибавляетъ: «Что же касается раздробленія костей и сочлененій, то едва ли можно этого избѣгнуть во время пытки». Бодень, самый легковѣрный изъ нихъ и самый жестокий, говоритъ: «Въ Германіи существуетъ весьма дурной обычай не казнить подсудимаго, пока къ нему не возвратится сознаніе. Правда, тамъ подвергаютъ такимъ сильнымъ и жестокимъ пыткамъ, что человекъ остается на всю жизнь калѣкой!» Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Его растягивали на блокахъ съ такой силой, что палачи выбивались изъ силъ, затѣмъ вгоняли желѣзные остроконечники подъ ногти рукъ и ногъ — изъ всѣхъ это самая превосходная пытка, практикуемая въ Турціи».

Пытки существовали двоякаго рода: обыкновен-

ныя и чрезвычайныя. «Гуманность» судій въ томъ только и сказывалась, что они довольствовались обыкновенной пыткой, состоявшей прежде всего въ продолжительномъ лишеніи сна, — способъ, практикуемаго, кажется, и понынѣ въ Китаѣ, — пытка, которую сильно возбужденные выдерживали легко. За этимъ слѣдовало — вѣшаніе за шею или плечи, съ тяжелыми гирями, привязанными къ ногамъ; причемъ подсудимаго колодили и направляли на спину струю холодной воды, отчего онъ дѣлалъ невольныя движенія, увеличивающія его страданія. Иногда подсудимаго сажали верхомъ на трехгранное бревно, обращенное ребромъ кверху и привязывали къ ногамъ тяжелыя гири. Дыба употреблялась для выворачиванія конечностей. Ошейникъ, надѣвавшійся на шею, постепенно стягивался новыми веревками. Признаніе, которое вымогалось такими обыкновенными пытками, считалось «добровольнымъ». Въ случаяхъ же дальнѣйшаго упорства, прибѣгали къ ужаснымъ истязаніямъ. Разбивали молотами ноги, стягивали ступни веревками и вгоняли между ними деревянные клинья, вырывали груди, жгли руки, вытягивали конечности, дробили кости до того, что изъ нихъ выступала мозговина.

Наконецъ, наступаетъ минута, когда несчастная старуха, искалѣченная, окровавленная, подавленная страданіями, дѣлаетъ знакъ, чтобы перестали мучить и кричить: «Исповѣдь!»

Тогда ее всѣ окружаютъ и нотаріусъ (актуаріусъ)

записываетъ тщательно всѣ нелѣпости, въ которыхъ она признается. Затѣмъ все кончено— она призналась въ преступленіи. Остается только казнить ее.

Судъ надъ Арнулеттой Дефранъ, въ Валенсіеннѣ, можетъ служить образцомъ краткости:

«Названная Арнулетта отказывалась сказать правду, почему судьи приказали подвергнуть ее пыткѣ чрезъ ошейникъ, во время каковой пытки ее вновь стали допрашивать въ слѣдующемъ порядкѣ:

«Допросъ Арнулетты во время ея пытки:

«Правда ли, что она испортила Катерину Ромбо. вслѣдствіе чего та стала извергать всякую нечисть, вродѣ хвостатыхъ червей, гусеницъ и тому подобное, а изъ ушей выходили уховертки, и что наслала на нее такое количество вшей, что они сидѣли у нея даже на пальцахъ.

«Отказывается.

«Скрутили ей ноги новыми веревками и связали руки назадъ, посадили на скамейку съ ошейникомъ на шеѣ; при этомъ она нѣсколько разъ вскрикнула. Вновь ее стали вынуждать сказать правду.

«Продолжала отпираться.

«Не дотронулась ли она однажды до мужа вышеназванной, съ каковаго времени онъ заболѣлъ и, проболѣвъ восемь мѣсяцевъ, умеръ?

«Отвѣчаетъ, что неправда и что не знаетъ, что хотятъ этимъ сказать.

«Обвиняется въ томъ, что у нея на различныхъ мѣстахъ тѣла наложена печать дьявола, именно за правымъ ухомъ, на правомъ плечѣ и бедрѣ.

«Отвѣчаетъ, что это неправда, и громко кричить, жалуясь на претерпѣваемые страданія, причемъ, однако, не проливаетъ ни одной слезы, хотя и притворяется плачущей.

«Побуждаемая сказать правду,

«Продолжаетъ отпираться.

«Будучи нѣсколько болѣе обезпкоена возобновленіемъ пытки, признается, что она колдунья.

«Спрошенная, съ какого времени, отвѣчала, что уже двѣнадцать или пятнадцать лѣтъ, какъ дьяволъ явился ей въ образѣ молодаго человѣка, одѣтаго въ коричневое платье и спросилъ ее—не желаетъ ли она сдѣлаться его любовницей; на что она отвѣтила: да. Тогда онъ показалъ полную шляпу денегъ и провелъ съ ней около часу, во время котораго говорилъ съ ней, какъ обыкновенно говорятъ любовники... Уходя, онъ далъ ей понять, что онъ дьяволъ и назвалъ себя Верделе».

Въ виду такого признанія, Арнулетта была удушена и сожжена. Вотъ приговоръ:

«Разсмотрѣвъ предварительное уголовное дѣло, возбужденное противъ Арнулетты Дефранъ, разсмотрѣвъ предлагавшіеся ей вопросы и ея отвѣты, изложенные нижеподписавшимся главнымъ судьей Леконтомъ, уличающими ее въ томъ, что она отказалась отъ Бога, святой Дѣвы, святаго таинства крещенія и прочаго, чтобы сдѣлаться колдуньей и посвятила себя служенію дьявола, лѣтъ двадцати пяти-шести,—что бывала нѣсколько разъ на пляскахъ и ночныхъ сборищахъ, куда переносилъ ее

дьяволь, ея любовникъ, которато она называетъ Верделе и гдѣ она производила гнусныя дѣянiя, приличныя колдунамъ, — что послѣ того, какъ она вступила въ связь съ сатаной, она дала порошокъ г-ну Пакье, отъ котораго онъ томился въ теченiи шести мѣсяцевъ и наконецъ умеръ, — что такимъ же способомъ испортила Катерину Ромбо, чтобы заставить ее томиться долгие годы, отъ чего та и теперь еще не избавилась... Кромѣ того, возвращаясь съ шабаша, она иногда посыпала тѣмъ же порошкомъ постѣвы, насылая на нихъ градъ и мглу, по просьбѣ и приказанiю вышеназваннаго Верделе, ея любовника. А такъ какъ она еще именуется себя королевой колдуновъ, то въ наказанiе за таковыя ужасныя и отвратительныя преступленiя, готовится: вывести ее изъ тюрьмы на рынокъ, передъ городской ратушей, и тамъ, на эшафотѣ, возведенномъ съ этою цѣлью, удавить ее и немедленно сжечь. 23 марта 1603 года».

Не подлежитъ сомнѣнiю, что въ международныхъ архивахъ старинныхъ городовъ Францiи, Германiи и Испанiи, можно было бы найти весьма любопытныя и интересныя документы относительно исторiи колдовства. Къ сожалѣнiю, подобныхъ работъ сдѣлано еще мало. Въ національномъ архивѣ въ Парижѣ, я нашелъ коллекцiю подобныхъ документовъ относящихся къ Монбельяру, тогда еще имперскому городу. Изъ этихъ документовъ, которые стоило бы опубликовать, видно, что имперское правосудiе также сурово поступало съ кол-

дуньями, какъ и правосудіе французскаго короля или инквизиціи. Съ 1617 до 1620 года, въ этомъ городѣ было сожжено двѣнадцать колдуній:

Вотъ приговоръ надъ одной изъ нихъ (1618). «Призвавъ сперва имя Божіе, мы приговорили названную Піеротту, за ея чародѣйства, богохульства, богоотступничество и другія преступленія, въ которыхъ она вполнѣ уличена, предать ее въ руки исполнителя верховнаго правосудія, чтобы онъ лично, на томъ мѣстѣ, гдѣ, по обычаю, казнятъ злодѣевъ, предаль смерти—сжегъ живою, и тѣло ея превратилъ бы въ пепель. Всѣ издержки отнести на ея счетъ; кромѣ того, все ея имущество конфисковать въ пользу его высочества».

Счетъ палача не особенно великъ, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ:

«Въ уплату за трудъ, что онъ пыталъ покойную Жаппи (Ришарду), прибывъ съ этою цѣлью въ Блашонъ, гдѣ прожилъ цѣлыхъ три дня 9 фр.

«Въ уплату за трудъ ему же, вслѣдствіе вторичной поѣздки въ Блашонъ, съ тою же цѣлью пытать женщину Жаппи 3 фр.

«Въ награду за его труды по сожженію и приведенію въ пепель тѣла женщины Жаппи 3 фр.»

На поляхъ приписано — nihil: совѣтъ, признавъ выставленные цѣны слишкомъ высокими, опредѣлилъ: «Впредь палачъ долженъ получать 4 фр. за совершеніе смертной казни, а за пыта-

ніе ошейникомъ, кнудомъ и всякими другими способами—2 фр.».

Въ общей сложности расходы по одному судопроизводству за колдовство, съ уплатою судьямъ и т. д. доходили въ Монбельярѣ въ 1620 году приблизительно до 350 франковъ.

Казни продолжались еще до 1660 года. Однако, къ этому времени нравы уже нѣсколько смягчаются. Въ 1656 году приговоръ колдуньи Тибо былъ смягченъ... «Предпочитая милосердіе суровости закона, объявляемъ, въ видѣ смягченія, что ей будетъ отрублена голова». Въ 1654 году, колдунья, которую приговорили къ сожженію живою, стала умолять, чтобы ей было дозволено приобщиться святыхъ тайнъ, высказывая при этомъ искреннее раскаяніе, и ея просьба была уважена. Послѣ 1660 года (въ этомъ году еще сожгли двухъ колдуній), въ Монбельярѣ уже не встрѣчается болѣе смертной казни за колдовство.

Да, исторія этого проплаго — кровавая исторія, но не слѣдуетъ трусливо отвращиваться отъ нея, а напротивъ, необходимо, взглянуть ей прямо въ лицо, чтобы вполне оцѣнить всѣ благодѣянія терпимости. До какихъ нелѣпостей и какой жестокости доходили въ тѣ времена, можно видѣть изъ слѣдующихъ двухъ выдержекъ изъ сочиненія Бюге *), великаго судьи Бургундскаго графства

*) Discours exécrationnels des sorciers, ensemble leurs procès faits depuis deux ans en divers endroits de la France, avec une instruction pour un juge en fait de

(въ подобныхъ случаяхъ подлинныя слова важнѣе всякихъ каментарій).

«Въ субботу 5-го июня 1598 года, восьмилѣтняя Луиза вдругъ лишилась способности владѣть своими членами въ такой степени, что должна была ползать на четверинкахъ, и, кромѣ того, ей страшнымъ образомъ перекосило весь ротъ на сторону; это состояніе продолжалось нѣсколько дней, пока ея отецъ и мать не догадались, что она одержима и не свели ее въ церковь Спасителя, чтобы подвергнуть заклинаніямъ. Тамъ объявились въ ней пять дьяволовъ: «волкъ», «котъ», «собака», «милый» и «грифъ». Когда священникъ спросилъ дѣвочку, кто испортилъ ее, она указала на тутъ же стоявшую Франсуазу Секретень. Въ этотъ день такъ дьяволы изъ нея и не вышли... На другой день, на разсвѣтъ, дѣвочка, чувствуя себя еще хуже обыкновеннаго, вдругъ нагнулась къ землѣ и тогда дьяволы вышли у нея изо рта, въ видѣ клубка, величиною съ кулакъ, красные какъ огонь, за исключеніемъ «кота», совершенно чернаго. Двое изъ нихъ, которыхъ дѣвочка считала умершими, вышли послѣдними и не съ такой силой. Всѣ эти дьяволы, очутившись на свободѣ, принялись кувиркаться вокругъ огня и затѣмъ исчезли; съ той поры дѣвочка стала чувствовать себя лучше». Это образчикъ нелѣпости.

sorcellerie, par Henry Boguet, grandjuge au comté de Bourgogne, Bouen, chez Romain de Reauvais, in 12. 1603.

А вотъ образчикъ жестокости: «Клавдія-Жанна Гюильомъ, преданная сожженію живой, три раза отрывалась и выскакивала изъ огня, такъ что наконецъ палачу пришлось пришибить ее доской. Антуанета Годильонъ, выслушавъ свой смертный приговоръ, стала умолять нѣсколько разъ, чтобы ее не мучили, а дали бы поскорѣе умереть, вслѣдствіе чего и было отдано соотвѣтствующее приказаніе. Тѣмъ не менѣе она мучилась долѣе остальныхъ: всѣ шесть человѣкъ, сожженныхъ вмѣстѣ съ нею, въ томъ числѣ ея отецъ и ея братъ, умерли раньше ее».

Виръ, единственный человѣкъ среди всѣхъ этихъ палачей, не можетъ воздержаться отъ крика ужаса: «Нѣтъ, говорить онъ, эти колдуньи не виновны! Сознаніе, исторгнутое пыткой, не можетъ быть искреннимъ! Онѣ лгутъ, чтобы избѣгнуть ужасныхъ страданій и сознаются въ преступленіяхъ, которыхъ никогда не совершали!» Честь и слава Виру, который въ вѣкъ фанатизма съ опасностью жизни защищалъ священную идею гуманности. Усилія его были однако бесплодны. Послѣ него, такъ же какъ и до него, кровь невинныхъ продолжала «литься рѣкой». Но среди такого торжества неправды, этотъ человѣкъ былъ предвѣстникомъ грядущаго правосудія.

II.

СУДЫ НАДЪ КОЛДУНЬЯМИ И ЭПИДЕМІЯ ВЪСНОВАНІЯ.

Изложивъ мнѣнія и нравы людей среднихъ вѣковъ относительно колдуній и демонической одержимости, мы теперь перейдемъ къ исторіи крупныхъ судебныхъ дѣлъ о колдовствѣ. Здѣсь уже намъ не придется основываться на теологическихъ трактатахъ о бѣснующихся или на разсужденіяхъ о привидѣніяхъ. Передъ нами свидѣтельства современниковъ: письменныя реляціи и записки. Такимъ образомъ является возможность съ достовѣрностью обсудить причины прежнихъ суевѣрій, разъяснить нѣкоторые пункты и установить до полной очевидности соотношеніе между истерикой и колдовствомъ.

Тѣ, которымъ приходится иногда фантазія отвергать прогрессъ, должны сознаться, что это въ сущности нелѣпный парадоксъ. Мы считаемъ нынѣ беззаконіемъ то, что въ то время, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, считалось правосудіемъ, и называемъ варварской жестокостью то, въ чемъ тогда видѣли законныя мѣры. Нравы и даже идеи измѣнились въ такой степени, что намъ трудно воздержаться отъ невольнаго чувства негодованія къ судьямъ XVII вѣка. Не будемъ, однако, слишкомъ пристрастными. Ошибки судій прошлыхъ временъ — всемірныя ошибки, за нихъ должно отвѣчать все столѣтіе. Намъ, судящимъ этихъ судій, надлежитъ

быть снисходительнѣе ихъ, надлежитъ съумѣть отнестись къ нимъ съ той справедливостью и тѣмъ милосердіемъ, которыхъ они не умѣли проявить къ колдуньямъ.

Одна изъ самыхъ знаменитыхъ колдуній была Жанна д'Аркъ. Хотя прошло ужь четыре вѣка со времени этого великаго событія, но оно до сихъ поръ еще живо въ сознаніи націи. Захваченую въ плѣнъ измѣной въ Компіенѣ и проданную затѣмъ ея врагамъ—англичанамъ, эту дѣвушку-героя привели въ Руанъ, гдѣ, послѣ нѣсколькихъ недѣль тяжкаго заточенія, она предстала передъ судомъ духовныхъ судій, специально избранныхъ для ея осужденія. Англійскій кардиналъ Винчестеръ и Кошонъ, епископъ Воуе, были заклятыми врагами дѣвы; одинъ изъ нихъ, воодушевленный какимъ-то фанатическимъ патріотизмомъ, а другой—бѣшенымъ честолюбіемъ. Сперва Жанну судятъ за колдовство. Въ самомъ дѣлѣ, чему можно было приписать такія блестящія побѣды, какъ не дьяволу; которому вздумалось чрезъ посредство колдуньи изгнать англичанъ изъ Франціи? Но простые чистосердечные, глубокіе отвѣты Жанны приводятъ судей въ смущеніе. Они обращаются тогда за содѣйствіемъ въ парижскій университетъ. Отвѣтъ не заставилъ себя долго ждать. Богословскій факультетъ рѣшилъ, что дѣва отдалась дьяволу, что она непочтительна къ своимъ родителямъ и жаждетъ христіанской крови. Однако, это гнусное обвиненіе было до того несправедливо, что

судьи не рѣшились произнести приговора. Англійскій король прислалъ специально Уарвика, съ порученіемъ поторопить судъ. Англичане находились въ страхѣ; они трепетали передъ этой бѣдной, безпомощной дѣвушкой, такъ часто обращавшей ихъ въ бѣгство. Слѣдовало осудить ее во что бы то ни стало. Прибѣгли къ гнусному обману, чтобы заставить Жанну одѣться въ мужское платье, и это—главное обвиненіе, которое могло быть сдѣлано противъ нее. Ее объявили еретичкой, раскольницей, богоотступницей, язычницей и, перечисляя ея преступленія—расколъ, идолопоклонство, вызываніе дьяволовъ—присудили быть заживо сожженной (1431).

Собственно говоря, обвиненіе въ колдовствѣ было сдѣлано для формы. Настоящее же преступленіе Жанны состояло въ томъ, что она выгнала англичанъ и спасла французскую націю. Однако, эклектическіе писатели того времени, какъ французскіе, такъ и англійскіе, въ одинъ голосъ утверждали, что Жанна была дѣйствительно колдуньей, и что она совершила договоръ съ дьяволомъ. Доминиканецъ Нидеръ передаетъ о своемъ разговорѣ по этому поводу съ Николаемъ Амичи (Миди), магистромъ богословія, делегатомъ парижскаго университета при руанскомъ судѣ: Жанна признавалась, что съ ней часто бесѣдоваль ангелъ Божій; по мнѣнію же самихъ ученыхъ богослововъ, этотъ ангелъ не могъ быть никѣмъ инымъ, какъ лукавымъ духомъ. Стало быть Жанна была настоящая

чародѣйка, вѣщунья, и сожжена именно какъ колдунья. По этому поводу Нидеръ приводитъ одинъ, вообще мало извѣстный фактъ: Спустя нѣкоторое время послѣ смерти Жанны д'Аркъ, двѣ молодыя дѣвушки въ Парижѣ распустили слухъ, что онѣ присланы Богомъ, продолжать дѣло Орлеанской Дѣвы. Но ихъ вскорѣ схватили и обвинили въ чародѣйствѣ и колдовствѣ. Доктора богословія, допрашивавшіе ихъ, легко нашли доказательства, что онѣ были обмануты дьяволомъ. Одну изъ этихъ несчастныхъ сожгли заживо, а другую, которая раскаялась и призналась, что ее вдохновилъ сатана, а не ангелъ Божій — простили.

Съ этого времени до половины XVI вѣка колдовство во Франціи встрѣчается рѣдко. Зато появляются въ большомъ количествѣ оборотни, люди-волки (*loup-garous* *)). Этихъ оборотней можно причислить къ колдунамъ, потому что они весьма походятъ на нихъ. Иногда, впрочемъ, оборотнемъ бываетъ самъ сатана или же настоящій волкъ, но заколдованный дьяволомъ. Въ большинствѣ же случаевъ, это колдунъ превратившійся въ звѣря и бѣгающій въ такомъ видѣ по деревнямъ, чтобы причинить больше вреда христіанамъ. Старинные французскіе писатели говорятъ со страхомъ объ этихъ

*) По мнѣнію Литтре, слова *garou*, *garwall*, *gerulphus* происходятъ отъ германскаго слова *werewolf* (*vir vulpes* — человѣкъ-волкъ); *loup-garou*, стало быть, означаетъ: волкъ — человѣкъ-волкъ.

людяхъ-волкахъ (loup-garous, garwalls), которые пожираютъ маленькихъ дѣтей.

Hommes plusieurs garwalls devinrent:
 Garwall, si est beste sauvage;
 Tant comme il est en belle rage,
 Hommes devore, grand mal fait,
 Es grands forêts converse et vait *).

Психіатры называютъ эту спеціальною форму безумія, когда несчастные больные воображаютъ себя превращенными въ звѣрей, ликантропіей (ликантропъ—человѣкъ-волкъ). Въ тѣ времена невѣжества и нищеты, ликантропія отличалась эпидемическимъ характеромъ. Многіе воображали себя обросшими шерстью, вооруженными ужасными когтями и клыками, и утверждали, что во время своихъ ночныхъ скитаній, они разрывали людей, животныхъ и въ особенности дѣтей. Нерѣдко ловили въ деревняхъ ликантроповъ, бѣгавшихъ начетверинкахъ, подражавшихъ вою волковъ и уносившихъ куски падали, покрытые грязью и кровью.

Когда подозрѣвали присутствіе оборотня около деревни, устраивали общую облаву, чтобы схватить его и убить. Калмейль въ своемъ сочиненіи объ эпидемическомъ сумасшествіи, сочиненіи столь богатомъ важными документами, приводитъ постанов-

*) Много людей сдѣлались гарваллями:
 Гарваль, это звѣрь дикій;
 Который, когда на него нападаетъ бѣшенство,
 Пожираетъ людей и много творитъ бѣдъ,
 Живя и скрываясь въ большихъ лѣсахъ.

леніе Дольскаго парламента относительно охоты на ликантроповъ (1573):

«Въ виду полученныхъ верховнымъ судомъ Дольскаго парламента, испанской территоріи, свѣдѣній, что часто видятъ и встрѣчаютъ человѣка-волка, похитившаго уже нѣсколькихъ маленькихъ дѣтей, которыхъ затѣмъ болѣе не видали, и нападавшаго въ полѣ на нѣкоторыхъ всадниковъ... названный судъ, въ предупрежденіи большаго зла, разрѣшилъ и разрѣшаетъ жителямъ этихъ и другихъ мѣстъ, не взирая на существующіе законы объ охотѣ, собраться съ рогатинами, аллебардами, пиками, пищалями, дубинами, и учинить охоту по названному оборотню, преслѣдовать его всюду, гдѣ только можно его найти, поймать, связать и убить, не отвѣчая за это никакимъ штрафомъ или взысканіемъ».

Нѣсколько времени спустя (1574), Дольскій парламентъ распорядился сжечь несчастнаго безумца, Жиль Гарнье, который бѣгалъ въ лѣсу на четверинкахъ и ѣлъ маленькихъ дѣтей, «даже по пятницамъ», прибавляетъ наивно судебный приговоръ.

Въ большинствѣ случаевъ, ликантропія проявлялась не на одномъ субъектѣ, а напротивъ, многіе изъ жителей той же мѣстности дѣлались одновременно жертвами этого рода сумасшествія. Въ юрскомъ департаментѣ, тамъ гдѣ Богюе ввелъ свое страшное правосудіе, было много оборотней, такъ что почти всѣ колдуны воображали себя обращенными въ волковъ бѣгающихъ ночью по полямъ, выкапывающихъ

трупы, ловащихъ маленькихъ дѣтей и вступающихъ въ союзъ съ волчицами.

Оборотни тѣмъ отличаются отъ волка, что у нихъ шерсть не снаружи, а между кожей и мясомъ (С. Гулярдь): «Оборотни бѣгають также быстро какъ волкъ, что нисколько не удивительно, такъ какъ сила нечистаго вполне угодобляетъ ихъ волку. Когда они ходять, они оставляють по себѣ волчьи слѣды. Глаза у нихъ страшные и свѣтящїеся, какъ у волковъ; они производять такія же звѣрства и опустошенїя какъ волки, душатъ собакъ, перекусываютъ зубами горло у маленькихъ дѣтей, любятъ человѣческое мясо, какъ волки и обладаютъ достаточной смѣлостью и ловкостью, чтобы въ глазахъ людей, творить подобныя вещи. Когда они бѣгають вмѣстѣ, то имѣють привычку дѣлить между собою добычу. Когда они сыты, они воють, призывая другихъ».

Оставимъ эти басни. Ликантропы были просто несчастные безумцы, проживавшіе, подобно дикарямъ, въ лѣсахъ и поляхъ. Развѣ недавно еще не былъ найденъ въ одномъ департаментѣ Франціи совершенно нагой человѣкъ, проживавшій въ лѣсу какъ дикій звѣрь и оказавшійся совершенно невиновнымъ существомъ, хотя и внушавшій суевѣрный страхъ жителямъ сосѣднихъ деревень, которые знали его только по наслышкѣ или иногда видѣли его издали. Въ XVI вѣкѣ, когда невѣжество было еще такъ велико, когда лѣса были совсѣмъ непро-

ходимы, а поля гуляли, дикіе люди, очевидно умышленные, воображавшіе себя, подъ вліяніемъ особаго бреда, звѣрями, встрѣчались нерѣдко. Де-Ланкръ, видѣвшій одного изъ этихъ несчастныхъ, осужденныхъ Бордоскимъ парламентомъ, такъ описываетъ его наружность: «Это былъ молодой парень, приблизительно двадцати-одного года, небольшого роста, скорѣе маленькаго по своимъ лѣтамъ. Его свирѣпыя, впалые черные глаза трусливо поглядывали по сторонамъ. Будучи пастухомъ, онъ не отличался умомъ. Зубы его длинные, рѣдкіе и шире обыкновенныхъ, но не выступаютъ наружу; ногти также длинные, и нѣкоторые изъ нихъ совершенно черные, какъ бы на половину стертые и сидятъ глубже остальныхъ. Но что ясно обнаруживало въ немъ человѣка-волка, это то, что онъ всего охотнѣе бѣгалъ на четверинкахъ, хваталъ дѣтей и собакъ за горло, скакалъ черезъ рвы, подобно четвероногимъ животнымъ. Онъ также сознался мнѣ, что питаетъ склонность къ дѣтскому мясу, въ особенности мясу маленькихъ дѣвочекъ, говоря что оно нѣжнѣе».

Этотъ несчастный Жанъ Гарнье, идиотъ, какъ по всему видно, былъ приговоренъ къ вѣчному заточенію, но онъ умеръ въ слѣдующемъ году. (XIX).

Въ концѣ XVI вѣка, эпидемія бѣснованія усиливается, а съ нею вмѣстѣ учащаются и казни. Онѣ происходятъ въ Эльзасѣ (1541), въ Кельнѣ (1564), въ Салонѣ (1574). въ Тулузѣ (1577), въ

Лотаринги (1580), въ Юрѣ (1590), въ Бранденбургѣ (1590) и въ Беарнѣ (1605)*).

Эта эпидемическая демономанія была просто эпидемическимъ безуміемъ. Мы скоро возвратимся къ тому, что слѣдуетъ подразумѣвать подъ эпидемическимъ безуміемъ. Замѣтимъ пока, что оно породило ужасныя судилища.

«Число колдуновъ, судимыхъ тулузскимъ сенатомъ въ 1577 году, значительно превышало число всѣхъ остальныхъ преступниковъ, осужденныхъ тѣмъ же судомъ въ теченіи двухъ лѣтъ. Многіе изъ нихъ были приговорены къ болѣе или менѣе жестокиимъ наказаніямъ; около четырехъ сотъ были сожжены, и, что весьма удивительно, почти на всѣхъ оказалась печать дьявола». (Григорій Тулузскій).

Приблизительно около этого же времени въ Савоѣ сожгли множество колдуновъ (1574 г.). Ламбертъ Дано**), излагая вкратцѣ ихъ исторію, раз-

*) По вопросу о нѣкоторыхъ изъ этихъ эпидемій, рекомендую ознакомиться съ прекраснымъ сочиненіемъ Кальмейля: (*La Folie considérée sous le point de vue pathologique, historique et judiciaire*. 2 части; Парижъ 1855) въ которомъ, относящіяся сюда данныя изложены съ полнымъ знаніемъ и проникательностью. Можно тоже просмотрѣть любопытный и поучительный трудъ С. Гуляра (изъ Санлиса): *Histoires admirables et memorables de notre temps*; Paris; chez Jean Houzé 1600, I, 1-re par., p. 47—61.

**) *Deux Traités nouveaux très utiles pour ce temps. Le premier touchant les sorciers, augmenté de deux procès extraits des greffes pour l'eclaircissement et confirmation. Le second contient une brève remon-*

сказываетъ, что въ теченіи одного года въ одномъ городѣ Валери сожгли болѣе восьмидесяти колдуновъ. «Въ Савоѣ, ихъ называютъ Eryges, отъ слова, какъ мнѣ кажется, Eripnis обозначавшаго дьявольщину, адскую фурію и желаніе кого-нибудь убить; другіе же называютъ ихъ Iriges, отъ греческаго слова Irynx, обозначавшаго различные виды мерзкихъ, страшныхъ птицъ, летающихъ только по ночамъ, подобно, колдунамъ, отправляющимся въ свою синагогу».

Вообще эти колдуны были несчастные пастухи и притомъ «въ такомъ количествѣ, что оказалось невозможнымъ переловить ихъ всѣхъ, не смотря на тщательные розыски и строжайшія мѣры». Сюда однако принадлежали не только люди изъ простонародія, но и «дворяне, благородные дѣвицы, ученые, люди получившіе образованіе». Дано прибавляетъ, что въ Савоѣ колдовство вкоренилось сыздавна, и что съ самаго Иринея эта страна славится своими колдунами. Мы достаточно говорили о судахъ надъ колдуньями, чтобы не повторять здѣсь того же самого о судахъ въ Савоѣ — тоже сумосбродство, тоже признаніе фантастическихъ видѣній, черныхъ, бѣлыхъ, зеленыхъ дьяволовъ, дающихъ заколдованные порошки, тѣже пытки и костры въ видѣ эпилога.

О судахъ надъ колдуньями въ Лотарингіи (1580—

trance sur les jeux de cartes et de dés, chez Jacques Baumet. 1569.

1595 г.) намъ извѣстно изъ сочиненія Николая Реми *). Реми, какъ видно изъ самаго заглавія его книги, мало снисходителенъ къ колдуньямъ. Подобно современникамъ, онъ замѣчательно легковѣренъ. Онъ вѣритъ въ дьявола и имѣетъ на то вѣскія основанія, такъ какъ во время своей юности, когда онъ однажды всю ночь игралъ въ кости съ товарищами, въ Тулузѣ, какой-то дьяволъ потѣшался тѣмъ, что швырялъ имъ подъ ноги камня, чѣмъ сильно мѣшалъ имъ. По истинѣ этотъ дьяволъ былъ не изъ худшихъ: хотя онъ и надоѣдалъ игравшимъ, по крайней мѣрѣ не причинилъ имъ никакого вреда. Реми выводитъ отсюда, что дьяволъ находится всюду...

Придавая столько вѣры дьяволу, переставали вѣрить въ Бога.

Въ Лотарингіи, Реми нашель дьявола. Но на этотъ разъ ему пришлось съ нимъ бороться и Реми, дѣйствительно, не позволилъ ввести себя въ обманъ. Самыя ничтожныя признаки наводятъ его

*) Николай Реми, приближенный совѣтникъ свѣтлѣйшаго герцога Лотарингскаго: *Démonolâtrie d'après les jugements, suivis de mort, d'environ neufcents personnes qui, pendant l'espace de quinze ans en Lorraine, payèrent de leur vie leur crime de sortilège*; Кельнъ, у Генриха Фалкенбурга, 1596 г. (Bibl. nat R. 2569). Въ той же книгѣ находится трактатъ Георга Пиктора, доктора-медицины имперской куріи въ Энфисгеймѣ (Верхній Эльзась): *des Démons qui se réunissent à certaines périodes lunaires, et un Abrégé de magie cérémoniale*, 1562.

на слѣды сатаны. Однажды Екатерина раздувала горящій уголь передъ лицомъ Лоллы, которая была беременна. Благодаря такому колдовству, Лолла немедленно почувствовала родильныя боли и едва успѣла дотащиться домой, чтобы родить. Екатерину схватили и сожгли, какъ колдунью. Жанна беретъ раковину улитки и растираетъ ее въ порошокъ; этимъ порошокомъ она извела всѣхъ овецъ Варвары. Реми вдается по этому поводу въ научныя разсужденія. Быль-ли этотъ порошокъ вреденъ самъ по себѣ, или здѣсь участвовала злая воля? Не то ли же самое, что съ источникомъ у Дадона, о которомъ говоритъ Плиній: гдѣ угасавшій свѣточъ загорался, а загоравшійся — угасалъ?

Такъ какъ ученый лотарингскій совѣтникъ ни на чемъ опредѣленномъ не остановился, то и намъ позволительно оставить этотъ вопросъ безъ отвѣта.

Путешественники ночью сбились съ пути: это старуха, съ которою они только что повстрѣчались околдовала ихъ. Реми болѣе всего заботитъ вопросъ о дѣйствии волшебныхъ порошоконъ на здоровье. Онъ съ самодовольствіемъ распространяется по этому поводу, отыскивая примѣры у древнихъ, и въ особенности зачитывается «Золотымъ Осломъ» Апулея, принимая за чистую монету вымыселъ латинскаго, романиста. Что болѣзнь происходитъ отъ естественныхъ, простыхъ причинъ, этого Реми никакъ не можетъ допустить. Усердно отыскивая, онъ въ концѣ концовъ всегда находилъ колдунью. Крестьянинъ занозилъ себѣ ногу, колдунья растрвила ему рану.

Рана заживаетъ — это потому что колдунья испугалась. Ребенокъ, стоя у окна, потянулся впередъ, чтобы достать птичье гнѣздо; онъ падаетъ и умираетъ отъ ушиба. Не явное-ли тутъ вмѣшательство колдовства?

Наибольшее зло этихъ нелѣпостей, что онѣ всегда кончались пылающимъ костромъ.

Колдунья, заставившая ребенка свалиться съ окна, была старая нищенка, по прозванію ослопаска. Ее хватаютъ, допрашиваютъ, пытаются. Во время ужасныхъ пытокъ, несчастная, безумная старуха, съ дыбѣмъ вставшими на головѣ волосами, неподвижно глядитъ оцѣпенѣвшимъ взоромъ въ уголъ комнаты: «Вотъ дьяволъ, говоритъ она, мой маленький властелинъ (*magistellus*); онъ смотритъ на меня. Какой свирѣпый видъ; пальцы крючкообразны и раздвоены какъ клешни у рака; на лбу два прямыхъ рога». Напрасно напутанный Реми тарачитъ глаза, чтобы увидеть сатану; онъ ничего не видитъ. Хитрый дьяволъ — онъ показался только своей сообщницѣ, ослопаскѣ. Такую вредную колдунью слѣдовало сжечь; ее и сожгли.

Въ числѣ женщинъ, которыхъ сжигали, однѣ были сумасшедшія, другія истеричныя. Поэтому печать дьявола, т. е. анестезію и находили у большинства изъ нихъ. Эту печать искали съ тѣмъ большимъ рвеніемъ, что она считалась самой серьезной уликой колдовства, и никакое признаніе не могло равняться съ слѣдомъ лапы сатаны. Реми весьма основательно замѣчаетъ, что нечувствительность весьма часто сопровождается анеміей.

Сколько бы ни кололи и не рѣзали тотъ участокъ кожи, на которую дьяволъ наложилъ свое клеймо, едва показывается капля-другая крови, тогда какъ вокругъ дьявольскаго знака, при малѣйшемъ пораненіи, кровь показывается въ изобиліи. Наконецъ, анестезія распространяется только на кожу; части, глубже лежащія не утрачиваютъ своей чувствительности.

Чтобы избѣгнуть страданій отъ пытки и костра, многіе подсудимые искали спасенія въ самоубійствѣ. Самоубійство самое обыкновенное явленіе среди сумасшедшихъ и истеричныхъ. Часто это удавалось, благодаря содѣйствію дьявола. Прибѣгали и къ другимъ средствамъ, чтобы избѣгнуть страданій во время пытки, именно, къ натиранію всего тѣла дьявольскими мазями или сатаническими порошками (вѣроятно состоящими изъ мандрагоры и белладонны). Случалось даже, что сами тюремщики продавали подсудимымъ эти мази, благодаря которымъ послѣдніе легче переносили страданія, о чемъ Реми, конечно, весьма скорбѣлъ. Онъ въ особенности удивлялся тому, что нѣкоторыя женщины, въ то время какъ ихъ подвергаютъ самымъ ужаснымъ истязаніямъ, впадаютъ въ состояніе летаргіи, лишаящей ихъ всякой чувствительности. По всему вѣроятію, эта дьявольская летаргія была ничто иное, какъ послѣдній періодъ демоническаго припадка, тождественнаго съ описаннымъ нами выше, въ первой части этого труда.

Въ концѣ своей книги Реми обрушивается на нечестивцевъ, оказывающихъ снисхожденіе кол-

дуньямъ. Горе тѣмъ, кто старается смягчить наказаніе за столь отвратительное и страшное преступленіе, ссылаясь въ извиненіе на лѣта, полъ, неопытность и страхъ подсудимыхъ! «Такія нечестивыя дѣянія, такія чародѣйства, такія безобразныя страсти должны быть караемы всѣми существующими пытками и сожженіемъ на кострѣ».

Мы имѣемъ весьма точныя свѣдѣнія объ эпидемической демономаніи въ Юрѣ, благодаря Богюе, которому, къ несчастію, пришлось судить множество колдуновъ въ этой странѣ. Богюе, какъ и всѣ его современники, въ особенности судьи, слѣпо вѣрилъ въ дьяволовъ и ихъ силу. Эта сила безгранична: «Ни одинъ богословъ не въ состояніи толковать священное писаніе лучше ихъ (дьяволовъ); нѣтъ такого опытнаго юрисконсульта, который лучше ихъ зналъ бы законы о духовныхъ завѣщаніяхъ, контрактахъ и всевозможныхъ искахъ; нѣтъ ученаго, который лучше ихъ былъ бы знакомъ съ природою неба, звѣздъ, птицъ, рыбъ, деревьевъ, металловъ и камней». Дьяволъ знаетъ все. Дьяволъ все можетъ. Вотъ основная аксіома, вотъ исходный пунктъ всѣхъ приговоровъ мудраго Богюе. Поэтому, чѣмъ нелѣпѣ обвиненіе, тѣмъ оно кажется ему правдоподобнѣе. Онъ рассказываетъ весьма серьезно цѣлую исторію о яблокѣ, лежавшемъ на краю сруба колодца и издававшемъ такой ужаснѣйшій шумъ, что мимо его боялись проходить; къ счастью, какой-то смѣльчакъ взялъ длинный шестъ и сбросилъ яблоко въ озеро. Почему это яблоко издавало такой шумъ? А потому,

что съ самаго грѣхопаденія Евы, яблоко сдѣлалось излюбленнымъ плодомъ дьявола, и чародѣи положили его тутъ съ цѣлью повредить какому нибудь доброму христіанину.

Въ С. Клодѣ, въ Юрскомъ департаментѣ, въ нѣсколькихъ льѣ отъ Ферней, колдуны болѣе всего чинили свои козни. Вотъ тамъ-то и устроилъ Генрихъ Богюе свое уголовное судилище. Какое судилище, великій Боже! Франсуаза Секретень, обвиненная восьмилѣтнимъ ребенкомъ, носить четки съ трехконечнымъ крестомъ — первая улика. Она не плачетъ, когда съ ней говоритъ судья, — еще болѣе важная улика. Она опускаетъ глаза при допросѣ, — это также весьма знаменательно: очевидно, она совѣтуется съ сатаной на счетъ отвѣтовъ. Наконецъ, ее остригли наголо; она испугалась и призналась во всѣхъ своихъ преступленіяхъ: 1) въ томъ, что она ввела въ тѣло Луизы Малья пять дьяволовъ; 2) что она весьма давно уже отдалась дьяволу, который является къ ней въ образѣ высокаго чернаго мужчины; 3) что дьяволъ (М. д.) 4) что она безчисленное множество разъ посѣщала ночныя сборища и что она летала туда верхомъ на бѣлой палкѣ; 5) что, посѣщая шабаши, она тамъ плясала и била воду, чтобы вызвать градъ; 6) что она съ Гро-Жакомъ Боке уморила Луи Оноре, помощью порошка, даннаго имъ дьяволомъ!

Вотъ уже двое виновныхъ. Благодаря такой похвальной настойчивости, Богюе удалось открыть еще многихъ другихъ преступниковъ. Т. Паже

пасла въ полѣ коровъ и потеряла одну изъ нихъ; въ то время, какъ она сокрушалась, къ ней подошелъ сатана и овладѣлъ ею. Тоже самое случилось съ Жоржемъ Годильономъ, когда тотъ сокрушался, что не можетъ управиться съ волами. Петръ Годильонъ, въ досадѣ, что его коса притупилась, призываетъ къ себѣ на помощь чорта. Сатана явился немедленно и овладѣлъ имъ. Клавдій Гальяръ подулъ на Клода Перрье, тотъ немедленно заболѣлъ и умеръ. Всѣхъ этихъ несчастныхъ—по всему вѣроятію, сумасшедшихъ—схватили и подвергли допросу. Они сознались, что посѣщали ночныя сборища дьяволовъ, куда отправлялись—одни верхомъ на бѣлой палкѣ, другіе на большомъ черномъ баранѣ, третьи на козлѣ или на лошади, и почти всегда чрезъ трубу; иногда пѣшкомъ; бывало, что они вовсе не ходили на эти сборища, хотя тѣмъ не менѣе и присутствовали на нихъ. Такъ, однажды нѣкій Муръ замѣтилъ ночью, что его жена не дышетъ и не двигается. Онъ началъ ее толкать и съ ужасомъ нашелъ, что она ничего не чувствуетъ. Но въ ту минуту, когда залѣли пѣтухи, жена вдругъ проснулась. Не ясно ли, что она вернулась съ тайнаго сборища? Тѣмъ болѣе, прибавляетъ весьма резонно ея мужъ, что у сосѣдей въ то же время пало нѣсколько головъ скота.

Любопытно, что Божье не допускалъ, чтобы душа, независимо отъ тѣла, могла посѣщать шабаши. Казалось бы, что въ виду такового своего мнѣнія, Божье откажется признать эту женщину колдуньей?

Нисколько — она колдунья, говоритъ онъ, только она не была на тайномъ сборищѣ.

Къ этимъ подсудимымъ вскорѣ присоединились еще двое, на которыхъ донесла Франсуаза: Петръ Увильермозъ и Роланда Дювернуа. Когда Роланду привели къ суду, она стала лаять по собачьи и вращала глазами, бросая вокругъ страшные, ужасные взоры. Было рѣшено, что она не только колдунья, но и одержимая; это подтвердилось еще тѣмъ, что она никакъ не могла произнести имени Христа. Прежде чѣмъ судить колдунью, пришлось приступить къ изгнанію дьявола. Явился священникъ и сталъ заклинять дьявола, чтобы онъ сказалъ свое имя; дьяволъ, не безъ труда, объявилъ, что его зовутъ котомъ, что ихъ двое, и что товарища зовутъ просто чортомъ. Тогда завязалась борьба между священникомъ и сатаной. Священникъ прибѣгалъ къ молитвамъ и заклинаніямъ, а дьяволъ отвѣчалъ насмѣшками и богохульствомъ. «Страшно было смотрѣть, какъ сатана орудовалъ тѣломъ и всѣми членами одержимой. То она косилась на священника, то строила ему гримасы или искривляла ротъ въ насмѣшливую улыбку. Наконецъ, къ вечеру, одинъ дьяволъ вышелъ у нея изо рта, въ видѣ чернаго слизняка, который, покружившись раза два-три на землѣ, исчезъ. Къ несчастію, оставался еще котъ, оказавшійся необыкновенно упрямымъ. Наконецъ, священникъ довелъ его своими заклинаніями до изступленія, такъ что послѣ страшныхъ корчей, лаянья, воя, дьяволъ рѣшился покинуть тѣло Роланды. Затѣмъ

колдунью сожгли 7-го сентября 1600 года». Но въ то время, когда вывели эту женщину изъ тюрьмы, «небо вдругъ покрылось черными тучами, разразившимися такимъ проливнымъ дождемъ, что едва могли развести костеръ, чтобы сжечь ее». Остальныхъ сообщниковъ дьявола тоже сожгли, но сатана не былъ къ нимъ настолько милостивъ, какъ къ Роландѣ, и не послалъ дождя, чтобы залить ихъ костры.

Богюе, какъ человекъ дальновидный, пожелалъ сохранить для потомства плоды своей судебной практики и, въ концѣ книги, въ видѣ афоризмовъ, даетъ нѣсколько добрыхъ совѣтовъ тѣмъ, которымъ придется судить колдуній.

Приводимъ слѣдующее мѣсто: «Пунктъ 63. Слѣдуетъ умерщвлять дѣтей колдуновъ не только когда они достигнутъ юности, но и въ періодѣ дѣтства (моложе двѣнадцатилѣтняго возраста), если въ нихъ замѣчается злобство. Конечно, я въ такомъ случаѣ не желалъ бы прибѣгать къ обычному способу казни, примѣняемому къ колдунамъ, но можно было бы избрать болѣе легкое средство, напримѣръ, веревку».

Къ концу XVI вѣка судъ надъ чародѣями переходитъ изъ рукъ инквизиторовъ и священниковъ къ свѣтскому правосудію, по крайней мѣрѣ во Франціи. Мало того, самыхъ священниковъ начинаютъ обвинять въ колдовствѣ; нѣкоторые изъ нихъ погибаютъ на кострѣ. И ранѣе встрѣчались иногда примѣры чародѣйства среди священниковъ, таковъ, между прочимъ, священ-

никъ изъ города Суассона, о которомъ говорить Фруассаръ, что онъ окрестилъ жабу и далъ ей причастіе, вслѣдствіе чего его сожгли заживо. Въ Лионѣ, въ 1548 году, былъ сожженъ священникъ Сень-Жанъ-Ле-Пти за то, что, по собственному признанію, во время обѣдни, не освящалъ хлѣбъ и вино, съ цѣлью вводить свою паству въ смертный грѣхъ. Бодень и, въ особенности де-Ланкръ, находятъ эти наказанія вполнѣ заслуженными: «Когда священникъ забывается до того, что отдается сатанѣ, то никакое наказаніе не можетъ быть строгимъ». Де-Ланкръ передаетъ намъ исторію пятидесятилѣтняго Пьера Опти, который священствовалъ тридцать лѣтъ. Этотъ несчастный былъ обвиненъ въ колдовствѣ лимузенскимъ сенешалемъ. Сначала онъ ни въ чемъ не сознавался; но, подвергнутый пыткамъ, сталъ говорить прешрашныя вещи. Онъ сказалъ, что дьяволъ ему являлся въ видѣ мухи, бабочки и кота, что онъ ему выворотилъ мизинецъ, такъ что палецъ не могъ сгибаться, что посѣщалъ ночныя сборища, гдѣ и читалъ книгу, наполненную страшными словами, смыслъ которыхъ совершенно не понималъ. Бѣдный Опти сперва былъ лишенъ сана лиможскимъ епископомъ; а потомъ сожженъ живымъ, послѣ цѣлаго ряда покаяній.

Въ началѣ XVII вѣка, въ странѣ французскихъ басковъ, извѣстной подъ именемъ Лабурданъ, появилась страшная эпидемія демономаніи. Одинъ полусумасшедшій владѣлецъ Санта-Фэ, у котораго происходило тайное сборище дьяволовъ, попросилъ за-

щиты у бордосскаго парламента. По королевскому повелѣнію, отрядили туда двухъ судій—д'Еспанье и де-Ланкра. Вскорѣ д'Еспанье пришлось возвратиться въ Бордо. Де-Ланкръ остался одинъ передъ цѣлымъ сонмищемъ колдуновъ, колдуній и дьяволовъ, окруженный враждебно настроеннымъ населеніемъ, не говорившимъ по французски и не понимавшимъ ни одного слова на этомъ языкѣ. Тѣмъ не менѣе, де-Ланкръ, повидимому, весьма успѣшно исполнилъ возложенное на него порученіе, если принять во вниманіе, что въ четыре мѣсяца онъ успѣлъ сжечь около восьмидесяти колдуній. Онъ былъ такъ доволенъ своей побѣдой, что пожелалъ увѣковѣчить ее воспоминаніемъ, съ каковою цѣлью издалъ свою знаменитую книгу о «Непостоянствѣ дьяволовъ»; заглавіе довольно неопредѣленное, хотя онъ и поясняетъ его съ первыхъ же строкъ *). Благодаря этой книгѣ можно изложить исторію демонической эпидеміи въ Лабурданѣ. Все сочиненіе про-

*) «Картина непостоянства злыхъ ангеловъ и демоновъ, гдѣ говорится пространно о колдунахъ и колдовствѣ. Весьма полезная и нужная книга не только судьямъ, но и всѣмъ живущимъ по христіанскимъ законамъ, съ описаніемъ судопроизводства надъ пятьюдесятью тремя чародѣями, богоотступниками, жидами и колдунами, веденое испанскими и наварскими инквизиторами въ городѣ Логроньо, въ Кастиліѣ, 9 ноября 1610 г., откуда видно, насколько правосудіе во Франціи примѣняется въ болѣе юридическихъ и точныхъ формахъ, чѣмъ во всякихъ другихъ государствахъ, королевствахъ, республикахъ и штатахъ. Пьерра де-Ланкра, королевскаго совѣтника при бордосскомъ парламентѣ. Парижѣ, у Николая Бюона, іп. 4, 1613 года».

никнуто искренностью. Мишле выражается о де-Ланкрѣ какъ о волокитѣ, свѣтскомъ болтунѣ и по-сѣтителѣ дамскихъ будуаровъ, но, на мой взглядъ, книга де-Ланкра нисколько не подтверждаетъ этой характеристики, и ничто не доказываетъ, чтобы де-Ланкрѣ обольщалъ молодыхъ колдуній, въ чемъ Мишле обвиняетъ его нѣсколько необдуманно.

Не смотря на легкость съ какой де-Ланкрѣ принимаетъ на вѣру всѣ нелѣпыя передаваемые ему рассказы, на немъ отражается вліяніе его вѣка, по нѣкоторому равнодушію къ религіозному авторитету и судамъ инквизиціи. Онъ дѣйствуетъ во имя уже совершенно другихъ принциповъ—во имя короля и закона. «Если священникъ, составляющій или наклеивающій на перекресткахъ злословный пасквиль, лишается своего привилегированнаго сана, то тѣмъ болѣе теряетъ онъ его, если онъ колдунъ или потворствуетъ колдунамъ».

Вопреки байонскому епископу, де-Ланкрѣ арестовалъ восемь священниковъ по подозрѣнію въ посѣщеніи ими шабаша. Но, говоритъ Мишле, покровительство дьявола оказалось успѣшнѣе покровительства епископа: Такъ какъ онъ умѣетъ отпирать всѣ замки, то въ одно прекрасное утро, пятерымъ изъ восьми священниковъ удалось убѣжать. Коммиссары, не теряя времени, тотчасъ же сожгли оставшихся троихъ. Одному изъ этихъ священниковъ, по имени Бокаль, было всего двадцать семь лѣтъ отъ роду. Самая крупная улика противъ него состояла въ томъ, что его мать, сестра и все семейство слыли колдунами съ незапамятныхъ

время: «Когда онъ въ первый разъ сталъ служить обѣдню, то всѣ собранныя въ церкви деньги отдалъ своей матери, въ благодарность, что съ самаго его рожденія она посвятила его дьяволу, какъ дѣлають почти всѣ матери-колдуньи».

Зная характеръ жителей Лабурдана, можно до нѣкоторой степени понять почему среди мѣстнаго населенія могло возникнуть демономаническая эпидемія. Де-Ланкръ описываетъ басковъ съ интересной стороны: «Лабурданъ, говоритъ онъ, это полоса морскаго прибрежія, жители котораго — народъ грубый, необразованный, отличающійся непостоянствомъ, напоминающимъ болтающіеся по волѣ вѣтра паруса ихъ мелкихъ судовъ; море и горы замѣняютъ имъ поля. Они питаются рыбой и просомъ; ѣдятъ подъ открытымъ небомъ, на своихъ парусахъ, замѣняющихъ имъ настольную скатерть; словомъ, эта страна такъ бесплодна, что жители ея принуждены постоянно, день и ночь, ввѣрять свою судьбу измѣнчивому морю, представляющему все ихъ достояніе, поэтому ихъ занятія, разговоры даже ихъ вѣра — морскія. Постоянно торопливые, непокойные, они посвящаютъ себя съ малолѣтства этой неблагоприятной работѣ, пренебрегая спокойнымъ и постояннымъ занятіемъ земледѣлія. И хотя природа дала всѣмъ землю въ кормилицы, но они предпочитають, по своему непостоянству и легкомыслію, бурное море тихой и безмятежной богинѣ Цереры».

Если когда либо и могло быть тайное сборище колдуній, что, какъ намъ извѣстно, весьма сомнительно, то это конечно въ Лабурданѣ въ 1609 году.

Достаточно упустить изъ виду до какой степени истеричныя женщины умѣютъ безсовѣстно лгать и, такъ сказать, бредить вполне разумно, достаточно упустить изъ виду насколько галлюцинаціи безумца кажутся ему неоспоримой истиной, — чтобы повѣрить, что эти шабашы дѣйствительно существовали, — до того описанія ихъ колдуньями точны и подробны: «Шабашъ напоминаетъ собою ярмарку, куда со всѣхъ сторонъ собрались неистовые бѣснующіеся торговцы, и гдѣ находятся тысячи разнородныхъ предметовъ, ужасныхъ новинокъ, оскорбляющихъ зрѣніе и вселяющихъ отвращеніе въ сердца. Между этими предметами нѣкоторые — дѣйствительно существующіе, другіе только кажущіеся; нѣкоторые изъ нихъ пріятны, но такихъ весьма мало, напримѣръ, колокольчики и мелодическіе инструменты, ласкающіе слухъ, но ничего не говорящіе сердцу. Обыкновенные вѣстники наглаго сборища, — женщины. Онѣ летаютъ и скачутъ растрепаныя, какъ подобаешь вѣдьмамъ, съ непокрытой головой, не выносящей никакой покрывки. Онѣ нагія, однѣ вымазаны саломъ, другія — нѣтъ. Эти женщины появляются и исчезаютъ верхомъ на метлѣ или на скамейкѣ, таща за собой одного или двухъ несчастныхъ малютокъ. Когда сатана желаетъ ихъ отправить по воздуху, чего удостоиваются только наиболѣе важныя изъ нихъ, онѣ пускаетъ ихъ какъ ракеты; а когда онѣ летятъ внизъ, то ни одинъ орелъ или ястребъ не устремляется съ такой быстротой на добычу, какъ онѣ. Дѣти исполняютъ роль особыхъ пастуховъ: у каждого изъ нихъ свое

стадо жабъ, которыя поручаются колдуньями ихъ попеченію. Тамъ можно также видѣть огромные котлы съ жабами, гадюками, сердцами некрещеныхъ младенцевъ, мясомъ висѣльниковъ, и другой отвратительной падалью. Зловонныя жидкости, сосуды съ жирами и съ ядами, — все это промѣнивается и продается на сатанической ярмаркѣ, какъ самый драгоценный товаръ. При этомъ поются пѣсни такого грубаго и вольнаго содержанія, съ такими беззащѣтными и наглыми выраженіями, что темнѣетъ въ глазахъ, въ ухахъ раздается звонъ и умъ помрачается отъ всего безобразія, которому приходится быть свидѣтелемъ. Присутствующій на шабашѣ дьяволъ иногда имѣетъ видъ бородатаго и вонючаго козла, иногда же видъ обрубка дерева на подобіе четвертованнаго, искалѣченнаго, лишеннаго рукъ, туловища. Когда же онъ является въ образѣ человѣка, то человѣка страдающаго, безпокойнаго, краснаго и пылающаго какъ пламя изъ пекла, человѣка, неясныя очертанія котораго замѣтны только на половину. Голосъ его хриплый и нечленораздѣльный, но повелительный, жгучій и ужасающій. Словомъ, тамъ во всемъ столько отвратительныхъ вещей, столько гнусныхъ и преступныхъ дѣяній, что воздухъ заразился бы, если бы я сталъ ихъ здѣсь подробно описывать, и можно сказать не солгавъ, что даже самъ сатана чувствуетъ нѣкоторое омерзенеіе къ этимъ дѣяніямъ, ибо онъ тщательно отводитъ дѣтей отъ подобныхъ зрѣлищъ, изъ боязни отвратить ихъ отъ себя на всегда».

Вся эта фантазмагорія исчезаетъ при первомъ

пѣвнїи пѣтуха, который стоитъ на стражѣ открывая злыя намѣренія врага человѣческаго рода...

Чтобы устрашить сатану и его сообщниковъ, королевскіе комиссары распорядились воздвигнуть эшафотъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сатана устраивалъ шабашъ. Всякій разъ когда вели колдунью на казнь, ее сопровождала вся ея семья, «такимъ образомъ, что будучи возведена на аутодафе, она могла видѣть отца, мать, тетокъ, мужа, сестеръ, братьевъ, дочерей, племянницъ и множество другихъ родственниковъ, умолявшихъ ее со слезами на глазахъ покаяться». Но почти всѣ несчастныя въ минуту смерти отказывались отъ всѣхъ своихъ признаній.

Это нисколько не смущаетъ де-Ланкра. Въ самомъ дѣлѣ, какое значеніе имѣетъ подобное отреченіе? Развѣ въ его рукахъ нѣтъ вѣрнѣйшихъ доказательствъ? И главнымъ образомъ, развѣ непреложное свидѣтельство колдовства — печать дьявола, не на лицо?

Въ своемъ повѣствованіи, королевскій комиссаръ распространяется и на счетъ розыскиванія этого знака, и подробности въ которыя онъ входитъ представляютъ значительный научный интересъ, если принять во вниманіе, что печать дьявола, это анестезія, т. е. стало быть признакъ истерическаго состоянія. Что въ XVII вѣкѣ считалось свидѣтельствомъ преступности, нынѣ служитъ признакомъ невинности.

Два человѣка помогаютъ де-Ланкру открывать печать дьявола: какой-то иностранный хирургъ, за-

мѣчательно наловчившійся въ этомъ дѣлѣ и молодая семнадцатилѣтняя дѣвушка, Морги, которой Мишле, неизвѣстно почему, приписываетъ важную роль въ судопроизводствахъ въ Беарнѣ. Хирургъ предназначался для старыхъ колдуній.....

Чтобы констатировать сатаническую мѣтку, берутъ иголку, булавку или шило, и ищутъ по всему тѣлу мѣсто, на которое сатана положилъ свое клеймо. Де-Ланкръ говоритъ, что это довольно жестокая операція, родъ истязанія, хотя, впрочемъ, онъ не останавливается на этомъ чувствѣ состраданія, столь непристойномъ судьямъ. Нѣкоторые факты подмѣчены имъ вѣрно. «Иногда, говоритъ онъ, все тѣло представляетъ собою сплошное клеймо»; фактъ весьма поучительный, свидѣтельствующій о существованіи и въ тѣ времена полной анестезіи, а также вѣроятно и геми-анестезіи. Иногда, по истеченіи нѣсколькихъ дней, знакъ исчезаетъ. Иногда онъ едва замѣтный. Часто также, не смотря на пораненіе, не показывается ни одной капли крови.

Всѣ эти подробности весьма точны и вполне совпадаютъ съ тѣмъ, что намъ извѣстно объ истерикѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы изслѣдовали тѣмъ же способомъ несчастныхъ больныхъ Сальпетриеры, — почти у всѣхъ у нихъ нашлись бы дьявольскіе знаки. Можно было бы также описать форму сатаническаго клейма и констатировать, что оно то увеличивается, то уменьшается въ объемѣ. Чтобы объяснить эти неправильности, которыхъ де-Ланкръ не понималъ, онъ прибѣгаетъ къ

общераспространенному въ тѣ времена толкованію: «Что же касается знаковъ колдуновъ, то сатана ихъ налагаетъ, стираетъ, а иногда вовсе не накладываетъ, смотря потому, какъ ему кажется выгоднѣе»

Нашъ судья приобрѣлъ такимъ образомъ столь замѣчательную опытность, что когда онъ возвратился въ Бордо, то члены парламента совѣтовались съ нимъ въ затруднительныхъ случаяхъ: Молодую семнадцатилѣтнюю дѣвушку тщетно излѣдовали; но де-Ланкръ оказался искуснѣе; онъ подмѣтилъ, что лѣвый ея глазъ отличается отъ праваго свирѣпымъ выраженіемъ и открылъ въ его зрачкѣ пятнышко, напоминающее лапку жабы.

Другія данныя также не оставляютъ сомнѣнія, что какъ молодья, такъ и старья женщины, которыхъ пыталъ и сжегъ де-Ланкръ, были настоящія истеричныя. Онѣ смѣлы, циничны, лишены всякаго стыда, рассказываютъ самыя непристойныя вещи съ такой откровенностью, словно съ цѣлью хвастнуть этими подробностями. Онѣ съ необыкновеннымъ удовольствіемъ сообщаютъ все. («Онѣ не краснѣютъ, какой бы наглый или грязный вопросъ имъ ни задавали».)

Подобно своимъ предшественникамъ, Шпренгеру, Богюе, Бодену и Реми, королевскіе комиссары, Лабурдана также жестоки, и чувство состраданія совершенно чуждо имъ. Показанія дѣтей колдуньи было достаточно, чтобы ее осудили. Если у восьмилѣтняго ребенка, и даже моложе, оказывались на тѣлѣ нечувствительныя мѣста, это считалось важнымъ свидѣтельствомъ. Дѣтей также наказывали: ес-

ли они бывали на шабашѣ, ихъ троекратно сѣкли возлѣ того самого костра, на которомъ сжигали ихъ родителей; если же они приготовляли яды, ихъ казнили. Что же касается раскаивавшихся колдуній, вообще крайне малочисленныхъ, ихъ прощали не иначе, какъ убѣдившись, что онѣ опять не примутся за старое. Дѣйствительно, почти всѣ раскаивавшіяся колдуньи, вновь возвращались къ своимъ злодѣяніямъ, такъ что, вообще говоря, прощеніе считалось весьма плохою мѣрою.

Въ сущности, хотя де-Ланкру удалось сжечь не мало колдуній, но, къ крайнему своему сожалѣнію, онъ упустилъ многихъ изъ рукъ. Онѣ бѣжали въ Испанію, черезъ Пиренеи. Въ Лагронью, въ 1610 году были сожжены пять колдуній. Но инквизиторы, оказались человѣчнѣе членовъ бордосскаго парламента и большинству колдуньямъ въ Испаніи удалось избѣгнуть казни. Де-Ланкръ же утѣшился тѣмъ, что написалъ свою книгу, въ которой онъ выхваляетъ превосходство королевскаго правосудія надъ правосудіемъ церкви.

Послѣ казней, въ странѣ басковъ и въ Лагронью болѣе уже не воздвигаютъ общихъ костровъ. Бывали единичные случаи сожженія нѣсколькихъ колдуновъ — Гоффриди, Урбана Грандье и другихъ, но болѣе не предають пламени всего населенія *); самое колдовство измѣняетъ свою форму,

*) За исключеніемъ, однако, колдуній одной шведской провинціи. Въ 1670 году тамъ сожгли до восьмидесяти пяти колдуній (Калмейль). Впрочемъ, весьма вѣроятно, что еслибы порыться въ архивахъ, не только Франціи, но и другихъ

уже не говорятъ о нелѣпыхъ, невозможныхъ дѣяніяхъ, которыя, Ширенгеръ, Нидеръ и ихъ свѣтскіе преемники такъ легко принимали на вѣру. Вѣкъ Декарта и Паскаля не могъ быть вѣкомъ безусловнаго легковѣрія. Ночныя сборища дьяволовъ прекращаются; оборотни, чародѣйства, всѣ козни сатаны, кажущіяся де-Ланкру, въ 1610 году, неопровержимыми фактами, для которыхъ могло быть одно наказаніе — костеръ, все болѣе и болѣе теряютъ свой смыслъ. Съ этого времени власть сатаны проявляется только въ одержимости. Изгнанный изъ міра, онъ переселяется къ молодымъ истеричнымъ монахинямъ.

Легко понять причины такого измѣненія. Чародѣйства и превращенія людей въ звѣрей, — признаки самаго грубаго суевѣрія. Среди всѣхъ нелѣпостей, приводящихъ Бодена въ ужасъ, нѣтъ ни одного осязательнаго, очевиднаго факта, хотя они и внесены въ судебные протоколы и скрѣплены надлежащей подписью. Но времена уже измѣнились настолько, что для обвиненія требовалось болѣе точное и непоколебимое основаніе; такое именно основаніе и представляли одержимые. Вотъ женщина, испускающая дикія крики и лай, она мечется въ страшныхъ конвульсіяхъ, она отвер-

государствъ Европы, то оказалось бы, что число казней за колдовство превышаетъ то, которое намъ извѣстно. Г. Ш. Потвенъ нашелъ въ архивахъ нѣсколькихъ бельгійскихъ городовъ весьма интересные документы, гдѣ описываются такія изысканныя жестокости, что нельзя читать о нихъ безъ содроганія. — *Albert et Isabelle. Fragmens de leur régné, par. Ch. Potvin; Paris, 1861.*

гаетъ и оскорбляетъ святыню. Мало этого, ея подруги — подруги по обители (она монахиня) дѣлають тоже самое: говорятъ о монахахъ, которые посѣщаютъ ихъ, которые побуждаютъ ихъ прыгать, выкривать страшнѣйшія богохульства. Все это положительные факты, имъ нельзя не вѣрить. Осмѣлится ли кто отрицать участіе дьявола въ этихъ явленіяхъ?! Осмѣлится ли кто видѣть въ нихъ болѣзнь головнаго мозга?! Надо было дожиться почти до Пинеля (1800) чтобы смотрѣть на одержимость, какъ на одну изъ формъ умопомѣшательства.

Судамъ надъ колдунами приходилось уже имѣть дѣло съ единичными личностями, а не съ цѣлыми селеніями, что, быть можетъ, представляло еще большій интересъ. Тутъ разыгрывалась настоящая драма, закончивавшаяся, послѣ цѣлаго ряда перипетій, трагической смертью главнаго дѣйствующаго лица. Франція преимущественно отличилась подобными драмами. Съ 1610 до 1640 года были три, хотя и неодинаково прославившихся судебныхъ процесса: — Гоффриди (1610 г.), Урбана Грандье (1634 г.) и Булье (1638 г.).

Спустя нѣсколько времени послѣ основанія ордена Урсулинокъ Ромильономъ, честнымъ, хорошимъ священникомъ, обращеннымъ протестантомъ, въ городѣ Эксѣ, въ Провансѣ, у двухъ монахинь этого монастыря появились какія то необычайныя движенія и другіе удивительные симптомы. Можно думать, что это были симптомы тождественные съ тѣми, которые мы описали выше, говоря объ истерико-

эпилепсіи. Согласно господствовавшему тогда вѣрованію, Ромильонъ вообразилъ, что эти монахини одержимы дьяволомъ. Онъ попробовалъ дѣлать надъ ними заклинанія, но неуспѣшно; дьяволы продолжали мучить бѣдныхъ урсулинокъ. Убѣдившись въ своемъ безсиліи, бѣдный священникъ обратился къ болѣе могущественнымъ заклинателямъ. Обѣихъ одержимыхъ — Луизу Капо и Магдалину де-ля-Палю, дочь провансальскаго дворянина, отправили въ монастырь Сентъ-Бомъ, къ инквизитору Михаэлису*). Михаэлисъ, не надѣясь исключительно на свои силы, пригласилъ на помощь фламандскаго доминиканца, отца Домціуса. «Онъ самъ изъ Лувена, говоритъ Мишле, не разъ производилъ заклинанія, было, стало быть, обстрѣленъ на этихъ нелѣпостяхъ». Луиза, скорѣе сумасшедшая, чѣмъ злая, но злая въ своемъ сумасшествіи, призналась, что въ ней сидятъ три дьявола: Верринъ — добрый дьяволъ, католикъ, легкій, одинъ изъ демоновъ воздуха; Левіаѳанъ, дурной дьяволъ, любящій разсуждать и протестовать; и, наконецъ, третій — духъ нечистыхъ помысловъ. Чародѣй, пославшій ей этихъ дьяволовъ, князь всѣхъ колду-

*) Michaélis: Histoire admirable de la possession et conversion d'une pénitente séduite par un magicien, Lyon, 1614 in 8°. Михаэлисъ написалъ еще другое сочиненіе подъ заглавіемъ: Pneumatologie ou discours des esprits en tant qu'il est besoin pour entendre et résoudre la matière difficile des sorciers, comprise en la sentence contre eux donnée en Avignon l'an 1582, in 8° Paris, 1587. Записки отца Франчуа Домціуса о дѣлѣ Гоффриди, относится къ 1610 году.

новъ Испаніи, Франціи, Англии и Турціи, патерь Луи Гоффриди, бывший въ то время приходскимъ священникомъ церви des Accoules въ Марселѣ. Магдалина, подстрекаемая Луизой и обезумѣвшая отъ страха, сдѣлала такое же признаніе. Она сказала, что Гоффриди испортилъ ее своими чарами, что онъ наслалъ на нее цѣлый легіонъ, т. е. шесть тысячъ шестьсотъ шестьдесятъ шесть дьяволовъ. Михаэлисъ, какъ монахъ, ненавидѣлъ Гоффриди—священника *) и съ радостью ухватился за прекрасный случай. Онъ донесъ на чародѣя прованскому парламенту. И хотя на сторонѣ Гоффриди были капуцины, епископъ марсельскій и все духовенство, тѣмъ не менѣе парламентъ въ союзѣ съ инквизиціей добились того, что имъ выдали Гоффриди. Его, какъ преступника, привели въ Эксъ предъ Магдалиной де-ля Палю.

На чемъ основывалось обвиненіе? На видѣніяхъ истеричной дѣвушки. Магдалина была помѣшанная. Ея демоническіе припадки ни чѣмъ не отличались отъ припадковъ истерико-эпилептиковъ въ Сальпетриерѣ. Всѣ ея обвиненія, — рядъ нелѣпостей, совершенно тождественныхъ съ тѣми, которыми бредятъ истеричныя дѣвушки въ моменты припадковъ. «Во время заклинанія, говоритъ Михаэлисъ, Вельзевуль продолжалъ терзать Магдалину, съ силою бросая ее на животъ, то опрокидывая на

*) Homo homini—lupus, mulier mulieri—lupior, sacerdos sacerdoti—lupissimus (Человѣкъ человѣку—волкъ; женщина женщинѣ—большій волкъ; жрецъ жрецу—наибольшій волкъ). гласитъ средневѣковая пословица.

спину; до трехъ или четырехъ разъ онъ принимался душить ее за горло. За обѣдомъ, демоны продолжали истязать ее постоянно, пригибая ей голову къ землѣ, а за ужиномъ, они ее пытали въ теченіи цѣлаго часа, выворачивая ей руки и ноги съ такой силой, что у нея кости трещали, и всѣ внутренности переворачивались; окончивъ истязанія, они погрузили ее въ такой глубокой сонъ, что она казалась мертвой».

Была-ли Магдалина обольщена Гоффриди, которому г-жа де-ля-Палю, ея мать, довѣрила ее еще маленькой дѣвочкой? Дѣло возможное, хотя, не смотря на утвержденія Мишеле, и ничѣмъ не доказанное. Нельзя же обвинять несчастнаго, опираясь на показанія истеричной дѣвушки. Ея показанія простая галлюцинація, а не дѣйствительная правда. Къ тому же не Магдалина, а Луиза обвиняетъ Гоффриди, называя его княземъ колдуновъ: «Онъ полонъ неправды. Онъ дѣлаетъ видъ, что не употребляетъ мясной пищи, а между тѣмъ, наѣдается до отвала мясомъ маленькихъ дѣтей. О Михаэлисѣ, всѣ малютки которыхъ онъ поѣлъ, которыхъ онъ передушилъ, которыхъ отрывалъ изъ могилы, чтобы начинать ими паштеты — всѣ они вопіютъ къ Господу Богу о мщеніи за столь гнусныя и отвратительныя злодѣянія». Магдалина же, въ промежуткахъ между припадками, ужасается отъ одной мысли, что Гоффриди погибнетъ черезъ нее. Нѣсколько разъ она рѣшается наложить на себя руки, но у нея не достаетъ духу, и попытки не удаются. Во время же припадка, въ

особенности въ присутствіи Луизы, бредъ который сильно на нее вліяетъ, Магдалина раздражается проклятіями противъ Гоффриди. Какое грустное зрѣлище представляли эти двѣ помѣшанныя, обвиняющія невиннаго въ воображаемыхъ преступленіяхъ! Послѣ обвиненія Гоффриди Луизою въ употребленіи имъ дѣтскаго мяса, Магдалина прибавляетъ съ саркастическимъ хохотомъ: «Очень ему нужны ваща рыба и яйца, когда онъ ѣстъ прекрасное мясо маленькихъ дѣтей, которое ему невидимымъ образомъ доставляютъ изъ синагоги». Несчастный священникъ клянется именемъ Бога, пресвятой Дѣвы Маріи и святымъ Іоанномъ Крестителемъ, что всѣ эти обвиненія ложны. «Я васъ насквозь вижу, кричитъ Магдалина: говоря о Богѣ, вы разумѣете Люцифера, о Сынѣ — вы разумѣете Вельзевула. Подъ Пресвятой дѣвой вы разумѣете мать антихриста, а предвѣстника антихриста называете Іоанномъ Крестителемъ». Гоффриди понималъ, что онъ погибъ. Мужество его покинуло и подѣ пыткой, а можетъ быть и ранѣе, онъ признался во всемъ. Да, во всемъ, во всѣхъ преступленіяхъ, которыхъ онъ не совершалъ. Онъ сознался, что дьяволъ посѣщалъ его часто, что онъ поджидалъ сатану у дверей церкви и заразилъ до тысячи женщинъ ядовитымъ дыханіемъ, сообщеннымъ ему Люциферомъ. «Признаюсь и въ томъ, говорилъ онъ, что когда я желалъ отправиться на шабашъ, я становился ночью у открытаго окна, черезъ которое являлся ко мнѣ Люциферъ и вмѣгъ переносилъ на сборище, гдѣ я оставался два, три,

а иногда и четыре часа». Стали искать на его тѣлѣ печать дьявола. Когда сняли съ глазъ Гоффриди повязку, онъ съ ужасомъ узналъ что, въ его тѣло до трехъ разъ вонзали иглу, и онъ ничего не чувствовалъ. И такъ онъ былъ трижды помѣченъ дьявольскимъ клеймомъ. Инквизиторъ замѣтилъ: «Если бы мы находились въ Авиньонѣ, этого челоуѣка завтра же сожгли бы».

Его и сожгли. 30-го апрѣля 1611 года, въ Эксѣ, въ пять часовъ пополудни, Луи Гоффриди, бенедиктинскій священникъ церкви des Accoules, былъ отрѣшенъ отъ сана. Палачъ подвелъ его къ главному входу въ церковь, гдѣ онъ долженъ былъ каяться и просить прощенія у Бога, короля и правосудія. На площади Проповѣдниковъ былъ уже воздвигнутъ костеръ. Несчастнѣй взоспелъ на него, и нѣсколько минутъ спустя отъ него остался одинъ пепель.

(Три монахини, заразившіяся бредомъ и демоническими припадками Луизы и Магдалины, впоследствии выздоровѣли. Не то было съ самыми героинями этой драмы. Магдалина де-ля-Палю окончательно помѣшалась и вышла изъ монастыря. Ее видѣли ходящею босою по улицамъ Карпентраса изъ дома въ домъ и просящею милостыню. Луиза-же продолжала свои доносы. Благодаря показаніямъ ея дьявола Веррины, сожгли несчастную слѣпую дѣвушку, по имени Оморэ.

Начало XVII вѣка ознаменовано ужасами, кровавыми казнями, смертью. Но времена были уже не тѣ. вмѣсто удивленія это зло суетвѣрія вызы-

вало гнѣвъ и презрѣніе, по крайней мѣрѣ среди ученыхъ и философовъ. То было время, когда Бэконъ выпустилъ въ свѣтъ свое великое произведение (1620 г.), когда Гарлей преобразовывалъ физиологію (1628 г.), а Декартъ готовилъ свои Рѣчи о Методѣ. Какой разительный контрастъ между этими бессмертными твореніями и нелѣпыми сборниками, появившимися въ томъ же столѣтіи всего только двадцатью годами раньше (Ле-Лойе, Богюе, Бодень, де-Ланкръ).

Молодой человекъ, двадцати четырехъ лѣтъ, въ слѣдствіи пріобрѣвшій извѣстность, Гавріиль Нодэ *) принялъ подъ свою защиту несчастныхъ, такъ долго служившихъ жертвою суевѣрія. Онъ задумалъ оправдать чародѣевъ: То что называется магіей — въ дѣйствительности абсурдъ и только. Виргилій никогда не былъ колдуномъ, Реймондъ Люль, Арно-де-Вильенёвъ и Парацельсъ были ученые, а не чародѣи. Самъ Агриппа, «этотъ искуснѣйшій волшебникъ нашихъ дней», не былъ ни чернокнижникомъ, ни адептомъ сатаны, а однимъ изъ свѣтилъ своего вѣка. Его знаменитый черный пещь былъ не дьяволъ, а обыкновенная, очень привязанная къ своему господину собака. Сужденія Гавріила Нодэ вообще весьма смѣлы: «Кажется, говорить онъ, неотъемлемая участь всѣхъ философовъ, математиковъ и естествоиспытателей, слыть за чародѣевъ; законовѣды и богословы никогда не

*) Apologie pour tous les grands personnages qui ont été faussement soupçonnés de magie; Paris, 1625.

обвинялись въ этомъ. Всѣ страны, имѣвшія своихъ ученыхъ мужей, могли похвалиться чернокнижниками. Германія, гдѣ большой недостатокъ въ перьяхъ, не плодovита и на послѣднихъ. Словно не существовало другихъ школъ, кромѣ Толедскихъ подземелій и другихъ книгъ кромѣ Клавикуль (терминъ чернокнижниковъ), другихъ докторовъ кромѣ дьяволовъ». Что же касается сочиненій о колдовствѣ, Нодэ оцѣниваетъ ихъ по достоинству: «Странно, говоритъ онъ, что дель-Ріо, Ле-Лойе, Бодень, де-Ланкръ, Годельманнъ, люди заслуженные и пользовавшіеся довѣріемъ, писали о дьяволахъ, колдунахъ и волшебникахъ съ такимъ легковѣріемъ, что ни разу не отвергли ни одного разсказа, какъ бы онъ ни былъ баснословенъ и смѣшонъ, ни одной изъ тѣхъ многочисленныхъ нелѣпостей, которыя они безъ разбора сваливали въ одну кучу съ правдой. Было бы очень желательно, чтобы впредь они воздерживались отъ передачи разсказовъ, не провѣривъ тщательно всѣ обстоятельства дѣла, чтобы они взвѣшивали достовѣрность, цѣнность и значеніе сообщаемыхъ фактовъ и не подавали бы повода къ ложному осужденію, къ легкомысленнымъ обвиненіямъ, полнымъ лжи, неправды, — обвиненіямъ, всегда оказывавшимся, на провѣрку, голой клеветой, основанной на пустыхъ, безразсудныхъ показаніяхъ».

Въ дѣйствительности, время колдовства уже прошло (1625 г.), и суды болѣе поздняго періода могутъ считаться анахронизмами. Вѣроятно по этой именно причинѣ судъ надъ Урбаномъ Грандье приоб-

рѣлъ такую громкую извѣстность. Общественная совѣсть, до того постоянно молчавшая, наконецъ пробудилась. Отсюда всеобщее волненіе и громкое негодованіе *). Процессъ Урбана Грандье подобенъ процессу Гоффриди. Только лица другія; драма — та же. Сумасшедшія, истеричныя монахини обвиняютъ священника въ томъ, что онъ ихъ околдовалъ, и священникъ погибаетъ на кострѣ, въ наказаніе за мнимое преступленіе.

Дѣло происходитъ въ Лудёнѣ, въ обители урсулинокъ. Урсулинки принадлежали къ дѣвицамъ загороднаго происхожденія, были довольно образованныя, читали библію и знали немного латынь. Одна изъ нихъ, Клара де-Сазильи, приходилась сродни

*) Что подтверждаютъ многочисленные памфлеты того времени, вызванные процессомъ Грандье: *Extrait des registres de la commission (Poitiers, 1634)*; *Traité de la mélancolie, tiré des réflexions de M..... sur le discours de M. Duncan. (La Flèche, 1635)*; *Apologie pour M. Duncan contre le traité de la Mélancolie. Récit véritable de ce qui s'est passé à Loudun (Paris, 1624)*; *Véritable relation, (Paris, 1634)*; *l'Ombre d'Urbain Grandier, sa rencontre avec Gaufridi (in 8°, 1631)*; *la Démonomanie à Loudun (Loudun, 1636)*; *Interrogatoire de M. Grandier (in 8°, Paris, 1634)*. Сюда же слѣдуетъ еще прибавить: *l'Histoire des diables de Loudun (Amsterdam 1694)*; *Cruels effets de la vengeance du cardinal de Richelieu (Amsterdam, 1716)*. *Examen et discussion critique (Liège, 1749)*. Словомъ цѣлая библиографія; а между тѣмъ мы приводимъ далеко не полный перечень.

Недавно докторъ Легюе издалъ полезную книгу: *Urbain Grandier et les Possédées de Loudun. (Paris, 1880 г.)*. Ему удалось собрать объ этомъ предметѣ, казавшемся ужъ вполне исчерпаннымъ, много совершенно новыхъ не изданныхъ документовъ. Къ несчастію, мы не имѣемъ возможности входить здѣсь въ дальнѣйшія подробности.

кардиналу Ришелье». Первая заболѣвшая между ними оказалась сама настоятельница — Жанна де-Бельсіель. Эпидемическая болѣзнь, распространившаяся впослѣдствіи съ такою силою среди монахинь, началась съ 1631 года, а быть можетъ и раньше. Во всякомъ случаѣ, это осталось неизвѣстнымъ для всѣхъ, кромѣ духовника игуменни, аббата Миньонъ. Миньонъ поступилъ также, какъ Ромильонъ въ Эксѣ; онъ попытался отчитывать дьяволовъ, но, не успѣвъ въ этомъ, пригласилъ къ себѣ въ помощники отъявленнаго фанатика — Барре — священника въ Шинонѣ. Первое публичное заклинаніе происходило 11-го октября 1631 г., въ присутствіе Гюильома де-Сериза, лудѣнскаго судьи (baillé), человѣка твердаго ума и непреклонной честности, и хирурга Маннури, игравшаго во всемъ этомъ дѣлѣ весьма двусмысленную роль. Дьяволы объявили, что колдунъ, созвавшій ихъ — Урбанъ Грандье.

Этотъ Грандье, священникъ изъ Лудена, воспитывавшійся въ Бордо у иезуитовъ, былъ краснорѣчивымъ и страстнымъ проповѣдникомъ. Умный и гордый, онъ возбудилъ противъ себя неудовольствіе значительной части городскаго населенія не столько своимъ легкимъ нравомъ, сколько вызывающимъ обращеніемъ и пренебреженіемъ къ общественному мнѣнію. Конечно, нельзя сомнѣваться, чтобы въ его время такой выдающійся умъ, пользовавшійся столь заслуженной славой, не произвелъ сильнаго впечатлѣнія на воображеніе монахинь. Грандье пренебрегъ обвиненіями Миньона и Бар-

ре, а его прямой начальникъ въ Бордо, воинственный епископъ де-Сурди, даже расхохотался когда услыхалъ про исторію дьяволовъ. Уѣздный судья, его неустрашимая жена и нѣкій докторъ, по имени Дунканъ, рядомъ неопровержимыхъ доказательствъ опровергли эти ложныя обвиненія, такъ что въ теченіи всего 1632 г. и начала 1633 г., казалось, что Урбанъ Грандье спасенъ.

Демоны, однако, не унимались. Слава о ихъ подвигахъ разнеслась по всей Франціи. Приѣзжали изъ Парижа, Марселя, Лилля, чтобы посмотрѣть ихъ дѣянія. Рипшельё, желая положить всему этому конецъ, отправилъ въ Лудёнъ де-Лобардемона, въ качествѣ королевскаго комиссара, снабдивъ его самыми неограниченными полномочіями (ноябрь 1633 г.). Историки и поэты отнеслись весьма строго къ Лобардемону. Они его обвинили въ личной злобѣ къ Грандье и представили его въ видѣ злодѣя-палача. Весьма однако возможно, что это не вполне согласно съ исторіей, и я скорѣе склоненъ думать, что Лобардемонъ, подобно де-Ланкру, Богюе, Бодену, подобно всѣмъ верховнымъ парламентскимъ судьямъ и комиссарамъ, искренно вѣрилъ въ одержимость и въ колдовство Грандье. Повидимому, въ этомъ прискорбномъ процессѣ всѣ дѣйствовали съ искреннимъ убѣжденіемъ, какъ Грандье, отрицавшій свою виновность, такъ и Миньонъ, Баррэ и Лобардемонъ, настаивавшіе на противномъ и урсулилки въ припадкахъ бреда обвинявшія Грандье въ колдовствѣ.

Эти послѣднія въ особенности были искренни.

Нѣсколько протестантскихъ памфлетистовъ XVIII вѣка и нѣкоторые изъ историковъ XIX вѣка придумали какую-то комедію, будто бы разыгранную урсулинками, сообща съ Лобардемономъ и Ришельё, съ цѣлью погубить священника — свободнаго мыслителя. Это сущій вымыселъ. Вѣрно одно, что урсулинки были безумно искренними. Ихъ болѣзнь была не напускная, а дѣйствительная, столь-же дѣйствительная, какъ и тѣхъ умалишенныхъ, которыхъ лишаютъ свободы.

Въ самомъ дѣлѣ, взгляните на самые симптомы: «Въ день заклинанія, игуменья прошла въ капель и набросилась на присутствующихъ, стараясь всѣми силами оскорбить самого отца Сюриня. Когда запѣли гимны, дьяволь сталъ извиваться, ползать и крутиться; онъ приблизился (довелъ тѣло Жанны де-Белсіель) къ самому выходу молебни, и здѣсь, высунувъ громадный черный языкъ, принялся лизать каменный полъ, съ отвратительными ужимками, воемъ и ужасными судорогами. Онъ повторилъ тоже самое у алтаря, послѣ чего выпрямился и, оставаясь все еще на колѣняхъ, гордо смотрѣлъ, какъ-бы показывая видъ, что не хочетъ сойти съ этого мѣста. Но заклинатель, держа въ рукахъ святыя дары, приказалъ ему отвѣчать; тогда выраженіе лица исказилось и стало ужаснымъ, голова откинулась совершенно назадъ, и послышался сильный голосъ, какъ-бы выходящій изъ глубины груди: «Королева неба и земли прости!»

У другихъ монахинь припадки совершенно аналогичные: «Опрокинувшись назадъ до того, что го-

лова ихъ касалась пятокъ, онѣ передвигались въ такомъ видѣ долгое время и съ замѣчательной быстротой. Я видѣлъ одну изъ нихъ, которая, выпрямившись во весь ростъ, ударяла головой въ грудь и лопатки съ такой быстротой и такой силой, что ни одинъ человекъ, какой-бы ловкостью онъ не отличался, не въ состояннн этого сдѣлать. Ихъ крики походили на неистовый вой грѣшниковъ въ аду, на вой волковъ или другихъ ужасныхъ звѣрей. Нельзя себѣ представить съ какою силою онѣ кричали. Въ нихъ не было ничего человѣческаго». Иногда конвульсіи смѣнялись состояніемъ экстаза, каталенсіей или симптомами, напоминающими сомнамбулизмъ: «Во время своего сна, онѣ пріобрѣтали гибкость олова. Можно было сгибать ихъ тѣло въ разныя стороны, — впередъ, назадъ, на бокъ и притомъ до того, что голова прикасалась къ землѣ и онѣ оставались въ положеннн, которое сообщали имъ, пока кто-нибудь не измѣнялъ его». Фигье, подробно изложившій этотъ знаменитый процессъ, предполагаетъ, что въ Луденѣ имѣли мѣсто факты аналогичные съ такъ называемымъ ясновидѣніемъ сомнамбуловъ *). Въ дѣйствительности же эти факты крайне спорны, такъ какъ нельзя особенно довѣряться тогдашнимъ заклинателямъ, вообще слишкомъ легковѣрнымъ и въ частности возбужденнымъ противъ Грандье. Къ тому-же, припомнимъ, что истерика, истерико-эпилепсія, ка-

*) Гастонъ, герцогъ Орлеанскій, пріѣзжавшій въ Луденъ, чтобы видѣть одержимыхъ, свидѣтельствовалъ, что демоны могутъ исполнять тайно даваемыя приказанія.

талепсія и сомнамбулизмъ — родственныя болѣзни, легко переходящія одна въ другую, и что во всѣхъ демоническихъ припадкахъ существуютъ періоды, схожіе съ періодами сомнамбулическихъ припадковъ.

На другой же день своего прибытія въ Лудёнъ, Лобардемонъ приказалъ арестовать Грандье, виновника всѣхъ этихъ ужасовъ. Грандье, продолжавшій упорно отрицать свою виновность, былъ приведенъ къ одержимымъ, чтобы дать очную ставку дьяволамъ съ ихъ княземъ. Сцена вышла драматическая: присутствіе Грандье вызвало сильнѣйшіе припадки у монахинь. «Всѣ одержимыя стали кричать нечеловѣческимъ голосомъ, упорно обвиняя Грандье въ колдовствѣ; у нихъ появились такія ужасныя конвульсіи, такое страшное ломаніе всего тѣла, что казалось все это происходитъ на какомъ нибудь шабашѣ». Вдругъ одинъ изъ демоновъ воскликнулъ, что между Грандье и капуциномъ Транкиль стоитъ Вельзевулъ; въ ту-же почти минуту, всѣ одержимыя стали бросаться на Грандье, предлагая разтерзать его, показать всѣмъ его печать, и удушить его, хотя онъ и повелитель ихъ. Злость и бѣшенство одержимыхъ дошли до того, что если бы присутствующіе не воспрепятствовали, Грандье тутъ-же погибъ бы отъ рукъ изступленныхъ монахинь.

Вслѣдствіе упорнаго отрицанія, Грандье былъ подвергнутъ пыткамъ. Хирургу Маннури, разъ уже искавшему на несчастномъ клеймо дьявола, вновь было поручено повторить эту операцію. Но такъ

какъ Грандье воспротивился отдать себя въ руки Маннури, то это испытаніе было поручено другому, болѣе человѣчному хирургу, Фурно. Когда монахини и судьи потребовали, чтобы послѣдній вогналъ остріе пила подѣ ногти онъ отказался на отрѣзъ. Не смотря однако на это смягченіе, Грандье перенесъ страшнѣйшую пытку. Ему связали ноги веревками и стали вбивать межъ ними клинья до совершеннаго раздробленія костей. Тѣмъ не менѣе (какъ бы не клеветали на него обвинители), Грандье не сознался ни въ чемъ; онъ только призналъ себя авторомъ одной рукописи, найденной въ его бумагахъ, въ которой шла рѣчь о безбрачїи священниковъ.

18-го августа 1634 года Урбанъ Грандье, приходскій священникъ Лудѣна, былъ отведенъ на площадь святаго креста въ Луденѣ, привязанъ къ столбу и заживо сожженъ, съ договорами и волшебными письменами, свидѣтельствовавшими о всѣхъ ужасахъ его преступленія *).

*) Въ своемъ сочиненїи объ Урбанѣ Грандье, Легюе даетъ fac-simile народнаго рисунка, чрезвычайно рѣдкаго (по всему вѣроятїю, уцѣлѣлъ только одинъ экземпляръ), изображающаго смерть Грандье. Рисунокъ, предназначавшійся для народа, снабженъ весьма наивною надписью: «Урбанъ Грандье, священникъ названнаго города, былъ родомъ изъ Мэна и волшебникомъ по профессїи. Приблизительно девять лѣтъ тому назадъ онъ сдѣлался волшебникомъ, и тогда же былъ помѣщенъ Асмодеемъ, демономъ предубодѣнія, клеймомъ, въ формѣ кошачьей лапы, въ четырехъ мѣстахъ, на.... Всѣ эти знаки найдены по признанїю Асмодея, благодаря заклинанїямъ епископа города Пуатье, при содѣйствїи, преп. от. Лактанція, ордена Реколлетовъ. Грандье имѣлъ трехъ братьевъ, изъ которыхъ двое колдуны, покинувшіе здѣшнія мѣста. Дьяволъ

Преданіе гласитъ, что всѣ лица, споспѣшествовавшія казни Грандье, были призваны этимъ невинно осужденнымъ священникомъ къ суду Божию, и въ короткое время понесли наказаніе за свой злодѣйскій поступокъ. Однако, игуменья Жанна де-Бельсіель прожила еще довольно долго и умерла въ ореолѣ праведницы, а Лобардемонъ умеръ только въ 1651 году. Правда, отецъ Лактанцій, отецъ Сюрень, отецъ Транкиль и хирургъ Маннури, всѣ, въ большей или меньшей степени содѣйствовавшіе осужденію и казни Грандье, сдѣлались жертвами тѣхъ самыхъ дьяволовъ, доносы которыхъ такъ тщательно записывали. Другими словами, они помѣшались или нѣчто въ этомъ родѣ.) Весьма вѣроятно, страшное зрѣлище истеричныхъ монастыря, ихъ конвульсіи и бредъ не обошлись безъ гибельнаго вліянія. Быть можетъ также если не самое раскаяніе, то во всякомъ случаѣ сомнѣніе въ справедливости осужденія, въ свою очередь, содѣйствовало развитію демонопатіи въ судьяхъ. Это знаменіе времени. Ни у Реми, ни у Бодена, не было никакихъ укоровъ совѣсти. Они были довольны своими дѣяніями, въ полной вѣрѣ, что ничего не можетъ быть угоднѣе Богу и полезнѣе

далъ Грандье слѣдующія обѣщанія: первое, что онъ его сдѣлаетъ самымъ краснорѣчивымъ ораторомъ, и дѣйствительно, Грандье говорилъ на диво; второе, что онъ предоставитъ ему въ пользованіе самыхъ красивыхъ и важныхъ дѣвицъ Лудена; третье, что онъ ему дастъ красную шапку; но дьяволъ подраумѣвалъ подъ красной шапкой не кардинальскую, а огненную, отъ которой Грандье не ушелъ и которую онъ вполнѣ заслужилъ».

для спасенія души, какъ сожженіе колдуньи. Иное дѣло въ 1634 году,—патеръ Лактанцій умеръ въ ужаснѣйшихъ конвульсіяхъ, спустя тридцать дней послѣ казни Грандье; патеромъ Сюреномъ, овладѣль Исаакаронъ, дьяволъ Жанны де-Бельсіель. Въ ту минуту, когда патеръ приказывалъ дьяволу выйти изъ тѣла игуменьи, несчастный заклинатель увидѣлъ, какъ демонъ исчезъ съ лица одержимый и переселился въ него самого. Патеръ Транкиль умеръ въ 1638 году, и вотъ надпись, высѣченная на его могилѣ: «Здѣсь покоится смиренный патеръ Транкиль изъ Сенъ Реми, проповѣдникъ — капуцинъ. Такъ какъ демоны не могли устоять передъ его неустрашимостью, какъ заклинателя, то они его уморили своими преслѣдованіями!» Хирургъ Маннури однажды вечеромъ вдругъ увидѣлъ тѣнь Грандье, и черезъ нѣсколько дней умеръ. Было бы, конечно, неосновательно видѣть во всемъ этомъ участіе мистической причины. Трагическая смерть Грандье была потрясающимъ событіемъ, а при разстроенномъ воображеніи и совѣсти этихъ, по нашему мнѣнію, все таки честныхъ и искреннихъ людей, борьба между новымъ вѣяніемъ и прежнимъ суевѣріемъ, могла легко повліять на умственные способности, пошатнуть здравый разумъ.

Фактъ тотъ, что странныя припадки, вызванные лудѣнскими дьяволами, не прекращались послѣ сожженія колдуна. Истерика не такъ легко исчезаетъ, какъ дымъ костра, и не доказано еще, что для исцѣленія отъ конвульсій достаточно предать казни невиннаго. Словомъ, урсулистки продолжали не-

истовствовать. Зараза перешла и къ мірянамъ города; мало того, демоническіе припадки появились даже у дамъ и дѣвиць буржуазіи сосѣдняго города—Шинонѣ. Тотъ самый Барре, который отчитывалъ монахинь въ Луденѣ, дѣлалъ затѣмъ много еще заклинаній: «онъ готовъ былъ заклинать камни». Дьяволы, овладѣвшіе горожанками Шинона, называли своими князьями двухъ священниковъ — Сантерра и Жилоара. Оба священники были страшно перепуганы. И неудивительно — примѣры Гоффриди и Грандье не сулили ничего хорошаго. Они обратились къ покровительству своихъ прямыхъ начальниковъ, турецкому епископу и парижскому архіепископу, которые ходатайствовали за нихъ передъ кардиналомъ Ришельё. Бѣснующихся засадили въ тюрьму, гдѣ ежедневно ихъ «хорошо проучивали». Что же касается Баре, то онъ былъ отрѣшенъ и изгнанъ (1640). Спустя два года послѣ того какъ Ришельё прекратилъ выдачу монастырю пенсіи въ 4,000 лиръ, дьяволы, наконецъ, оставили Луденъ въ покоѣ.

Дѣянія дьяволовъ въ Лувье не такъ хорошо извѣстны, какъ въ Луденѣ, хотя и тутъ былъ сожженъ невинный человѣкъ, но о немъ какъ-то забыли. Историки, истощивъ весь свой пылъ въ событіи съ Грандье, не нашли ни одного слова сочувствія для бѣднаго священника Булье, погибшаго на кострѣ, вслѣдствіе обвиненія одной сумасшедшей, испорченной дѣвушки. Мишле излагаетъ это дѣло съ непростительной легкостью, и можно по-

ложительно сказать, что не понялъ его истиннаго значенія.

Въ тотъ самый годъ, когда Урбанъ Грандье погибъ на кострѣ, среди монахинь монастыря С. Франсуа, въ Лувье, появились одержимые дьяволомъ. Мы уже знаемъ, чѣмъ выражалась такая одержимость. «Эти пятнадцать дѣвушекъ, говоритъ одинъ изъ ближайшихъ свидѣтелей *), теряютъ сознание и падаютъ во время заклинанія въ обморокъ, причемъ лица ихъ пылаютъ жаромъ. Въ теченіи всего обморока, продолжающагося полчаса и болѣе, у нихъ незамѣтно ни малѣйшаго дыханія. Затѣмъ онѣ чудеснымъ образомъ возвращаются къ жизни,—прежде всего приходятъ въ движеніе большіе пальцы ногъ, потомъ ступня, потомъ вся нога, потомъ животъ, затѣмъ грудь и шея; во все это время лицо остается совершенно неподвижнымъ; наконецъ, оно начинаетъ искажаться и вновь появляются страшныя корчи и конвульсіи». «Дагонъ (дьяволъ, которымъ сестра Марія Святаго Духа была одержима) бунтовалъ въ ней, говоритъ отецъ Эспри де-Бороже, въ теченіи четырехъ часовъ, желая помѣшать ей приобщиться Св. Тайнъ. Онъ все это время поражалъ ее ужасными корчами, нѣсколько разъ бросалъ ее о землю, заставлялъ сотни разъ прыгать, бѣгать вокругъ церкви, толкать и сшибать съ ногъ лицъ, находящихся въ церкви, вскакивать на престолъ, все ломать, го-

*) J. Lebreton: La Défense de la vérité touchant la possession des religieuses de Louviers; Evreux, 1643, in 4°.

ворить тысячи непристойностей, требовать себѣ поклоненія всего народа, выражать презрѣнiе къ Богу, и, въ концѣ концовъ, заставилъ ее произнести ужаснѣйшія богохульныя слова — обычный припѣвъ дьявола. Во время такого бѣснованія, заклинатели, увидѣвъ Дагона у главнаго прихода, обратились противъ него съ молитвами. Словно сраженный громомъ, этотъ дьяволъ упалъ ницъ лицомъ на полъ около рѣшетки, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ престола».

Каждая монахиня была одержима особымъ дьяволомъ:

«Сестра Марія Святаго Причастія, дочь президента выборовъ въ Понъ-де-Ляршъ, одержима Пентефрiемъ, дьяволомъ Пикара.

«Сестра Марія Св. Духа—Дагономъ, дьяволомъ Магдалины Бавень.

«Сестра Анна Рождества Богородицы, послушница—Левіоаномъ.

«Сестра Варвара Святаго Михаила—Анситифомъ.

«Сестра Луиза де-Пинтевилль, дочь главнаго придворнаго прокурора въ Нормандіи — Арфаксатомъ.

«Сестра Анна Святаго Августина—Гонзагомъ.

«Сестра Марія Шеронъ—Гронгадомъ.

«Сестра Марія Исуса—Фэтономъ.

«Сестра Елизавета де-Сень-Совѣръ—Асмодеемъ.

«Сестра Франсуаза Воплощенія Христова — Калкониксомъ *).

*) Récit véritable de ce qui s'est fait et passé à Louviers, touchant les religieuses possédées. Extrait d'une lettre écrite de Louviers à un évêque. Paris. 1648.

Изъ числа одержимыхъ сестеръ всего болѣе страдали двѣ сестры: сестра Анна Рождества Богородицы и сестра Магдалина Бавенъ. Какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, онѣ ненавидѣли другъ друга и обвиняли другъ друга въ самыхъ ужасныхъ преступленіяхъ. Одной изъ этихъ дѣвушекъ—Магдалинѣ Бавенъ—вообразилось, что ея недавно умершій духовникъ, священникъ Пикарь, былъ колдунъ, сообщникъ и подстрекатель дьяволовъ.

Существуетъ весьма любопытная и рѣдкая книга *), которую можно было бы озаглавить: Записки Магдалины Бавенъ. Когда эту монахиню заключили въ тюрьму въ Руанѣ, то препод. патеръ Демаре изъ Оратоара посовѣтовалъ ей написать исторію своей жизни. Рукопись, переданная патеру Демаре и вѣроятно пересмотрѣнная имъ, была напечатана въ 1652 году. Мишле принялъ эту странную исповѣдь сумасшедшей за чистую монету. Основываясь на галлюцинаціяхъ ви-

*) Histoire de Magdeleine Baveut, religieuse des monastère de Saint Louis de Louviers, avec sa confession générale et testamentaire ou elle déclare les abominations, impiétés et sacrilèges qu'elle a pratiqués, et vu pratiqués, tant dans ledit monastère qu'au sabbat, et les personnes qu'elle y a remarquées. Ensemble l'arrest donné contre Mathuriu Picard, Thomas Boullé et ladite Baveut, tous convaincus du crime de magie. Dédié à M-me la duchesse d'Orleans. Paris (1652). Эта книга, также какъ и брошюры и мемуары, въ которыхъ говорится объ одержимыхъ въ Лувье, были перепечатаны въ Руанѣ въ 1879 году, съ прежнимъ заглавіемъ, къ которому прибавлено еще слѣдующее: Recueil de pièces sur les possessions des religieuses de Louviers.

дѣнїяхъ истеричной женщины, Мишле сталъ излагать исторїю одержимости въ Лувье. Какъ могъ такой гениальный писатель впасть въ такую ошибку? Какъ могъ онъ не замѣтить въ каждой строкѣ автобіографїи Магдалины болѣзненнаго обмана или причудливаго бреда истеричной? Неужели же можно было повѣрить, чтобы старый священникъ Давидъ, предшественникъ Пикара, обнажалъ всѣхъ монахинь, съ цѣлью давать имъ причастіе въ образѣ непорочной Евы, до ея грѣхопаденїя? Неужели можно допустить, чтобы Давидъ завѣщалъ свое тѣло Вельзувулу? Неужели можно повѣрить, что Пикаръ и Булье отправлялись на шабашъ въ компанїи съ Магдалиной? Можно, конечно, съ натяжкой, допустить, что въ исповѣди Магдалины нѣкоторыя событія предстѣвлены въ истинномъ свѣтѣ; но у несчастной разсудокъ до того помраченъ, что нѣтъ никакой возможности отдѣлить истину отъ того безобразнаго бреда, которымъ переполнены ея записки. Насколько интересна эта книга съ психологической точки зрѣнїя, настолько она малоцѣнна въ качествѣ историческаго документа. Чтобы довѣрять запискамъ Магдалины Бавенъ, нужно отличатьсья легковѣріемъ консисторскихъ судей въ Эврѣ и членовъ руанскаго парламента, которые распорядились отрыть тѣло Пикара и сжечь заживо Булье, на основанїи доноса сумасшедшей.

Кому же принадлежать эти строки, и кто, кромѣ сумасшедшаго, можетъ писать слѣдующее: «Однажды, Пикаръ, давая мнѣ причастіе у рѣ-

шетки, дотронулся пальцемъ до моей груди, выше нагрудника, и, вмѣсто обычныхъ по требнику священныхъ словъ, сказалъ мнѣ: «Вотъ ты увидишь, что съ тобою случится». Дѣйствительно, охваченная внутреннимъ волненіемъ, я вынуждена была выйти въ садъ и сѣла тамъ подъ тутовое дерево. Тогда ко мнѣ явился дьяволъ въ образѣ домашняго кота и, положивъ заднія лапы мнѣ на колѣни, а переднія на мои плечи, приблизилъ свою морду къ моему рту и, смотря на меня ужаснымъ взглядомъ, казалось, хотѣлъ высосать изъ меня причастіе. Сдѣлалъ ли онъ это—я не знаю. Гдѣ-то въ моихъ бумагахъ дьяволъ утверждаетъ, что сдѣлалъ... Слѣдующую ночь я услышала голосъ, похожій на голосъ монахини, который звалъ меня. Было около одинадцати часовъ; я встала, направилась къ дверямъ моей кельи, и вдругъ почувствовала себя унесенной, не зная ни кѣмъ, ни куда. Я потеряла сознание и очнулась въ какомъ-то неизвѣстномъ мѣстѣ, гдѣ находилось много священниковъ и монахинь, въ томъ числѣ и Пикарь». Мы, стало быть, опять возвращаемся къ ночному сборищу монахинь и священниковъ, и это среди XVII вѣка, втайнѣ отъ объѣздчиковъ и народонаселенія, у воротъ такого многолюднаго города какъ Лувье. Магдалина подтверждаетъ, что шабашы существовали. Какъ ей не знать, если она сама на нихъ бывала? Можно судить по этому показанію, насколько заслуживаютъ вѣры и другія показанія старыхъ колдуній предшествовавшаго вѣка... Какъ? Эти шабашы были народнымъ со-

браніемъ, глухимъ протестомъ крестьянства и низшаго духовенства противъ феодализма? Во всякомъ случаѣ, ничего подобнаго не могло имѣть мѣста во времена Магдалины Бавенъ, а между тѣмъ она, по примѣру своихъ предшественницъ, описываетъ эту дьявольскую оргію: «Я никогда не могла узнать, какимъ образомъ меня туда переносили. Въ моихъ бумагахъ — у Магдалины, какъ у многихъ подобныхъ больныхъ, была манія писать — указывается до очевидности, что это происходило по приказанію Пикара. Какъ бы мнѣ не хотѣлось теперь побывать на шабашѣ, для меня это невозможно; я даже не знаю, какъ къ этому приступить. Впрочемъ, меня приносили обратно совершенно одинаковымъ образомъ и, часа полтора или даже три спустя, я опять находилась въ своей кельѣ и ложилась въ постель. Мѣсто, гдѣ происходило сборище, мнѣ неизвѣстно. Я даже не подмѣтила никакихъ особенностей; только мнѣ кажется, что помѣщеніе скорѣе тѣсное, чѣмъ обширное; что нѣтъ мѣста, гдѣ можно было бы сѣсть, и что оно освѣщалось свѣчами. Я тамъ видѣла преимущественно священниковъ и монахинь, весьма рѣдко мірянъ. Дьяволы тамъ очень часты, то въ видѣ полулюдей или полуживотныхъ, то просто въ образѣ людей, и Пикарь, возлѣ котораго я находилась, указывалъ мнѣ на нихъ. У престола священники служатъ обѣдню съ богохульственными книгами. Что же касается остіи (облатки), освящаемой во время службы, то она показалась мнѣ схожей съ той, которую употребляютъ въ церк-

вахъ, только она имѣла рыжеватый оттѣнокъ; я могу о ней говорить, такъ какъ мнѣ случалось тамъ приобщаться. Тамъ также бываетъ возношеніе даровъ, и въ это время я слышала самыя гнусныя богохульства. Когда тамъ ѣли, то только человѣчье мясо, но это бывало рѣдко. Въ чистый четвергъ я видѣла ужаснѣйшую тайную вечерю: Принесли цѣлаго изжареннаго ребенка и онъ былъ съѣденъ присутствующими. Я не могу достовѣрно сказать, пробовала ли я его или нѣтъ. Я говорила своему духовнику, что, кажется, я начала ѣсть, но сейчасъ же оставила, потому что мясо показалось мнѣ слишкомъ прѣснымъ. Два какихъ-то важныхъ человѣка были приведены на сбирище: одного изъ нихъ, совершенно голаго, привязали къ кресту и прободали ему бокъ, отчего онъ немедленно умеръ; другаго же привязали къ столбу и выпотрошили ему внутренности».

Какъ бы эти выписки не казались длинными, онѣ бесполезны: онѣ доказываютъ, до чѣго заблуждались тѣ, кто придавалъ бреднямъ Магдалины Бавенъ серьезное значеніе. Нѣтъ возможности чувствовать къ этой женщинѣ того сожалѣнія, которое обнаруживаетъ къ ней Мишле. Все что она рассказываетъ о своемъ заключеніи, о своихъ страданіяхъ въ тюрьмѣ, о своихъ попыткахъ къ самоубійству, — очевидная ложь, галлюцинаціи. Правда тонула въ цѣломъ потокѣ несообразныхъ измышленій, и было бы крайне неразумно скольконибудь довѣряться всѣмъ этимъ бреднямъ; не говоря уже о томъ, что болтовня этой помѣшанной имѣла

послѣдствія болѣе тяжкія, нежели ошибку историка—изъ-за этой болтовни былъ казненъ невинный.

Въ 1643 г. начался судъ надъ Булье. Но потребовалось однако четыре года для произнесенія окончательнаго приговора (1643 — 1647). Въ теченіи четырехъ лѣтъ всѣ пружины свѣтскаго суда были пущены въ ходъ, чтобы доказать преступность Булье. Напрасно смѣлый и честный Ивелень, медикъ королевы, указываетъ на неопровержимыя доказательства того, что одержимыя въ Лувье — помѣшанныя или обманщицы: ничто не могло поколебать какъ Пьерра де-Лангла, исповѣдника въ Эврѣ, такъ и архіепископа, капуциновъ-заклинателей и совѣтниковъ руанскаго парламента. Судьи порѣшили, что Булье такой-же колдунъ, какъ и покойный Пикарь, его предшественникъ.

Вотъ эти любопытные обвинительные пункты: 1) Булье заклеименъ печатью дьявола, на что указываютъ безчувственныя мѣста на тѣлѣ, гдѣ клеймо наложено. 2) Магдалина Бавень видѣла его на шабашѣ, чинящимъ непристойности и гнусныя святотатства. 3) Дьяволы поселились въ тѣлѣ монахинь Лувье, и эти дьяволы признаютъ Булье своимъ властелиномъ. 4) Его видѣли на разсвѣтѣ, въ обществѣ съ призракомъ удивительно похожимъ на дьявола. 5) Съ нимъ дѣлаются нервныя припадки, когда онъ служитъ обѣдню. 6) Онъ заговаривалъ зубы. 7) Онъ любилъ читать книги съ закопченнымъ переплетомъ.

Его подвергли самой ужасной (экстраординарной) пыткѣ, но Булье ни въ чемъ не сознался.

Однако преступность его была до того очевидна, что не оказалось надобности въ признаніи. Несчастнаго осудили.

Мы приводимъ часть этого знаменательнаго приговора.

«Выписъ изъ протоколовъ парламентскаго суда: Судъ объявилъ и объявляетъ: Мафурина ле-Пикара и Омю Булье вполнѣ уличенными въ чародѣйствѣ, колдовствѣ и другихъ нечестивыхъ дѣянiяхъ, обращенныхъ противъ Божіей власти. Въ наказаніе и воздаяніе за таковыя преступленія, судъ приговорилъ: названнаго Булье вмѣстѣ съ тѣломъ названнаго Пикара, передавъ исполнителю уголовныхъ приговоровъ, провести по улицамъ и площадямъ города на телѣжкѣ, доставить названнаго Булье къ главной паперти соборной церкви Богоматери, гдѣ онъ долженъ съ обнаженной головой и босой, въ одной рубахѣ, съ веревкой на шеѣ и зажженной двухфунтовой свѣчой въ рукахъ, принести покаяніе и просить прощенія у Бога, короля и правосудія; послѣ чего, стащить его на площадь стараго рынка и тамъ сжечь живаго, а тѣло названнаго Пикара также сжечь и жечь ихъ, пока трупы не превратятся въ пепель, который разсѣять по воздуху. Постановлено въ Руанѣ парламентомъ, августа двадцать перваго дня 1647 года». По странному совпаденію — казнь была совершена на той-же площади, на которой двѣсти лѣтъ предъ тѣмъ была сожжена Жанна д'Аркъ.

Булье былъ одной изъ послѣднихъ жертвъ демонизма. Въ 1674 года, въ мѣстности Вирь, нѣ-

сколько полусумасшедшихъ крестьянъ обвинили колдуновъ, что они наслали на нихъ порчу. Дѣло дошло до руанскаго парламента, который приговорилъ мнимыхъ колдуновъ къ смерти. Къ счастью, если не въ Руанѣ, то по крайней мѣрѣ въ Версальѣ, нравы уже измѣнились. Эдиктъ Кольбера, замѣнивъ смертную казнь вѣчнымъ изгнаніемъ, воспрещалъ впредь судамъ принимать обвиненія въ колдовствѣ. Парламентъ счелъ своимъ долгомъ сдѣлать королю серьезное внушеніе: «Священное Писаніе приговариваетъ къ смертной казни всѣхъ, кто занимается колдовствомъ. Во всѣхъ націяхъ было общимъ правиломъ приговаривать колдуновъ къ смертной казни, и всѣ древніе раздѣляли это мнѣніе. Также и въ самой Франціи, всѣ судебныя постановленія, съ Григорія Турскаго до де-Ланкра, приговариваютъ колдуновъ къ смертной казни». Это внушеніе не имѣло, однако, никакого успѣха и, къ великому счастью, Людовикъ XIV не измѣнилъ своего рѣшенія (XX).

Тѣмъ не менѣе не все еще было кончено съ колдовствомъ, и въ 1730 году, при судѣ въ Эксѣ, возбуждается дѣло Луизой Кадьеръ противъ отца Жирара, ея духовника; дѣло, представлявшее собою точную копію съ дѣлъ Гофриди, Грандье и Булье. Луиза Кадьеръ, истеричная и почти полупомѣшанная монахиня, обвиняетъ своего духовника, іезуита, отца Жирара въ томъ, что онъ обольстилъ и околдовалъ ее*). Что касается до

*) Всѣ бумаги, относящіяся къ дѣлу Кадьеръ, напечатаны

обвиненія въ обольщеніи, то оно не подлежитъ сомнѣнію. Стоитъ только прочитатъ дѣло и признаніе самаго Жирана, чтобы убѣдиться въ этомъ. Но относительно обвиненія въ околдованіи, мы уже знаемъ какой оно заслуживаетъ вѣры. Луиза Кадьеръ, подобно Магдалинѣ де ля-Палю, Жаннѣ де Бельсіель, Магдалинѣ Бавенъ, сумасшедшая, демономанка, эпилептико-истеричная. Вотъ что говоритъ ея духовникъ въ доказательство того, что Жиранъ дѣйствительно колдунъ: «Дѣвицу Кадьеръ застали въ самыхъ ужаснѣйшихъ припадкахъ и конвульсіяхъ; тогда аббатъ Кадьеръ (ея братъ) взялъ эпитрахиль и требникъ, и сталъ произносить заклинаніе. Онъ приказалъ демону сказать свое имя. Дѣвица Кадьеръ, остававшаяся до той минуты безчувственной, точно мертвая, вдругъ произнесла необыкновеннымъ голосомъ: «Жиранъ Жанъ Баптистъ»; она повторила это три или четыре раза. Мессиръ Гандальберъ, священникъ тулонскаго собора, говоритъ, что во время этихъ припадковъ всѣ члены Луизы были вытянуты и лишены способности сгибаться, шея вздута, кожа натянута какъ на барабанѣ, а когда она приходила въ себя, то ничего не помнила, что съ нею дѣлалось. Во время заклинанія, у нея появился сильный припадокъ. Когда Мессиръ Жиранъ положилъ на нее

въ пяти томахъ, съ добавленіемъ подъ заглавіемъ: *Recueil général des piéces contenues au procès de Jean—Baptiste Girard, jésuite, et de demoiselle Catherine Cadriere querellante.* См. также: *le Memoire instructif pour demoiselle Cadriere in f^o, Aix, 1731, et le Memoire instructif pour le père Girard in f^o. Paris, 1731.*

конецъ эпитрахили, она сбросила ее два или три раза съ бранными и непристойными словами; она находилась въ состояніи еще болѣе возбужденномъ, чѣмъ въ первый разъ, и ужасно мучилась, прижавъ лицо къ подушкѣ. Другіе разы, пригнувъ колѣни къ самому подбородку, она оставалась въ такомъ видѣ съ совершенно окоченѣвшими оконечностями, а однажды три дня провела въ подобномъ положеніи, не принимая пищи; потомъ, вдругъ, встала и, казалось, выздоровѣла, но затѣмъ легла и вновь впала въ предыдущее состояніе, оставаясь въ немъ до слѣдующаго утра».

Что нынѣ кажется намъ столь простымъ и такъ хорошо объясняется истеричностью Луизы Кадьеръ, въ то время казалось необыкновеннымъ, указывавшимъ на дѣйствиіе чаръ, колдовства. Но кто-же былъ истиннымъ виновникомъ — дѣвица или священникъ? Въ засѣданіи суда въ Эксѣ, изъ пяти судій, двое настаивали на сожженіе Жирара, а трое — Кадьеръ. Въ концѣ концовъ порѣшили задушить колдунью. Въ парламентѣ голоса также раздѣлились. Двѣнадцать судей подали голосъ противъ Жирара и присудили его къ костру; остальные же тринадцать нашли его не виновнымъ. Луизу Кадьеръ также оправдали и, по выраженію приговора, «возвратили ея матери». Приговоръ былъ вполне справедливый, и Мишле въ своей ненависти къ іезуитамъ исказившій все это дѣло, напрасно возстаетъ противъ него. Жираръ былъ виновенъ въ распутствѣ, въ духовномъ кровосмѣшеніи относительно своей духовной дочери, какъ тогда вы-

ражались. Согласенъ! Но развѣ за это можно жечь людей? Очевидно, судъ постановилъ совершенно правильный приговоръ и можно только удивляться, что въ XVIII столѣтїи въ одномъ изъ парламентовъ Франціи изъ двадцати-пяти судей — двѣнадцать настаивали на сожженїи священника-колдуна.

Таковъ былъ исходъ послѣдняго обвиненїя въ колдовствѣ — блѣдный отблескъ прежнихъ, подобныхъ же обвиненїй.

Но какъ въ сущности замѣчательно аналогичны всѣ эти ужасные процессы! Священникъ Гоффриди, обвиненный въ чародѣйствѣ помѣшанной монахиней, умираетъ на кострѣ. Священникъ Грандье, обвиненный истеричными, безумными монахинями всего монастыря, погибаетъ на кострѣ. Священникъ Булье, обвиненный въ колдовствѣ совершенно сумасшедшей монахиней — погибаетъ на кострѣ. Священникъ Жираръ, обвиняемый въ томъ-же полупомѣшанной монахиней, благодаря перевѣсу только одного голоса въ парламентѣ Экса, избѣгаетъ костра за мнимое преступленіе.

Бросимъ теперь общій взглядъ на прошлое, на нѣкогда господствовавшїя идеи о колдовствѣ и демонической одержимости. Съ самыхъ древнихъ временъ мы уже находимъ установившимся мнѣніе, что нѣкоторыя болѣзни, выражающїяся конвульсіями и неистовыми движенїями, ниспосылаются мстительными божествами. Это примитивное мнѣніе опровергалось еще Гиппократомъ и Галіемъ, не допускавшими существованіе сверхестественныхъ причинъ. Тѣмъ не менѣе, оно упорно держится въ

человѣческомъ сознаніи, переживаетъ всевозможные религіозные, политическіе и социальныя перевороты и смутно признается священниками и учеными среднихъ вѣковъ до половины XIV столѣтія. Съ этого времени вѣрованіе въ дьявола и страхъ передъ его могуществомъ начинаютъ расти, развиваться и, въ концѣ концовъ, безраздѣльно торжествуютъ. Число бѣснующихся множится. Заклинатели расширяютъ кругъ своихъ дѣйствій. Цѣлыя общины воображаютъ себя во власти дьявола. И на этой именно почвѣ возникаютъ грандіозныя фантастическія идеи о ночныхъ сборищахъ колдуній, о шабашѣ. Волшебники и колдуны, эти сообщники сатаны, оказываются повсюду, какъ и самъ сатана. Повсюду зажигаются и костры. Въ началѣ эти костры зажигаетъ церковь, но затѣмъ, съ половины XVI вѣка, свѣтское правосудіе смѣняетъ духовное и оказывается не только не мягче, а напротивъ жестче: самое большее количество колдуновъ сжигается именно съ 1550 года по 1600. Этотъ двойной терроръ, терроръ сатаническаго владычества и терроръ людскаго правосудія, прекращается только въ ~~началѣ~~ XVII вѣка. Но царство дьявола исчезаетъ не вдругъ. Оно продолжаетъ еще держаться почти цѣлое столѣтіе, вопреки умственному прогрессу и какъ бы на смѣхъ ему. Парламентамъ, ослѣпленнымъ одряхлѣвшимъ суетвѣріемъ, удается еще сжечь нѣсколько несчастныхъ священниковъ-колдуновъ, по голословному обвиненію сумасшедшихъ монахинь.

Въ наше время не знаютъ ни колдовства, ни

одержимыхъ. Въ какихъ нибудь отдаленныхъ деревняхъ, быть можетъ, и теперь еще, среди стариковъ-крестьянъ, живетъ вѣра въ обратней и въ чародѣйство, какъ въ нѣкоторыхъ странахъ и до сихъ поръ признается, быть можетъ, власть злыхъ духовъ надъ человѣкомъ. Но дѣло въ томъ, что изъ людей здравомыслящихъ никто уже болѣе не допускаетъ вмѣшательства дьявола въ людскія дѣла. Кропотливыя и послѣдовательныя медицинскія изслѣдованія разрушили всѣ козни дьявола, показавъ, что бредъ истеричныхъ, ихъ неистовые крики, корчи и конвульсии, подлежатъ строгой, необходимой и роковой законсообразности, послѣдовательности, которую всегда можно установить, если только подвергнуть явленія медицинскому изученію. Симптомы проявлявшіеся у лудѣнскихъ урсулинокъ, у монахинь въ Лувье и у бѣснующихся, которыхъ отчитывали въ церквахъ, совершенно тождественны съ симптомами, ежедневно наблюдаемыми у истеричныхъ въ Сальпетриерѣ.

У тѣхъ и у другихъ одна болѣзнь, выражающаяся одинаковыми признаками. Возможная разница настолько незначительна, что мы вправѣ заключить, что одержимыя дьяволомъ женщины, надъ которыми произносились нѣкогда заклинанія, были больныя, помѣшанныя женщины, а несчастные, обвиненные ими, совершенно невинные.

Что же касается эпидемическихъ конвульсій, подобно тѣмъ, которыя имѣли мѣсто въ монастыряхъ въ XVII вѣкѣ, а позднѣе, въ XVIII, повторились на могилѣ дьякона Париса, а также у чана

Месмера, то объясненіе ихъ затруднительнѣе. Тутъ слѣдуетъ допустить нѣкоторую нервную заразительность. Конечно, здѣсь не можетъ быть рѣчи о матеріальномъ контактіи, видимомъ въ микроскопѣ, какъ инфекціонные зародыши оспы или чумы. Въ данномъ случаѣ заразительность дѣйствуетъ путемъ раздраженія. Какъ при видѣ зѣвающего человѣка является влеченіе зѣвнуть самому, такъ и нервная женщива, при видѣ нервныхъ припадковъ своей товарки, испытываетъ неодолимое влеченіе подражать имъ.

Благодаря вотъ этой невольной, неодолимой склонности къ подражанію, въ женскихъ монастыряхъ, гдѣ затворничество, мистицизмъ и всевозможныя лишенія такъ предрасполагаютъ къ истерикѣ, — достаточно было одного нервного припадка у какой нибудь монахини, чтобы онъ сообщился затѣмъ всей общинѣ. Это не теоретическія предположенія, а вполне историческіе факты. Стоитъ познакомиться съ тѣмъ, что происходило въ Кинторѣ, Лудѣнѣ, Лувье, чтобы убѣдиться, что истерика можетъ распространяться въ кругу женщинъ съ такою же быстротою, какъ тифъ въ пораженной арміи.

Склонность къ подражанію вполне объясняетъ это распространеніе истерическихъ припадковъ въ стѣнахъ монастырей, въ деревняхъ и даже въ посадахъ, но какъ объяснить однородный характеръ бреда, эпидемически царствовавшего во всей Европѣ въ теченіи двухъ столѣтій? Чѣмъ объяснить, что въ теченіи болѣе двухъ столѣтій всѣ несчастные, привлекавшіеся въ судъ, говорятъ о своихъ

посѣщеніяхъ шабаша, описываютъ его гнусныя обряды, рассказываютъ съ изумительными подробностями о преслѣдованіяхъ дьявола, которымъ подвергаются? Всѣ они видятъ тѣхъ же самыхъ дьяволовъ, принимаютъ участіе въ однѣхъ и тѣхъ же чародѣйствахъ, страдаютъ однимъ и тѣмъ же дьявольскимъ навожденіемъ! Какъ слѣдуетъ смотрѣть на эти признанія, не вымученныя пыткой, а высказанныя добровольно? Говорили-ли они о дѣйствительно существовавшихъ фактахъ или это галлюцинаціи?

Чтобы здраво судить о подобныхъ признаніяхъ нужно знать странную особенность человѣческаго ума. Вслѣдствіе чрезвычайнаго самолюбія и превеличеннаго довольства самимъ собою, мы всѣ, болѣе или менѣе, склонны вообще предполагать въ другихъ, желаніе насъ преслѣдовать, презирать или смѣяться надъ нами. Каждому изъ насъ кажется, что ему никогда не воздають должное. Случайности, постигающія насъ вслѣдствіе нашихъ же ошибокъ или проступковъ, невольно приписываются нами постороннимъ преслѣдованіямъ и недоброжеланію, доказать которыя мы не можемъ. Конечно, у большинства людей, разумъ подавляетъ эту странную склонность видѣть всюду недруговъ, и устраняетъ ея прискорбныя послѣдствія. Къ несчастію, не всѣ люди обладаютъ такой способностью и нѣкоторые несчастные кончаютъ тѣмъ, что воображаютъ себя окруженными преслѣдующими ихъ врагами. Всюду они видятъ хитрыя козни, направленные противъ нихъ. Ихъ разстроенное воображеніе создаетъ са-

мыя странныя комбинаціи. Въ наше время помѣшанныя воображаютъ себя преслѣдуемыми полицейскими агентами, іезуитами, магнетизерами, физиками, электриками, стучащими духами и т. д. Въ прежнія времена, хотя по природѣ своей бредъ былъ тотъ же, но враги были совершенно другіе. Это были дьяволы, домовые, вѣдьмы, вампиры, кикиморы. Тогда, какъ и нынѣ, игралъ роль все тотъ же бредъ преслѣдованій. Тогда, какъ и нынѣ, испытываемыя страданія приписывались тайнымъ врагамъ. Но въ наши дни безуміе ищетъ своихъ преслѣдователей среди сильныхъ даннаго времени, а безуміе прежнихъ дней искало ихъ среди сильныхъ своего времени — злыхъ духовъ и ихъ сообщниковъ. Въ старыхъ фантастическихъ разсказахъ, передаваемыхъ шепотомъ и съ трепетомъ въ убогихъ хижинахъ, и принимавшихся за непреложную истину, всякій преслѣдуемый безумецъ находилъ объясненія своимъ собственнымъ страданіямъ и, являясь передъ инквизиторомъ, наивно разсказывалъ о тѣхъ мученіяхъ, которыя причинялъ ему сатана.

Вмѣсто того, чтобы лечить этихъ несчастныхъ, ихъ преслѣдовали; за ними охотились, ихъ травили, хватили и представляли передъ неумолимымъ трибуналомъ. Тысячами приговаривали ихъ къ пыткамъ и бросали въ пламя костровъ. Судьи, погубившіе столько невинныхъ, не были, однако, ни извергами, ни злодѣями. Они думали, что поступаютъ справедливо. Но общее суевѣріе ослѣпляло ихъ, и колоссальное невѣжество ихъ вѣка тяготѣло надъ ихъ приговорами.

Да не будетъ безплоднымъ для насъ этотъ печальный примѣръ! Да послужитъ онъ намъ великимъ урокомъ гуманности и терпимости! Преступники, какими считали ихъ триста лѣтъ назадъ, нынѣ признаются сумасшедшими. Кто знаетъ, насколько могутъ преобразоваться и наши суды черезъ триста лѣтъ? Кто знаетъ, что и и наше правосудіе не окажется тогда слишкомъ строгимъ? Это зло можетъ быть избѣгнуто — необходимо чтобы человѣкъ относился снисходительно къ ошибкамъ, слабостямъ и невѣжеству другихъ, чтобы онъ зналъ, что безъ милосердія не можетъ быть и правосудія.

ДОПОЛНЕНИЕ.

I. Дѣйствительность сомнамбулизма.

Кажется, въ настоящее время не найдется ни одного лица, сомнѣвающагося въ дѣйствительности всѣхъ этихъ явленій. Если таковыя и найдутся, то, оставаясь безпристрастными, они не замедлятъ убѣдиться въ противномъ, до такой степени серьезны собранныя доказательства!

Д-ръ Эздель изъ Калькутты произвелъ триста тяжелыхъ операций на субъектахъ, анестезированныхъ гипнотизмомъ. Во Франціи Брока и Вель по также производили безболѣзненные операции при посредствѣ гипнотической анестезіи. Одинъ нѣмецкій военный врачъ, о которомъ говоритъ Прейеръ, вырывалъ зубы у солдатъ своего полка, анестезируя ихъ помощью гипнотизма.

Шарко и Рише, Бурневилль и Ренъяръ представили на рисункахъ и фотографическихъ снимкахъ различныя фазы сомнамбулическаго приступа, и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, начиная съ 1878 г. и по нынѣ, эти фазы оставались одинаковыми, имѣли тѣ же періоды, тѣ же формы, тѣ же симптомы.

Въ 1875 году я писалъ: «Каждый, кто занимался спеціальнымъ изученіемъ этого вопроса, убѣждался въ возможности вызывать данный нервозъ. Отрицають только тѣ, которые не производили сами наблюденій, довольствуясь игнорированіемъ шарлатанскихъ измышлений». Эти слова оправдались. Съ 1875 года многіе ученые занимались этимъ вопросомъ, и всѣ они безъ исключенія пришли къ тому убѣжденію, что сомнамбулизмъ — фактъ неоспоримый. — Си-

муляцію можно признать только въ томъ случаѣ, если допустить, что, съ одной стороны, насъ эксплуатируютъ крайне ловкіе плуты и, съ другой, что всё мы физиологи и врачи Франціи, Италіи, Германіи, Англии, Америки и Россіи отличаемся феноменальной довѣрчивостью и наивностью.

Или сомнамбулическіе факты дѣйствительны, или они составляютъ результатъ симуляціи. Если они симулируются, то нужно предположить существованіе столь всеобщей симуляціи во времени и пространствѣ, симуляціи столь совершенной, сложной, настойчивой и научной, что она является однимъ изъ наименѣе необычайныхъ явленій, когда либо отмѣченныхъ въ исторіи наукъ.

Несомнѣнно, что въ настоящее время никто не отважится написать статьи подобную той, какую въ 1874 г., за годъ до появленія моей монографіи, написала Дешамбръ о месмеризмѣ въ *Dictionnaire encyclopédique des sciences médicales*.

II. Контрактуры перваго періода.

Большинство авторовъ изучавшихъ сомнамбулизмъ особенно тщательно занимались изученіемъ лишь того періода, который выражается полнымъ сномъ; но если бы они обратили свое вниманіе на первый періодъ, характеризующійся оцѣпенѣлостью и не имѣющій другихъ отличительныхъ признаковъ, они, безъ сомнѣнія, должны были бы признать чрезмѣрное повышеніе рефлекторной мышечной возбудимости *).

Этотъ фактъ констатируется слѣдующимъ образомъ: сильными движеніями притягиваютъ предплечіе къ плечу и разминаютъ въ нѣсколько приемовъ *musc. triceps brachii*. Пользуясь аналогичнымъ приемомъ, мнѣ удалось показать крайнюю возбудимость мышцъ у истеричныхъ субъек-

*) Ch. Richet, *Archives de physiologie*. 1881, стр. 155.

товъ *). Сильнаго сокращенія и механическаго раздраженія мускула достаточно для того, чтобы тотчасъ вызвать его контрактуру.

У субъектовъ, подвергнутыхъ въ теченіи извѣстнаго времени такъ называемымъ магнетическимъ пассамъ, легко вызвать контрактуру плеча: физиологическое состояніе подобнаго субъекта какъ бы аналогично состоянію истеричной особы. Субъектъ держитъ руку въ вытянутомъ положеніи, не испытывая ни малѣйшей усталости; но для этого необходимо предварительнымъ разминаніемъ мышцы, вызвать рефлекторную контрактуру. Протянувъ другую руку, субъектъ ощущаетъ значительную разницу въ состояніи обѣихъ своихъ рукъ. Въ рукѣ, находящейся въ состояніи контрактуры, онъ не испытываетъ ни малѣйшей усталости, тогда какъ мышцы другой руки быстро утомляются и становятся тяжелыми, какъ свинецъ. Всякій можетъ повторить этотъ опытъ на самомъ себѣ и констатировать, что по прошествіи двухъ или трехъ минутъ въ рукѣ, протянутой горизонтально, испытывается страшное утомленіе. Наоборотъ, лица, подвергнутыя на нѣсколько минутъ магнетическому вліянію, въ теченіи долгаго времени безъ всякой усталости могутъ держать руку въ горизонтальномъ положеніи.

Въ рукѣ, находящейся въ состояніи контрактуры, не только усталость меньше, но еще требуется особое усиліе для того, чтобы согнуть ее. Пациентъ можетъ, конечно, согнуть ее, но признается, что для этого нужно нѣкоторое усиліе. Наблюдатель, опираясь слегка на руку, констатируетъ, что она оцѣпенѣла, одеревенѣла, тогда какъ другая рука при малѣйшемъ давленіи на нее сгибается.

Приведемъ два аналогичныхъ факта:

1° Р... молодой человекъ, 18 лѣтъ, будучи подвергнутъ въ теченіи 10 минутъ пассамъ, испытываетъ наклонность ко сну, хотя глаза его и остаются открытыми: сознание и

*) Faits pour servir dec contractures—Progrés medical, май—июнь 1880 и Comptes rendus de l'Académie des sciences 1 сент. 1879.

интеллектъ безъ измѣненій. Если вытянуть ему руку, то эта рука цѣпенѣетъ и остается безъ малѣйшей усталости въ горизонтальномъ положеніи въ теченіи четверти часа.

2° Ж... 25 лѣтъ, будучи подвергнутъ въ теченіи 5 минутъ пассажъ, получаетъ крайнюю возбудимость всѣхъ мышцъ. Разминая тотъ или другой мускуль, можно вызвать соответствующую контрактуру (то что онъ называетъ судорогой). Эта контрактура продолжается почти безконечно долгое время: она безболѣзна. Если онъ возьметъ тяжесть въ вытянутую руку, то она все такъ остается въ горизонтальномъ положеніи. Ощупывая триггера, можно убѣдиться въ существованіи контрактуры, именно эта мышца представляется твердой, натянутой на подобіе веревки. Ж. долженъ сдѣлать извѣстное усиліе, чтобы согнуть руку.

III. О вліяніи движеній на идеи.

Объяснить вліяніе двигательныхъ нервовъ и нервныхъ центровъ на движеніе, не значитъ еще объяснить все явленіе: мускулы снабжены кромѣ того чувствительными, центропетальными нервами, такъ что всякое мышечное сокращеніе вызываетъ нервное возбужденіе, достигающее до центра, и такимъ образомъ можетъ вызвать либо рефлекторное движеніе, либо сознательное ощущеніе (перцепцію) или бессознательное.

Оставляя въ сторонѣ рефлекторныя движенія, займемся лишь ощущеніями, вызываемыми движеніемъ.

Здѣсь могутъ представиться три случая: въ самомъ дѣлѣ мышечное движеніе, переданное нервнымъ центрамъ, можетъ быть волевымъ, рефлекторнымъ или сообщеннымъ.

При писаніи, напр., этихъ строкъ я произвожу волевыя движенія и вмѣстѣ съ тѣмъ сознаю мышечное усиліе и движенія мышцъ предплечія и кисти. Мы не будемъ разсматривать, какимъ путемъ доходить до нервныхъ центровъ

сознаніе этихъ мышечныхъ сокращеній, такъ какъ этотъ вопросъ отвлекъ бы насъ слишкомъ далеко въ сторону отъ разсматриваемаго предмета. Достаточно напомнить самый фактъ.

Во второмъ случаѣ движеніе уже не волевое, а рефлекторное. Напр., если внезапно приблизить какой нибудь предметъ къ моимъ глазамъ, то вѣки немедленно закроются, и это рефлекторное движеніе чувствуется такимъ же образомъ, какъ если бы я самъ дѣйствительно хотѣлъ закрыть вѣки. Въ обоихъ случаяхъ сознаніе движенія, будь оно рефлекторное или волевое, передается нервнымъ центромъ — весьма вѣроятно, при посредствѣ чувствительныхъ мышечныхъ нервовъ.

Наконецъ, въ третьемъ случаѣ, движеніе можетъ быть сообщеннымъ. Если, напр., кто нибудь возьметъ меня за руку и вытянетъ ее, то мышцы плеча, предплечья и всей руки измѣняются въ состояніи своего напряженія, тонуса, и это мышечное измѣненіе, не составляя настоящаго сокращенія, все же, подобно послѣднему, будетъ отмѣчено нервными центрами.

Вліяніе этихъ сообщенныхъ движеній на ассоціацію или на образованіе ощущеній и идей весьма примѣчательно особенно въ нѣкоторыхъ патологическихъ случаяхъ.

Со времени опытовъ Брѣда извѣстно, что достаточно гипнотизированнымъ субъектамъ или сомнамбуламъ придать извѣстное положеніе, дабы тотчасъ же возникли ощущенія, соответствующія данному положенію. Такъ напр., если гипнотизированному субъекту сжать кулакъ и вытянуть руку, то тотчасъ же вся фигура принимаетъ угрожающій, гнѣвный видъ и все тѣло приспособляется къ этому общему выраженію гнѣва и раздраженія. Если такому субъекту скрестить руки, то черты принимаютъ умоляющее выраженіе; онъ становится на колѣни и всей своей фигурой молить о снисхожденіи.

У нѣкоторыхъ истеричныхъ особъ, напр., у нѣкоторыхъ больныхъ въ Сальпетриерѣ, изъ отдѣленія Шарко, легко можно наблюдать подобныя явленія, и ничего нѣтъ поучительнѣе этихъ наблюденій.

Конечно, не у всѣхъ больныхъ это явленіе выражается одинаково рѣзко. Чѣмъ интеллигентнѣе данный субъектъ, тѣмъ рѣзче выражается это явленіе. У одной изъ больныхъ Сальпетриеры достаточно самаго слабого движенія для того, чтобы немедленно вызвать цѣлый рядъ ощущеній, выражаемыхъ весьма сложными движеніями. Когда Л... спитъ, достаточно произвести малѣйшее движеніе ея членами, чтобы тотчасъ же все тѣло приняло положеніе, соответствующее данному движенію или жесту. Такъ, прикладывая ея правую руку ко рту, какъ бы заставляя ее послать воздушный поцѣлуй, мы видимъ, что она тотчасъ же начинаетъ улыбаться, и вся ея фигура дышетъ любовью; если поднять правый указательный палецъ въ горизонтальномъ положеніи на уровень глаза, то она воображаетъ, что на палецъ сѣла птичка, начинаетъ ласкать ее и играть съ нею. Жестъ, означающій удаленіе, заставляетъ ее думать, что птица улетѣла: она бѣгаетъ по комнатѣ, слѣдитъ глазами за воображаемымъ предметомъ и т. д.

Эти факты, имѣющіе огромное психологическое значеніе, получили названіе бредизма или внутреннихъ идей. Замѣчательно, что это явленіе можетъ локализоваться на одной половинѣ тѣла, такъ что, напр., придавая лѣвой рукѣ угрожающій жестъ, а правой заставляя послать поцѣлуй, мы увидимъ, что черты лица слѣва принимаютъ выраженіе гнѣва, а съ правой они нѣжны и пріятны.

Собственно говоря, явленіе бредизма, или иначе, внутреннихъ идей не слишкомъ отличается отъ другихъ впечатлѣній, дѣйствующихъ на умъ заснувшаго субъекта и рождающихъ въ немъ соответствующія идеи и чувства. Въ томъ и другомъ случаѣ явленіе одинаковое — возникновеніе вызванной идеи, подъ вліяніемъ внѣшняго возбужденія, происходитъ ли оно отъ сообщеннаго движенія мышцъ или впечатлѣній центра чувствилища.

Необходимо выяснитъ, почему у сомнамбуловъ явленіе бредизма совершается съ такой легкостью и экспрессіей.

У сомнамбуловъ замѣчается полнѣйшій автоматизмъ, и данный субъектъ слѣпо, безпрекословно отвѣчаетъ на всѣ внѣшнія возбужденія. Но необходимо, чтобы эти возбуж-

денія были спеціальнаго характера или, по крайней мѣрѣ, чтобы вызванное вниманіе пациента было обращено на нихъ. Такъ, закрыты ли у сомнамбула глаза или открыты, онъ ничего не видитъ, по крайней мѣрѣ, если не побудить его къ тому (все равно сдѣлаетъ ли это магнетизеръ или кто другой, вопреки увѣреніямъ магнетизеровъ по профессіи). Уснувшій субъектъ находится какъ бы въ состояніи оцѣпенѣнія. Возбужденіе, заставляющее его выйти изъ этого состоянія, должно быть весьма сильно, и идея, какова бы она ни была, вызванная этимъ возбужденіемъ, всецѣло овладѣваетъ мозгомъ. Такъ напр., если произнести передъ заснувшимъ субъектомъ слово «змѣя», или просто сдѣлать на полу волнообразные зигзаги, подражая движеніямъ пресмыкающагося животнаго, тотчасъ же въ умѣ сомнамбула возникаетъ идея о змѣѣ въ формѣ реальнаго образа и одновременно съ этимъ возникаютъ всѣ ощущенія, которыя можетъ вызвать подобный образъ. Эти ощущенія не будутъ только внутренними: они выразятся положеніемъ всего тѣла, выраженіемъ чертъ лица, на которомъ ясно отпечатлится ужасъ, отвращеніе и пр.

Обыкновенное сравненіе лучше всего пояснить, почему явленіе бредизма представляется столь могущественнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, состояніе бодрствующаго субъекта можно сравнить съ состояніемъ зрителя въ театрѣ. Свѣтъ, звуки оркестра, тысячи окружающихъ лицъ являются его уму, при посредствѣ органовъ чувствъ, безчисленными возбудителями, умѣряемыми, такъ сказать, другъ другомъ, благодаря чему ни одно изъ нихъ не играетъ преобладающей роли. Всякое возбужденіе исполняетъ свою собственную роль, а взятыхъ вмѣстѣ вызываютъ ощущенія, воодушевляющія зрителя. Наоборотъ, представимъ себѣ, что тотъ-же индивидуумъ находится въ уединеніи, въ полной темнотѣ и тишинѣ; если одно изъ безчисленныхъ возбужденій, остававшихся незамѣченными въ театральномъ залѣ, среди свѣта и шума толпы, подѣйствуетъ на его чувства, то оно вызоветъ идею и сильное ощущеніе, тогда какъ въ театральномъ залѣ то-же самое возбужденіе, такъ сказать, поглощается другими возбужденіями и не производитъ ни ма-

лѣйшаго эффекта. Въ состояніи бодрствованія всѣ чувства возбуждены въ одинаковой степени; зрѣніе, слухъ, обоняніе, осязаніе ежеминутно доставляютъ массу разнородныхъ ощущеній. Совершается тоже самое, что и въ ярко освѣщенномъ, шумномъ театральномъ залѣ. Наоборотъ, чувства сомнамбула притушены. Немногія ощущенія превозмогаютъ его оцѣпенѣніе. Тѣ изъ нихъ, которымъ удается завладѣть умомъ, становятся неограниченными, возбуждаютъ сильныя эмоціи и вызываютъ цѣлый рядъ производныхъ идей. Однимъ словомъ, ощущеніе сильно, потому что оно единично. Такимъ образомъ сомнамбуль, оставленный въ покоѣ, характеризуется своимъ несоотвѣтствіемъ внѣшнему міру. Повидимому и внутренній міръ не существуетъ для него, и единственныя ощущенія, которыя онъ испытываетъ,—это ощущеніе, которыя ему внушены, навязаны извѣ.

Подобное внѣшнее возбужденіе не только охватываетъ всецѣло его умъ, но тотчасъ-же выражается и внѣшними знаками. Все положеніе тѣла отличается такой экспрессіей, лицо такъ естественно измѣняется, что имѣвшіе случаи, или вѣрнѣе, удовольствіе, присутствовать на сомнамбулическомъ сеансѣ, навсегда сохраняютъ о немъ глубокое впечатлѣніе: ни одинъ художникъ, ни одинъ скульпторъ не счумбуютъ реализовать съ такой необычайной правдивостью различныя душевныя движенія, гнѣвъ, экстазъ, любовь, восхищеніе, угрозу, презрѣніе, отвращеніе, ужасъ, какъ эти бѣдныя, истерическія женщины, когда вызываютъ у нихъ во время магнетическаго сна соотвѣтствующія ощущенія. Одинъ знаменитый актеръ, присутствовавшій на этихъ явленіяхъ брэдизма и мимики, сознался мнѣ, что это былъ лучшій урокъ экспрессіи и мимики, когда-либо полученный имъ и что, вѣроятно, ему никогда не дойти до такого совершенства.

Дѣйствительно, не трудно понять, что если даннымъ субъектомъ видимо овладѣваетъ одно ощущеніе, то внѣшность его должна вполне выражать охватившее его чувство. Трудно найти субъекта, который, находясь въ нормальномъ состояніи, былъ бы до такой степени охваченъ какой нибудь одной

страстью. Если, напр., его обуръваетъ гнѣвъ, то къ этому чувству, безъ сомнѣнія, присоединяется чувство презрѣнія или страха; это не будетъ одно схематическое, теоретическое чувство гнѣва, лишенное всякихъ примѣсей, какъ гнѣвъ сомнамбула, всецѣло охваченнаго однимъ этимъ чувствомъ.

Наблюдаемыя явленія бредизма у сомнамбуловъ относятся-ли только къ одной патологіи? Мы этого не думаемъ. Мы полагаемъ, наоборотъ, что ихъ нужно ввести также и въ область нормальной физиологіи. Въ самомъ дѣлѣ, патологическіе факты въ сущности тѣ-же физиологическіе факты, но съ болѣе рѣзкимъ проявленіемъ однихъ феноменовъ или ослабленіемъ другихъ. Если у сомнамбула сообщенное положеніе тотчасъ-же вызываетъ соответствующую идею, то и у нормальнаго субъекта мышечное движеніе, рефлекторное или сообщенное, вызываетъ въ свою очередь идею, соответствующую этому движенію.

Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что у субъектовъ, находящихся въ состояніи бодрствованія, всякое движеніе вызываетъ идеи и чувства, точно также какъ и у сомнамбуловъ. Единственное отличие заключается въ томъ, что у сомнамбула эта вызванная идея, вслѣдствіе пассивности и изолированности ума, становится всемогущей, тогда какъ у нормальнаго субъекта она, такъ сказать, поглощается всей совокупностью ощущеній, доставляемыхъ нервнымъ центромъ. Въ концѣ концовъ, различіе будетъ лишь въ степени: у сомнамбула ощущеніе гораздо сильнѣе; у нормальнаго-же субъекта оно слабѣе; но оно одинаково существуетъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ. Общій выводъ, который можно извлечь изъ этихъ фактовъ весьма важенъ: всякое движеніе, будь оно волевое, рефлекторное или сообщенное, передается нервнымъ центрамъ и модифицируетъ теченіе нашихъ идей и чувствъ.

Въ силу сложности мозговыхъ актовъ, управляющихъ движеніями нашей мускулатуры, мы совершаемъ движенія, которыя не всегда бываютъ сознательными, волевыми; нѣкоторыя изъ нихъ носятъ на себѣ чисто рефлекторный ха-

ракторъ, другія, не будучи собственно рефлексивными, производятся вполне машинально. Сознаніе этихъ движеній не входитъ въ волевой актъ, вызвавшій ихъ, но въ мышечное ощущеніе, которое передаетъ ихъ нервнымъ центрамъ. Сколько бы нашихъ мыслей оставалось для насъ неизвѣстными, если бы онѣ не выражались движеніемъ нашихъ мышцъ?

Мышечное чувство есть путь, по которому громадное число бессознательныхъ явленій переходятъ въ сознательныя.

Для выясненія моей мысли, представимъ себѣ, что кто-либо читаетъ какую-нибудь скучную статью (напр., въ родѣ настоящей) и не отдаетъ себѣ хорошенько отчета въ одолюющей его скукѣ. Если онъ начнетъ зѣвать во время этого чтенія, то эта зѣвота невольно укажетъ ему, что его занятіе надобно ему: бессознательная скука превращается въ сознательную, благодаря вызванному ею движенію, давшему отчетливое ощущеніе.

Но признавая, что мышечное чувство вызываетъ въ умѣ сознаніе движеній и положеній тѣла, мы еще не выясняемъ всей роли этого чувства. Необходимо еще допустить, что нѣкоторыя изъ мышечныхъ ощущеній не замѣчаются нами и, сообщаясь нервнымъ центрамъ, не доходятъ до сознанія. Эти бессознательныя ощущенія модифицируютъ также наши идеи и чувствованія, причемъ мы не отдаемъ себѣ въ этомъ ни малѣйшаго отчета. Итакъ, состояніе нашего ума (по преимуществу) является результатомъ вѣшнихъ возбужденій, и въ ряду ихъ мышечное чувство занимаетъ весьма существенное мѣсто.

IV. О вліяніи движеній на ощущенія.

Всякій органъ чувствъ человѣка и животныхъ соединенъ съ мышечнымъ аппаратомъ. Рядомъ съ сѣтчаткой, воспринимающей зрительныя ощущенія, рядомъ съ акустическимъ нервомъ, вибрирующимъ отъ звуковыхъ волнъ,

имѣется цѣлая группа мышцъ, способствующихъ воспріятію внѣшняго возбужденія.

Такъ напр., если какое-либо свѣтовое раздраженіе падаетъ на сѣтчатку, получается сокращеніе (или расширеніе) радужной оболочки, движеніе цилиарной мышцы, которое обусловливаетъ приспособленіе (аккомодацию) глаза къ свѣтящемуся предмету; при этомъ происходятъ также ассоціированныя движенія глазныхъ мышцъ, дабы внѣшній предметъ приходился на зрительной оси каждаго изъ глазныхъ яблокъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ происходитъ даже движеніе всей головы, производимое съ тою цѣлью, чтобы оба глаза легче могли обращаться въ сторону разсматриваемаго предмета.

Конечно, можно допустить, что и при весьма рѣзкомъ свѣтѣ, падающемъ на сѣтчатку, не произойдетъ ни малѣйшаго движенія ни головы, ни глазныхъ мышцъ, ни цилиарной мышцы, ни даже радужной оболочки. У нѣкоторыхъ лицъ, напр., цилиарная мышца и радужная оболочка находятся въ состояніи паралича, а между тѣмъ видѣніе у нихъ не вполне уничтожено. Но въ такомъ случаѣ этотъ свѣтъ вызываетъ неясное ощущеніе, ибо для полнаго, яснаго и точнаго воспріятія очертаній внѣшнихъ предметовъ необходима известная аккомодация глаза. Если форма хрусталика, обусловливаемая сокращеніями цилиарной мышцы, не соответствуетъ разстоянію на которомъ находится данный предметъ, то изображеніе этого предмета на днѣ глаза получается въ весьма несовершенномъ видѣ, и зрѣніе будетъ несовершенное. Получается смутное впечатлѣніе; стало быть для перцепціи внѣшняго предмета необходима игра мышечнаго аппарата, присоединеннаго къ органу зрѣнія.

Даже при совершенной аккомодации, когда предметъ точно локализируется на пути зрительной оси, необходимо еще движеніе для того, чтобы ясно видѣть этотъ предметъ. Это зависитъ отъ двухъ различныхъ причинъ. Прежде всего чувствительная часть сѣтчатки, желтое пятно, чрезвычайно мало, такъ что размѣры поля зрѣнія яснаго видѣнія весьма невелики. Такъ напр., фиксируя зрѣніе на нѣсколькихъ буквахъ печатной книги (размѣровъ настоя-

пцій), можно заразъ увидѣть не болѣе 4—5 буквъ, самое большее 6. Другія буквы будутъ восприниматься неясно, такъ какъ ихъ изображенія получаются ненажелтомъ пятнѣ, но на периферіи сѣтчатки, которая гораздо менѣе чувствительна. Отсюда слѣдуетъ, что разъ предметъ достигаетъ извѣстныхъ размѣровъ, необходимо для яснаго видѣнія пробѣжать его взглядомъ.

Такъ и поступаетъ каждый невольно, не отдавая себѣ въ томъ отчета. Если сдѣлать на самомъ себѣ соответствующее наблюденіе, то легко убѣдиться, что трудно, почти невозможно хорошо видѣть извѣстный предметъ (развѣ только онъ слишкомъ малъ), не пробѣжавъ его глазами. При фиксациі зрѣнія, очертанія предмета несовершенны и неясны. Въ дѣйствительности же, оба зрительныхъ яблока ежеминутно перемѣщаются, и можно сказать безъ преувеличенія, что они ни на одну секунду не остаются неподвижными.

Довольно извѣстенъ такой фактъ: если фиксировать какой-нибудь предметъ, нисколько не смѣщая зрительную ось и не закрывая вѣкъ, то спустя нѣсколько секундъ, этотъ предметъ кажется неяснымъ. Вскорѣ онъ теряется въ туманѣ: на него опускается облако. Въ такомъ случаѣ, если хотятъ хорошенько разсмотрѣть предметъ, необходимо на время закрыть вѣки, что измѣняетъ не только напряженіе цилиарной мышцы, но обуславливаетъ также суженіе (или расширеніе) радужной оболочки. Короче, фиксациія зрѣнія — совершенно ненужное условіе для яснаго видѣнія предмета. Необходимо для того, чтобы это ясное видѣніе имѣло мѣсто, привести въ движеніе мышечные аппараты радужной оболочки, цилиарной мышцы и двигательныхъ мышцъ глазныхъ яблокъ: въ противномъ случаѣ, ясное видѣніе предметовъ замѣняется неяснымъ и несовершеннымъ.

Далѣе, въ силу различныхъ физическихъ законовъ, слишкомъ сложныхъ для того, чтобы мы излагали ихъ здѣсь, и управляющихъ бинокулярнымъ зрѣніемъ, необходимо для яснаго видѣнія предмета разсматривать его подъ различными углами. Напр., попробуйте разсматривать какую-нибудь статую, не двигая головой, закрывая попеременно то

лѣвый, то правый глазъ; окажется, что, смотря по тому, разсматриваете ли вы ее правымъ или лѣвымъ глазомъ, результаты получатся разные. Но чтобы отчетливо разсмотрѣть всѣ детали статуи, необходимо перемѣщать голову, и только такимъ образомъ можно оцѣнить рельефъ предмета и различные выпуклости и углубленія мрамора. Въ дѣйствительности мы всегда такъ и поступаемъ, разсматриваемъ-ли мы статую или человѣка идущаго по улицѣ. Вообще при разсматриваніи какого-бы то ни было предмета, мы двигаемъ голову то направо, то налево, и при этомъ только условно различаемъ рельефъ, весь ensemble, детали, перспективу и пр.

Прибавимъ къ этому, что всего чаще извѣстный предметъ, когда на него не смотрятъ, находится внѣ поля зрѣнія, такъ что для того, чтобы этотъ предметъ попалъ въ поле зрѣнія, необходимо сдѣлать нѣсколько движеній головой, глазами и даже всѣмъ тѣломъ. Безъ этихъ различныхъ движеній, зрѣніе являлось бы столь несовершеннымъ, грубымъ актомъ, что полезность его была бы чрезвычайно понижена. Представьте себѣ охотника въ лѣсу. Для того, чтобы не пропустить зайца или птицы, онъ дѣлаетъ всевозможныя движенія; онъ вытягиваетъ шею, наклоняетъ голову то налево, то направо, оборачивается, наклоняется, осматриваетъ деревья, почву и пр. Онъ не только смотритъ (этого было бы недостаточно), но и разсматриваетъ. Его глаза не остаются въ покоѣ ни на минутку, и всякій разъ какъ онъ измѣняетъ ихъ направленіе, измѣняется и напряженіе цилиарной мышцы, измѣняется также форма радужной оболочки, измѣняется просвѣтъ сосудовъ зрительнаго аппарата (радужница, сѣтчатка, сосудистая оболочка, оптический нервъ и оптическіе нервные центры).

Итакъ, можно положительно сказать, что видѣніе безъ движенія не существуетъ, и что если бы существовалъ только одинъ чувствующій и воспринимающій аппаратъ, и функционировалъ бы отдѣльно безъ взаимодѣйствія соответствующихъ мышечныхъ аппаратовъ, то онъ являлся бы столь несовершеннымъ, что его роль свелась бы прямо къ нулю.

Что касается другихъ чувствъ, то и для нихъ необходимы подобныя же движенія. Когда какой-либо шумъ раздражаетъ наше ухо, то мы тотчасъ же поворачиваемъ голову въ соответствующую сторону, мы не только слышимъ, но и вслушиваемся. Мы двигаемъ головой, чтобы узнать откуда идетъ звукъ. Въ то же время, мелкія мышцы, заключенныя въ барабанной полости и двигающія барабанную перепонку и косточки среднего уха, сокращаются или расслабляются. такъ, что происходитъ напряженіе занавѣски круглаго окна, соответственно тональности и интенсивности звука. Впрочемъ, что касается мышечныхъ аппаратовъ, принадлежащихъ органу слуха, то человекъ одаренъ ими меньше всѣхъ другихъ млекопитающихъ, и весьма вѣроятно, что если животныя снабжены длинными ушами, какъ напр. заяцъ, имѣютъ столь совершенный слухъ, то это зависитъ въ огромной мѣрѣ отъ существованія мышечнаго аппарата, позволяющаго имъ лучше собирать звуковыя волны. Однако для органа слуха нужно меньше движеній, чѣмъ для органа зрѣнія. Быть можетъ, даже органъ слуха изъ всѣхъ органовъ чувствъ можетъ функционировать при наименьшемъ содѣйствіи мышечныхъ движеній. Въ самомъ дѣлѣ, въ тотъ моментъ, когда всѣ мышцы уже парализованы, напр., въ моментъ агоніи, когда уже исчезли всѣ чувства, слухъ еще сохраняется, и умирающіе могутъ отлично слышать то, что говорится вокругъ нихъ, тогда какъ всѣ остальные раздраженія не производятъ никакого эффекта.

Для того, чтобы могло функционировать чувство обонянія, необходимо производить дыхательныя движенія. Почти немислимо различить какой-нибудь запахъ, не двигая ноздрями. Ежедневный опытъ учитъ насъ, и легко провѣрить этотъ фактъ, что любой запахъ для своего воспріятія требуетъ инспираторнаго движенія и движенія ноздрей. Инспираторныя движенія необходимы для того, чтобы воздухъ, заключающій въ себѣ пахучія частицы, проходилъ черезъ носовую полость; движеніе ноздрей служитъ къ тому, чтобы направлять токъ воздуха къ обонятельной части слизистой оболочки, выстилающей носовую полость.

Чувство вкуса не может функционировать помимо движений языка. Если поместить на кончикъ языка или на корень этого органа какое-нибудь вкусовое вещество, то едва-ли можно получить о немъ какое-либо представление; во всякомъ случаѣ, это представление будетъ крайне смутное, если не приложить языка къ нёбу и не двигать его во рту. Для воспріятія вкусоваго ощущенія отъ вещества взятаго въ ротъ, необходимо прижать его языкомъ къ нёбу, такъ, чтобы слюна съ раствореннымъ въ ней веществомъ проникла къ сосочкамъ языка. Кромѣ того, мягкое нёбо само по себѣ и нѣкоторыя области глотки обладаютъ чувствомъ вкуса. Итакъ, коль скоро языкъ остается безъ движеній, чувство вкуса отсутствуетъ.

Чувство осязанія также требуетъ для своего проявленія содѣйствія мышечныхъ движеній еще въ большей степени, чѣмъ всѣ остальные чувства. Для того, чтобы опредѣлить качества твердаго предмета, консистенцію его, температуру, вѣсъ, необходимо содѣйствіе многочисленныхъ мышцъ, приводящихъ въ движеніе наши члены. Допустимъ, что мы не сдѣлали ни малѣйшаго движенія, когда наша кожа пришла въ сотрясеніе отъ прикосновенія къ твердому тѣлу; какое представление составили бы мы о немъ, если бы намъ запретили его оцупывать, осязать, поднимать его, брать въ руки, опредѣлять его тяжесть, температуру и т. д. Несомнѣнно, что всѣ эти различныя манипуляціи крайне необходимы. Слѣдующій примѣръ еще лучше пояснитъ нашу мысль. Если приложить палецъ къ какому-нибудь предмету и въ теченіи нѣсколькихъ секундъ не двигать имъ, не давить на предметъ и воздерживаться отъ малѣйшаго движенія, то чувство осязанія окажется крайне неяснымъ; вскорѣ, по прошествіи нѣсколькихъ секундъ, самое большее, по прошествіи минуты, ощущеніе соприкосновенія съ тѣломъ совершенно исчезаетъ и уже нельзя навѣрное сказать, что существуетъ постороннее тѣло, влияющее извнѣ на него. По прошествіи 2—3 минутъ всякое положительное ощущеніе исчезаетъ и если закрыть тогда глаза, то нельзя узнать, въ какомъ положеніи находится рука; еще меньше можно судить о температурѣ

внѣшняго предмета, такъ какъ температура тѣла можетъ быть опредѣлена лишь послѣ тщательнаго изслѣдованія различныхъ частей поверхности тѣла. Однимъ словомъ, мышечное чувство и чувство осязанія не могутъ имѣть мѣста помимо движенія и притомъ постояннаго движенія мышцъ руки или членовъ.

Эти факты приводятъ къ общему заключенію, что не столько самое возбужденіе дѣйствуетъ на наши нервы и наши нервные центры, сколько пере мѣны въ возбужденіи. Необходимо измѣненіе въ состояніи возбужденія. Предположимъ, что мы имѣемъ постоянное возбужденіе А; благодаря усталости нерва, передающаго возбужденіе, или усталости воспринимающаго нервнаго центра, по истеченіи нѣсколькихъ секундъ это возбужденіе А не произведетъ никакого эффекта, и для того, чтобы получилось ощущеніе, необходимо, чтобы возбужденіе А замѣнено было другимъ возбужденіемъ. Въ противномъ случаѣ не получится никакого чувственнаго эффекта, или по крайней мѣрѣ, этотъ эффектъ получится лишь въ началѣ; спустя же нѣсколько секундъ послѣ начала возбужденія, всякое ощущеніе исчезнетъ. Въ дѣйствительности же наши чувства никогда не бываютъ одинаково возбуждены; имѣется цѣлый рядъ различныхъ возбужденій $A_1, A_2, A_3, \text{etc.}$, которыя, повторяясь черезъ быстрые промежутки, даютъ въ результатѣ опредѣленное ощущеніе. Разнообразіе, сказалъ Лафонтенъ, есть мой девизъ. Этотъ девизъ также приложимъ и для чувствительной нервной системы. Одиночное ощущеніе весьма быстро сводится къ нулю, если оно не прерывается и не модифицируется. Роль мышцъ, какъ придаточныхъ аппаратовъ къ нашимъ органамъ чувствъ, заключаются, слѣдовательно, въ смѣнѣ (субституиціи) единичнаго возбужденія, которое даютъ неподвижные внѣшніе предметы, цѣлымъ рядомъ послѣдовательныхъ возбужденій, дѣйствующихъ черезъ повтореніе и непрестанное преобразование.

Прибавимъ къ этому, что единичное возбужденіе, хотя бы ясно воспринятое, вообще очень не велико, какъ по размѣрамъ, такъ и по интензивности, напр., зрѣнія, и осязанія, такъ что для перцепціи сколько нибудь об-

ширнаго предмета необходимо, чтобы наши чувствующіе аппараты быстро смѣщались. Иначе пришлось бы составлять понятія лишь о минимальныхъ частяхъ вѣшняго предмета.

Словомъ, нельзя думать, что при воспріятіи ощущеній даннымъ организмомъ, послѣдній остается пассивнымъ. Наоборотъ, онъ при этомъ постоянно испытываетъ движенія: сознательныя или безсознательныя.

Между ощущеніями и движеніями существуетъ непрерывная цѣпь, которая нарушается искусственно съ демонстративною цѣлю. Положимъ, что какое нибудь ощущеніе A_1 вызываетъ движеніе B_1 . Это движеніе B_1 рождаетъ новое ощущеніе A_2 , весьма родственное первому. Ощущеніе A_2 вызываетъ въ свою очередь движеніе B_2 , необходимое для возникновенія ощущенія A_3 , и такъ далѣе, вплоть до окончательнаго опредѣленнаго ощущенія, суммирующаго всѣ мелкія вѣшнія ощущенія.

Итакъ, подобно тому, какъ ощущеніе вызываетъ движеніе, также точно и движеніе необходимо для ощущенія. Къ тому же, врядъ ли можно представить себѣ живое существо совершенно неподвижное: чудовищнымъ абсурдомъ являлось бы инертное существо, подверженное вѣшнимъ возбужденіямъ и неспособное избѣгать ихъ или разыскивать ихъ! Въ природѣ подобнаго абсурда не существуетъ, и даже низшіе организмы, разъ они чувствуютъ, находятся въ постоянномъ движеніи.

V. Врачебная роль магнетизма.

Несомнѣнно, не должно особенно довѣрять поразительнымъ врачевнымъ успѣхамъ, которые зачастую описывались магнетизерами. Они утверждаютъ, что излечивали язвы, раковыя опухоли, огромныя новообразованія, бугорчатку въ послѣднемъ періодѣ развитія и т. д. Конечно, немѣслимо останавливаться на этихъ бездоказательныхъ увѣреніяхъ, мало вѣроятныхъ и мало правдоподобныхъ.

Но какъ бы то ни было, не мѣшаетъ врачамъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ испробовать дѣйствіе гипнотизма и магнетизма. Мигрени, невралгіи, особливо же бессонница, на нашъ взглядъ могли бы быть облегчены помощью магнетизма. Намъ постоянно приходилось наблюдать, что субъекты подвергавшіеся гипнотическимъ вліяніямъ имѣли прекраснѣйшій и спокойнѣйшій сонъ въ ближайшую ночь.

Прейеръ наблюдалъ, что мигрени, невралгіи, мышечные ревматизмы успѣшно модифицировались подѣ вліяніемъ гипноза, и иногда при этомъ боли совершенно исчезали.

Осторожный и опытный врачъ, на нашъ взглядъ, имѣетъ полное основаніе, въ извѣстныхъ случаяхъ прибѣгнуть къ этому терапевтическому агенту.

VI. Выжидательное вниманіе и вызванная иллюзія.

То, что называютъ выжидательнымъ вниманіемъ, очевидно, не можетъ объяснить явленій сомнамбулизма. Существуютъ несомнѣнные случаи, гдѣ сонъ былъ вызванъ помимо того, что данный субъектъ зналъ, что его хотятъ усыпить. — Воображеніе и ожиданіе чрезвычайнаго явленія несомнѣнно играютъ существенную роль; иначе и не можетъ быть, такъ какъ, принимая во вниманіе, что сомнамбулизмъ обуславливается специальнымъ состояніемъ нервныхъ центровъ, необходимо признать, что предшествующее состояніе должно имѣть огромное вліяніе на легкость наступленія сна.

Помимо всякаго сомнамбулическаго состоянія, воображеніе заставляетъ испытывать весьма интересныя ощущенія.

Мнѣ часто приходилось производить слѣдующій опытъ. Если стать позади какого либо субъекта и помѣстить руки надъ его плечами, то онъ быстро почувствуетъ специальное ощущеніе тяжести въ плечахъ; онъ почувствуетъ даже явственно ощущеніе давленія пяти пальцевъ руки, положенной на плечи, хотя бы рука и находилась надъ плечомъ въ разстояніи нѣсколькихъ сантиметровъ.

Можно легко каждому повторить этотъ простой опытъ и можно убѣдиться, что почти всякій человѣкъ испытаетъ и увидитъ только что указанное нами ощущеніе.

Недавно Юнгъ сдѣлалъ нѣсколько интересныхъ изслѣдованій по части обманчивости нашихъ ощущеній, обманчивости, обусловливаемой выжидательнымъ вниманіемъ.

Заставляя думать, что въ колодѣ картъ имѣется магнетическая карта, Юнгъ вызывалъ у различныхъ лицъ, до-трогивавшихся до различныхъ картъ различныя ощущенія.

Изъ ста лицъ, съ которыми производились эти опыты, только 11 отказались описать качества карты, говоря, что они рѣшительно ничего не чувствуютъ. Всѣ же остальные испытывали различныя ощущенія — сотрясенія въ рукахъ, ознобъ въ спинѣ, ослѣпленіе въ глазахъ, рѣзкій запахъ, колебанія карты и пр.

Джемсъ Селли въ свое книгѣ объ иллюзіяхъ чувствъ и ума говоритъ, что если ожиданіе достигаетъ крайняго напряженія, то можетъ возникнуть призракъ реальнаго ощущенія. Ожиданіе извѣстнаго явленія, говоритъ Юнгъ, низводитъ до *minimum'a* степень интенсивности возбужденія, которое должно произвести явленіе, чтобы вызвать за собой соответствующее ощущеніе.)

Если такъ бываетъ у нормальныхъ субъектовъ, не подвергающихся магнетическимъ пассамъ, то несомнѣно, что у магнетизированныхъ субъектовъ, это явленіе обнаруживается въ значительной степени. Это обстоятельство еще разъ доказываетъ, что сомнамбулическое состояніе не представляетъ ничего такого, чего бы въ извѣстной степени не существовало въ нормальномъ состояніи.

Положимъ такой-то субъектъ, усыпленный, видитъ то, что хотятъ заставить его видѣть; вызванное при этомъ чувствованіе не будетъ, какъ въ нормальномъ состояніи, туманнымъ и неяснымъ, а, напротивъ, будетъ весьма определеннымъ. Такъ я говорю М***: «смотри, вотъ собака». И онъ видитъ собаку. Несомнѣно, что если бы онъ былъ въ нормальномъ состояніи, сколько бы я его не увѣрялъ, что передъ нимъ собака, онъ не увидалъ бы ничего подобнаго.

Недавно мнѣ пришлось прослѣдить на одномъ изъ моихъ

друзей—М***, который послѣ 2-хъ сеансовъ оказался наклоннымъ къ сомнамбулизму, проявленіе иллюзіи во всѣхъ ея деталяхъ. М*** впалъ въ гипнозъ не очень глубокой и не утратилъ ни сознанія своего состоянія, своей индивидуальности, ни воспоминанія о фактахъ, представлявшихся ему во время сна. Такъ какъ М*** весьма интеллигентный субъектъ, то онъ очень отчетливо анализировалъ свои ощущенія.

«Я ему сказалъ: «Вы чувствуете боль въ пальцѣ». Сперва онъ ничего не чувствовалъ, но затѣмъ, мало-по-малу, сталъ чувствовать, что палецъ какъ бы щемить, и затѣмъ это чувство, увеличиваясь, перешло въ крайне болѣзненное ощущеніе.

До сихъ поръ это явленіе не сложно; но постепенно можно дойти до крайней сложности галлюцинаторныхъ ощущеній. Такъ я говорю М***, что онъ сейчасъ склонить колѣни и дѣйствительно его колѣни начали сгибаться, такъ что онъ принужденъ былъ стать на нихъ. Далѣе я сказалъ ему: «Вы сейчасъ чихнете», и онъ почувствовалъ зудъ въ носу настолько сильный, что принужденъ былъ чихнуть нѣсколько разъ. Мало-по-малу эти вызванные и призрачныя ощущенія становятся все болѣе и болѣе сложными. Такъ, я ему сказалъ: «Смотрите, вотъ левъ». «Это неправда, отвѣтилъ онъ мнѣ, я отлично знаю, что тутъ нѣтъ никакого льва». Но я настаиваю, повторяя, что здѣсь левъ; «я кончу тѣмъ, отвѣчаетъ онъ, что увижу его, если вы будете на этомъ настаивать». И дѣйствительно, онъ видитъ льва, сперва смутно, чувствуя, что это галлюцинація. Мало-по-малу форма льва обрисовывается рѣзче; когда я спрашиваю у него подробности, то онъ отвѣчаетъ мнѣ, что левъ лежитъ, что онъ имѣетъ гриву, что онъ движетъ хвостомъ, что онъ смотритъ на насъ желтыми глазами. Несмотря на всѣ эти подробности М*** отлично знаетъ, что онъ галлюцинируетъ; но это однако не мѣшаетъ ему отступить на нѣсколько шаговъ, когда я объявилъ, что левъ встаетъ.

Въ другомъ опытѣ, М*** точно также отлично сознавалъ, кто онъ и гдѣ находится, понималъ, что я произвожу надъ

нимъ опыты и что ощущеніи, о которыхъ я говорю, не имѣютъ никакой реальной подкладки; но когда я ему сказалъ, что онъ держитъ въ рукѣ мышъ, то онъ, хотя и не видѣлъ ее, отлично чувствовалъ щекотанье въ рукѣ этой воображаемой мышы, чувствовалъ какъ она взбирается вдоль руки.

Не представляетъ ли этотъ фактъ аналогіи съ тѣмъ давно извѣстнымъ фактомъ, что, при страхѣ, какъ бы не набраться блохъ, можно чувствовать даже укусы и зудъ, вызываемые этими воображаемыми насѣкомыми на различныхъ частяхъ тѣла?

Дѣйствительно, существуютъ непрерывные переходы между иллюзіями въ нормальномъ состояніи и иллюзіями въ состояніи сомнамбулизма. Человѣкъ всегда одинъ и тотъ же, и законы ума тѣ же при различныхъ состояніяхъ. Въ состояніи глубокаго сомнамбулизма вызванныя иллюзіи не встрѣчаютъ никакого воздѣйствія. При нормальномъ же интеллектѣ мы храбро боремся съ этими иллюзіями.

Въ сомнамбулизмѣ наблюдается отсутствіе воли, недостатокъ воздѣйствія, автоматизмъ, который хотя и существуетъ въ нормальномъ состояніи, но въ слабой степени и которымъ, наоборотъ, характеризуется состояніе сомнамбулизма.

VII. Автоматизмъ.

Въ одной изъ прешествующихъ замѣтокъ, мы сказали, что сомнамбулизмъ можно объяснить остановкой дѣятельности извѣстныхъ элементовъ нервной системы. Если допустить существованіе специальныхъ способностей, воли и вниманія, то при сомнамбулизмѣ уничтожаются эти способности, и это наблюдается даже тогда, когда остальные высшія душевныя способности находятъ ся въ нормальномъ состояніи.

На М*** можно было отлично прослѣдить это явленіе. Такъ, сохраняя способность анализировать свои ощущенія, онъ мнѣ говорить: «у меня въ головѣ нѣтъ никакой

мысли, я не могу ни на чемъ остановиться. Голова моя пуста, и мнѣ представляется, что все окружающее меня находится въ туманѣ».

Тогда я беру какой-нибудь предметъ, кладу ему въ руку и говорю: «не давайте эту вещь никому». Онъ отлично сознаетъ, что это простой опытъ, что эта моя фраза не имѣетъ никакого значенія и все же никому не отдаетъ предмета. Кто-то изъ нашихъ друзей, бывшихъ при этомъ, сказалъ, обращаясь къ нему: «дай мнѣ эту книгу». Онъ отказывается, приводя всевозможные резоны для оправданія своего отказа: «вамъ не нужна эта книга, говоритъ онъ, я скоро отдамъ вамъ ее, но не теперь». Если продолжаютъ настаивать и говорятъ ему, что опытъ именно въ томъ и состоитъ, чтобы посмотрѣть, имѣетъ ли онъ достаточно силы воли, чтобы отдать книгу, онъ отвѣчаетъ, что можетъ отдать и все же не отдаетъ ее. Въ продолженіи 10 минутъ и болѣе онъ противится всѣмъ увѣщаніямъ, резонируетъ и объясняетъ, почему онъ не можетъ уступить въ данномъ случаѣ.

Разбуженный внезапнымъ дуновеніемъ, онъ немедленно отдаетъ книгу, съ словами: что «теперь я могу хотѣть».

Этотъ опытъ весьма характеренъ. Я повторялъ его на многихъ сомнамбулахъ, но онъ удавался всего лучше съ М***, потому что онъ помнилъ, что съ нимъ происходитъ, и умѣлъ анализировать свои ощущенія. Это параличъ воли во всей своей наготѣ.

Это уничтоженіе воли обусловливается отсутствіемъ воздѣйствія на всевозможныя приказанія, которыя отдаются сомнамбуламъ. Я приказалъ М*** смѣяться; онъ отвѣтилъ мнѣ на это: «къ чему я буду смѣяться, это вздоръ. я не чувствую ни малѣйшаго желанія смѣяться». Тѣмъ не менѣе онъ разсмѣялся, или вѣрнѣе, скорчилъ какую то похожую на улыбку гримасу и продолжалъ это до тѣхъ поръ, пока я того хотѣлъ. Я приказалъ ему плакать. Онъ нѣсколько разъ глубоко вздохнулъ, закрылъ глаза руками, и крупныя слезы покатались по его щекамъ.

Во время этихъ опытовъ М*** можетъ анализировать свои ощущенія, онъ самъ какъ бы слѣдитъ за собою, и тѣмъ не менѣе всѣ его поступки автоматичны, онъ не въ силахъ со-

противляться, плачетъ, хотя въ этомъ нѣтъ никакой надобности и притомъ знаетъ, что не о чемъ плакать.

Итакъ, автоматизмъ можетъ совпадать съ сознаниемъ даннаго состоянія. Сомнамбуль-автоматъ не похожъ на автомата Вокансона: въ немъ сохраняется индивидуальность и сознание, чтобы судить о явленіяхъ. Единственно что отсутствуетъ, это воля, но сознание остается безъ измѣненій.

Если предположить вмѣстѣ съ этимъ автоматизмомъ внѣшнихъ движеній, существованіе внутренняго психическаго автоматизма, то этимъ можно объяснить достаточное число фактовъ, которые съ перваго взгляда представляются странными и сверхестественными.

Сравнимъ интеллектъ съ механизмомъ, въ которомъ внѣшній толчекъ вызываетъ цѣлый рядъ движеній. Съ помощью задерживающаго нажима, когда этотъ механизмъ въ исправномъ видѣ, мы можемъ по желанію задерживать его ходъ. Такимъ же образомъ, мы имѣемъ возможность въ любой данный моментъ остановить и ходъ нашего интеллектуальнаго механизма. Сомнамбулы этой возможности не имѣютъ. Мы называемъ волей способность останавливать автоматическія идеи: дѣйствительно, воля есть скорѣе парализующій аппаратъ, нежели возбуждающій.

Способность останавливать автоматическую идею не одинакова у различныхъ субъектовъ. Если сказать нервной женщинѣ: «смотрите, вотъ змѣя», она тотчасъ проявитъ сильное волненіе. Наоборотъ, субъектъ хорошо владѣющій собой не выкажетъ ни страха, ни волненія; наконецъ у сомнамбула ничто не остановитъ этой идеи, и его охватитъ глубокой ужасъ.

Иллюзіи нашихъ чувствъ встрѣчаютъ различное противодѣйствіе у различныхъ субъектовъ. Если мнѣ скажутъ: «вотъ магнетическая карта, дотроньтесь, и вы почувствуете сотрясеніе въ рукѣ». Я могу оказать противодѣйствіе этой идеѣ. Другія лица, конечно, также могутъ оказать ей противодѣйствіе. Но у всѣхъ почти всегда проявится въ большей или меньшей степени иллюзіи въ зависимости отъ способности подавленія воображаемаго эффекта. Эта способ-

ность имѣть всевозможные отбѣнки: у различныхъ субъектовъ подвергающихся опыту проявляются различные галлюцинарныя ощущенія.

Въ сомнамбулическомъ состояніи способность противо-дѣйствовать воображенію не отсутствуетъ; нѣтъ также и власти надъ ассоціаціей идей, умъ разнузданъ, и ничто не въ силахъ сдерживать работы автоматическаго аппарата.

Поэтому становится совершенно понятнымъ, почему, если сказать С***, «смотрите вотъ левъ», то идея о левѣ, подобно падающей съ горы лавинѣ, мало-по-малу охватываетъ все его существо.

Отсутствіе вниманія составляетъ одно изъ наиболѣе поразительныхъ явленій при отсутствіи воли. Вниманіе позволяетъ намъ фиксировать наши идеи на томъ или другомъ предметѣ, позволяетъ отстранять отъ себя побочныя идеи и слѣдовать по извѣстному, опредѣленному и избранному нами пути.

У различныхъ субъектовъ способность эта нѣ одинакова *).

*) Зачастую, не смотря на всѣ наши усилія, извѣстная мысль вертится въ головѣ съ необычайнымъ упорствомъ. Сколько бы вы не старались прогнать ее, она снова возвращается.—Я производилъ опытъ по этому вопросу, который нѣсколько удаляется отъ предмета, занимающаго насъ въ настоящее время, но мнѣ кажется, что о немъ слѣдуетъ здѣсь упомянуть.

Формулируя идеи словами такъ, чтобы уловить связь и ассоціацію различныхъ идей, можно вызвать рядъ идей зависящихъ другъ отъ друга. Такимъ образомъ получается обыкновенно быстрая смѣна идей, повидимому, несвязныхъ, но въ сущности стройныхъ, связанныхъ между собой ассоціаціей. Такъ для примѣра возьмемъ идею (и слово) «желѣзная дорога». Тотчасъ же въ мозгу рядомъ съ безконечными комбинаціями, которыя вызываетъ эта идея, возникаетъ идея о мостѣ, инженерѣ, школѣ, рудѣ, углѣ, пламени, синемъ небѣ, звѣздахъ, часахъ, арабѣ, пустынѣ etc. Случается также, что если мы чѣмъ нибудь озабочены или какая нибудь идея всецѣло насъ поглощаетъ, то равнымъ образомъ въ концѣ на-

Одинъ обладаетъ громаднымъ вниманіемъ и способностью сосредоточиваться, удаляя по произволу все, что можетъ его разсѣять и группируетъ всѣ свои мысли вокругъ одной единственной идеи, которую онъ настойчиво преслѣдуетъ. Другой, наоборотъ, легко отвлекается отъ своей идеи всякимъ пустякомъ—струей дыма, мухой, шумомъ, и тотчасъ же мысль, которую онъ преслѣдовалъ улетучивается и не можетъ быть снова схвачена.

(Сила мышленія существеннымъ образомъ зависитъ, вѣроятно, отъ нашего умѣнія управлять вниманіемъ и сосредоточиваться. Люди, оставившіе послѣ себя свѣтлый слѣдъ глубинной и оригинальности своихъ твореній, всѣ отличались внимательностью *). Наоборотъ, женщины, дикари, больные, пьяницы, сомнамбулы, невѣжды, старики, дѣти неспособны направлять своихъ мыслей, концентрировать ихъ вокругъ одной идеи.

Эта способность вниманія изъ всѣхъ интеллектуальныхъ способностей исчезаетъ прежде всего. Способность направлять теченіе идей въ извѣстную сторону, способность управлять умственной дѣятельностью, измѣняется самымъ сильнымъ образомъ при всѣхъ мозговыхъ отравленіяхъ. Извѣстно до какой степени подъ вліяніемъ гашиша можно утратить способность управлять собою.

Между тѣмъ, по странному контрасту одновременно съ безсиліемъ воли, существуетъ иллюзія воли. Маудсли отлично выразилъ эту мысль: «Когда человѣкъ всего сильнѣе убѣжденъ, что онъ говоритъ и дѣйствуетъ съ полной

вѣстнаго числа ассоціированныхъ идей (иногда весьма немногочисленныхъ) мы снова возвращаемся къ первичной *idée fixe*. Каковы бы ни были умственные комбинаціи, онѣ приходятъ къ одному и тому же исходному пункту.)

*) Станнымъ образомъ, обыкновенно ихъ называютъ разсѣянными. Быть «разсѣяннымъ» именно и значить, что данный субъектъ не легко разсѣивается. Ньютонъ отличался разсѣянностью; но это объясняется тѣмъ, что его преслѣдовали мысли гораздо болѣе интересныя, чѣмъ глупости и банальности окружающей жизни.

свободой воли? Тогда, когда онъ пьянъ, когда онъ глушь или когда онъ бредитъ. Не доказываетъ ли это, что человѣкъ, чѣмъ болѣе онъ рабъ, тѣмъ болѣе склоненъ считать себя свободнымъ *).

«Неспособность даннаго субъекта управлять и слѣдить за своими ощущеніями и волненіями я называю рабствомъ». Эти прекрасныя слова Спинозы отлично примѣнимы къ сомнамбулу, который неспособенъ управлять собой и задерживать процессъ воображенія. Онъ считаетъ себя свободнымъ, думаетъ, что онъ вполне себѣ господинъ; но въ дѣйствительности онъ рабъ своего интеллекта, который, подобно механизму, проходитъ передъ нимъ всѣ періоды своего роковаго развитія.

Такъ, если я скажу S***: «Вы должны невидѣть P***», то онъ мнѣ отвѣчаетъ: «я знаю, что вы шутите», и тѣмъ не менѣе, когда P*** къ нему приближается, онъ выказываетъ неудовольствіе: онъ не хочетъ протянуть ему руки и, повидимому, испытываетъ непріятное ощущеніе когда P*** до него дотрогивается; онъ уже болѣе не управляетъ своимъ чувствованіемъ.

Чѣмъ болѣе изучаешь сомнамбулизмъ, тѣмъ болѣе приходишь къ тому выводу, что главной характерной чертой этого состоянія служить автоматизмъ, соматическій, интеллектуальный и афективный.

Можно было бы иначе назвать этотъ автоматизмъ, называть его абудіей (уничтоженіе воли); но дѣло не въ названіи.

Въ настоящее время доказано (многочисленныя и интересныя подробности относительно этого предмета желающіе могутъ найти въ книгѣ Рибо «Болѣзни воли»), что при очень многихъ патологическихъ состояніяхъ интеллекта уничтожается способность желать что либо. Всѣ интеллектуальныя способности, повидимому, остаются нормальными, уничтожена одна лишь воля, уничтожена или ослаблена.

Субъектъ не можетъ болѣе желать, онъ не отвѣтственъ за свои поступки и не можетъ сдѣлать никакого выбора

*) Physiologie de l'esprit, франц. перев. 1879 стр. 409.

между дѣйствіями, вызываемыми какой нибудь идеей. Точно также всѣ мозговые поврежденія уменьшаютъ или уничтожаютъ волю такъ, что, повидимому, эта способность интеллекта является наиболѣе хрупкой и нѣжной.

Автоматизмъ помѣшанныхъ, истеричныхъ*), пьяныхъ, сомнамбуловъ, конечно не одинаковъ, но въ сущности и не различенъ. Всѣ эти виды автоматизма характеризуются отсутствіемъ воли, задерживающей неизбежное теченіе возбужденій, ощущеній, мыслей, дѣйствій и пр.

Если бы пожелали глубже вникнуть въ причины этого уничтоженія воли, то быть можетъ оказалось бы, что причина заключается въ амнезиі. Для того чтобы остановить извѣстную мысль необходимо, чтобы другая мысль представляла этому нѣкоторое препятствіе; для того чтобы воспрепятствовать возникновенію чувства нужно, чтобы возникло другое болѣе сильное чувство. Можно предположить, что здѣсь отсутствуетъ одновременная память двухъ ощущеній или двухъ идей. Для того чтобы сдѣлать выборъ нужно присутствіе нѣсколькихъ идей. У кого одна идея—тому не изъ чего выбирать; это и случается съ сомнамбуломъ, у котораго ничего нѣтъ, кромѣ навязанной ему идеи.

Такимъ образомъ всѣ эти интеллектуальные расстройства сводятся къ болѣе или менѣе обширнымъ амнезіямъ.

Конечно, это только гипотеза, но гипотеза весьма правдоподобная и хорошо объясняющая всѣ факты.

Примемъ ли мы эту гипотезу или нѣтъ, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что автоматизмъ или абудія характеризуютъ сомнамбулизмъ какъ съ психической точки зрѣнія, такъ и съ соматической.

*) Поль Рише (*Etudes sur l'hystero—épilepsie*. 1881, стр. 426), говорить, что автоматизмъ сомнамбула не абсолютный, и не безъ основанія замѣчаетъ, что истеричные, каталептики или летаргики обладаютъ гораздо большимъ автоматизмомъ. Несомнѣнно, что это такъ: но автоматизмъ бываетъ разныхъ степеней.

VIII. Сомнамбулическое воспитаніе.

Всѣ гипотезы, предложенныя по вопросу о дѣйстви магнетическихъ пассовъ, оказываются недостаточными.

Существуетъ всего лишь одна мало-мальски удовлетворительная гипотеза: это гипотеза о ингибиторномъ возбужденіи, дѣйствующемъ на предрасположенныхъ къ тому субъектовъ. Для подобныхъ лицъ достаточно малѣйшаго импульса, чтобы вызвать сонъ, тогда какъ у другихъ нельзя ничѣмъ вызвать означеннаго состоянія.

Итакъ, невѣроятно, чтобы въ одинъ прекрасный день былъ придуманъ методъ, который позволялъ бы непременно и неминуемо быстро усыплять всякаго даннаго субъекта. Конечно, неблагоприятно впередъ опредѣлять границы знанія; но я полагаю, что для сомнамбулизма никогда не удастся создать общаго и универсальнаго метода. Хлороформъ дѣйствуетъ на всѣхъ, и правила хлороформированія приблизительно одинаковы во всѣхъ случаяхъ. Но, на мой взглядъ, всегда будетъ существовать столь значительная разница въ способностяхъ противодѣйствій различныхъ субъектовъ по отношенію къ гипнотизаціи, что врядъ-ли можно будетъ установить для даннаго состоянія одну общую формулу.

Съ другой стороны, чѣмъ большому числу экспериментовъ подвергался данный субъектъ, тѣмъ легче удаются дальнѣйшіе опыты. Если въ теченіи одного и того-же гипнотическаго сеанса усыпить подъ рядъ 7—8 разъ одно и то же лицо, постоянно пробуждая его, то мы замѣтимъ, что съ каждымъ разомъ удается все съ большей и большей скоростью вызвать сонъ; это явленіе столь рѣзко, что его должно разсматривать, какъ одинъ изъ наиболѣе существенныхъ законовъ гипнотизма.

Приведемъ соотвѣтствующій примѣръ:

1-го февраля С*** былъ магнетизированъ въ теченіи 20 минутъ, но безуспѣшно.

14-го февраля его магнетизировали въ теченіи $\frac{1}{4}$ часа: онъ уснулъ. Его разбудили и послѣ 5 минутъ магнетизаціи онъ снова уснулъ. Затѣмъ его снова разбудили и магнетизировали уже только 2 минуты.

28-го февраля послѣ 19 минутъ магнетизаціи онъ уже заснулъ. Его разбудили и усыпили въ теченіи 3 минутъ. Снова разбудили и усыпили спустя 2 минуты. Затѣмъ снова разбудили и почти тотчасъ же усыпили; достаточно уже было, чтобы я пристально посмотрѣлъ на него въ теченіи 2—3 секундъ или дотронулся рукою до лба, или заговорилъ съ нимъ тихимъ голосомъ, или сдѣлалъ ему жестъ рукою, приказалъ закрыть глаза и пр., и онъ снова впалъ въ состояніе сомнамбулизма.

Невозможно предполагать, чтобы столь слабыя приемы могли вызывать у всякаго субъекта наступленіе сна. Приемъ здѣсь не при чемъ, все дѣло заключается въ томъ состояніи, въ которомъ находится данный субъектъ. Магнетическаго агента не существуетъ, существуютъ лишь извѣстныя возбужденія, способныя повергнуть нервную систему въ состояніе ингибаціи. Для непредрасположеннаго субъекта эти возбужденія должны быть весьма продолжительны и то еще они могутъ не удасться. Наоборотъ, для предрасположеннаго субъекта, привычнаго, малѣйшее возбужденіе, какого бы характера оно ни было, вызоветъ сомнамбулическое состояніе, при полномъ отсутствіи какихъ-либо особенностей въ приемахъ гипнотизаціи.

Другими словами, говоря сравнительно, здѣсь все дѣло въ равновѣсіи. (Непривычные субъекты находятся въ состояніи устойчиваго равновѣсія, и нужны большія усилія, чтобы вывести ихъ изъ этого состоянія. Привычные же субъекты, предрасположенные, утратили свое устойчивое равновѣсіе, и достаточно малѣйшаго импульса для того, чтобы усыпить ихъ.)

IX. Ингибація.

Для того чтобы разбудить гипнотика существуетъ весьма простой способъ, которымъ пользуются съ большимъ успѣхомъ. Достаточно съ силой подуть на лобъ и на глаза, чтобы тотчасъ же данный субъектъ вышелъ изъ сомнамбу-

лическаго состоянія, и нѣтъ никакой надобности дѣлать пассы въ обратномъ направленіи и вообще производить различныя болѣе или менѣе невѣрныя манипуляціи.

Довольно трудно, какъ это справедливо замѣтилъ Прейберъ, понять смыслъ подобнаго вліянія. Въ то время какъ весьма сильныя раздраженія, потряхиваніе за руку, щипки, громкій зовъ, крики, угрозы, рѣзкій шумъ, ослѣпительный свѣтъ не пробуждаютъ сомнамбула, дуновеніе въ глаза тотчасъ же приводитъ его въ себя.

Очевидно, здѣсь дѣло идетъ о тѣхъ слабыхъ раздраженіяхъ, которыя для произведенія извѣстнаго рода эффекта часто болѣе дѣйствительны, чѣмъ сильныя раздраженія.

Если нужно связать этотъ эффектъ съ какимъ-либо физиологическимъ фактомъ, то, конечно, съ явленіемъ ингибации, изученнымъ подробно Броунъ-Секуаромъ. Останемся на этомъ вопросѣ, тѣмъ болѣе, что даже классическіе труды содержатъ весьма мало указаній относительно настоящаго предмета.

Въ 1843 г. братья Веберъ открыли тотъ важный фактъ, что раздраженіе *nv. vagus* задерживаетъ движеніе сердца. Такимъ образомъ существуютъ нервы, не производящіе движеніе, а задерживающія его.

Со времени открытія Веберовъ найдены также другіе задерживающіе нервы, *nv. splanchnicus*, задерживающій движеніе кишекъ. *nv. laryng. superior*, задерживающій дыхательныя движенія, *nv. chorda tympani*, прекращающій сжатіе сосудовъ слюнной железы, *nv. glosso pharyngeus*, парализующій вазомоторы языка, и многіе другіе нервы, управленіе которыхъ нынѣ хорошо изучено.

Понятіе о задерживающихъ нервахъ было обобщено въ физиологій. Сѣченовъ и другіе физиологи показали, что высшіе нервныя центры задерживаютъ рефлекторную дѣятельность спиннаго мозга.

Кл. Бернардъ создалъ гипотезу *) о нервной интерференціи, аналогичной интерференціи свѣта въ физикѣ.

*) Rapport sur les progrès de la physiologie générale. Imprimerie impériale. 1867, p. 65.

Но особенно опыты Браунъ Секуара *) направили физиологовъ на тотъ путь, по которому они идутъ въ настоящее время. Согласно изысканіямъ этого ученаго, въ нервной системѣ существуютъ элементы, возбужденіе которыхъ прекращаетъ дѣятельность сосѣднихъ нервныхъ элементовъ. Онъ приводитъ по этому поводу множество демонстративныхъ примѣровъ.

Вотъ сдѣланное имъ опредѣленіе ингибации: «это задержка, угнетеніе, остановка, или, если угодно, временное исчезновеніе, или навсегда, функции или дѣятельности извѣстнаго нервнаго центра, нерва или мышцы,—задержка, совершающаяся безъ всякаго видимаго органическаго измѣненія, вслѣдъ за произведеннымъ раздраженіемъ какой-либо части нервной системы, болѣе или менѣе отдаленной отъ того пункта, гдѣ наблюдается самый эффектъ».

Приведемъ нѣсколько примѣровъ для выясненія этого нѣсколько темнаго опредѣленія.

Положимъ, какой-либо субъектъ, находящійся въ состояніи эпилептическаго припадка, перестаетъ конвульсивно биться, если съ силой согнуть ему большой палецъ на ногѣ; здѣсь имѣетъ мѣсто чувствительное раздраженіе, которое путемъ рефлекса дѣйствуетъ на нервный центръ и прекращаетъ конвульсию.

Если сдѣлать уколъ продолговатаго мозга въ такъ называемый жизненный узелъ, то всѣ явленія иннервации прекращаются и тотчасъ же констатируется полная потеря всѣхъ функций и всякой активной дѣятельности мозга. Ни агонія, ни какое отравленіе не могли бы произвести столь внезапнаго эффекта: нельзя объяснить иначе эту немедленную и совершенную потерю функций какъ предположивъ, что центры продолговатаго мозга оказываютъ сильное угнетающее дѣйствіе на мозговые центры.

Перерѣзка сѣдалищнаго нерва необычайно уменьшаетъ возбудимость мозга къ гальваническимъ раздраженіямъ.

*) Bulletin de la société de Biologie: 1880 à 1883 (passim).— Comptes Rendus de l'Académie des sciences. Oc. 1879, p. 647 fev. 1883, p. 417.

Направляя струю угольной кислоты въ гортань, можно иногда произвести полную анестезію или мѣстную анестезію (?). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это раздраженіе гортанныхъ нервовъ прекращаетъ дыхательную функцію.

Примѣненіе безводнаго хлораля вызываетъ анестезію безъ того, чтобы можно было допустить проникновеніе этого вещества въ сферу кровообращенія.

Другіе опыты, произведенные другими авторами, подтверждаютъ мнѣніе Браунъ Секуара *).

По Гольцу, нормальный тонусъ sphincter anus уменьшается, если раздражать какой-либо чувствительный нервъ. Потнагель констатировалъ, что рефлексорное раздраженіе спиннаго мозга уменьшается одновременно съ раздраженіемъ какого-либо чувствительнаго нерва. Это рефлексорныя угнетающія дѣйствія; периферическое раздраженіе передается спинному мозгу, отсюда, отражаясь въ нервныхъ центрахъ, можетъ прекратить функціи этихъ центровъ. Бубновъ и Гайденгайнъ показали, что у морфинизованныхъ собакъ легко происходятъ контрактуры. Эти контрактуры тотчасъ же прекращаются подъ влияніемъ слабого периферическаго раздраженія, напр., сжиманіемъ лапы. Точно также, если подуть въ морду собаки, у которой морфіемъ произведена контрактура, то послѣдняя тотчасъ же исчезаетъ.

Таковы нѣкоторые простые случаи рефлексорной ингибации. Подобнымъ же образомъ и у истеричныхъ, у которыхъ вызвана контрактура того или другаго мускула, можно тотчасъ же уничтожить контрактуру, если раздражать сухожиліе данной мышцы. Наоборотъ, контрактура усиливается, если возбуждается самое фибро-мышечное вещество. Итакъ, существуетъ какъ бы антогонизмъ между этими двумя раздраженіями: раздраженіе мускульнаго ве-

*) Я цитировалъ нѣкоторые изъ нихъ (Revue scientifique 1882, 1 семестръ, стр. 531) въ статьѣ: «Физиологія мышцъ и нервовъ», стр. 701 и слѣд.—См. также общій обзоръ, составленный Lauder-Brunton'омъ: The Nature, 1883, стр. 419.

щества усиливаетъ контрактуру, раздраженіе сухожилія его уничтожаетъ ее.

Мнѣ удавалось наблюдать на лягушкѣ весьма рѣзко выраженные явленія ингибации, раздражая ее кожу электричествомъ. Если у лягушки, сидящейся уйти и всѣ мышцы которой сокращены; раздражать сильнымъ токомъ одну изъ заднихъ лапокъ, то общія движенія прекращаются и сильно раздраженные мышцы тотчасъ же расслабляются. Приведенный мною примѣръ ясно опредѣляетъ явленіе расслабленія.

Если вспрыскивать подъ кожу лягушки концентрированный растворъ, напр., хлористаго натра, то лягушка тотчасъ же становится какъ бы парализованной: она остается безъ движенія и не отвѣчаетъ рефлексами на раздраженія чувствующихъ нервовъ. Вскорѣ, по прошествіи нѣсколькихъ секундъ, она возвращается къ нормальному состоянію, такъ что наблюдаемое паралитическое состояніе нельзя объяснить поступленіемъ вещества въ общее кровообращеніе.

Другой опытъ показываетъ угнетающее вліяніе различныхъ ѣдкихъ раздраженій. Если обезглавленной лягушкѣ смазать пальцы лапокъ терпентиномъ, тотчасъ же проявляется весьма энергичный рефлексъ (обороны) и животное, повидимому, дѣлаетъ усиліе, чтобы убѣжать и удалить жидкость, производящую раздраженіе; но если мы вспрыснемъ подъ кожу той же лапы нѣсколько капель терпентина, то рефлексъ исчезаетъ и происходитъ какъ бы нейтрализація одного раздраженія — другимъ.

Съ силой сжимая пинцетомъ ротъ небольшой рыбки, мы увидимъ, что она тотчасъ же перестаетъ биться, и даже дыхательныя движенія прекращаются; но достаточно разжать пинцетъ, чтобы дыхательныя движенія вновь появились.

По Тарханову, лягушка, если ее взять въ руку, гораздо менѣе реагируетъ на химическія раздраженія, чѣмъ лягушка, которую удерживаютъ крючкомъ; кожное раздраженіе, отъ прикосновенія къ рукѣ, какъ бы ослабляетъ мозговое раздраженіе.

По Шлоссеру, легкое раздраженіе извѣстныхъ точекъ на периферіи кожи ослабляетъ дѣйствія раздраженія производимаго одновременно на другомъ мѣстѣ.

По Фрѣсбергу, легко задержать рефлекторныя дѣйствія заднихъ конечностей собаки, сильно раздражая мускулы, напр., удерживая ихъ въ состояніи экстензіи. Повидимому, онъ заключаетъ изъ этого, что чувствительные нервы мышцъ отличаются особой способностью задерживать рефлексъ.

Луксингеръ констатировалъ на ужѣ аналогичныя задержки рефлекторныхъ движеній. Повѣсивъ животное, можно видѣть какъ изгибается его тѣло во всѣ стороны; но если легонько раздражать покровы, то тотчасъ же наступаетъ общее расслабленіе, что не можетъ быть объяснено иначе какъ задержкой рефлекторнаго акта. Итакъ, если первое раздраженіе вызываетъ движеніе, то второе — обуславливаетъ угнетеніе этого движенія.

Дюмонпалье, манипулируя съ истеричными особами, первымъ раздраженіемъ вызываетъ у нихъ сонъ, а вторымъ подобнымъ же раздраженіемъ того же мѣста, уничтожаетъ этотъ сонъ.

Если мы такъ долго остановились на угнетающемъ вліяніи, прямомъ или рефлекторномъ, то лишь потому, что это замѣчательное свойство нервной системы, повидимому, можетъ объяснить лучше всякой теоріи большую часть явленій сомнамбулизма.

Несомнѣнно съ одной стороны, что раздраженіе извѣстной точки нервной системы парализуетъ дѣятельность другой точки той же системы, раздраженіе периферіи ослабляетъ, при нѣкоторыхъ условіяхъ, активную дѣятельность нервныхъ центровъ; вотъ тотъ общій выводъ, который можно извлечь изъ различныхъ вышеприведенныхъ фактовъ.

Съ другой стороны, когда нервные центры находятся въ извѣстномъ состояніи расслабленія или паралича, то периферическое раздраженіе, внезапное и слабое, можетъ мгновенно уничтожить это состояніе паралича.

Прилагая эти данныя къ сомнамбулизму, мы прежде

всего увидимъ, во-первыхъ, что слабыя раздраженія, дѣйствуя на нервныя центры, парализуютъ нѣкоторыя изъ ихъ функцій, и во-вторыхъ — разъ эти центры парализованы, другое слабое раздраженіе уничтожаетъ ихъ парализацію и приводитъ ихъ въ нормальное состояніе.

Нервную систему можно сравнить съ человѣкомъ, который идетъ по гребню стѣны. Малѣйшій толчекъ можетъ низвергнуть его въ бездну, толчекъ же въ противоположномъ направленіи можетъ возвратитъ ему утраченное равновѣсіе.

Отсюда понятно вліяніе привычки и воспитанія. Повидимому, путемъ постепенныхъ экспериментовъ, мозгъ все болѣе и болѣе привыкаетъ къ этимъ измѣненіямъ равновѣсія. Равновѣсіе становится все менѣе и менѣе устойчивымъ. Если въ началѣ нужны были повторныя и сильныя раздраженія, чтобы подѣйствовать на него угнетающимъ образомъ, то позже, привыкнувъ къ этимъ угнетеніямъ, малѣйшее раздраженіе достаточно, чтобы вызвать данное состояніе.

Несомнѣнно, не должно довольствоваться тѣмъ, что найдено слово для обозначенія столь сложнаго явленія. Слово ингибация лишь прикрываетъ наше незнаніе. Это не объясненіе, а простое обозначеніе извѣстнаго явленія. Мы говоримъ: слабое возбужденіе можетъ вызвать задержку функцій извѣстныхъ нервныхъ элементовъ; по это еще не полное объясненіе явленія. Необходимо было бы указать, отчего такое-то раздраженіе скорѣе другаго обуславливаетъ эти угнетающіе эффекты. Но сущность дѣла остается, къ сожалѣнію, совершенно невыясненной.

Если теперь, строго держась экспериментальной почвы, сравнить явленіе магнетизма съ различными явленіями, наблюдаемыми физиологами на животныхъ, то можно извлечь изъ этого сопоставленія рядъ выводовъ, обнимающихъ собою, какъ мнѣ кажется, почти всѣ основныя положенія теоріи по данному вопросу, возможной въ настоящее время:

1) Слабыя раздраженія, различнаго характера, могутъ

задерживать, прямымъ путемъ и особенно рефлекторнымъ, функціи нервныхъ центровъ.

2) Слабыя раздраженія, зрительныя, слуховыя, тактильныя, неопредѣленнаго характера, могутъ задерживать функціи психическихъ центровъ и вызывать состояніе автоматизма во всѣхъ его степеняхъ, т. е. состояніе сомнамбулизма.

3) Легкость, съ какою происходитъ этотъ угнетающій эффектъ, прогрессируетъ вмѣстѣ съ каждымъ послѣдовательнымъ опытомъ.

4) Состояніе прекращенія дѣятельности или задержка произведенная въ нервныхъ центрахъ ингибиторнымъ рефлекторнымъ актомъ можетъ быть въ свою очередь уничтожено слабымъ раздраженіемъ.

5) Состояніе сомнамбулизма, вызванное слабымъ угнетающимъ влияніемъ, можетъ быть прекращено такимъ же влияніемъ, дѣйствующимъ въ порядкѣ, противоположномъ первому.

Х. Вліяніе безсознательныхъ воспоминаній на характеръ.

Несомнѣнно, что наше психическое состояніе зависитъ отъ весьма различныхъ факторовъ: отъ нашего темперамента, отъ сознательныхъ или безсознательныхъ перцепцій, опредѣляемыхъ нашимъ внутреннимъ состояніемъ, а также отъ сознательныхъ и безсознательныхъ воспоминаній, скопившихся въ нашей памяти.

Нѣтъ никакой необходимости, чтобы эти воспоминанія были сознательными для произведенія извѣстнаго дѣйствія. Зачастую таковое воспоминаніе почти игнорируется нами и тѣмъ не менѣе оно можетъ модифицировать состояніе нашего мозга.

Строго анализируя себя, иногда удается открыть такія темныя причины, вліяніе которыхъ осталось бы незамѣченнымъ безъ подобнаго тщательнаго анализа.

Такъ напр., иногда испытывается чувство грусти или радости, безпокойства или ясности духа, которыя трудно себѣ чѣмъ нибудь объяснить. Большинство не идетъ дальше простаго констатированія даннаго факта. Даже и этого многіе не дѣлаютъ. Они веселы или скучны, спокойны или возбуждены, почти не отдавая себѣ въ томъ отчета, ограничиваясь безотчетной ссылкой на то, что называется характеромъ.

Но если бы они стали доискиваться причины своей грусти или радости, то нашли бы ее въ какомъ-либо фактѣ своей прошлой жизни; фактъ этотъ могъ оставить хотя бы безсознательный слѣдъ, но представляющій извѣстное существенное значеніе для опредѣленія даннаго душевнаго настроенія.

Представимъ себѣ субъекта, который потерялъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ нѣжно любимаго друга или жену, или ребенка. Конечно, нельзя сказать, чтобы въ теченіи 10, 15 — 30 послѣдующихъ лѣтъ постоянно эта потеря безпокоила бы и отравляла его существованіе. Умъ его совершенно свободенъ, онъ можетъ дѣйствовать, мыслить, жить, какъ будто бы этого печальнаго происшествія вовсе не существовало. А между тѣмъ несомнѣнно, что общее направленіе его мыслей остается подъ вліяніемъ тягостнаго воспоминанія. Неопредѣленное чувство грусти пройдетъ широкой полосой черезъ всѣ событія его жизни. Даже къ моментамъ радости и смѣха примѣшивается извѣстное тягостное чувство, въ которомъ отдаешь себѣ отчетъ лишь во время рѣдкихъ промежутковъ.

Безъ сомнѣнія, этимъ объясняется и то обстоятельство, что люди извѣстнаго возраста не отличаются беззаботной веселостью дѣтскихъ лѣтъ. Горе, печаль, предательство настолько примѣшаны къ ихъ существованію, что характеръ человѣка зрѣлаго возраста пріобрѣтаетъ оттѣнокъ неопредѣленной, безсознательной грусти, налагающій печать на всю его интеллектуальную дѣятельность.

То что сказано о грусти относится также и къ чувству радости. Извѣстнаго рода побѣда, блестящій успѣхъ въ те-

ченіи нѣкотораго періода времени придаютъ радостный отбѣнокъ всѣмъ мыслямъ, даже тогда, когда человекъ забылъ причину своей радости.

Для памяти не пропадаетъ ни одинъ фактъ: все въ ней удерживается. Все что производитъ на насъ извѣстное впечатлѣніе, оставляетъ въ насъ неизгладимые слѣды. Наше интеллектуальное существованіе во всякую данную минуту представляетъ собою результатъ всѣхъ полученныхъ нами раньше впечатлѣній. И какъ не много изъ этого безконечнаго числа впечатлѣній отражается въ нашемъ сознаниі! Сколько требуется вниманія, чтобы разсортировать ихъ, разобраться въ нихъ и понять ихъ вліяніе.

Очень немногіе люди способны на подобный анализъ, большинство даже и не думаетъ о немъ; да и тѣмъ лицамъ, которыя заняты самоизученіемъ, подобный анализъ даетъ мало удовлетворительные результаты.

Сознаніе — это небольшой просвѣтъ въ густомъ туманѣ, который окутываетъ насъ самихъ, наши интеллектуальныя процессы. Наши поступки, ощущенія, нашъ характеръ представляютъ собою продукты сознательныхъ явленій, которыя вскорѣ перестаютъ быть таковыми.

Когда какое-либо обстоятельство, хлопоты, болѣзнь, угрызеніе совѣсти, забываются въ данную минуту, то отсюда еще не слѣдуетъ, что все кончено. Предполагать возможность полной забывчивости просто наивно! Это безпокойство, это угрызеніе совѣсти существуютъ не только въ сознаниі (которое можно отвлечь и которое забывается), но также и въ интеллектѣ, который роковымъ образомъ сохраняетъ полученные имъ впечатлѣнія и который не въ силахъ стереть ни одно изъ нихъ, каковы бы они ни были.

Однимъ словомъ, впечатлѣніе можетъ забываться въ сознаниі, а не въ умѣ.

XI. Новые опыты по вопросу объ объективизаціи.

Мнѣ удалось проконтролировать опыты объективизаціи, произведенные на двухъ субъектахъ А. и В., помощью опытовъ, сдѣланныхъ на одномъ изъ моихъ друзей. Нѣкто С***, на которомъ я никогда ранѣе не наблюдалъ явленій сомнамбулизма, оказался весьма чувствительнымъ въ этомъ отношеніи. Во второй разъ, когда мнѣ удалось его усыпить, я не могъ заставить его въ этотъ же день отрѣшиться отъ своей личности; на третьемъ сеансѣ это явленіе также не могло быть получено, такъ какъ сонъ не былъ достаточно глубокъ; тоже самое повторилось и на 4-мъ сеансѣ, но на пятомъ (25 апрѣля 1883 г.) явленіе объективизаціи уже какъ бы началось и, наконецъ, во время 6-го сеанса (5 мая 1883 г.) амнезія собственной личности была также рѣзко выражена какъ и у А. и В.

Когда еще онъ не вполне уснулъ и я объявилъ ему, что онъ превратился въ такое то и такое лицо, онъ возразилъ мнѣ на это: «я еще не достаточно уснулъ и не могу еще забыть кто я такой». Но когда онъ глубоко заснулъ, то черты лица его тотчасъ преобразовывались, когда ему говорили, что онъ превратился въ старика, женщину и пр.; онъ принималъ осанку того лица, за котораго себя считалъ: всѣ воспоминанія, относящіяся къ этой новой личности, приходятъ ему на память; воспоминанія же, не относящіеся къ данному лицу, исчезаютъ изъ его памяти.

Я произвелъ надъ нимъ 3 или 4 опыта.

Превращеніе въ священника. Онъ готовится принимать исповѣдальниковъ, выслушиваетъ съ напряженнымъ вниманіемъ всѣ глупости, которыя ему говорятъ, возмущается, если съ нимъ не говорятъ серьезно. По крайней мѣрѣ въ теченіи получаса онъ съ неослабнымъ достоинствомъ выполняетъ эту роль. Одинъ изъ нашихъ друзей, присутствовавшій при этой любопытной сценѣ, шутя сказалъ: «долой камилавку». С..., скрестивъ руки, съ необычайнымъ умиленіемъ воскликнулъ: «отпусти имъ Отче! не вѣдаютъ бо, что творять».

Превращеніе въ странствующаго комедіанта. Онъ тотчасъ же перемѣнилъ весь тонъ, весь преобразился и заговорилъ страннымъ языкомъ; онъ объявилъ, что чувствуетъ себя слегка выпившимъ, но что это не помѣшаетъ ему предстать предъ публикой.

Превращеніе въ женщину. Первое его слово было: не щипите меня. Онъ воображалъ себя женщиной легкаго поведенія.

Превращеніе въ старика. Онъ усѣлся въ кресло, застоналъ и схватился за свои колѣнки; спросивъ палку для ходьбы, закашлялся и началъ съ трудомъ дышать. Въмѣсто того, чтобы вообразить себя старикомъ настоящаго времени, онъ вообразилъ себя старикомъ 1833 года. Онъ началъ вспоминать свою молодость, которую помнилъ какъ бы въ туманѣ и которая относилась къ данному періоду. «Въ мое время, сказалъ онъ, хаживали смотрѣть пьесы Виктора Гюго; я даже присутствовалъ на 1-мъ представленіи по возобновленіи «Le Roi s'amuse» и видѣлъ самого автора». Когда ему говорятъ о событіяхъ послѣдовавшихъ послѣ смерти Гриви, то онъ не пускается ни въ какія подробности и ограничивается замѣчаніемъ, что это обстоятельство надѣлало гораздо меньше шума, чѣмъ думали и что, въ дѣйствительности, фактъ этотъ малозначущъ. Вообще онъ не даетъ никакихъ точныхъ указаній о событіяхъ, относящихся къ эпохѣ, въ которой онъ полагаетъ, что живетъ. Онъ блуждаетъ какъ бы въ туманѣ и довольствуется заявленіемъ, что все тоже, что и въ его время: «только одинъ я состарился».

Превращеніе въ одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи, именно въ «Гарпагона». Онъ болѣе или меньше припомнилъ многіе изъ выраженій этого мольеровскаго героя и вообразилъ, что онъ дѣйствительно Гарпагонъ, а не играетъ его роль. Прежде всего онъ ощущалъ свои карманы; онъ разсѣянно слушаетъ все, что ему не говорятъ и тихимъ голосомъ бормочетъ: «я боюсь, чтобы они не отобрали у меня деньги». Здѣсь имѣло мѣсто весьма интересное явленіе: когда онъ вполне вошелъ въ роль одного изъ мольеровскихъ лицъ — говорилъ съ Вале-

рией, Маріанной, Фрозиной, съ Клеантомъ; слѣдовательно, какъ бы чувствовалъ себя перенесеннымъ въ XVII столѣтіе — ему сказали въ упоръ: «все это вздоръ; извѣстно, что вы очень богаты, у васъ не мало государственныхъ бумагъ и желѣзнодорожныхъ акцій». Онъ провелъ рукой по лбу и сказалъ: «Что это означаетъ,—да они помѣшаны.. Я ничего не понимаю...». И съ нимъ едва не случился настоящій первый припадокъ, въ теченіи нѣкотораго времени замѣчалось умственное разстройство *).

Я не сомнѣваюсь, что эти опыты могутъ быть повторены со многими сомнамбулами. Было бы весьма интересно различнымъ образомъ видоизмѣнять ихъ.

XII. Опыты съ амнезіей.

У сомнамбуловъ можно вызвать любопытное явленіе амнезіи.

Я приведу случай, имѣвшій мѣсто съ моимъ другомъ С***, случай тѣмъ болѣе интересный, что С***, отличавшійся большимъ развитіемъ, чѣмъ дамы А и В, разговоръ которыхъ я передалъ выше, могъ отдавать себѣ отчетъ о томъ психическомъ процессѣ, который совершается въ немъ и анализировалъ его съ необычайной точностью. Я съ буквальной точностью воспроизвожу одинъ изъ разговоровъ, который мнѣ пришлось имѣть съ нимъ. Легко можно видѣть до какой степени эти чувства приближаются къ тому, что приходится наблюдать во время бреда и при извѣстныхъ формахъ афазіи.

Я. Васъ зовутъ Дюранъ.

Онъ. Я не желаю называться Дюранъ.

Я. Ваше имя, Дюранъ; свое же имя вы должны забыть.

*) На А., превращенной въ маленькую дѣвочку, я наблюдалъ нѣчто аналогичное: когда у нея спросили, нравственна ли исторія, происшедшая съ Красной шапочкой, она отвѣтила, что не знаетъ, что значитъ быть нравственной.

Онъ. Для чего вы желаете, чтобы меня звали Дюранъ? Къ тому жѣ я не могу забыть своего имени, которое я все время тихонько повторяю, чтобы не позабыть его.

Пауза.

Х. Обращается къ нему. «Какъ васъ зовутъ?»

Онъ. Меня зовутъ Дюранъ. (Улыбается). Мнѣ отлично извѣстно, что это неправда, но теперь меня зовутъ Дюранъ.

Х. Но когда вы проснетесь, тогда какъ будетъ ваше имя?

Онъ. Дюранъ... нѣтъ, не Дюранъ, а другое имя, которое я не желаю назвать.

Х. Ну назовите же его.

Онъ. Нѣтъ, я его не знаю... Впрочемъ, оно мнѣ извѣстно, оно вертится у меня на языкѣ, но я не могу его сказать.

Х. Быть можетъ васъ зовутъ Артуромъ?

Онъ. Какъ это глупо! Вамъ вѣдь хорошо извѣстно мое имя.

Х. Ну такъ скажите же его.

Онъ. Вотъ странность, оно мнѣ извѣстно, но я не могу его припомнить.

Х. Не С*** ли?

Онъ. Да, С... С., и онъ съ удовольствіемъ нѣсколько разъ повторяетъ одно и тоже слово.

Дѣйствительно, при нѣкоторыхъ формахъ бреда наблюдается періодъ, когда какая либо нелѣпая идея (какъ напр., идея называть себя Дюранъ) пытается проникнуть въ мозгъ. Сперва умъ борется и старается воспротивиться этому явленію. Затѣмъ съ теченіемъ времени нелѣпая идея преодолеваетъ и поглощаетъ наконецъ собою все.

Тоже самое мы видимъ у С***, у котораго идея называться Дюранъ оказалась торжествующею. По прошествіи 5—6 минутъ онъ уже былъ вполне убѣжденъ, что его зовутъ Дюранъ, не смотря на отѣнокъ скептицизма, который постепенно ослабѣвалъ по мѣрѣ продолженія опыта.

Сомнамбулу именно и не достаетъ способности бороться съ навязанными ему идеями. Здѣсь происходитъ не только физическій автоматизмъ, но и психическій, такъ что навязанной идеи не можетъ быть оказано ни малѣйшаго сопротивленія, какъ бы нелѣпа она ни казалась.

Отмѣтимъ также любопытный фактъ раздвоенія. С***

понимаетъ всю нелѣпость навязанной ему идеи и тѣмъ не менѣе она овладѣваетъ имъ. Совершенно тоже самое явленіе наблюдается у субъекта, страдающаго бредомъ преслѣдованія: онъ отлично сознаетъ всю нелѣпость идей своего бреда и тѣмъ не менѣе онѣ овладѣваютъ имъ все сильнѣе и сильнѣе.

Тожe самое наблюдается иногда, когда нами овладѣваетъ какая нибудь идѣе fixe, столь же нелѣпая, какъ и та, о которой мы только что говорили, и мы чувствуемъ себя не въ силахъ отвѣчаться отъ нея. Но что особенно интересно въ сомнамбулизмѣ, это то, что вызывая данный неврозъ, мы создаемъ экспериментальнымъ путемъ временный бредъ и болѣе или менѣе обширную амнезію.

Спрашивается, нѣтъ ли въ нормальномъ состояніи чего либо аналогичнаго съ амнезіей именъ. Зачастую мы забываемъ какое нибудь имя, которое прекрасно намъ извѣстно и сознаемъ ясно, что знаемъ его. Старикъ, который не можетъ вспомнить имени своего сына, отлично знаетъ это имя, но онъ не можетъ, по произволу, вызвать его въ своей памяти въ любой моментъ.

И С*** не забывалъ своего имени, но онъ утратилъ способность припоминать его по произволу. Зачастую въ афазіи наблюдаются подобнаго же рода явленія.

XIII. Измѣненія нравственнаго характера подъ вліяніемъ сомнамбулизма.

Относительно этого вопроса Гюйо представилъ нѣсколько замѣчаній, къ которымъ я хотѣлъ бы присоединить всего лишь нѣсколько словъ *). Гюйо полагаетъ, что необходимо ставить лицъ, индивидуальность которыхъ преобразована, въ такое положеніе, при которомъ основное измѣненіе ихъ нравственнаго строя, каковой они врядъ ли могутъ утрати-

*) Des modifications artificielles du caractère dans le somnambulisme. Revue philosophique. apr. 1883. стр. 433.

вать, было вполне очевидно. Безспорно весьма любопытно произвести подобный опытъ, но это дѣло не легкое, такъ какъ неудобно давать характеристику нравственности того или другаго субъекта. Когда я изыщу способы опредѣлять ближе эту нравственную характеристику, то, безъ сомнѣнія, я испытаю этотъ опытъ.

Въ одномъ случаѣ, впрочемъ, мнѣ удалось произвести подобный опытъ. Когда г-жа А, крайняя бонапартистка по убѣжденіямъ, заснула, то я могъ заставить если не принять, то по крайней мѣрѣ высказать убѣжденіе весьма республиканскаго характера; она крикнула: «Да здравствуетъ Гамбетта! Теперь словно повязка спала съ моихъ глазъ! Какъ сильно я ошиблась на его счетъ!»

Но Гюйо говорить не объ этомъ. Конечно, нельзя преобразовывать самаго человѣка, и я охотно признаю, что въ этихъ любопытныхъ модификаціяхъ измѣняется лишь вѣшняя оболочка даннаго субъекта, общій видъ, манеры, но не самая индивидуальность его.

Весьма затруднительно при подобныхъ обстоятельствахъ подыскать такую форму опыта, которая помогла бы выяснитъ означенный вопросъ.

Что касается фактовъ безсознательной памяти, то Гюйо совершенно справедливо замѣчаетъ, что этимъ путемъ можно оказать вліяніе на нравственную сторону даннаго лица и трансформировать его въ извѣстной степени. «Можно было бы, говоритъ онъ, испытать такимъ образомъ силу противодѣйствія, оказываемую различнымъ инстинктамъ, направляя опытъ на наслѣдственные привычки и особенности, и выяснитъ, не можетъ ли извѣстный рядъ приказаній или совѣтовъ, повторяемыхъ во время сна, трансформировать натуральное психическое состояніе періода бодрствованія».

«Факты, которые пришлось наблюдать Рише, говорить онъ дальше, открываютъ несомнѣнно новый путь, на который должно вступить изслѣдованіе, и быть можетъ даже новый способъ вліянія на волю человѣка, по крайней мѣрѣ, въ ея болѣзненномъ состояніи».

И здѣсь мы полагаемъ, что главное затрудненіе будетъ заключаться въ постановкѣ опыта для полученія желательнаго результата.

XIV. Аналогіи нормальнаго и патологическаго состояній.

Чѣмъ болѣе изучаютъ, путемъ сравненія, нормальныя и патологическія явленія, тѣмъ болѣе убѣждаются, что они тѣсно связаны между собой. К. Бернардъ часто повторялъ на своихъ лекціяхъ и бесѣдахъ: патологическое состояніе представляетъ собою не болѣе какъ повышеніе нормальнаго состоянія.

Останавливаясь на патологіи мозга, приходится задать себѣ вопросъ, не кроются ли главныя формы бреда въ умѣ у каждаго человѣка въ зародышевомъ состояніи? Меланхолія, бредъ преслѣдованія, религіозная манія, горделивое умопомѣшательство, — развѣ зачатки всего этого каждый изъ насъ не носить въ себѣ? Кто изъ насъ не испытывалъ въ извѣстный моментъ жизни склонность къ той или другой формѣ бреда, у кого не возникали безразсудныя идеи, преслѣдованія, отрицанія, религіозныхъ увлеченій, честолюбивыхъ плановъ, идеи едва не овладѣвавшія всѣмъ существомъ нашимъ и болѣе или менѣе быстро отгоняемыя силою логики и ума.

Къ тому же явленія сомнамбулизма не особенно удалены отъ нашего нормальнаго состоянія. Что такое представляетъ нашъ нормальный сонъ, какъ не потерю сознанія, сопровождаемую полуавтоматическимъ состояніемъ? Нормальный сонъ дѣтей почти подобенъ сомнамбулизму *), и

*) Когда мой 5-ти лѣтній сынъ крѣпко заснетъ и я прихожу вечеромъ поцѣловать его, онъ мнѣ говоритъ: «добрый вечеръ, папа», между тѣмъ онъ не просыпается и продолжаетъ крѣпко спать. Проснувшись, онъ не помнитъ о томъ, что говорилъ.

даже у многихъ изъ взрослыхъ сонъ отчасти напоминаетъ сомнамбулическое состояніе.

Многіе субъекты во время глубокаго сна могутъ до нѣкоторой степени отвѣчать весьма правильно на задаваемые имъ вопросы, не сохраняя о томъ по пробужденіи ни малѣйшаго воспоминанія.

Короче, мнѣ кажется, что всѣ эти столь сложные явленія, которыя до извѣстной степени могутъ быть разложены и анализированы у сомнамбула, суть явленія естественныя и нормальныя. Автоматизмъ, бессознательность, иллюзія, галлюцинація, амнезія, — все это до извѣстной степени и при извѣстной комбинаціи существуетъ и въ нормальномъ состояніи.

Въ состояніи сомнамбулизма нельзя встрѣтить ничего такого, чтобы отсутствовало въ болѣе или менѣе замѣтной формѣ у взрослага нормальнаго и бодрствующаго человѣка. Всѣ интеллектуальныя проявленія сомнамбула въ сущности представляютъ ничто иное, какъ развитіе нѣкоторыхъ интеллектуальныхъ отправленияхъ нормальнаго человѣка.

Это именно обстоятельство и не дозволяетъ мнѣ допустить здѣсь ни малѣйшей симуляціи. Дѣйствительно, какъ ни странна кажется мысль сомнамбула, она отличается отъ нормальной мысли лишь нѣкоторыми оттѣнками, всѣ переходы которыхъ могутъ быть оцѣнены фактами.

XV. Нѣсколько словъ относительно библіографіи и исторіи сомнамбулизма.

Исторія сомнамбулизма можетъ быть раздѣлена на три періода.

Мы не будемъ говорить здѣсь ни о древнихъ временахъ, ни о тѣхъ приемахъ, которые съ незапамятныхъ временъ практикуются на востокѣ. — Дѣйствительно, всѣ эти приемы не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, что намъ извѣстно въ настоящее время о магнетизмѣ и сомнамбулизмѣ.

Первый періодъ начинается съ Месмера, и къ 1775 году относится первый мемуаръ, въ которомъ было произнесено слово животный магнетизмъ.

Месмеръ является инициаторомъ магнетизма, но не онъ открылъ его. Маркизь Арманъ Пюисегюръ первый формулировалъ положеніе о магнетизмѣ въ томъ видѣ, какъ это принято до сихъ поръ большинствомъ магнетизеровъ. Пюисегюръ показалъ въ 1784 году, что можно вызвать сонъ простымъ положеніемъ рукъ безъ содѣйствія магнетическаго чана; болѣе того, онъ же утверждалъ, что воля магнетизера *) вызываетъ гипнотическое состояніе.

Имя Пюисегюра должно стоять на ряду съ именемъ Месмера. Безъ Месмера, Пюисегюръ не произвелъ бы своихъ экспериментовъ съ сомнамбулизмомъ; безъ Пюисегюра не было бы магнетизма, и самое большое, что было бы отмѣчено въ исторіи человѣческихъ благоглупостей—это воспоминаніе о конвульсіонерахъ магнетическаго чана, какъ это сдѣлано для конвульсіонеровъ С. Медара.

Съ 1784 по 1842 г. серьезные опыты и шарлатанизмъ чередовались между собой съ одинаковымъ успѣхомъ; съ одной стороны, слѣпое легкомысліе допускало всевозможныя глупости, съ другой стороны, не менѣ слѣпой скептицизмъ отрицалъ сплошь всякій, даже достовѣрный фактъ. Среди магнетизеровъ можно было встрѣтить не только шарлатановъ и обманщиковъ, но и честныхъ людей, одушевленныхъ идеей добра и любви къ ближнему. Къ сожалѣнію послѣдняя категория лицъ не получила достаточнаго образованія для того, чтобы сумѣть отстоять свои

*) *Mémoires pour servir à l'histoire et à l'établissement du magnétisme animal.* Лондонъ. 1786. Эта книга представляетъ огромный интересъ. Она написана человѣкомъ легкомысленнымъ, но честнымъ, и содержитъ много фактовъ, которые полезно принять къ свѣдѣнію. Для тѣхъ кто настаиваетъ на симуляціи, поучительно будетъ встрѣтить въ книгѣ Пюисегюра тѣ же факты, о которыхъ говорится въ современныхъ монографіяхъ новѣйшихъ экспериментаторовъ, незнакомыхъ съ этой книгой.

взгляды и для того чтобы отличить въ массѣ всевозможныхъ явленій то, что справедливо отъ того, что ложно.

Благодаря такимъ людямъ какъ Пюисегюръ, Рейхенбахъ, Делозе, Дюпоте, Лафонтенъ, Фариа, Бертранъ, Фуасакъ, Пететенъ, Гюссонъ и многимъ др., магнетизмъ въ 1840 году сложился въ доктрину, учившую, что воля магнетизатора излучаетъ особую специальную жидкость, дѣйствующую на субъекта и усыпляющую его; утверждали, что помощью этой жидкости можно исцѣлять различныя болѣзни, что усыпленный субъектъ, душой и тѣломъ подчиненъ волѣ магнетизатора; что магнетизаторъ можетъ передавать свою волю на разстояніи черезъ непрозрачныя тѣла; что сомнамбуль отчетливо видитъ свои внутренніе органы, можетъ узнать какой изъ нихъ боленъ и чѣмъ нужно лечить подобную болѣзнь; что органы чувствъ у него перемѣщены, что онъ можетъ читать ладонью руки, что онъ можетъ отгадывать будущее и видѣть на громадныхъ разстояніа.

Всѣ эти басни привели къ тому, что серьезные наблюдатели той эпохи отрещивались цѣликомъ отъ всѣхъ магнетическихъ явленій. Ученые того времени неустанно твердили: «все это чистый вздоръ и ложь!»

Вотъ къ чему привели всѣ эти изслѣдованія. Ложь потопила правду.

Въ 1842 году Джемсъ Бредъ, врачъ изъ Манчестера, показалъ, что при фиксированіи свѣтящагося предмета происходитъ особое состояніе тѣла и ума, которое онъ назвалъ гипнозомъ или гипнотизмомъ, и которое онъ тщательно изучалъ. Онъ анализировалъ явленія каталепсіи, контрактуры и анестезіи, доказывалъ, что воля магнетизатора отнюдь не необходима, онъ же показалъ, между прочимъ, что мышечныя движенія оказываютъ извѣстное вліяніе на самыя идеи и концепцію ихъ. Бреду мы обязаны первой характеристикой гипнотизма, явленій бредизма, фасинаціи, каталепсіи и сомнамбулической контрактуры.

Въ послѣдующіе годы всѣ наблюденія Бреда были подтверждены, хотя правду сказать, этимъ вопросомъ зани-

мались лишь немногіе врачи. Общее же мнѣніе начало все болѣе и болѣе склоняться къ тому, что сомнамбулизма не существуетъ, что существуетъ только гипнотизмъ, т. е. усталость зрѣнія отъ фиксированія блестящаго предмета; усталость эта отражается на нервныхъ центрахъ. Что внѣ этого гипноза мало интереснаго физиологическаго явленія, наблюдаемаго также, хотя и въ меньшей степени на животныхъ, пѣтъ ни одного истинно магнетическаго явленія и что всѣ увѣренія магнетизеровъ суть ничто иное, какъ ложь и обманъ.

Всѣ попытки, всѣ сколько нибудь серьезные опыты произведенные со временъ Брада вплоть до послѣднихъ годовъ, всегда производились въ этомъ именно смыслѣ: фиксаціи зрѣнія на блестящемъ предметѣ и гипнотизма, вызываемаго этой фиксаціей.

Состояніе науки въ эту эпоху вполне точно передано въ двухъ прекрасныхъ статьяхъ нашихъ большихъ медицинскихъ словарей: Глава о гипнотизмѣ Дюваля, въ *Dictionnaire de médecine et de chirurgie pratiques* и глава о «месмеризмѣ Де-Шамбра въ *Dictionnaire encyclopedique des sciences médicales* (1874). Даже названіе обѣихъ этихъ статей весьма характерно; оно вполне выражаетъ мнѣніе большинства по этому вопросу, раздѣлившагося на двѣ группы. По мнѣнію Де-Шамбра не существуетъ ничего, кромѣ обмана, и все сводится или къ ослѣпленному легкомыслію или злему умыслу; всѣ факты суть ничто иное, какъ месмерическое жонглерство: отсюда и названіе самой статьи. Что касается Дюваля, то онъ считаетъ несомнѣннымъ существованіе гипнотизма и съ большимъ талантомъ приводитъ много доказательствъ въ пользу этого явленія. Но онъ не говоритъ ни слова о сомнамбулизмѣ и, оставаясь вѣрнымъ господствующему въ то время воззрѣнію, допускаетъ лишь одну теорію блестящаго предмета и гипнотизма отъ усталости зрѣнія.

Да позволено мнѣ будетъ напомнить, что въ эту именно эпоху мною былъ сдѣланъ цѣлый рядъ изысканій, кото-

рыя оказали нѣкоторое вліяніе на научныя положенія, относящіяся къ вопросу о сомнамбулизмѣ.

Въ 1869 г. случай привелъ меня быть свидѣтелемъ магнетическаго сеанса, который заставилъ меня подумать, что среди всяческихъ продѣлокъ здѣсь есть и доля правды. Я не имѣлъ возможности заняться серьезно вопросомъ раньше 1873 г., въ бытность мою интерномъ у Лефорта въ госпиталь Бажовъ. Въ теченіи цѣлаго года я со страстью занимался этими опытами, и въ 1875 г. опубликовалъ въ журналѣ Робена *) работу о вызываемомъ сомнамбулизмѣ.

Въ этой монографіи я, между прочимъ, выставилъ слѣдующія три положенія.

1) Нельзя допустить, чтобы сомнамбулическія, магнетическія и гипнотическія явленія были обязаны своимъ происхожденіемъ симуляціи; существованіе вызваннаго сомнамбулизма составляетъ фактъ столь же несомнѣнный и безспорный, какъ и существованіе эпилепсіи и брюшнаго тифа.

2) Магнетическіе пассы, слабыя раздраженія всякаго рода дѣйствуютъ совершенно также и даже лучше, чѣмъ фиксация блестящаго предмета и вызываютъ сомнамбулическое состояніе.

3) Наблюдаемыя явленія обнаруживаются также при нѣкоторыхъ отравленіяхъ и разстройствахъ центральной нервной системы. Они состоятъ главнымъ образомъ изъ двоякаго рода явленій: внушенныхъ галлюцинацій и автоматизма.

Между приводимыми фактами одни были новы, нѣкоторые же давно уже извѣстны. Во всякомъ случаѣ, нельзя не поставить въ заслугу рѣшимость говорить о подобныхъ предметахъ въ такое время, когда въ глазахъ ученыхъ всѣ подобные факты относились къ области басенъ.

Въ послѣдніе годы наши свѣдѣнія по вопросу о сомнамбулизмѣ и магнетизмѣ пополнились прекрасными работами Шарко и его учениковъ во Франціи (1878), изслѣдова-

*) Journal de l'anatomie et de la physiologie 1875, т. XI стр. 471.

ніями Гайденгайна изъ Бреславля, основанными на прочномъ фундаментѣ многочисленныхъ новыхъ и важныхъ фактовъ; такимъ образомъ, въ настоящее время мы располагаемъ достаточнымъ количествомъ свѣдѣній относительно явленій искусственно вызваннаго сомнамбулизма. И мы полагаемъ, что всю исторію сомнамбулизма можно раздѣлить на три періода. Періодъ Месмера и Пюисегюра (отъ 1775—1832); періодъ Брэда (1842—1874) и, наконецъ, періодъ современный, во время котораго изслѣдованія, сдѣланныя мною (1875), Шарко (1878) и Гайденгайномъ (1879), вывели изъ легендарнаго состоянія вопросъ о животномъ магнетизмѣ.

Мы приведемъ здѣсь указанія нѣкоторыхъ новѣйшихъ работъ и статей по занимающему насъ вопросу. Этихъ указаній, на нашъ взглядъ, будетъ достаточно, чтобы поставить читателя au courant современныхъ важнѣйшихъ изслѣдованій по данному вопросу.

Review of hypnotism., — American journal of the Medical science. 1882. янв. № 165, стр. 143—163.

Der Hypnotismus; ausgewählte. Schriften von Braid. Пер. Прейера. Берлинъ. Poetel. 1882.

Neurypnologie; trad. franç. de Braid. par J. Simon (1 т. м.—12. Парижъ. Delahaye. 1833).

Hack-Tuke. — Hypnosis redivivus, — Journal of Mental science. янв. 1881, стр. 531—551.

Weinhold. — Hypnotische Versuche. Хемницъ. 1880 Centralblatt für medicinischen Wissenschaften. 1880, стр. 443.

Cohn. — Über hypnotische Farbenblindheit mit Accommodationskrampf und ueber Methoden nur das Auge zu hypnotisiren. Centralblatt für medic. Wis-sensch. 1880, стр. 536.

Crichton Browne. — Doctor Beards Experiment in hyp-notism. — Brit. med. Jour. 1881, abr. стр. 378.

Baumler. — Der Sogenannte animalische Magnetismus, oder Hypnotismus. — Лейпцигъ. 1881. Vogel.

Beard. — The Study of trance; muscle reading, and allied nervous phenomena in Europ and America. Нью-Йоркъ. 1882.

Beard.—Nature and phenomena of trance. Нью-Йоркъ, chez Putman, 1881.

Beard.—Trance and trancoidal states in the lower animals. (S. D.) 161. Madison avenue. Нью-Йоркъ.

Crotherz.—The Trance state in inebriety; medico-legal Relations.—Hartfort. (Conn.) 1882.

Baréty.—Des propriétés physiques d'une force particulière du corps humain. Société de Biologie; 30 июля 1881.—Gaz. med. de Paris. 1881. Tirage a part chez Doin. Парижъ. 1882.

Tamburini и Seppili.—Contribuzioni allo studio sperimentale del Ipnotismo. Gaz. médica. Ital. Lomb. № 26. 1881.

Они же.—Rivista sperim. di Freniatria e di Med. legale. T. 8. 1883, стр. 392.

Chambard.—Du somnambulisme en général. Th. de Doctorat de Paris. Chez Doin. 1881 и article, Somnambulisme du Diction. encyc. des sc. med.

Regnard.—Sommeil et somnambulisme. Rev. scientif Мартъ 1881, стр. 386.

Seppili.—Delle nove ricerche sull' Ipnotismo.—Rivista sperimentale di Freniatria e di med. legale. T. 8. 1882, стр. 123—136.

Sidney Coupland.—Hypnotisme spontané chez un jeune garçon de douze ans. Jour. of. ment. Sc. 1880, стр. 46—55.

W. Preyer.—Die Entdeckung des Hypnotismus. Deutsch. Rundschau. Iena, 1881. 42 стр.

Chambard.—Revue génér. sur les act. hypnogéniques etc.—L'encéphale, 1881. № 1, стр. 94 и № 2, стр. 536.

Chambard.—Un cas d'hysterie et de Somnambulisme. Rev. mens. anp. 1879. и Journ. of ment. science. 1880, стр. 55.

Ziegler Martin.—Sur le rayonnement magnétique.—Assoc. franc. p. l'avanc. des Sc. Session d'Alger, 1881, стр. 849.

Landouzy.—Relation d'un cas de léthargie provo-

quéé par l'application d'un aimant.—Pr. med. 1879, стр. 60.

Bourneville et P. Regnard.—Procédés employés pour déterminer les phénomènes d'hypnotisme.—Pr. med. 1881, стр. 254—274 и 300.

Yung.—De l'hypnotisme.—Rev. intern. de sc. 1882 № 5, 6, 7. Брошюра in 18°. Chez Doin. 1882.

L'Hypnotisme à Paris. The Lancet. 1882, 1 сем., стр. 126, 842, 1057. 2 сем., стр. 163, 786, 1057.

Preyer.—Discussion au congrés medic. internat. 1880. Br. med. J. 1880. 2 сем., стр. 381.

Ladame.—Observations sur les antécédents des hypnotiques et sur les effets de l'hypnotisme. Rev. de la Suisse Rom. T. 1, стр. 290. 1881.

Yung.—Des erreurs de nos sensations. Contribution à l'étude de l'illusion et de l'hallucination. Извл. изъ Ann. des sc. phys. et natur. Брошюра in 18. Женева. 15 февр. 1883.

Legrand du Saulle.—Les hystériques. Парижъ. 1883, стр. 236—291.

Dumontpallier — Bull. de Soc. de Biol. 1881 — 1882. Passim.

Charcot и Richet. — Arch. de névrl. T. I и II, Passim.

Данилевскій. — Über die Hemmungen der Reflexe und Willkurbewegungen. Arch. de Pflüger т. XXIV. стр. 489 — 525: добавление стр. 595 — 596.

Bourneville et Regnard. — Iconographie photographique de la Salpêtrière. (1877 — 1881.).

Carpenter. — (Mesmerism and spiritualism). Rev. philosoph. 1877. 2 см. стр. 440.

Paul Richet. — Traité clinique de l'hystero-épilepsie. 1 т. in 8. Masson. 1882.

XVI. Заклинанія новѣйшаго времени и эпидемія бѣснованія.

Не должно смѣшивать колдунью съ одержимой злымъ духомъ. Колдунья заключила союзъ съ демономъ: она обладаетъ сверхестественной силой, сообщенной ей дьяволомъ; она виновна и должна быть сожжена. Наоборотъ, одержимая злымъ духомъ невинна. Демонъ или нѣсколько злыхъ духовъ возымѣли фантазію забраться въ ея тѣло и избрать его театромъ своихъ дѣйствій. Поэтому одержимыхъ злымъ духомъ не за что наказывать, ихъ должно лечить. Исцѣленіе производится путемъ молитвъ и заклинаній.

Весьма вѣроятно, что въ настоящее время католическая религія не признаетъ преступленія, именуемаго колдовствомъ; договоры съ сатаной не признаются болѣе; но церковь и по сіе время допускаетъ фактъ дьявольскаго навожденія. Еще весьма недавно описывались приемы заклинанія и заклинатели.

Въ прежнія времена приемы заклинателей отличались чрезвычайнымъ разнообразіемъ и были полны любопытныхъ подробностей. Кромѣ указанной выше монографіи Броньоли я имѣю въ настоящее время подобное же сочиненіе; оно озаглавлено: *Complementum artis exorcisticae si simile nunquam visum est, cum litanis, benedictionibus et doctrinis novis, exorcismis efficacissimis ac remediis copiosis in maleficiatis expertis, in tres partes divisum, quarum prima dicitur doctrinalis; secunda benedictionalis, tertia exorcismalis.* — Authore. F. Zacharia Vicecomite, ordinis S. S. Barnabae. — Venetiis, apud Franciscum Bariletrum anno MDC

Авторъ приводитъ слѣдующіе признаки одержимости злымъ духомъ, которые, безъ сомнѣнія, интересно сравнить съ известными симптомами истеріи и истеро-эпилепсіи.

«У одержимаго злымъ духомъ языкъ опухшій, покрытъ

темной корой, выдается изъ рта, горло также опухшее; онъ какъ бы задыхается; затѣмъ все приходитъ въ естественное состояніе. Онъ плачетъ, самъ не понимая о чемъ; съ гнѣвомъ отвѣчаетъ на вопросы и зачастую вовсе не хочетъ говорить. Стискиваетъ зубы и отказывается отъ пищи; обнаруживаетъ ненависть по отношенію къ нѣкоторымъ лицамъ; произноситъ бессмысленныя слова, удрученъ чѣмъ то страшнымъ и какъ бы лишенъ всѣхъ чувствъ. Ударяетъ себя кулакомъ, рветъ на себѣ одежду и волосы; дико вращаетъ глазами, испытываетъ необычайный страхъ, отъ котораго внезапно успокаивается. Подражаетъ голосу различныхъ звѣрей: рыканію льва, бляенію овецъ, мычанью быка, лаю собакъ, хрюканью свиньи; скрежещетъ зубами, изо рта идетъ пѣна и вообще ведетъ себя какъ бѣшеная собака. Иногда его насквозь пронизываетъ страшный зной или холодъ: онъ чувствуетъ, что по его тѣлу бѣгаютъ муравьи, скачутъ лягушки, ползутъ змѣи, рыбы, мухи и пр. Слышать и видеть сверхестественныя вещи. Когда священникъ кладетъ ему руку на голову, то онъ чувствуетъ то холодъ, то жаръ, и кричитъ если ему ставятъ св. дары на голову, восклицая: «уберите это съ меня, я не могу выносить этого, мнѣ становится дурно». Затѣмъ онъ рычитъ, трясетъ головой, пытается опрокинуть дары, раздражается на священника и присутствующихъ. Ненавидитъ всѣ церковныя предметы; чувствуетъ ужасъ при видѣ престола и св. таинствъ. Не желаетъ смотрѣть на иконы и особенно на распятіе, у подножія котораго онъ сумасшедше извивается. Не произноситъ никакихъ молитвъ и если хотять его къ тому принудить, то бормочетъ что то непонятное; подъ влияніемъ заклинаній теряется, раздражается, рычитъ и отбивается. Будучи безграмотнымъ, понимаетъ наиболѣе трудныя мѣста священнаго писанія и говорить на неизвѣстныхъ ему языкахъ; предсказываетъ будущее и творить сверхестественныя вещи».

Противъ такого состоянія главное средство заклинаніе. Но кромѣ этого духовнаго средства, по не постижимому эклектизму, признавались еще физическія лекарства, которыя также содѣйствуютъ изгнанію бѣсовъ, и съ этой

точки зрѣнія монахъ Захарій совѣтуетъ священникамъ обнаруживать величайшую осторожность и не примѣнять незнакомыхъ медикаментовъ, что можетъ повести къ большимъ неприятностямъ. «Мнѣ приходилось видѣть, говорить онъ, заклинателей, которые назначали натуральныя лекарства безъ совѣта съ врачомъ, и нерѣдко убивали своихъ больныхъ», къ «вѣщему угрызенію своей совѣсти», прибавляетъ онъ.

Вотъ одна изъ формулъ заклинанія, употреблявшихся въ то время. Произнесеніе всякаго существительнаго имени сопровождалось однимъ крестомъ, причѣмъ предписывалось заклинателю, когда онъ долженъ былъ осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ! «Изыди, злой духъ, полный кривды и беззаконія; изыди, исчадіе лжи, изгнанникъ изъ общества ангеловъ; изыди, змѣя, супостатъ хитрости и бунта; изыди, изгнанникъ рая, недостойный милости Божіей; изыди, сынъ тьмы и вѣчнаго подземнаго огня; изыди, хищный волкъ полный невѣжества; изыди, черный демонъ; изыди, духъ ереси, исчадіе ада, приговоренный къ вѣчному огню; изыди, негодное животное, худшее изъ всѣхъ существующихъ; изыди, воръ и хищникъ полный сладострастія и стяжанія; изыди, дикій кабанъ и злой духъ, приговоренный къ вѣчному мученію; изыди, грязный оболъститель и пьяница; изыди, корень всѣхъ золъ и преступленій; изыди, извергъ рода человѣческаго; изыди, извратитель догматовъ; изыди, злой насмѣшникъ, полный лживости и возмущенія; изыди, врагъ правды и жизни; изыди, источникъ несчастій и раздоровъ; изыди, бѣшеная собака, подлая змѣя, дьявольская ящерица; изыди, ядовитый скорпіонъ, драконъ, полный злыхъ козней; изыди, лакей сатаны, привратникъ ада; изыди, козелъ, стражъ свиней и вшей; изыди, зараженное страшилище, черная ворона, рогатая гадина; изыди, лжецъ коварный, способный на всякія пакости; изыди, темная сила, идіотское созданіе; изыди, исчадіе ада, покрытое гнойными волдырями; изыди, поганый, зачумленный» и пр. и пр.».

У меня имѣется маленькая книжечка, которая носитъ слѣдующее названіе: *Nucleus continens benedictiones rerum diversarum, item exorcismos ad varia male-*

ficia depellenda, conjurationes item ad fugandas a demonibus eorumque ministris excitatas aereas tempestates. Collectus tam ex Romano quam diversorum dioecesium. Ritualibus in cleri Ruralis usum. Friburgi Helveliorum apud Davidem Irrbisch. Anno post partientem virginem MDCLXIII.

Это сочинение содержитъ, между прочими любопытными вещами, указаніе заклинанія противъ порчи молока и масла. А развѣ въ деревняхъ и понынѣ не вѣрятъ дурному глазу, который можетъ испортить молоко и земледѣльческіе продукты? По правдѣ сказать, внезапное появленіе въ молоко, безъ всякихъ видимыхъ причинъ, извѣстныхъ паразитовъ, можетъ легко вызвать дѣтскія объясненія этого факта *).

Связь, соединяющая колдовство съ одержимыми злымъ духомъ состоитъ въ томъ, что колдунъ или колдунья могутъ вызвать духа и переселить его въ того или другаго субъекта. Такъ почти во всѣхъ подобныхъ эпидеміяхъ имѣется колдунъ, который вызываетъ бѣсовъ и который служитъ причиной несчастія данныхъ субъектовъ.

Нынѣ, я еще разъ повторяю, нынѣ неохотно уже вѣрятъ въ колдовство; но идея о бѣсовскомъ навожденіи не совсѣмъ еще угасла. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Италіи, въ мѣстечкѣ Верденти, въ провинціи Фріуль вспыхнула **) эпидемія истеро-демонопатіи, и тогда же имѣли мѣсто попытки заклинанія.

Сравнимъ съ этимъ фактомъ сочиненіе аббата Лериншъ, священника въ Пуатье, написанное въ 1859 году ***).

Почтенный служитель церкви, изучая исторію Урбенъ Грандье и монахинь Людѣна, пришелъ къ тому заключе-

*) Reiset (Comp. und. de l'Ac. des scienc. Мартъ 1883) недавно описалъ настоящую эпидемію сняго молока.

**) L'epidemia di Istero-deminopathie, in Verzeogniss. Reggio nell' Emilia 1879, et Rev. scient. 10 apr. 1880, № 41, стр. 973. 17 марта 1883 г. № 11, стр. 338.

***) Etude sur les possessions en général, et sur celle de Lou dun en particulier. Paris, Plon. 1859.

нію, что дѣйствительно демоны вселились въ тѣлѣ монахинь, и подтверждаетъ свое мнѣніе слѣдующими фактами:

Бѣсы предсказывали будущее, видѣли на разстояніи, говорили на незнакомыхъ языкахъ; они совершали вещи, которыя нельзя объяснить обыкновенными силами; исцѣляли ихъ только заклинаніями и, наконецъ, симптомы, наблюдавшіеся у урсулинокъ, не соотвѣтствуютъ симптомамъ ни одной изъ существующихъ болѣзней.

Леришъ по этому поводу описываетъ симптомы истеріи, которыя, по его мнѣнію, состоятъ въ зѣвотѣ, головокруженіи, безпричинномъ плачѣ, неудержимыхъ порывахъ хохота, чувствѣ ледянаго холода во всемъ тѣлѣ, изобильномъ отдѣленіи мочи и пр. и, конечно, нѣтъ необходимости доказывать, что у монахинь Людѣна не замѣчалось ни одного изъ этихъ симптомовъ. Но позволительно ли, набросавъ болѣе или менѣе фантастическую картину легкой формы истеріи, прилагать ее къ приступу демонопатического безумія и истеро-эпилексіи въ столь серьезной формѣ, какъ она наблюдалась въ Людѣнѣ? Найдется ли хоть одинъ врачъ, который будетъ основывать свой діагнозъ на присутствіи или отсутствіи зѣвоты, на обильномъ отдѣленіи мочи, которыя, по увѣренію Лериша, ни разу не были констатированы у урсулинокъ?

Имѣются и другія доказательства, что авторъ этюда объ одержимыхъ бѣсами собиралъ данныя, чтобы доказать, что въ Людѣнѣ дѣло шло не объ истеріи.

Во-первыхъ, обыкновенное леченіе *) не помогало; затѣмъ истерія представляется очень рѣдкою болѣзнію, которая не бываетъ эпидемическою; она не можетъ излечиваться словами и трудно допустить, чтобы знаменитые

*) По мнѣнію Лериша, леченіе это состоитъ въ слѣдующемъ: «вдыхать пары жженого пера или полотна и эфира, если запахъ послѣдняго не противенъ; больной дають въ ротъ свѣжей воды для прекращенія глотательныхъ спазмовъ; ставятъ клизму съ *assa foetida* и гумми-арабикомъ; дѣлають холодныя обмыванія укусомъ области *epigastrique* и ставятъ ноги въ теплую воду».

врачи, пользовавшіе урсудинокъ, не могли бы распознать болѣзни, симптомы которой такъ легко замѣтить.

Быть можетъ г. Лериша и удовлетворяютъ приводимые имъ резоны о рѣдкости истеріи, о легкости распознаванія этой болѣзни, объ отсутствіи заразительности, но врядь ли найдется много врачей, которые думаютъ такъ какъ и онъ; мы полагаемъ, наоборотъ, что истерія составляетъ весьма обычное страданіе, что она можетъ проявляться въ населеніи въ видѣ эпидеміи, не подь вліяніемъ контагіознаго микроба, какъ оспа или чума, но подь вліяніемъ контагіознаго подражанія, которое невозможно отрицать.

Что касается до сверхестественныхъ фактовъ, то эти свидѣтельства имѣютъ какъ разъ такую же цѣнность, какъ и показанія благомыслящихъ людей, видѣвшихъ ясно какъ *Romulus* живымъ поднялся на небо.

Леришъ сильно вѣритъ въ колдуновъ, въ магическіе договоры, въ шабаши, въ навожденія, въ заклинанія, словомъ, во всѣ тѣ глупости, которыя были бы смѣшны, если бы изъ-за нихъ не было пролито столько крови.

Исторія и наука подтверждаютъ идентичность эпидеміи урсудинокъ съ истеро-эпилепсіей. Относительно этого предмета не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; достаточно побывать одинъ разъ въ Салпетриерѣ, чтобы убѣдиться въ этомъ тождествѣ.

Стигматизированные субъекты, распятые, одержимые злымъ духомъ, находящіеся въ состояніи экстаза, колдуны—все это больные люди. Установленіе такихъ истинъ величайшій прогрессъ. И этимъ прогрессомъ человѣчество обязано современной наукѣ. То, что предугадывали *) Виръ, Ноде и Беккеръ, нынѣ вполне подтвердилось.

*) Одно любопытное мѣсто у Агриппы Добинье (цитировано Лесли. *Les sorcières dans le Béarn*. Paris. 1875, стр. 28) показываетъ, что уже въ 1587 г. нѣкоторые врачи видѣли въ явленіяхъ колдовства не болѣе какъ естественные факты: — «Процессъ этотъ измѣнилъ взглядъ нѣкоторыхъ изъ судей и врачей и, между прочимъ, взглядъ втораго президента, который научился въ Парижѣ смотрѣть на преступ-

Въ 1858, 59 и 60 годахъ наблюдалась эпидемія*) бѣснованія, противъ чего практиковались и заклинанія. Арто, передающій эти факты, повидимому, вѣрить, что заклинанія въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказывали хорошее вліяніе; но онъ не настаиваетъ на этомъ терапевтическомъ приѣмѣ и, повидимому, признаетъ, что заклинанія, оказывающія хорошее вліяніе въ началѣ эпидеміи, должны быть оставлены прежде, чѣмъ обнаружится ихъ недѣйствительность. Онъ склоненъ признать, что пилигримство какъ одно изъ условій для разобщенія больныхъ, оказываетъ хорошее вліяніе.

Намъ кажется, что всѣ религіозныя средства отъ демонопатіи не могли оказывать инаго дѣйствія, кромѣ усиленія болѣзненныхъ явленій.

XVII. Развитие идеи о зломъ духѣ.

Къ концу XVI столѣтія и къ началу XVII относится господство идеи о зломъ духѣ, съ ея неизбѣжными атрибутами: преслѣдованіемъ и казнями колдунювъ.

Весьма вѣроятно, что въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ эти казни были также весьма многочисленны. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ книгопечатанія не было, то архивы этой эпохи, будучи уничтожены, не оставили намъ никакихъ точныхъ свѣдѣній по этому вопросу, и мы можемъ лишь дѣлать предположенія о жестокостяхъ совершавшихся въ средніе вѣка надъ колдуньями. Какъ только возникло

леніе колдуній, какъ на болѣзнь». Впрочемъ, общія взгляды на дѣло отъ этого мало измѣнились, ибо въ упоминаемомъ въ этой выдержкѣ процессѣ были приговорены къ сожженію 34 колдунья, и казнь была приведена въ исполненіе.

*) Relation d'une hystéro — démonopathie épidémique observée à Morzine (Haute Savoie) par. Arthaud. Лионъ 1862. Отд. отч. изъ Gaz. med. de Lyon.

книгопечатаніе, тотчасъ же появились и книги о колдовствѣ и демонологіи. Число ихъ было огромно. Всѣ онѣ крайне интересны, и не знаешь чему больше удивляться, глупости авторовъ или ихъ звѣрству.

Библиофиламъ слѣдовало бы попытаться составить каталогъ библіотеки колдовства. Подобная работа представляла бы большой интересъ и была бы въ высшей степени поучительна. Правда, она не сдѣлала бы чести нашимъ предкамъ.

Въ книгѣ, для прочтенія которой пужны нечеловѣческія силы *), находится въ высшей степени курьезный рисунокъ—клеймо сатаны. Злой духъ оставилъ на тѣлѣ одной молодой дѣвушки, одержимой бѣсомъ, знакъ отъ своей червой руки, и авторъ представляетъ намъ факсимиле этого демоническаго прикосновенія.

Я не могъ узнать, былъ ли этотъ демонъ духомъ тьмы или свѣта, ибо авторъ разсказа то говоритъ объ экстазѣ, то объ одержимости злымъ духомъ.

Эти признаки извѣстны въ явленіяхъ нѣкоторыхъ припадковъ истеричныхъ субъектовъ.

Однимъ словомъ, развитіе пден о зломъ духѣ съ XVII столѣтія можетъ быть резюмировано такимъ образомъ: дьявольскій оказался побѣжденнымъ. Теперь уже никто не чувствуетъ себя одержимымъ злымъ духомъ.

Но еще остаются люди одержимые добрыми духами. То, что въ XVI вѣкѣ вело къ сожженію, въ наше время ведетъ къ святости. Марія Алакокъ, Марія Мерль де-Кальтерпъ, Луиза Лато, если бы они жили во времена Бодена, были бы казнены, быть можетъ даже сожжены. Но времена перемѣнились. Ихъ не казнили и не сожгли, а каполизировали.

*) Gisberti Voëtii selectae disputationes theologicae. Utrecht apud Johanem a Waesberge. 1655.

**) Loc. cit. T. V. Pars secunda: Глава de Signis et probationibus spirituum, стр. 1100—1153.

XVIII. Нѣсколько приговоровъ надъ колдуньями.

Число сожженныхъ колдуній за воображаемыя преступленія непомѣрно велико. Всѣ книги по черной магіи, волшебству, юриспруденціи и теологіи XV, XVI и даже XVII вѣковъ полны подобными разсказами. Сердце сжимается отъ ужаса при мысли о томъ, что всѣ эти звѣрства совершались въ эпоху сравнительно столь мало отдаленную отъ нашего времени.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ, которые краснорѣчивѣе всякихъ словъ поясняютъ нашу мысль.

Марія Аріаанъ 70 лѣтъ сама призналась, что дьяволъ принудилъ ее отрицать существованіе Бога и что вручилъ ей взамѣнъ брачнаго контракта золотую монету, которая затѣмъ превратилась въ дѣтскія экскрименты; онъ имѣлъ съ ней сношеніе и снабдилъ ее небольшимъ сосудомъ съ мазью, которой она околдовала нѣсколько человѣкъ.

Однажды ночью врагъ разбудивъ ее въ Утрехтѣ, перенесъ въ Віаненъ, гдѣ она околдовала нѣкую Адриану и затѣмъ дьяволъ снова перенесъ ее въ Утрехтъ. Она призналась, что околдовала еще трехъ лицъ, отчасти этой мазью, отчасти другимъ способомъ и что нашлось два человѣка, на которыхъ ея чары не подѣйствовали. Вслѣдъ за этимъ признаніемъ ее присудили къ задушенію, 8 декабря 1591, въ Шунговенѣ.

Двухъ или трехъ женщинъ сожгли въ 1601 г. въ Зеландѣ. Другихъ сожгли тамъ же въ 1607 году, по слѣдующему поводу: одинъ купецъ, по имени Баршеръ, видѣлъ духовъ вокругъ своей жены, дѣтей, прислуги, послѣ чего появилась у нихъ страшная жаба. Племянникъ Баршера былъ околдованъ до того, что кромѣ появленія страшныхъ судорогъ во всемъ тѣлѣ и во всѣхъ членахъ, его приподняло на два аршина отъ полу; дьяволъ извергалъ изъ его глотки яркое пламя. Баршеръ изнемогъ и объявилъ, что дьяволъ овладѣлъ имъ и усѣлся на немъ словно на мѣшкѣ съ зерномъ. Служанка видѣла какое-то чудовище въ

образѣ обезьяны. Жена Баршера отправилась въ Нордерупъ на телѣгѣ; въ дорогѣ телѣга эта остановилась и не могла дальше ѣхать. На возвратномъ пути она провела 11 часовъ въ дорогѣ; слышала шумъ въ листьѣхъ деревьевъ; затѣмъ крыса, которую она не видала, укусила ее за палець, и она въ теченіи цѣлаго мѣсяца не могла имѣть владѣть. На слѣдующую ночь почувствовала сильнѣйшій жаръ въ постели; оказалось, что все простыни покрыты крысиными испражненіями. Въ тотъ же моментъ страшная крыса, вскочившая на постель, сожрала кусокъ изголовья. Ребенка ихъ терзалъ дьяволъ, нападалъ на него въ образѣ небольшой свиньи, которая хрюкала, пѣла пѣтухомъ и лаяла какъ собака. Кромѣ того, дьяволъ наносилъ страшные удары ребенку башмакомъ. Все эти несчастія ускорили конецъ Башера. Что же касается его вдовы, то она еще не скоро была оставлена въ покоѣ. По дорогѣ въ Гарлоръ телѣга вдругъ исчезла и замѣнилась двумя воронами. Другой разъ ея телѣжка опрокинулась. Пивоваръ, бывшій съ ней, потерялъ свою котомку, и когда нашелъ ее, она показалась ему столь тяжелой, что онъ подумалъ, не вселился ли въ нее бѣсъ. Вслѣдствіе всехъ этихъ преступныхъ дѣяній, Елена, Катерина (обвинявшіяся въ прелюбодѣйствіи съ дьяволомъ), Жанна Томасъ и многія другія были сожжены.

Можно найти много аналогичныхъ разсказовъ въ «*Monde enchanté*» Вальтазара Беккера. Эта книга, написанная въ концѣ XVII столѣтія, носитъ на себѣ слѣды страннаго контраста здраваго смысла съ нелѣпностью и звѣрствомъ, процвѣтавшими 80 лѣтъ до того. Начало XVII столѣтія отъ его конца отдѣляется цѣлой пропастью. Въ этотъ періодъ заговорили Паскаль и Декартъ.

Приведемъ другіе примѣры, заимствованные нами изъ интересной работы Потвена*). Жанета была заключена въ тюрьму въ Ипрѣ за отрицаніе Бога, за отреченіе отъ своего крещенія, за сближеніе съ дьяволомъ и за сношеніе съ нимъ. Слѣдуя его ужасному совѣту, она испорти-

*) *Albert et Isabelle, fragments sur leur régime. Bruxelles 1861.*

ла нѣсколько штукъ лошадей, коровъ и другихъ животныхъ; получивъ отъ дьявола какой-то порошокъ, она отравила имъ Жана Христофа; встрѣтивъ на рынкѣ въ Ипрѣ Якова Петръ, она ударила его кулакомъ по груди и такъ околдовала, что съ той поры онъ захворалъ какой-то странной болѣзнию. Кромѣ всего этого, она терзала еще нѣсколькихъ лицъ съ помощью особаго дьявольскаго порошка, и въ вознагражденіе за все это получила отъ дьявола шесть монетъ въ 25 су. Ее сожгли 12 апр. 1602 г.

Жана имѣла сношеніе съ дьяволомъ; околдовала маленькую дѣвочку помощью порошка, полученнаго отъ дьявола. Ее сожгли 13 сент. 1602 г.

Екатерина Танкре, нищая, 77 лѣтъ, была сожжена 28 нояб. 1603 г. за то, что она принимала въ своей комнатѣ ночью нѣсколько разъ злаго духа подъ видомъ человѣка одѣтаго въ черное платье, который имѣлъ съ ней сношеніе.

Екатерина Хассо, проходя мимо лошадей одного пивовара, погрозилась на нихъ: одна изъ этихъ лошадей околѣла на слѣдующій же день. Ея зять терзался странной болѣзнию, во время которой и объявилъ, что его свекровь колдунья. Ее заключили въ тюрьму и привязали, но на другой день нашли развязанной. Ее пытали, она созналась въ колдовствѣ и была предана сожженію.

Лаура Дювивье, 92 лѣтъ, имѣла съ дьяволомъ сношеніе, по ночамъ плясала, получила отъ него порошокъ, которымъ и уморила двухъ дѣтей, издѣвалась надъ святыми дарами. Ее сожгли въ октябрѣ 1602 года.

Въ Савойѣ творилось тоже самое: Женевьева *) приблизилась къ лужѣ, ударила по водѣ и тотчасъ же выпалъ градъ. Бросила какое-то вещество въ лужу, которое и превратилось тамъ въ лютыхъ насѣкомыхъ; облако поглотило этихъ насѣкомыхъ и, упавши въ видѣ дождя на овощи, уничтожило ихъ. За это она была приговорена и сожжена (1546). Съ нею вмѣстѣ сожгли еще четырехъ колдуній, одинаково виновныхъ.

*) La Justice et les sorciers au XVI siècle. Discours prononcé a la rentrée solennelle de la cour de Nimes. 1881 г.

Потреобалось бы сотни страницъ, для подробнаго описанія чудовищности, варварства и звѣрства этихъ приговоровъ, обвиненій и казней. Мы не чувствуемъ себя въ силахъ выполнить подобную работу, хотя бы она и входила въ область психологіи. Столь чудовищное заблужденіе, столь общее и столь недалекое отъ насъ, волей-неволей страшно подрываетъ нашу вѣру въ самихъ себя. Какъ, всего лишь за тридцать лѣтъ до появленія Декарта, Паскаля, Корнеля, послѣ Шекспира, Рабле, Монтена, въ концѣ XVII столѣтія нашлись въ Англіи, во Франціи, во Фландріи, въ Германіи, въ Савойѣ, въ Даніи, Испаніи, Швеціи и во всей Европѣ судьи — люди несомнѣнно наиболѣе образованные для своей эпохи, которые были способны произносить подобныя приговоры! а общественное мнѣніе, безъ малѣйшихъ колебаній, утверждавшее эти приговоры!

Не будетъ ли умѣстно здѣсь воскликнуть словами Монтена? «Что же это за чудовище—человѣкъ!»

XIX. Ликантропія.

Въ Бургундіи *) одинъ охотникъ увидаль въ лѣсу волка и пронзиль его стрѣлой; затѣмъ онъ сталъ слѣдить за звѣремъ по кровянымъ пятнамъ и видѣлъ какъ онъ вошелъ въ одинъ домъ. Желая выяснить, въ чемъ тутъ дѣло, охотникъ, въ свою очередь, вошелъ въ этотъ домъ. Каково же было его изумленіе, когда онъ встрѣтилъ здѣсь человѣка, раненаго въ то самое мѣсто, куда былъ раненъ волкъ! Не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія: этотъ человѣкъ былъ оборотнемъ, а женщина, которан за нимъ ухаживала, колдуньей. Оборотень и колдунья предстали передъ судомъ, пытка доказала ихъ преступленія, и они были казнены.

*) De fascino libri tres in quibus omnes fascino species et causae describuntur, Leonardo Vairo Auctore, Parisiis, apud Nicolaum Chesneau. 1583.

Эта исторія, которую повторяли на разные лады, послужила основаніемъ для ученія о ликантропіи, и для того, чтобы прочно укрѣпить вѣру въ возможность превращенія, путемъ колдовства, человѣка въ волка не нужно было ничего кромѣ этой басни.

XX. Последнія казни колдуній.

19 іюля 1670 г. интендантъ Руана писалъ Кольберу: «Приказаніе, полученное мною отъ его величества относительно отсрочки казни четырехъ лицъ, приговоренныхъ парламентомъ къ смертной казни за колдовство, пришло какъ разъ во время, ибо, пославъ курьера въ Карентайнъ, куда были перевезены эти несчастные, онъ прибылъ туда еще до приведенія приговора въ исполненіе. Мы приостановили также приговоръ надъ 20 подобными же лицами, заключенными въ нашихъ тюрьмахъ» *).

Впрочемъ, два года спустя, въ Бернѣ были приведены въ исполненіе двѣ казни за колдовство:

19 мая 1672, Петръ Тойо, хирургъ города По, объявилъ, что по приказанію двора, онъ дважды приглашался въ консьержери суда для вправленія суставовъ двумъ колдуньямъ по имени «*Servante de la vie*» и «*Vielle comptesse*», ихъ допрашивали въ присутствіи Меспле и Деколомъ, со-вѣтниковъ, и де-Броссе — генеральнаго адвоката.

Вотъ во что обошлась казнь одной изъ этихъ несчастныхъ (11 мая 1671):

Счетъ издержекъ, которыя пришлось сдѣлать по случаю казни нѣкой особы, именуемой «*comtesse*», приговоренной 11 мая 1671 къ повѣшенію и сожженію:

*) *Correspondance administrative sous le regne de Louis XVI*, 5, II, p. 184. Citée par Lespy: *Les sorcieres dans le Bearn*, p. 11.

2- солдатамъ, по 12 соль каждому . . .	6	либровъ.
2 городскимъ сержантамъ, присутствовавшимъ при казни, ходившимъ за солдатами и пр.	1	»
Вознагражденіе нѣкому Шенъ за доставленіе дровъ для костра и самой осужденной къ мѣсту казни	3	»
Вознагражденіе плотнику за приготовленіе обвиненной къ казни	3	»
Вознагражденіе вдовы Дюлонъ за доставленіе двухъ большихъ телѣжекъ, одной съ растопкой, другой съ крупными дровами	6	»
За порошокъ	8	»
За веревки	2	»
Палачу	30	»
Приставу, бывшему при казни	4	»
За двѣ связки соломы	—	5 соль.

Итого . . 63 либра и 5 соль.

Вообще издержки, сопряженныя съ этими казнями, тщательно записывались, благодаря чему намъ теперь извѣстно число самыхъ казней и всѣ соответствующія подробности.

ЯДЫ ИНТЕЛЛЕКТА.

Алкоголь, хлороформъ, гашишъ, опиумъ.

Яды вообще. — Яды, дѣйствующіе на нервную систему. — Состоянію опьяненія въ описаніяхъ поэтовъ и романистовъ. — Распространенность алкоголизма. — Психическое дѣйствіе абсента. — Хлороформъ. — Анестезія вообще. — Усиленіе хлороформомъ. — Память во время дѣйствія хлороформа. — Хлораль и другія средства, производящія анестезію. — Гашишъ. — Опьяненіе гашишемъ. — Безсиліе волн во время опьяненія отъ гашиша. — Иллюзія времени и пространства. — Галлюцинаціи отъ гашиша. — Опиумъ и морфій. — Приливы крови къ мозгу и анемія мозга. — Сонъ отъ опиума. — Лечение отъ бессонницы опиумомъ. — Курители опиума въ Китаѣ. — Психическое дѣйствіе кофе. — Общее дѣйствіе ядовъ интеллекта.

I.

При изученіи жизненныхъ явленій, весьма поучительно обратить вниманіе на изслѣдованіе расстройствъ въ отправленияхъ живыхъ органовъ отъ дѣйствія на нихъ различныхъ ядовъ. Въ сущности, значеніе слова — ядъ должно быть значительно

расширено; ядъ не есть, какъ вообще принято думать — вещество всегда смертельное и вредное; напротивъ, всё почти лекарства — вещества ядовитыя и наоборотъ. Напримѣръ, опиумъ — превосходный медикаментъ и вмѣстѣ съ тѣмъ страшный ядъ. Алкоголь, если его употреблять въ маломъ количествѣ, служить полезнымъ средствомъ, возбуждающимъ пищевареніе, въ большихъ же дозахъ онъ производитъ опасныя разстройства, которыя часто влекутъ за собою смерть. Такъ что было-бы очень затруднительно строго разграничить классъ ядовъ отъ класса медикаментовъ. Клодъ Бернаръ опредѣляетъ ядъ слѣдующимъ образомъ: это вещество, которое не можетъ войти въ нормальный составъ крови или проникнуть въ организмъ, не причинивъ въ немъ разстройство временныхъ или продолжительныхъ. Вотъ ясное и точное опредѣленіе, позволяющее намъ отличать яды отъ питательныхъ веществъ. Пища — есть всякое вещество, которое должно въ данную минуту войти въ составъ нашей крови или нашихъ тканей; ядъ же, напротивъ, долженъ быть вытѣсненъ и исчезнуть, ибо, если онъ и содержится въ крови, то только случайно. Напр., яйцо — это питательное вещество, потому что составныя его части поглощаются организмомъ, чтобы перейти потомъ въ кровь; но рвотное — ядъ, потому что оно вытѣсняется организмомъ, такъ какъ организмъ не выноситъ присутствія рвотнаго въ крови. Во всякомъ случаѣ дѣйствіе рвотнаго, въ качествѣ лекарства, не различается

отъ его же дѣйствія въ качествѣ яда: это тотъ-же ядъ въ слабой дозѣ. Слѣдовательно, изученіе ядовъ одинаково полезно какъ врачу, такъ и фізіологу. Врачу, задача котораго состоитъ въ излеченіи больныхъ организмовъ, наука о ядахъ показываетъ какъ дѣйствуютъ вещества, которыя онъ будетъ употреблять, такъ что токсикологія или наука о ядахъ — въ сущности ничто иное, какъ опытная терапевтика. Въ старину, во времена Орфілы, опыты надъ ядами имѣли назначеніемъ только разъяснить замысловатые вопросы судебной медицины. Теперь же они служатъ рѣшительно всей медицинѣ. По словамъ Клода Бернара между отправленіями здороваго и больнаго органа нѣтъ различія и дѣйствіе яда на здоровый организмъ можетъ обратиться въ дѣйствіе цѣлебное для организма больнаго.

Важный шагъ сдѣланъ наукой съ первой попыткой точно опредѣлить дѣйствіе ядовъ на извѣстный органъ или на извѣстную ткань. Теперь это можетъ показаться элементарнымъ, такъ какъ очень просто было-бы изслѣдовать, на что именно дѣйствуетъ извѣстное вещество по преимуществу — на кровь, на мускулы или на мозгъ; но подобныя изслѣдованія, такъ сказать, первый шагъ въ таксикологіи, предприняты съ недавнихъ поръ, — всего лѣтъ двадцать тому назадъ; точкой отправленія послужилъ прекрасный трудъ Клода Бернара о кураре, сильномъ ядѣ, которыми индѣйцы отравляютъ свои стрѣлы. Клодъ Бернаръ, вмѣсто того, чтобы анализировать функціи отдѣльныхъ органовъ

или тканей, рассматривалъ ихъ въ совокупности. Въ физиологическихъ явленіяхъ старались видѣть результатъ специальной силы, дѣйствующій на органы, и всѣ особенныя свойства этихъ органовъ называли жизненными свойствами. Въ наше время никто уже не думаетъ отстаивать эту устарѣвшую доктрину. Принципъ жизни не единый; онъ распределенъ между всѣми живыми частями тѣла, и никому не придетъ въ голову воскрешать старинныя теоріи школы Монпелье, допускавшей существованіе одной жизненной силы, управляющей всѣми органическими функціями. Живое существо — это совокупность живыхъ органовъ, могущихъ умирать въ отдѣльности. Эти органы состоятъ изъ тканей; ткани изъ клѣточекъ, и каждая изъ этихъ составныхъ частей можетъ послѣдовательно исчезать, такъ что смерть однихъ не влечетъ за собою непременно смерть другихъ частей.

Для наглядности возьмемъ примѣръ. Горѣніе угля въ закупоренномъ пространствѣ производитъ ядовитый газъ, — окись углерода. Между тѣмъ, эта окись специально дѣйствуетъ на особый анатомическій элементъ, а именно, на красные шарики крови: всѣ симптомы смерти отъ окиси углерода — послѣдствія отравленія этой части крови. Это значитъ, что кровь умираетъ раньше другихъ тканей, и если послѣднія, въ концѣ концовъ, также умираютъ, то это происходитъ потому, что онѣ лишены живой крови, необходимой для ихъ существованія. Смерть отъ кровотеченія представляетъ совершенно тѣ-же

явленія, которыя обнаруживаются при отравленіи окисью углерода — и можно въ обоихъ случаяхъ возвратить отравленному существу всѣ признаки жизни, возстановивъ въ организмѣ живительную кровь, которой онъ лишился.

Физиологическій анализъ пошелъ еще дальше: онъ не только узналъ, что отравлена кровь, но опредѣлилъ, что въ крови поражены именно красные шарики, точнѣе то вещество этихъ шариковъ, которое беретъ изъ воздуха кислородъ, для передачи его тканямъ.

Конечно, желательно было-бы имѣть о всѣхъ ядахъ столь-же точныя свѣдѣнія, какъ объ окиси углерода. Къ несчастью этого еще далеко не достигнуто. Мы знаемъ, что извѣстныя свойства крови, мускуловъ, нервовъ, спиннаго мозга уничтожаются или повреждаются отъ дѣйствія извѣстныхъ ядовъ, но рѣдко наши познанія распространяются дальше этихъ первыхъ симптомовъ. Я намѣренъ здѣсь заняться ядами, дѣйствующими на извѣстную часть организма, и безспорно, на самую благородную, именно на органъ мышленія — головной мозгъ. Но я не буду стараться опредѣлить въ точности самое мѣсто, гдѣ происходитъ отравленіе. Сѣдалище интеллектуальныхъ способностей недостаточно еще изслѣдовано, чтобы можно было идти далѣе изученія симптомовъ отравленія. Итакъ, рассмотримъ, чѣмъ обнаруживаются симптомы отравленія нашего разсудка. Быть можетъ, это изслѣдованіе будетъ одинаково полезно и философамъ, и физиоло-

гамъ, ибо связь между физическимъ и нравственнымъ такъ тѣсна, что можно и не раздѣлять изученіе того и другаго. 93

Это небольшое вступленіе необходимо, чтобы объяснить, что мы понимаемъ подъ именемъ отравленія интеллекта. Этимъ мы отнюдь не хотимъ сказать, что извѣстный ядъ дѣйствуетъ исключительно на однѣ умственныя способности, не оказывая въ то-же время вліянія на другіе органы и на другія функціи, — мы говоримъ только, что прежде всего онъ оказываетъ дѣйствіе на мозгъ, на разумъ. Если въ послѣдствіи нарушаются и другія отравленія, то это нисколько не измѣняетъ способности яда производить прежде всего разстройство въ умственныхъ способностяхъ. Итакъ, это не исключительное дѣйствіе, а лишь преобладающее; ибо для фактовъ физиологическихъ не существуетъ определенной классификаціи, и всякое строгое разграниченіе является непременно произвольнымъ и ошибочнымъ. Такъ, — обращаемся вновь къ взятому нами примѣру — въ послѣднемъ періодѣ отравленія окисью углерода, бываетъ возбужденіе, безумный бредъ и другіе симптомы умственнаго разстройства; но эти явленія происходятъ лишь позднѣе, — какъ послѣдствіе полнаго отравленія крови. Головной мозгъ, лишенный живой крови, испытываетъ измѣненія въ своихъ отправленияхъ, и подобно тому, какъ появляется бредъ при анеміи мозга вслѣдствіе сильныхъ кровотеченій, такъ и послѣ отравленія окисью углерода замѣчаются признаки умственнаго

разстройства, обусловленнаго отсутствіемъ живоа окисленной крови. Слѣдовательно, окись углеродѣи вовсе не принадлежитъ къ разряду ядовъ, дѣйствующихъ на интеллектъ; это отравленіе крови, вліяющее на мозгъ только потому, что передъ тѣмъ оно по дѣйствовало на кровь. Иное дѣло вещества, поражающія непосредственно мозговыя функціи, какъ напр. алкоголь и хлороформъ. Здѣсь уже, прежде чѣмъ обнаружатся какія-либо другія разстройства, — поражаются умственныя способности, — разсудокъ или чувствительность, что одно и то же. Въ мускулахъ, въ крови, въ сердцѣ, въ легкихъ не замѣчается при этомъ никакихъ измѣненій; дѣйствіе яда сказывается на умственныхъ способностяхъ, что выражается въ опьяненіи или бредѣ. Правда, впоследствии, если отравленіе произошло въ болѣе сильной степени, пораженіе нервныхъ центровъ отражается и на сердцѣ, въ желудкѣ, мускулахъ. Но эти разстройства уже второстепенныя, и алкоголь, подобно хлороформу, эфиру, гашишу, опиуму и кофе — настоящій ядъ интеллекта.

Нѣтъ ничего удивительнаго, если яды, вредно вліяющіе сперва на умственныя способности, въ концѣ концовъ разстраиваютъ и другіе отправления. Въ самомъ дѣлѣ, центральная нервная система, — органъ, пораженный дѣйствіемъ яда, управляетъ всѣми жизненными функціями; будучи органомъ интеллекта, эта система вмѣстѣ съ тѣмъ и органъ возбуждающій движенія мускуловъ, управляющій функціями сердца, пищеварительнаго ка-

нала и отдѣлительныхъ желѣзъ, разсѣянныхъ по всему организму. Хотя въ числѣ ядовъ центральной нервной системы есть такіе, которые болѣе дѣйствуютъ на одну функцію, чѣмъ на другія, тѣмъ не менѣе, въ послѣднемъ періодѣ ихъ дѣйствія, всѣ функціи оказываются глубоко пораженными. Такъ, хлороформъ прежде всего подавляетъ волю, память и чувство, т. е. функціи головного мозга, а затѣмъ уже парализуетъ дѣятельность сердца и дыханія, то есть спинной мозгъ; стрихнинъ дѣйствуетъ совершенно обратно: сперва онъ поражаетъ спинной мозгъ, а потомъ и головной. Точно также, рвотное дѣйствуетъ на желудокъ не иначе, какъ черезъ посредство нервной системы. Если перерѣзать блуждающіе нервы, идущіе отъ спинного мозга къ желудку, то можно помѣшать появленію рвоты, зависящей отъ отравленія рвотнымъ, между тѣмъ какъ на разсудокъ рвотное не оказываетъ вліянія, по крайней мѣрѣ, если оно принято въ слабой дозѣ, въ сильной же дозѣ оно дѣйствуетъ сперва на сердце, а потомъ уже на разсудокъ.

Если принять, что у нервной системы три главныхъ функціи: мышленіе, зависящее отъ головного мозга, — произвольныя движенія, зависящія отъ спинного мозга и — органическія движенія сердца, органовъ пищеваренія и желѣзъ, зависящія отъ мозгового узла, соединяющаго спинной мозгъ съ головнымъ, — то мы получимъ яды, которые дѣйствуютъ сперва на ту или другую изъ этихъ частей и, слѣдовательно, на функціи отъ нихъ зависящія, а по-

томъ распространяють свое дѣйствіе на всѣ части нервной системы.

Здѣсь мы займемся только изслѣдованіемъ ядовъ, дѣйствующихъ первоначально на головной мозгъ и нарушающихъ интеллектуальныя функціи. Мы не станемъ доискиваться, почему яды дѣйствуютъ именно такимъ образомъ, ибо способъ ихъ дѣйствія еще неизвѣстенъ. Достоверно одно — что ядъ передается головному мозгу черезъ посредство крови, и что внутреннее дѣйствіе крови, зараженной ядовитымъ веществомъ, вліяя на нервныя клѣтки корки, измѣняетъ ихъ такъ, что разсудокъ приходитъ въ разстройство. Но въ чемъ состоитъ это внутреннее дѣйствіе? Есть-ли это химическое соединеніе яда съ клѣточками? или-же механическое нарушеніе мозговой циркуляціи? Вотъ что намъ до сихъ поръ неизвѣстно; хотя, быть можетъ, со временемъ это и будетъ разъяснено наукой. Мы можемъ только предполагать, что здѣсь совершается временное химическое соединеніе яда съ клѣточками сѣраго вещества мозга.

Какъ бы то ни было, прежде изученія причины явленія, легче узнать какъ оно совершается, и если намъ неизвѣстна причина отравленія головного мозга, мы можемъ, по крайней мѣрѣ, изучать результаты и симптомы этого отравленія.

II.

Изученіе ядовъ, дѣйствующихъ на умственные способности, представляетъ интересъ не только въ фізіологическомъ и психологическомъ отношеніи, оно имѣетъ еще серьезный соціальный интересъ. Очевидно, что человѣкъ во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, недовольный своимъ умственнымъ состояніемъ, всегда старался возбуждать его различными ядовитыми веществами. Характеристическая черта всѣхъ отравленій нервной системы та, что ядъ, прежде чѣмъ разрушаетъ, возбуждаетъ ее; вотъ именно этого возбужденія человѣкъ и ищетъ усердно, страстно. Коль скоро такое возбужденіе переходитъ въ привычку, оно овладѣваетъ человѣкомъ съ такой силой, что ничто уже не въ состояніи противиться ему. Оно является настоящимъ соціальнымъ недугомъ, какъ для китайцевъ и индусовъ, которые курятъ опиумъ, такъ и для европейцевъ, употребляющихъ алкоголь.

Алкоголь — есть продуктъ получаемый отъ броженія сахара. Всѣ сладкія жидкости, предоставленныя самимъ себѣ, приходятъ въ броженіе и доставляютъ алкоголь и углекислоту; вотъ почему всѣ сладкія жидкости, въ которыхъ произошло броженіе — напитки алкоголическіе или спиртные. Психическіе симптомы, вызываемые этими напитками, почти всегда одинаковы. Хотя данные симп-

томы извѣстны испоконъ вѣку, они рѣдко служили предметомъ методическаго анализа, и только развѣ въ сочиненіяхъ романистовъ или драматурговъ можно найти тонкія и наблюдательныя замѣчанія относительно опьяненія и его послѣдствій.

Первое дѣйствіе отравленія алкоголемъ — это чувство довольства, пріятное, блаженное состояніе. Въ эту минуту кажется, что мысли проясняются, затрудненія и препятствія исчезаютъ, все видишь въ розовомъ цвѣтѣ, чувствуешь себя счастливымъ и довольнымъ. Если человѣкъ продолжаетъ пить еще, то умственное возбужденіе его растетъ и проявляется разными способами, которые можно выразить однимъ словомъ — гиперидеаціей.

Гиперидеація опьяненія въ первой, слабой степени — явленіе любопытное и крайне интересное, но было-бы опасно наблюдать его часто надъ самимъ собою. Въ этомъ состояніи является наплывъ разнообразныхъ мыслей — веселыхъ, величественныхъ, развратныхъ, грустныхъ; воинственныхъ, чередующихся съ необычайной быстротой. Особенность этихъ идей та, что они не ограничены. Для ума исчезаетъ всякое чувство мѣры; все является преувеличеннымъ. Чувствуешь, какъ будто нравственныя силы удвоились, считаешь себя способнымъ все сдѣлать, все предпринять, а между тѣмъ одна идея смѣняется другою безпрерывно: послѣ одного предпріятія, думаешь о другомъ, о третьемъ и такъ безъ конца. Всѣ они неудобноисполнимы, но они улыбаются пьяному человѣку

въ тотъ моментъ, какъ проносятся въ его воображеніи: быть можетъ, въ числѣ ихъ есть и разумныя мысли, но не до того, чтобы на нихъ останавливаться; это безконечная толчея мыслей, нѣчто вроде фантазмагоріи, болѣе или менѣе соблазнительной и не допускающей никакихъ паузъ.

Человѣкъ не въ состояніи тогда скрывать своихъ тайнъ. Онъ становится сообщительнымъ и аффективнымъ. Даже когда опьяненіе еще легкое, уже обнаруживается эта потребность къ изліяніямъ, но въ болѣе сильной степени опьяненія, откровенность не знаетъ никакихъ предѣловъ. «Подобно тому какъ пѣнящійся напитокъ подымаетъ вверхъ сосуда весь осадокъ, такъ и вино потребленное въ чрезмѣрномъ количествѣ заставляеть разоблачать самыя сокровенныя тайны». Въ сущности гиперидеяція есть излишество воображенія, и зачастую это возбужденіе проявляется инымъ образомъ: удачными остротами, игривыми замѣчаніями, эксцентрическими выходками. Нѣкоторые авторы не могли, повидимому, писать иначе какъ въ такомъ возбужденномъ состояніи: это и придавало ихъ произведеніямъ отпечатокъ особенной оригинальности. Часто у пьянаго, во время наплыва беспорядочныхъ мыслей, возникаетъ вдругъ, совершенно независимо отъ другихъ, какая нибудь мысль, не имѣющая ничего общаго съ предыдущими, и держится съ удивительнымъ упорствомъ. Она поминутно возвращается среди различныхъ другихъ, подобно тому, какъ въ музыкальной пьесѣ повто-

ряется какойнибудь мотивъ среди различныхъ модификацій и варіацій.

Итакъ, мы видимъ двѣ характерныхъ особенности въ началѣ опьяненія: съ одной стороны наплывъ мыслей, быстро смѣняющихся одна другою; съ другой — упорная неподвижность мыслей, неизмѣняемость ихъ. Съ перваго взгляда кажется, будто существуетъ противорѣчіе между этими различными формами умственного возбужденія. На самомъ дѣлѣ этого нѣтъ, если тщательно прослѣдить механизмъ мышленія.

Въ нормальномъ состояніи всѣ умственные способности — воображеніе, разумъ, память, ассоціація идей — управляются еще особой высшей способностью — вниманіемъ. Вниманіе или воля, это самъ человѣкъ: это его я, которое, пользуясь всѣми своими ресурсами, беретъ ихъ гдѣ хочетъ, когда хочетъ и употребляетъ ихъ, какъ ему вздумается. Въ состояніи же опьяненія, даже въ самомъ началѣ его, воля и вниманіе исчезаютъ. Остаются только воображеніе и память, которыя, будучи предоставлены себѣ и очутившись безъ руководителей, дѣлаютъ самыя неожиданныя выходки. То является мысль, которую никакъ нельзя прогнать, то ускользаетъ какая-нибудь мысль, которую никакъ нельзя удержать въ памяти — ибо вниманіе одинаково имѣетъ назначеніемъ какъ удерживать нѣкоторыя мысли, такъ и заставлятъ исчезать другія. Поэтому упорная *idée fixe* происходитъ столько же отъ недостатка и слабости вниманія, сколько и мысль ми-

молетная; въ обоихъ случаяхъ это есть слѣдствіе отравленія головнаго мозга черезъ посредство крови, насыщенной алкоголемъ. Если человѣку, находящемуся въ началѣ опьяненія, и кажется, что его способность къ работѣ усилилась и если онъ дѣйствительно примется за работу, то онъ скоро почувствуетъ, что не въ состояніи сосредоточить и собрать свои мысли, и что обманчивая способность къ творчеству, которую онъ воображалъ въ себѣ, на дѣлѣ есть безсиліе, противъ котораго онъ не можетъ бороться. Но иногда впрочемъ, по странной случайности или по привычкѣ, бываетъ такъ, что *idée fixe* оказывается именно той самой идеей, которую онъ желаетъ развить, и такое счастливое совпаденіе можетъ заставить его думать, что его вниманіе находится въ нормальномъ состояніи; но это только иллюзія, потому что подобный субъектъ не былъ бы способенъ ни къ какой другой работѣ.

Слѣдовательно, первые характерные признаки опьяненія заключаются въ потерѣ памяти, въ возбужденіи воображенія, въ ослабленіи разсудка. Интересно прослѣдить, какъ поэты и романисты изображаютъ этотъ періодъ отравленія алкоголемъ.

Дядя Ванъ-Бюкъ въ одной пьесѣ Мюссе, Таломье и Грантэръ въ «*Miserables*» ведутъ беспорядочный разговоръ, совершенно сходный съ обыкновенной болтовней пьяныхъ. Невозможно себѣ составить лучшаго понятія о состояніи опьяненія, какъ перечитать, что они говорятъ. Это картина выхвачена съ натуры, и одинъ такой примѣръ поучи-

тельнѣе цѣлой теоріи. Такъ, Фантазіо, во время оргіи, начинаетъ городить разныя нелѣпности:

Спаркъ. Ты охмѣлѣешь...

Фантазіо. Ну, охмѣлѣю, ты правду говоришь.

Спаркъ. Но уже немного поздно.

Фантазіо. Что ты называешь поздно? Полдень — развѣ это поздно? Полночь — развѣ это рано? Съ какого часу у тебя начинается день? Останемся здѣсь, Спаркъ, пожалуйста, будемъ пить, болтать, анализировать, разсуждать вкривь и вкось, толковать о политикѣ, сочинять правительственныя комбинаціи, поймаемъ всѣхъ жучковъ, что кружатся вокругъ этой свѣчи и попрячемъ ихъ въ карманы. А знаешь ли ты, что паровыя пушки — чудесная штука по части филантропіи?.. Жиль-быль король умный-преумный, счастливый-пресчастливый... Слушай, Спаркъ, вѣдь я пьянъ. Я долженъ непремѣнно сдѣлать что-нибудь такое... Тра-ла... ла-ла... Вставайка-ка, пойдемъ.

Этотъ сумбуръ мыслей, это мимолетное усиленіе умственной дѣятельности соблазняетъ многихъ поэтовъ, и часто имъ удавалось художественно изобразить въ стихахъ видѣнія пьяныхъ. Вотъ напр. что говорить въ «Авантюристкѣ» Эмиля Ожье, донъ Аннибаль, котораго Фабрицій старается спойть, чтобы вывѣдать отъ него тайну его сестры:

Ventrebleu! plus je bois, et plus ma soif redouble *)
Regardez-moi ce jus, l'abbé, ce jus divin.

*) Что за дьявольщина! Чѣмъ больше я пью, тѣмъ больше хочется пить. Взгляните-ка, аббатъ, на эту влагу, на эту бо-

Que le monde a nommé modestement du vin;
 C'est le consolateur, c'est le joyeux convive,
 A la suite de qui toute allégresse arrive.
 Au diable les soucis! les craintes, les soupçons!
 Quand je bois, il me semble avaler des chansons.
 Verse encore un couplet! et narque du tonnerre!
 Buvons à plein gosier, et chantons à plein verre!

Романисты поняли, что форма опьяненія не всегда одинакова и что она мѣняется, смотря по характеру субъектовъ. Есть люди, которыхъ невозможно опить: въ концѣ концовъ, поглотивъ большое количество алкоголя, они ощущаютъ симптомы полного опьяненія, нетвердость походки, склонность ко сну, безчувственное состояніе, рвоту, но у нихъ отсутствуетъ, по крайней мѣрѣ какъ кажется со стороны — тотъ періодъ умственного возбужденія, которымъ характеризуются начальныя моменты опьяненія. Это странное явленіе, происходитъ исключительно отъ вліянія воли. Мы сказали выше, что при опьяненіи воля и вниманіе ослаблены, но они не исчезаютъ совершенно, такъ что та-же воля можетъ сосредоточиться на страхѣ опьянѣть. Благодаря такой постоянной мысли, еще усиливающейся въ пьяномъ состояніи, не замѣчается иногда никакихъ вѣшнихъ проявленій бреда. Въ то время какъ внутри себя мы уже ощущаемъ психологиче-

жественную влагу, которую люди изъ скромности называютъ «виномъ». Это утѣшитель; это веселый собесѣдникъ, вслѣдъ за которымъ приходятъ всякія радости. Къ чорту заботы! Къ чорту страхи и опасенія! Когда я пью, мнѣ кажется, что я глотаю пѣсни... Налей-ка еще одну пѣсню! И плевать на все! Будемъ пить во всю глотку и пѣть полными стаканами!

ское дѣйствіе алкоголя, мы настолько еще владѣемъ собою, что противимся его вліянію. Непріятное извѣстіе, какой нибудь серьезный случай сразу отвѣзляютъ человѣка, если опьяненіе не было глубокимъ. Здѣсь наблюдается странное смѣшеніе могущества и безсилія воли. Воля не въ состояніи предотвратить головокруженій, ни внутреннихъ иллюзій, ни шаткости походки, но она часто въ силахъ удержатъ потокъ многословія, въ большинствѣ случаевъ, служащій главнымъ признакомъ опьяненія. Повидимому, тутъ есть какое-то различіе между идеями и словами. Насколько человѣкъ неспособенъ самъ по себѣ дѣйствовать на возникновеніе въ его умѣ идей, настолько же онъ владѣетъ своими словами и поступками. Какая нибудь мысль, даже нелѣпая, возможная только въ бреду, возникаетъ помимо нашей воли и преслѣдуетъ насъ; но къ счастью, мы не теряемъ способности обсудить эту мысль, и если она покажется намъ нелѣпной, мы властны смолчать и не обнаруживать того, что происходитъ внутри насъ.

Если же, наоборотъ, человѣкъ поддается первому дѣйствію опьяненія, если онъ распускаетъ свою волю и громко высказываетъ тѣ нелѣпыя мысли, которыя проносятся въ его головѣ, тогда онъ уже не можетъ остановиться; необходимо какое нибудь важное обстоятельство, чтобы положить предѣлъ гиперидеаціи и необузданному потоку рѣчей. Это бываетъ съ людьми, которые заранѣе желаютъ напиться пьяными: въ началѣ обѣда или ужина они

рѣшаются напиться до-пьяна, и съ первыхъ же стакановъ становятся пьяными. Иногда одно уже намѣреніе напиться пьянымъ равносильно самому факту опьяненія: часто можно видѣть людей, которые прежде чѣмъ напиться, уже пьяны и одурманены отъ своихъ собственныхъ словъ.

Языкъ освятилъ эту аналогію: счастливая вѣсть, неожиданное богатство, внезапный успѣхъ, производятъ дѣйствіе, подобное дѣйствію крѣпкихъ напитковъ и тогда говорятъ, что человекъ опьяненъ своимъ счастьемъ! Въ одной сценѣ «Contagion», д'Эстриго предлагаетъ Андре Лагарду громадное состояніе въ 3 милліона за одну безчестную сдѣлку. Андре сначала колеблется, но потомъ соглашается. Онъ отрекается отъ бѣдности, онъ предпочитаетъ ей роскошь, наслажденія. «Довольно я пожилъ, придавленный своей скорлупой. Дайте мнѣ воздуху, — чортъ возьми, шуму, ночнаго шуму въ особенности! Будемъ срывать вывѣски у честныхъ буржуа и колотить стражу. — Люсьенъ: Онъ пьянъ, прости Господи! — Д'Эстриго (про себя): Это я такъ подпоилъ его».

Слѣдовательно наряду съ опьяненіемъ отъ алкоголя есть родъ нравственнаго опьяненія, которое похоже на первое и выражается такими же наружными симптомами, но оно наблюдается гораздо рѣже и не всякому дано испытать его. Существуетъ особый сортъ людей съ чувствительнымъ, легко возбуждаемымъ темпераментомъ. Это нервные темпераменты, но не вполнѣ въ томъ смы-

слѣ, въ какомъ обыкновенно понимаютъ настоящее слово: они нервны со стороны головного мозга. Малѣйшее событіе нарушаетъ у нихъ равновѣсіе интеллекта. Малѣйшее волненіе, самая легкая непріятность немедленно заставляеть ихъ терять присутствіе духа и хладнокровіе. Въ нормальномъ состояніи они не лишены ни разсудительности, ни силы воли, но случись что-нибудь неожиданное, — воля, разсудокъ, размышленіе все сразу исчезаетъ, и разстройство, въ которое приходятъ тогда всѣ ихъ умственные способности, равносильно опьяненію виномъ.

У такихъ людей, самый легкій припадокъ лихорадки производитъ немедленно бредъ и гиперидеацію. У нихъ, какъ говорится, голова слаба, и если они не слѣдятъ за собою самымъ тщательнымъ образомъ, то опьяняются, не подозрѣвая того, съ большою легкостью, и часто имъ приходится за это дорого платиться. Можно сравнить такое предрасположеніе съ истеричностью. Женщины, и преимущественно женщины истеричныя, пьянѣютъ очень легко. Самый слабый дозы алкоголя достаточно, чтобы онѣ потеряли разсудокъ. Въ самомъ дѣлѣ, это объясняется тѣмъ, что у истеричныхъ, какъ и у нѣкоторыхъ личностей, предрасположенныхъ къ истерикѣ, воля и вниманіе ослаблены, и достаточно бездѣлицы, чтобы они исчезли совершенно.

Кромѣ личнаго предрасположенія, есть еще и другія условія, которыя нельзя упускать изъ виду,

при наблюденіи различныхъ формъ опьяненія и той быстроты, съ которой наступаетъ такое состояніе. Опьяненіе водкой и напитками содержащими много алкоголя, — бываетъ тяжелое, удручающее; оно почти не производитъ никакого умственного возбужденія, а какъ будто дѣйствуетъ прежде всего на органическія функціи — кровообращеніе и дыханіе. Напротивъ, опьяненіе виномъ бываетъ пріятное и возбуждающее, въ особенности шампанскимъ и бургонскимъ; оно проявляется преимущественно въ психическихъ симптомахъ. Наконецъ смѣсь напитковъ разнаго сорта дѣйствуетъ очень сильно. Быстрота и легкость, съ какою воспринимается алкоголь также имѣетъ вліяніе. Такъ, если человекъ пьетъ на тощакъ, то спиртъ оказываетъ очень быстрое дѣйствіе. Напротивъ, если пить его во время сытнаго обѣда, то онъ поглощается медленнѣе и симптомы отравленія проявляются не такъ легко. Въ Англии, гдѣ алкоголизмъ составлялъ въ прежнее время очень распространенное явленіе даже въ самыхъ высшихъ классахъ общества, нѣкоторыя лица употребляли странный обычай, позволявшій пить много, не хмѣлѣя: выпивали въ началѣ обѣда рюмку прованскаго масла, которое препятствуетъ алкоголю поглощаться желудкомъ и кишками. По словамъ Ройе Коллара, этотъ противный обычай былъ когда-то въ большомъ ходу.

Внѣшняя температура также имѣетъ большое значеніе. Я помню, что въ бытность мою въ Египтъ, при палящемъ зноѣ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, мнѣ до-

статочно было полу-стакана бургонскаго, разбавленнаго водою, чтобы быть одурманеннымъ; еслибы я не остерегся и продолжалъ пить воду, слегка лишь окрашенную виномъ, то это могло бы имѣть непріятныя послѣдствія. Интересно наблюдать внезапное дѣйствіе внѣшняго холода. Человѣкъ, который выходитъ изъ-за стола слегка лишь подвыпившій и тотчасъ же подвергается дѣйствію морознаго воздуха, часто испытываетъ внезапно всѣ признаки опьяненія. Можно предположить, что это быстрое дѣйствіе алкоголя зависитъ отъ быстрого прекращенія выдѣленія алкоголя черезъ кожу и легкія. По этой-то причинѣ, какъ замѣчаетъ докторъ Бюрилль, санъ-бернардскіе монахи даютъ путешественникамъ пить одинъ кофе.

Изъ предыдущаго можно вывести заключеніе, что алкоголь въ слабой дозѣ возбуждаетъ извѣстныя умственныя способности—воображеніе, память, ассоціацію идей, а другія парализуетъ, въ особенности волю, соображеніе и разсудокъ. Однако, въ болѣе сильныхъ дозахъ, онъ уничтожаетъ всѣ слѣды умственной дѣятельности. Когда старикъ Сли валяется на землѣ, мертвецки пьяный, и храпитъ въ грязи, онъ возбуждаетъ состраданіе и презрѣніе. «О безобразное животное—вонъ онъ валяется въ грязи, какъ свинья! О, какая гнусная смерть! какъ видъ твой ужасенъ и отвратителенъ!» Вслѣдъ за экзальтаціей наступаетъ глубокій упадокъ силъ, изнеможеніе или, выражаясь нынѣшнимъ языкомъ, настоящая спячка. Является полная безчувственность;

никакое внѣшнее возбужденіе не можетъ разбудить несчастнаго, мертвецки пьянаго. Въ такомъ состояніи можно производить легкія хирургическія операціи, какъ при помощи хлороформа, и Монтанъ рассказываетъ по этому поводу исторіи весьма игриваго свойства. Этотъ періодъ полной анестезіи однако далеко не безвреденъ и часто бывали случаи смерти во время такого безчувственнаго состоянія.

И такъ, вотъ въ какомъ порядкѣ чередуются эти явленія у большинства людей; но у нѣкоторыхъ субъектовъ, между періодомъ полнаго изнеможенія и періодомъ возбужденія, часто замѣчается состояніе довольно серьезное, которое старинные писатели называли судорожнымъ опьяненіемъ, — это состояніе бѣшенства. «Десять человѣкъ съ трудомъ могутъ справиться съ субъектомъ, находящимся въ такомъ состояніи», говоритъ Перси. «Взглядъ у него дикій, глаза сверкаютъ, волосы становятся дыбомъ, жесты угрожающія; онъ скрежечетъ зубами, плюетъ въ лицо присутствующихъ, и въ довершеніе омерзительности этой картины, старается кусать всѣхъ кто къ нему приближается, вонзаетъ ногти куда попало, царапаетъ самого себя, если руки у него свободны; скребеть землю, если ему удастся вырваться на волю и реветъ какъ звѣрь». Къ этому-то страшному періоду опьяненія и слѣдуетъ отнести преступленія и убійства, совершаемыя пьяницами. Субъекты, которые находятся въ подобномъ состояніи опьяненія, столь же мало отвѣтственны за свои поступки, какъ и су-

маспедшіе. Состояніе изступленія, такъ живо описанное Перси, совершенно тождественно съ бредомъ маніаковъ. Впрочемъ, эта форма опьяненія случается только у несчастныхъ, организмъ которыхъ уже подточень долгимъ пьянствомъ. Одно изъ самыхъ опасныхъ явленій алкоголизма — безъ сомнѣнія, *delirium tremens*, бѣлая горячка, наступающая вслѣдствіе новаго злоупотребленія спиртными напитками, даже если это излишество гораздо слабѣе сравнительно съ предыдущими.

Дѣло въ томъ, что дѣйствіе алкоголя не заключается только въ быстромъ отравленіи, продолжающемся короткое время; если продолжать злоупотреблять крѣпкими напитками въ теченіи извѣстнаго времени, то это дѣйствіе можетъ превратиться въ отравленіе хроническое, глубоко разстраивающее функціи всѣхъ органовъ и въ концѣ концовъ разрушающее всѣ ткани. Нервная система, а въ особенности головной мозгъ, болѣе другихъ органическихъ системъ, подвергаются этому пагубному вліянію. Точные опыты, произведенные надъ животными, въ пищу которыхъ примѣшивали алкоголь, доказали, что головной мозгъ поглощаетъ извѣстное количество этого вещества, вслѣдствіе избирательнаго сродства между извѣстными тканями и нѣкоторыми ядами, такъ что если вынуть мозгъ у собаки, отравляемой алкоголемъ, то изъ него можно извлечь опредѣленное количество алкоголя, съ помощью дистиляціи. Если повторять опытъ опьяненія много разъ въ теченіи извѣстнаго срока, то несчастныя

собаки, невольныя жертвы пьянства, постепенно теряютъ разсудокъ: онѣ становятся безпокойными, раздражительными. По словамъ Маньяна, у нихъ бывають иногда настоящія галлюцинаціи: по временамъ имъ представляется, что ихъ преслѣдуютъ, — онѣ мечутся, бѣгають, воютъ и пробуютъ кусать кого-то въ пустомъ пространствѣ; то вдругъ, посреди ночи, онѣ начинаютъ жалобно визжать, дрожать всѣмъ тѣломъ, словно видятъ передъ собою какіе-то страшныя призраки.

Грусть и страхъ — таковы послѣдствія хроническаго отравленія умственныхъ способностей алкоголемъ у человѣка. Природа, какъ бы изъ справедливой мести, заставляетъ его искупать наслажденія опьяненія ужасами алкоголизма. Сперва онъ испытываетъ смутное, неопредѣленное чувство безотчетной тоски, которую человѣкъ старается побороть новыми дозами яда. Мало-по-малу, грустное настроеніе усиливается; по вечерамъ, въ полудремотномъ состояніи, у несчастнаго являються какія-то смутныя туманныя призраки, страшныя, отталкивающія видѣнія. Это еще не настоящія галлюцинаціи, а только иллюзіи. Затѣмъ наступаетъ періодъ галлюцинацій: появляются отвратительныя облики, безобразныя звѣри или другіе страшныя предметы, заимствованныя изъ области дѣйствительности. Объ этой формѣ бреда можно лучше всего составить себѣ понятіе, перечитывая медицинскія наблюденія надъ больными бѣлой горячкой. Достаточно будетъ привести здѣсь одно описаніе, заимствованное у Маньяна. Такъ какъ всѣ эти

наблюдения схожи между собою, то по этому одному примѣру можно судить о самой распространенной формѣ умоизступленія отъ алкоголя. Въ настоящемъ случаѣ передъ нами женщина 45 лѣтъ, издавна предающаяся пьянству: «Какъ только погасаетъ свѣтъ и наступаетъ темнота, у нея появляются галлюцинаціи; сперва она старается отвлечь свое вниманіе другими предметами; она закрываетъ глаза, пробуетъ заснуть; все напрасно. Вдругъ ей чудятся голоса родныхъ, она слышитъ вопли дочери, которую куда-то увлекаютъ... она видитъ на стѣнѣ паутину, веревки, сѣти, петли которыхъ то удлиняются, то укорачиваются; посреди этого показываются какія-то черныя шары, — они вздуваются, стягиваются, принимаютъ форму крысъ, кошекъ, которыя скачутъ на постель и исчезаютъ. Затѣмъ больная видитъ птицъ, какія-то искаженные гримасами рожи обезьянъ, которыя бѣгаютъ, прыгаютъ, мечутся, скрываются въ стѣнѣ; то вдругъ ей чудятся цыплята, и она начинаетъ ловить ихъ. На крышахъ сосѣднихъ домовъ являются люди, вооруженные ружьями; сквозь отверстіе въ стѣнѣ, она замѣчаетъ дуло револьвера, направленаго противъ нее: всюду пылаютъ пожары, дома рушатся; все исчезаетъ. Среди этого содома, она видитъ, какъ рѣжутъ ея мужа, ея дѣтей... они кричатъ: «пожаръ!» «убиваютъ» и зовутъ на помощь. Она слышитъ звонъ колоколовъ, музыку, стукъ швейной машины въ сосѣдней комнатѣ, слышитъ пѣніе, смутный шумъ. Деревья какъ будто пляшутъ передъ

нею, унизанныя цвѣтными шарами, которые безпрестанно подвигаются, удаляются, мѣняютъ форму, и минутами яркіе разноцвѣтные огни озаряють горизонтъ».

Часто эти галлюцинаціи бываютъ до того ужасны, что доводятъ несчастныхъ до самоубійства. Самоубійство пьяницъ — явленіе весьма обыкновенное. По исчисленію Бриерръ де Буамона, на 4,595 случаевъ самоубійствъ 530 приходится отъ пьянства, т. е. приблизительно $\frac{1}{9}$ часть. Какъ видите, процентъ значительный; это одно изъ важныхъ социальныхъ послѣдствій злоупотребленія спиртными напитками.

Пагубное дѣйствіе алкоголя — общеизвѣстно. Почему же всюду, во всѣхъ климатахъ, во всѣ времена человѣкъ чувствовалъ такое пристрастіе къ этому яду? Человѣкъ, кажется, единственное животное, питающее страсть къ крѣпкимъ напиткамъ. Едва наберется нѣсколько исключительныхъ случаевъ, въ которыхъ собаки или обезьяны охотно соглашались-бы выпить смѣсь, содержащую алкоголь, и находили-бы въ этомъ какое либо удовольствіе, между тѣмъ какъ у человѣка это самое обыкновенное удовольствіе, почти не допускающее исключеній. Это оттого, что человѣкъ несчастенъ и у него есть потребность забыться. Часто дѣйствительность жестока, омрачена горемъ, заботами, утомленіемъ. Рабочіе въ большихъ городахъ, истомленные нуждою, тяжкимъ трудомъ, жители холмныхъ туманныхъ странъ Шотландіи и Норвегіи

или же морозныхъ степей Россіи, дикари съ слабымъ разсудкомъ, изнемогающіе отъ голода, — словомъ всѣ несчастные, притѣсненные, удрученные судьбой... у всѣхъ у нихъ есть одно только средство избавиться отъ своего гнета: нѣсколько капель живительной влаги сразу разсѣиваетъ тучи. Нужда, холодъ, голодъ — все исчезаетъ; они чувствуютъ себя сильными, могучими; вчерашнія огорченія позабыты; о завтрашнихъ имъ горя мало; вмѣсто алкоголя, который притупляетъ ихъ, имъ кажется, что они вливаютъ въ свои жилы здоровье и счастье.

Вотъ почему, особенно въ бѣдныхъ странахъ, въ холодныхъ климатахъ, гдѣ нищета столь ужасна, алкоголизмъ больше всего производитъ опустошеній. Въ Англіи, напримѣръ, пьянство сдѣлалось соціальнымъ бичемъ. На миллионъ бѣдняковъ, пользовавшихся общественной благотворительностью, было въ 1865 г. 800,000 пьяницъ. Самые употребительные напитки — виски и джинъ. «Виски», это очищенное хлѣбное вино, продуктъ броженія пшеницы или ржи. «Джинъ» или можжевеловая водка получается отъ настоя хлѣбнаго вина на можжевеловыхъ ягодахъ. Къ этимъ напиткамъ слѣдуетъ прибавить французскія и испанскія вина, большею частью поддѣльные, затѣмъ портеръ, эль, стоутъ, т. е. разнаго сорта пиво, содержащее большое количество алкоголя. Въ Соединенныхъ Штатахъ страсть къ алкоголю распространена не менѣе, чѣмъ въ Англіи. Тамъ, кромѣ виски и джина, пьютъ еще бранди, получаемого отъ броженія пататовъ,

подкрашенныхъ жженымъ сахаромъ — ромъ и таффию, получаемую посредствомъ броженія патоки. Въ Швеции алкоголизмъ уноситъ массу жертвъ. По статистическимъ даннымъ каждый житель, за исключеніемъ женщинъ и дѣтей, поглощаетъ приблизительно около 100 литровъ алкоголя въ годъ. По воскресеньямъ, въ селахъ, рѣдко можно встрѣтить человѣка трезваго. А между тѣмъ шведы — народъ трудолюбивый, образованный и одинъ изъ самыхъ честныхъ въ Европѣ. Въ Россіи потребление алкоголя громадно. Кромѣ хлѣбныхъ винъ — какъ обыкновенная водка и анисовка, есть и другіе спиртные напитки, весьма распространенные, напр., брага или бѣлое пиво и березовая водка, получаемая отъ броженія березоваго сока. Татары на востокѣ пьютъ перебродившее кобылье молоко, напитокъ очень крѣпкій, извѣстный подъ названіемъ кумыса. Напротивъ, въ климатахъ умѣренныхъ и на югѣ Европы пьянство составляетъ рѣдкое явленіе. Испанцы отличаются примѣрной трезвостью. Греки, итальянцы, турки очень рѣдко предаются излишествамъ въ употребленіи напитковъ. Во Франціи алкоголизмъ мало распространенъ. Весьма рѣдко онъ встрѣчается на югѣ Франціи, но чаще на сѣверѣ, въ Бретаніи, Нормандіи, Фландріи. Согласно статистическимъ даннымъ оказывается, что отъ злоупотребленія спиртными напитками умираютъ ежегодно круглымъ числомъ до 50,000 человѣкъ въ Англій, 40,000 въ Германіи, 25,000 въ Россіи, 4,000 въ Бельгіи и только 2,000 во Франціи.

Народы, порабощенные въ рабство или эмигрировавшіе для добыванія средствъ къ пропитанію, рѣдко отличаются трезвостью; они пьютъ, чтобы позабыть свои бѣдствія. Таково положеніе ирландцевъ, и изъ всѣхъ европейскихъ народовъ они всего болѣе предаются пьянству. Въ Азіи, китайцы обыкновенно довольно трезвы у себя дома; но когда они эмигрируютъ — въ Соединенные Штаты, въ Кохинкину, въ Индію или на острова восточной Азіи, они становятся завзятыми пьяницами, и поглощаютъ въ большомъ количествѣ рисовую водку или хлѣбную, которую англосаксы, мало заботящіеся о нравственности, продаютъ по низкой цѣнѣ.

Интересно наблюдать, до какой степени дикія племена, придя въ соприкосновеніе съ европейской цивилизаціей, тотчасъ-же заимствуютъ у этой цивилизаціи то, что въ ней есть самое вредное, самое пагубное, — а именно потребленіе крѣпкихъ напитковъ. Въ Америкѣ индѣйцы племени Сіу, въ Австраліи жалкія племена внутреннихъ областей, поглощаютъ въ страшномъ количествѣ огненную жидкость; это зло дѣлаетъ у нихъ быстрые успѣхи и очень вѣроятно, что скоро названныя племена совершенно исчезнутъ съ лица земли. На всѣхъ побережьяхъ Африки, въ Гвинеѣ, въ Конго, въ Капской землѣ, въ Абиссиніи, европейцы сбываютъ туземцамъ крѣпкіе напитки, производящіе среди этихъ племенъ большія опустошенія. Водка изъ проса, изъ меду, вина — пальмовое, финиковое, банановое — ихъ уже не удовлетворяютъ: имъ нужны

хлѣбныя водки, европейскія. Эти младенчествующія племена не умѣютъ ограничивать своихъ желаній, владѣть своими страстями — они накидываются на вино необузданно и успокаиваются лишь тогда, когда падаютъ замертво пьяными. По словамъ г. Пике, жители о-ва Таити почти не знали употребленія крѣпкихъ напитковъ, но въ 1796 году европейцы научили ихъ подвергать броженію мѣстные плоды и съ тѣхъ поръ они предаются съ необузданной страстью безумному опьяненію, производимому этими напитками. Они стали дѣлать водку изъ сока апельсиновъ, яблоковъ, ананасовъ и множества другихъ фруктовъ. Пике рассказываетъ также, что лалландцы не знакомы съ искусствомъ перегонки; но всякій разъ, когда они приходятъ на берегъ, прежде всего они просятъ у моряковъ водки: потомъ ихъ находятъ валяющимися въ безчувственномъ состояніи по всѣмъ бухтамъ на прибрежьѣ.

Въ числѣ множества спиртныхъ напитковъ, употребляемыхъ человѣчествомъ и помрачающихъ его умственные способности, мы еще не упоминали объ абсентѣ. Дѣло въ томъ, что абсентъ дѣйствуетъ вредно не только черезъ средство содержащагося въ немъ алкоголя, но и вслѣдствіе полынной эссенціи, которая, даже въ слабой дозѣ, — есть опасный ядъ. Абсентъ отличается отъ алкоголя тѣмъ, что онъ производитъ дрожаніе, судорожные припадки эпилептического характера, а при долгомъ употребленіи — даже припадки падучей болѣзни. Абсентъ, повиди-

тому, порождаетъ особеннаго свойства опьяненіе, хотя и вызываетъ чувство довольства, благополучія, какъ и алкоголь: симптомы блаженнаго состоянія гиперидеаціи болѣе опредѣленны при употребленіи абсента, чѣмъ при употребленіи алкоголя. Можетъ быть слѣдуетъ приписать ощущение теплоты и довольства, производимаго абсентомъ, именно его дѣйствию на спинной мозгъ но во всякомъ случаѣ это сильный ядъ, оказывающій вредное вліяніе на умственные способности гораздо быстрѣе чѣмъ алкоголь, какъ доказано кропотливыми изслѣдованіями Маньяна. Поэтому абсентъ слѣдовало бы совершенно исключить изъ народнаго потребленія, между тѣмъ какъ положительно немислимо поступить такимъ же образомъ съ алкоголемъ. Алкоголь — есть превосходное возбуждающее средство, и въ умѣренныхъ дозахъ пріятенъ и даже полезенъ. Это вещество возстановляющее; вмѣстѣ съ тѣмъ, это тоническій медикаментъ, дѣйствіе котораго безспорно. Но какъ ничтожны всѣ эти его преимущества сравнительно съ тѣмъ страшнымъ зломъ, которое алкоголь причиняетъ людямъ!

III.

На ряду съ алкогелемъ слѣдуетъ поставить хлороформъ. Съ физиологической точки зрѣнія, дѣйствіе этихъ обоихъ ядовъ почти одинаково, и хотя употребленіе ихъ весьма различно, тѣмъ не менѣе функціи ихъ почти тождественны.

Главное дѣйствіе хлороформа состоитъ въ томъ, что онъ парализуетъ чувствительность или производитъ анестезію. Именно такимъ путемъ онъ и дѣйствуетъ на умственные способности, ибо чувствительность есть лишь одна изъ формъ дѣятельности интеллекта; но этотъ пунктъ требуетъ поясненія.

Нервной системѣ присущи двѣ главныя функціи—чувствительность и движеніе. Съ помощью чувствительности мы воспринимаемъ внѣшнія впечатлѣнія; съ помощью возбужденія мускуловъ или движенія, мы проявляемъ свою волю и дѣйствуемъ на внѣшніе предметы. Когда нѣтъ въ организмѣ ни болѣзни, ни отравленія, тогда воля, т. е. умъ возбуждаетъ, при посредствѣ спиннаго мозга, различные мускулы и производитъ извѣстное сокращеніе; но такое условіе не необходимо, потому что, напр. у обезглавленныхъ животныхъ, нервная система спиннаго мозга можетъ еще вызывать движеніе мускуловъ. Но это только механическая сторона двигательной функціи, чувствительность здѣсь

уже отсутствуетъ. Чувствительность возможна только тогда, когда органъ мышленія не поврежденъ и способенъ сознать, такъ что у существа, лишеннаго этого органа, не можетъ быть чувствительности. Патологическія наблюденія подтверждаютъ этотъ фактъ: всякій разъ какъ органъ мышленія поврежденъ, происходитъ въ то же время разстройство въ чувствительности и наоборотъ. Если мы видимъ больнаго, у котораго замѣчается значительное притупленіе чувствительности, то можно сказать съ увѣренностью, что центральная нервная система его повреждена, и повреждена такъ, что умственные способности его пострадали.

Сравнительная анатомія и фізіологія сходятся въ этомъ отношеніи съ патологіей. Есть животныя, которыя одарены весьма слабой чувствительностью—это низшія животныя: умственные способности ихъ неразвиты и чувствительность ихъ также слаба какъ и умъ. Наоборотъ, рассматривая вслѣдъ за ними болѣе разумныхъ животныхъ, замѣчаемъ, что чувствительность у нихъ все увеличивается, такъ что наконецъ человѣкъ, самый разумный изъ всѣхъ, въ то же время и самый чувствительный, и даже среди различныхъ человѣческихъ расъ, расы наиболѣе богато одаренныя со стороны интеллекта, имѣютъ также и самую развитую чувствительность. Анатомическое строеніе нервныхъ центровъ подтверждаетъ этотъ законъ: у человѣка задніе корешки спиннаго мозга болѣе развиты сравнительно съ передними; послѣдніе же

именно и служатъ для передачи нервамъ двигательнаго возбужденія, между тѣмъ какъ задніе корешки служатъ проводниками чувствительныхъ возбужденій. Анатоміей дознано, что если сравнить головной мозгъ человѣка съ мозгомъ другихъ животныхъ, то окажется, что въ немъ заднія лопасти гораздо развитѣе переднихъ; и, повидимому, именно въ заднихъ лопастяхъ зарождаются чувствительныя возбужденія.

Такая тѣсная связь между умомъ и чувствительностью не представляетъ, впрочемъ, ничего удивительнаго. Въ самомъ дѣлѣ, сколько бы ни зависѣло природное развитіе ума отъ устройства головнаго мозга, какъ его органа, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что всѣ наши познанія происходятъ черезъ наши ощущенія и мозговую работу, являющуюся ихъ результатомъ. Разумъ есть такъ сказать продуктъ этихъ двухъ факторовъ, и внѣшнія впечатлѣнія, переработанныя и дополненныя самимъ умомъ, составляютъ личность индивидовъ. Итакъ, если анатомія, фізіологія и патологія устанавливаютъ тѣсную связь между чувствительностью и разумомъ, мы имѣемъ полное право сказать, что психологія освящаетъ положительныя данныя, доставленныя этими тремя науками.

Вслѣдствіе этого яды, дѣйствующія на умственныя способности, въ то же время поражаютъ и чувствительность. Въ этомъ отношеніи алкоголь не разнится отъ хлороформа. Въ самомъ началѣ опьяненія уже наступаетъ замѣтное притупленіе

чувствительности; но въ сильной степени опьяненія виномъ безчувственность бываетъ полная, совершенно какъ и въ послѣднемъ періодѣ дѣйствія хлороформа, такъ что отравленіе хлороформомъ совершается параллельно отравленію алкоголемъ и можно признать въ немъ два отдѣльныхъ періода — первый періодъ собственно опьяненіе и второй періодъ сонъ или изнеможеніе.

Когда человѣкъ начинаетъ вдыхать хлороформъ, то сперва онъ чувствуетъ себя одурманеннымъ: его охватываетъ нѣчто вродѣ непріятнаго головокруженія и помраченія. Головокруженіе усиливается по мѣрѣ того, какъ пациентъ продолжаетъ вдыхать ядовитое вещество, мысли его постепенно приходятъ въ возбужденіе. Онъ слышитъ все, что говорятъ, и можетъ даже отвѣчать на вопросы; но отвѣчаетъ какъ человѣкъ пьяный, преувеличивая свои впечатлѣнія и не соблюдая чувства мѣры; разсудочная способность исчезаетъ, онъ придаетъ самымъ пустымъ отвѣтамъ театральныи напыщенный тонъ, который иногда производитъ крайне забавный эффектъ. Потомъ мысли его становятся все болѣе и болѣе смутными; такъ какъ воля и разсудочная способность уже не существуютъ, то мысли, представленныя самимъ себѣ, становятся безпорядочными, какъ въ бреду. Однимъ словомъ — это состояніе сна съ грезами, почти сходное съ тѣмъ, которое бываетъ при обыкновенномъ снѣ.

Здѣсь будетъ кстати напомнить въ краткихъ словахъ психологическое состояніе обыкновеннаго

сна. Человѣкъ бодрствующій — вполнѣ владѣеть самимъ собою; онъ направляетъ свои мысли и свои сужденія куда ему угодно. Въ то время какъ разнообразныя мысли чередуются и проносятся передъ его волей, онъ можетъ остановиться, когда ему вздумается и направить своё вниманіе такъ, чтобы сохранить воспоминаніе объ идеѣ, которую онъ избралъ, какъ достойную запоминанія. Но чуть только имъ овладѣваетъ сонъ, эта способность исчезаетъ. Мысли становятся болѣе мимолѣтными и быстро слѣдуютъ одна за другою; онъ уже не можетъ ни на чемъ остановиться; разсудокъ его уже не въ состояніи управлять беспорядочнымъ наплывомъ образовъ, и нелѣпыя, фантастическія мысли чередуются безъ перерыва. По мѣрѣ того какъ мысли становятся болѣе сумасбродными, вниманіе и память постепенно слабѣютъ; наконецъ въ моментъ, который нельзя уловить съ точностью, исчезаетъ самосознаніе. Я попросилъ-бы читателя произвести подобное наблюденіе надъ собою и постараться уловить нить мыслей, возникающихъ въ ту минуту, когда онъ засыпаетъ. Онъ увидитъ, что никогда нельзя заснуть сразу и что первый признакъ сна, очевидно, есть потеря вниманія и воли. Возникновеніе и ассоціація идей остаются, однако, въ томъ смыслѣ, что никогда мысли не бываютъ такъ живы, какъ въ переходной моментъ между бодрствованіемъ и сномъ. По мнѣнію г. Бальярже въ этомъ именно періодѣ чаще всего возникаютъ галлюцинаціи. Ссылаюсь на свое собственное наблюденіе:

Слѣдую совѣту г. Бриерра де Буамонъ, я крѣпчилъ себя воплощать свои мысли въ реальные образы, такъ что, для чтобы уснуть, я стараюсь имѣть передъ собою ясныя представленія предметовъ. Какъ только у меня передъ глазами является предметъ, который кажется мнѣ реальнымъ, по ясности своихъ очертаній, я уже увѣренъ, что это начало наступленія сна, ибо на яву я не могу видѣть ничего подобнаго. Часто такой предметъ является совершенно неожиданно и смѣняется другимъ, столь же непредвидѣннымъ. Различные образы чередуются, смѣняя другъ друга, уже безъ участія моей воли. Словомъ, это нѣчто вродѣ калейдоскопа, гдѣ личное я, не болѣе какъ простой зритель. Тщетно я стараюсь задержать эти видѣнія въ памяти; измѣнчивое зрѣлище продолжается безъ конца, нѣтъ, ни первой, ни послѣдней картины. Память становится все болѣе и болѣе слабой и наконецъ въ моментъ, который трудно опредѣлить, наступаетъ сонъ. Вслѣдствіе этого; по пробужденіи, оказывается пробѣлъ, пробѣлъ времени, въ теченіи котораго мы не сознавали своей умственной работы.

Отравленіе алкоголемъ и дѣйствіе хлороформа, вызываютъ одни и тѣ-же явленія. Одновременно съ вниманіемъ, сужденіемъ и волей, исчезаетъ и память, такъ что вы видите передъ собою странное зрѣлище—человѣка живаго и мыслящаго, но жизнь и мысль котораго не оставляютъ по себѣ воспоминанія; если ему расскажутъ потомъ, что онъ дѣлалъ, это будетъ для него новостью. Тутъ пробѣлъ въ

воспоминаніи умственной работы, а не въ самомъ ходѣ мыслей: ядъ слѣдовательно повліялъ на воспоминаніе идей, а не на возникновеніе ихъ.

Въ виду этого мы полагаемъ, что въ самой памяти есть двѣ совершенно различныя способности, которыя нельзя сравнивать между собою. Для примѣра, представимъ себѣ пьянаго человѣка, еще не утратившаго способности ходить и держаться ногамъ. Онъ помнитъ улицы, по которымъ ему надо идти домой, онъ помнитъ свой домъ, свой этажъ, свою спальню, но на другой день онъ уже не въ состояніи припомнить ничего, что было съ нимъ. Между моментомъ, когда онъ сидѣлъ за столомъ со стаканомъ въ рукѣ и до момента его пробужденія въ своей комнатѣ существуетъ пустота, которую онъ никакъ не можетъ пополнить, не смотря на всѣ старанія. А между тѣмъ онъ настолько сохранилъ память, что могъ найти дорогу, онъ припомнилъ разныя подробности, нужныя ему, чтобы вернуться домой, но онъ не могъ удержать новыхъ ощущеній, новыхъ мыслей, пронесившихся въ его умѣ когда онъ пьянъ. Слѣдовательно, есть различіе между памятью, которая запоминаетъ, и памятью, которая воспоминаетъ. Первая возможна лишь тогда, когда умственные способности, между прочимъ воля и вниманіе, совершенно нормальны. Чтобы запомнить фактъ, надо сосредоточить на немъ свой умъ, быть въ состояніи это сдѣлать. Именно такого умѣнья и не хватаетъ человѣку какъ во время обыкновеннаго сна, такъ во время

сна отъ хлороформа, и въ состояніи опьяненія. Я бы назвалъ эту часть памяти, памятью активной, въ противоположность другой части — памяти пассивной и безсознательной. Эта память не исчезаетъ ни во снѣ, ни въ опьяненіи; она составляетъ нераздѣльную часть насъ самихъ и мы не можемъ мыслить безъ нея. Каждая идея, каждый образъ — есть воспоминаніе, видоизмѣненное предшествовавшими воспоминаніями: лишенный этой суммы воспоминаній, разумъ не существовалъ бы вовсе. Подобно тому, какъ никакая сила въ природѣ не можетъ исчезнуть, и корабль оставляетъ за кормой въ водѣ слѣды, такъ и всѣ испытанныя ощущенія оставляютъ свои слѣды въ умѣ человѣческомъ, вслѣдствіе чего рожденіе новыхъ мыслей есть сознательный или безсознательный результатъ всѣхъ накопившихся и переработанныхъ воспоминаній. Поэтому, когда яды вліяютъ на память, они могутъ уничтожить лишь активную, сознательную память, но не въ силахъ оказать дѣйствія на память о прошлыхъ фактахъ. Послѣдніе неизгладимы, и требуется гораздо болѣе глубокое пораженіе нервныхъ центровъ, чтобы воспоминаніе о нихъ могло исчезнуть.

Я не хочу слишкомъ долго останавливаться на этомъ различіи, но мнѣ кажется, что упомянуть о немъ было необходимо, чтобы объяснить сложные явленія разстройства умственныхъ способностей отъ дѣйствія хлороформа. Какъ только хлороформъ, воспринятый слизистою тканью легкихъ,

перешель въ кровь, активная память, та которая обуславливается вниманіемъ и волей, немедленно исчезаетъ; однако способность мышленія еще не уничтожена: возникаютъ мысли, старыя воспоминанія не забыты, часто даже память о прошломъ какъ то особенно оживляется. Напримѣръ, человѣкъ говоритъ на языкѣ давно забытомъ, вспоминаетъ старыя исторіи, которыя онъ считалъ давно преданными забвенію, и которыя дремали гдѣ-то въ уголку его ума, словно сокровище, закрытое въ подвалѣ и остающееся тамъ долгіе годы. Такое оживленіе памяти тѣмъ болѣе интересно, что оно встрѣчается въ нѣкоторыхъ формахъ душевныхъ болѣзней, съ такими-же точно признаками и также совпадаетъ съ полной потерей активной памяти.

Потеря чувствительности отъ дѣйствія хлороформа наступаетъ не много позднѣе потери памяти. Отсюда странное явленіе: Такъ, если начать операцию въ то время, когда еще не наступила полная нечувствительность, пациентъ будетъ кричать, стонать, метаться, какъ будто онъ чувствуетъ сильное страданіе; онъ будетъ говорить, что еще не насталь удобный моментъ для операции... Часто онъ даже высказываетъ ошибочное сужденіе на счетъ испытываемаго ощущенія, совершенно какъ помѣшанный или какъ человѣкъ спящій. Видя какъ пациентъ мечется, бьется и жалуется на боль, можно подуматъ, что хлороформъ не оказалъ никакого дѣйствія на его чувствительность, а между

тѣмъ по пробужденіи онъ не сохраняетъ никакого воспоминанія о случившемся.

Спрашивается можно-ли считать истиннымъ страданіемъ такое страданіе, которое не оставляетъ въ умѣ никакого слѣда? По истинѣ — трудно отвѣчать на этотъ вопросъ. Предположимъ въ самомъ дѣлѣ какую нибудь острую, жгучую боль, продолжающуюся не долго, напримѣръ, одну минуту. Разумѣется, въ эту минуту человѣкъ дѣйствительно страдалъ; но, если всякое воспоминаніе объ этой боли у него немедленно исчезаетъ, то ничего не помня, онъ не будетъ и жаловаться; онъ станетъ отрицать, что страдалъ и охотно согласится подвергнуться новой операціи, воображая, что не испытывалъ никакой боли: поэтому можно сказать, что онъ воспользовался вполне благотворнымъ дѣйствіемъ хлороформической анестезіи. Въ нормальномъ-же состояніи, напротивъ, боль оказывается гораздо упорнѣе. Та-же боль острая и рѣзкая, поражая человѣка здороваго, даже если она длится въ остромъ видѣ меньше минуты, оставитъ за собою ужасное воспоминаніе: она окажетъ до того тяжелое впечатлѣніе на разумъ, что воспоминаніе о боли будетъ равняться, такъ сказать, самой боли. Если подавленіе ноющего, продолжительнаго ощущенія болѣзненнаго раздраженія, равносильно уничтоженію самой боли, то боль, не оставляющая по себѣ воспоминанія, уже не есть настоящая боль, ибо ей именно не достаетъ характера, присущаго всякому болѣзненному впечатлѣнію, т. е. того про-

должительнаго воздѣйствія, которое волнуетъ сознание и воспоминание, которое всякій разъ, какъ оно возобновляется, составляетъ ослабленное, но все еще довольно сильное повторение первоначальной боли. Возьмемъ для примѣра двухъ субъектовъ, которымъ вырываютъ зубъ: одинъ изъ нихъ не захотѣлъ хлороформироваться, другаго же хлороформировали настолько, что онъ утратилъ память, а не чувствительность. При такихъ условіяхъ, въ минуту операціи, оба будутъ кричать, и повидимому, страдать; но у перваго не скоро пройдетъ ощущение страданія — быть можетъ отъ общаго потрясенія, произведеннаго сильной болью, а можетъ быть отъ воспоминанія объ этой боли, воспоминаанія, которое, въ его воображеніи, будетъ ежеминутно повторять представленіе о перенесенной болѣзненной операціи. Наоборотъ, второй субъектъ, уже не жалуется на боль, онъ говоритъ, что вовсе не ощущалъ страданія, такъ какъ болѣзненное раздраженіе не оставило по себѣ никакихъ слѣдовъ и состояніе его таково, словно онъ и не ощущалъ никакой боли.

Когда больнаго хлороформируютъ, необходимо принимать во вниманіе расположеніе его духа. Если онъ мужественъ и рѣшителенъ, то все обойдется отлично, — не будетъ никакой трудности уничтожить его чувствительность; но если, наоборотъ, перспектива операціи внушаетъ ему непреодолимый страхъ, то слѣдуетъ удвоить вниманіе и бдительность, ибо замѣчено, что при подобныхъ условіяхъ

часто случается обмираніе. Кромѣ того, такой субъектъ больше будетъ противиться дѣйствию хлороформа и придется заставить его вдыхать большее количество, нежели въ томъ случаѣ, еслибы онъ отдался въ руки врача съ довѣріемъ, не испытывая ложнаго страха. Конечно, хлороформъ, въ концѣ концовъ, всегда возметъ свое, но мозговое возбужденіе, въ которомъ находятся нѣкоторые больные, позволяетъ имъ долго противиться его снотворному дѣйствию, — воля какъ будто усиливается, такъ сказать, напрягается, чтобы энергически бороться противъ роковаго и неизбежнаго дѣйствія яда. Мы видѣли подобное-же явленіе при дѣйствиі алкоголя. Субъектъ, который не желаетъ охмѣлѣть, можетъ поглотить значительное количество алкоголя, не будучи пьянымъ. Въ концѣ концовъ воля будетъ побѣждена, субъектъ упадетъ на полъ, сраженный ядомъ, но у него не будетъ того экспансивнаго довольства и безумнаго возбужденія, какое бываетъ у человѣка, отдающагося дѣйствию вина. Такимъ образомъ, какъ для хлороформа, такъ и для алкоголя, предшествующее моральное расположеніе имѣютъ большое вліяніе на форму бреда. Субъектъ, съ улыбкой вдыхающій хлороформъ, будетъ испытывать веселое и легкое оьяненіе, между тѣмъ, какъ субъектъ, со страхомъ подвергающійся хлороформированію, впадаетъ въ бредъ, сопровождаемый криками и воплями.

Такимъ образомъ, чѣмъ дальше мы углубляемся въ изслѣдованіе настоящаго предмета, тѣмъ больше

замѣчаемъ, что существуетъ антагонизмъ между различными умственными способностями: на одной сторонѣ способности произвольныя, на другой — способности бессознательныя. Эти - то и исчезаютъ послѣдними. Возникновеніе идей, — въ то время какъ ихъ направленіе измѣнено или повреждено, — слѣдуетъ своимъ обычнымъ закономъ: ассоціація идей не прекращается, непрерывная цѣпь, соединяющая первую мысль съ послѣдней, нисколько не нарушается отъ дѣйствія яда. Внѣшнія ощущенія еще доступны памъ, и каждое изъ нихъ вызываетъ длинный рядъ мыслей. Такъ какъ чувство слуха исчезаетъ послѣднимъ, то пациентъ, утратившій зрѣніе и чувствительность, еще слышитъ, что говорится вокругъ, и немедленно слова присутствующихъ порождаютъ въ его умѣ разнообразныя идеи, чередующіяся въ правильномъ порядкѣ.

Во время естественнаго сна такое состояніе бываетъ рѣдко у людей взрослыхъ, но довольно часто у дѣтей. Въ самомъ дѣлѣ, дѣти почти всегда бываютъ до извѣстной степени подвержены во снѣ естественному сомнамбулизму. Ребенокъ, не просыпаясь, говоритъ громко, смѣется, болтаетъ; чаще всего онъ пугается и плачетъ. Мать, бодрствующая у его изголовья, можетъ помощью нѣжныхъ словъ и ласкъ измѣнить ходъ этихъ мыслей, успокоить это волненіе и страхъ. Ребенокъ не просыпается, но его испугъ утихаетъ, наступаетъ спокойствіе и онъ, какъ ни чемъ не бывало, продолжаетъ мирно спать. По пробужденіи всякое воспоминаніе объ этомъ исчезаетъ.

При душевныхъ болѣзняхъ старались примѣнять такое-же средство, чтобы измѣнить теченіе бреда у меланхоликовъ или ипохондриковъ. Не думаю, впрочемъ, чтобы внушеніе давало хорошіе терапевтическіе результаты. Когда замѣчали, что больной впадалъ въ состояніе печальнаго безумія, ему шептали на ухо веселыя, смѣшныя мысли, надѣясь, что эти пріятныя мысли вызовутъ рядъ подобныхъ-же идей, которыя побѣдятъ тоску и ужасы меланхолиі.

Но всѣ эти внѣшнія проявленія, свидѣтельствующія, если не о совершенной цѣлости умственныхъ способностей, то, по крайней мѣрѣ, объ ихъ сохраненіи, скоро исчезаютъ. Послѣ криковъ, громкихъ пѣсенъ слѣдуютъ смутныя, невнятные рѣчи. Мышцы, энергически сокращавшіеся вслѣдствіе припадка изступленія, постепенно ослабляются и наконецъ приходятъ въ полную неподвижность. За періодомъ возбужденія наступаетъ періодъ такъ называемаго безчувствія, во время котораго наступаетъ очень глубокой сонъ. Какъ бы ни были сильны внѣшнія возбужденія, какъ-бы ни была серьезна совершаемая операція, ничто не можетъ вывести пациента изъ безчувственнаго состоянія, въ которое онъ погруженъ. Дыханіе его правильно, пульсъ медленъ и спокоенъ, зрачки неподвижны, а черты его, почти парализованныя, уже не искажены судорожной гримасой, этимъ какъ бы послѣднимъ признакомъ чувствительности. Разсудокъ исчезаетъ: онъ словно совершенно покинулъ тѣло, и можно установить лишь

нравственное различіе между изнеможеніемъ, вызваннымъ хлороформомъ, и безчувственнымъ состояніемъ отъ опьяненія. А между тѣмъ какая разница! Первое состояніе имѣетъ назначеніемъ избавить человѣка отъ жгучихъ страданій, второе — послѣдняя степень униженія; но въ обоихъ случаяхъ исчезаетъ всякій признакъ интеллектуальной жизни: это какъ бы внезапная смерть, поражающая всѣ умственныя способности; въ это время вся эта удивительная цѣпь идей, ощущеній, сужденій, изъ которой складывается человѣческое мышленіе, какъ будто разрывается. Быть можетъ, въ нервныхъ тканяхъ и происходитъ еще тайная мозговая работа, молчаливая и бессознательная; но мы не можемъ этого знать. Ничто впрочемъ не даетъ намъ права допускать присутствіе разсудка, когда всякое воспоминаніе исчезаетъ, когда никакое мускульное движеніе не выдаетъ тайной работы, глухо совершающейся въ интеллектуальныхъ нервныхъ центрахъ.

Однако не всѣ части нервной системы головного и спинного мозга парализованы. Въ самомъ дѣлѣ, дыханіе и дѣятельность сердца совершается правильно, что указываетъ на цѣлость продолговатаго мозга, между тѣмъ какъ другія части головного и спинного мозга уже не могутъ исполнять своей функціи. Эта продолжающаяся инервація продолговатаго мозга — представляетъ собою счастливое условіе, позволяющее врачу хлороформировать, не подвергая его большой опасности.

Тѣмъ не менѣе, необходимо, чтобы врачъ внимательно наблюдалъ за состояніемъ пульса и за дыханіемъ пациента, ибо въ слишкомъ сильной дозѣ хлороформъ, въ концѣ концовъ, поражаетъ и продолговатый мозгъ, управляющій движеніями органической жизни. Какъ бы то ни было, смертные случаи отъ хлороформа встрѣчаются все рѣже и рѣже, и по большей части это скорѣе случаи внезапной, скоропостижной смерти, нежели случаи, причиненные непосредственнымъ дѣйствіемъ хлороформа. Что касается спиннаго мозга, управляющаго общими движеніями всѣхъ мускуловъ тѣла, то онъ подвергается дѣйствію яда позже головнаго, за то и раньше продолговаго, такъ что эти три области нервной системы, управляющія тремя различными функціями, подвергаются дѣйствію хлороформа отдѣльно, и послѣдовательно одна за другою. Клодъ Бернаръ доказалъ, что головной мозгъ парализуется ранѣ спиннаго, такъ что чувствительность притупляется ранѣ способности движенія; онъ доказалъ также, что головной мозгъ оказываетъ на спинной мозгъ особаго рода парализующее дѣйствіе. Если лишить спинной мозгъ хлороформу и ограничить дѣйствіе хлороформа однимъ головнымъ мозгомъ, мы получимъ анестезію. Если-же произвести обратную операцію, т. е. ограничить дѣйствіе хлороформа спиннымъ мозгомъ, то анестезія будетъ невозможна ранѣ полной смерти нервныхъ клѣтокъ. Этимъ и подтверждается разграниченіе, установленное нами между ядами нервной системы:

одни дѣйствуютъ на органы движенія, другіе на органическія функціи, третьи, наконецъ, на чувствительность и интеллектъ; къ числу послѣднихъ принадлежить и хлороформъ.

Нѣкоторыя летучія и ядовитыя вещества дѣйствуютъ также какъ хлороформъ и въ случаѣ надобности могли-бы замѣнить его; но въ сущности хлороформъ — это типъ анестезирующихъ средствъ. Эфиръ, амиленъ, хлорныя соединенія метилена и даже этилена употреблялись съ этой цѣлью, но не особенно успѣшно, кромѣ развѣ эфира, который еще находятъ сторонниковъ, напр. въ лѣонскихъ больницахъ. Нѣкоторые газы отличаются аналогичными свойствами, въ особенности закись азота. Гумфри Дэви доказывалъ, что этотъ газъ вызываетъ родъ веселаго опьяненія и потому назвалъ его веселящимъ газомъ. Впослѣдствіе было доказано, что закись азота вообще обладаетъ свойствомъ производить веселое опьяненіе не болѣе другихъ анестезирующихъ веществъ и что форма бреда, наступающаго вслѣдствіе вдыханія закиси азота, зависитъ отъ самаго субъекта и его нравственнаго расположенія. Этимъ газомъ не пользуются для серьезныхъ хирургическихъ операцій; его употребляютъ преимущественно зубные врачи, съ цѣлью произвести быструю анестезію, которая также быстро и исчезаетъ.

Не такъ давно въ терапіи введено въ употребленіе новое вещество, довольно сходное съ хлороформомъ по нѣкоторымъ фізіологическимъ свой-

ствамъ: это хлораль. Пробовали употреблять хлораль для тѣхъ-же цѣлей, какъ и хлороформъ, т. е. для хирургической анестезіи, но результаты оказались неудовлетворительными. Однако хлораль успокаиваетъ боли и доставляетъ покойный, пріятный сонъ. Въ извѣстныхъ отношеніяхъ, дѣйствіе его болѣе аналогично съ дѣйствіемъ морфія, нежели съ дѣйствіемъ хлороформа. Вообще всѣ яды чувствительности дѣйствуютъ приблизительно одинаково и легче подмѣтить между ними сходства, нежели различія.

IV.

Между тѣмъ какъ хлороформъ и алкоголь общепотребительны въ Европѣ и дѣйствіе ихъ хорошо извѣстно, — гашишъ почти оовершенно неизвѣстенъ у насъ. Однако опьяненіе, производимое гашишемъ весьма пріятно и представляетъ особенности, которыя, быть можетъ, были-бы по достоинству оцѣнены и въ Парижѣ или Лондонѣ, какъ они оцѣнены въ Каирѣ или Дамаскѣ, но гашишъ существуетъ только на Востокѣ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ, нѣкто Моро, родомъ изъ Тура, познакомилъ съ нимъ европейскихъ ученыхъ въ замѣчательномъ своемъ трудѣ. Нѣкоторые писатели — Бальзакъ, Теофиль Готье Жераръ де Нерваль устраивали въ это время въ отелѣ Пимоданъ, своего рода «братскіе вечера» (agapes), гдѣ гашишъ игралъ главную роль. Эти опыты имѣли не только прелесть новизны, но и

прелестъ какого то особаго, чисто психическаго опьяненія, гораздо болѣе духовнаго и ативнаго, нежели винное. Одно время гашишъ былъ въ модѣ; но это скоро прошло и теперь лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ встрѣчаются еще любители этого яда.

Гашишъ — экстрактъ индійской конопли. Эта эссенція, смѣшанная съ различными ароматическими веществами и растительными маслами, составляетъ давамескъ, родъ приторнаго варенья, которое ѣдятъ передъ трапезой. Есть еще гашишъ, который курятъ въ трубкахъ или папиросахъ: это самый употребительный на Востокѣ. Водный экстрактъ гашиша называется гафѣунъ; онъ сильнѣе двухъ первыхъ препаратовъ, такъ какъ около четырехъ частей давамеска, по своему дѣйствию, соотвѣтствуютъ одной лишь части гафѣуна. Кифъ, употребляемый въ Алжирѣ и Марокко состоитъ изъ высушенныхъ и толченыхъ головокъ конопли. Трудно узнать большіе подробности, какимъ именно способомъ восточные жители готовятъ гашишъ; остается употреблять его въ томъ видѣ, какъ они его готовятъ; но если наши фармацевтическія свѣдѣнія объ этомъ веществѣ весьма неудовлетворительны, зато психическія дѣйствія его болѣе извѣстны.

Я буду говорить о гашишѣ не на основаніи однихъ только свѣдѣній заимствованныхъ мною у г. Моро: я самъ довольно часто принималъ гашишъ въ различныхъ дозахъ и давалъ принимать моимъ

друзьямъ, поэтому я намѣренъ описать свойства этого вещества, преимущественно руководствуясь своими личными наблюденіями. Въ умѣренныхъ дозахъ гашишъ производитъ опьяненіе чрезвычайно пріятное, чрезвычайно интересное для основательнаго изученія происходящихъ при этомъ интеллектуальныхъ явленій, и не представляетъ серьезныхъ послѣдствій. Легкое разстройство пищеваренія, небольшая тяжесть въ головѣ и маленькое мозговое возбужденіе, — вотъ все, чего можно опасаться при употребленіи небольшого количества давамеска или гафѳуна.

Когда человѣкъ не предупрежденъ заранѣе, то первые симптомы дѣйствія гашиша проходятъ незамѣченными. Они выражаются въ извѣстномъ возбужденіи чувствительности спиннаго мозга. Вы чувствуете по временамъ колики въ затылкѣ, въ спинѣ, въ ногахъ; по всему тѣлу пробѣгаетъ дрожь. Васъ бросаетъ попеременно то въ жаръ, то въ холодъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вы испытываете какое-то общее наслажденіе, совершенно безотчетное, и то состояніе довольства, которое знакомо болѣе или менѣе всякому послѣ употребленія извѣстнаго количества алкоголя. Мало по малу, возбужденіе спиннаго мозга вызываетъ симптомы болѣе характерныя. Человѣкъ суетится, ходитъ изъ угла въ уголь, потягивается всѣми членами; ему хочется плясать, двигаться, подымать громадныя тяжести; но среди этого волненія, чисто мускульнаго, умъ остается спокойнымъ. Затѣмъ вдругъ,

послѣ какого нибудь слова, сказаннаго невзначай кѣмъ либо изъ присутствующихъ, изъ-за пустаго обыкновеннаго замѣчанія, съ человѣкомъ дѣлается припадокъ невольнаго смѣха, смѣха продолжительнаго, нервнаго, судорожнаго, ровно ничѣмъ не оправдываемаго и повидимому нескончаемаго. Когда припадокъ неудержимаго хохота проходить, человекъ сознаетъ всю нелѣпность его; онъ приходитъ въ себя, онъ понимаетъ, что этотъ смѣхъ былъ первымъ симптомомъ дѣйствія яда.

Начиная съ даннаго момента, мысли бѣгутъ и смѣняются все быстрѣе и быстрѣе. Это словно непрерывный фейерверкъ, огненный снопъ ракетъ, летящихъ по всѣмъ направленіямъ. Одна идея слѣдуетъ за другою съ необычайной живостью. Мысли рождаются и исчезаютъ, тѣсняются въ безпорядкѣ, повидимому, безъ всякаго закона, но въ сущности, слѣдующаго роковымъ законамъ ассоціаціи идей и впечатлѣній. Человѣкъ начинаетъ говорить съ возбужденіемъ, почти съ изступленіемъ, и удивляется, почему окружающіе не раздѣляютъ его настроенія; онъ даже возмущается медленностью ихъ соображенія. Тщетно человекъ усиливается выразить все, что онъ ощущаетъ, языкъ дѣйствуетъ не настолько живо, чтобы передать быстроту мыслей. Идеи грустныя или веселыя, горделивыя или смиренныя, великодушныя или подлыя, — всегда преувеличены. Какъ въ опьяненіи виномъ, воображеніе не знаетъ никакихъ ограниченій и предѣловъ. Говоря языкомъ докторовъ, которые называютъ

гипертрофированной всякую ткань, увеличившуюся въ объемѣ и толщинѣ, — можно сказать что въ настоящемъ случаѣ происходитъ гипертрофія мыслей. То, что въ нормальномъ состояніи причинило бы развѣ легкую досаду, принимаетъ размѣры тяжелаго горя, которое заставляетъ проливать слезы и сѣтовать на свою судьбу. Вещи самыя простыя даютъ поводъ къ театральнымъ эффектамъ, и человѣкъ принимаетъ напыщенный тонъ, чтобы сказать пріятелю, что уже поздно или что на дворѣ вѣтеръ. Всѣ эти нелѣпости доставляютъ ребяческое удовольствіе, которое человѣкъ не старается скрыть. Отъ смѣха онъ сразу переходитъ къ слезамъ. Самолюбіе его возрастаетъ до такихъ чудовищныхъ размѣровъ, что онъ всегда боится подмѣтить насмѣшку на лицахъ присутствующихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, готовъ презирать ихъ всѣхъ за ихъ невѣжественность, — до такой степени субъектъ подъ вліяніемъ гашиша считаетъ себя выше всѣхъ остальныхъ людей.

Итакъ, не говоря уже объ измѣненіяхъ въ ощущеніяхъ, нравственная личность человѣка совершенно преобразуется. Не знаю, было ли уже замѣчено, до какой степени всѣ эти явленія схожи съ симптомами истерики. Вообще говоря, женщины истеричныя очень умны; у нихъ блестящее соображеніе, живая, плодотворная фантазія; но какъ бы ни былъ живъ ихъ умъ, онъ страдаетъ крайнимъ избыткомъ чувствъ, отсутствіемъ воли. Именно эти же двѣ характерныя черты наблюдаются и при отравленіи гашишемъ.

У истеричныхъ, какъ и у субъектовъ, принявшихъ гашиша, всё чувства склонны къ преувеличенію—какъ радость, такъ и горе. Самолюбіе ихъ экзальтировано до того, что они глубоко оскорбляются самымъ пустымъ замѣчаніемъ. Часто они обижаются замѣчаніями, не заключающими въ себѣ ровно ничего обиднаго. Они имѣютъ склонность драматизировать дѣйствительность. Правильный, простой образъ жизни нисколько не мѣшаетъ имъ удовлетворять свое пристрастіе къ театральнымъ эффектамъ. Они безпрестанно и съ одинаковымъ успѣхомъ разыгрываютъ трагедію и комедію, въ самыхъ простыхъ случаяхъ обыденной жизни. Страхъ, радость, горе, гнѣвъ — все у нихъ обращается въ драму; всё эти страсти рождаются неожиданно, изумляя окружающихъ своей внезапностью, своей необузданностью и силой. При дѣйствіи гашиша, какъ я уже упомянулъ выше, замѣчается точно такое же преобразование въ чувствахъ. Я помню, однажды, когда одинъ изъ друзей моихъ принялъ гашиша, я хотѣлъ было, чтобы испытать степень его чувствительности, уколоть его слегка булавкой; самый видъ этой булавки привелъ его въ неописанный ужасъ. Онъ бросился бѣжать съ воплями, — какъ будто бы я хотѣлъ серьезно ранить его, потомъ упалъ передъ мною на колѣни, умоляя меня, во имя нашей дружбы и всего святаго, не подвергать его этой ужасной мукѣ; выражая свой ужасъ и свои мольбы, онъ прибѣгалъ къ такимъ трагиче-

скимъ рѣчамъ и жестамъ, что трудно было удержаться отъ смѣху:

Весьма замѣчательное явленіе у истеричныхъ— это безсиліе воли; они неспособны владѣть своими чувствами и удерживать ихъ. Согласно выраженію, очень употребительному и очень вѣрному, онѣ дѣлаютъ все, что взбредетъ на умъ; едва успѣетъ у нихъ возникнуть мысль, какъ они уже спѣшатъ выразить ее вслухъ, не заботясь о послѣдствіи своихъ рѣчей, такъ что потокъ словъ и нелѣпостей зависитъ не столько отъ преувеличенія идей, сколько отъ того, что всѣ эти мысли высказываются вслухъ. Поговоривъ хоть немного съ истеричной женщиной, можно подмѣтить массу противорѣчій, лжи и странностей въ ея мысляхъ, вслѣдствіе того, что сужденіе и воля не принимаютъ въ нихъ участія, и не исправляютъ всего того, что въ нихъ есть ошибочнаго. По той же причинѣ, такая особа не въ состояніи владѣть собою въ припадкахъ гнѣва, грусти или радости; у нея чувства царствуютъ неограниченно. Извѣстная выдержка, позволяющая намъ судить — что можно сказать, а о чемъ надо смолчать, вовсе незнакома истеричнымъ.

Подъ вліяніемъ гашиша это самообладаніе исчезаетъ точно также. Человѣкъ не въ состояніи владѣть собою, онъ не принадлежитъ себѣ, онъ отдается безъ удержу всякой болѣе или менѣе разумной идеѣ, возникшей въ его головѣ. Однажды, принявъ слабую дозу гашиша и не ощущая ни малѣйшаго

дѣйствія отъ этого приѣма, я отправился на вечеръ къ своимъ хорошимъ знакомымъ; тамъ я спокойно слушалъ довольно серьезный разговоръ, какъ вдругъ, вслѣдъ за какимъ то замѣчаніемъ, сдѣланнымъ однимъ изъ собесѣдниковъ, я принялся скакать отъ радости и выражать свой восторгъ, восхваляя оригинальность этого замѣчанія. Собственно говоря, моя мысль вовсе не была нелѣпа, она была лишь преувеличена; едва она родилась въ моей головѣ, какъ я сталъ высказывать ее, помимо своей воли, помимо своего я, наружными жестами и словами, выразившими то, что я испытывалъ. Тотчасъ же какъ я пришелъ въ самого себя, я устыдился своей выходки и право не знаю, что думаютъ до сихъ поръ обо мнѣ свидѣтели этой непріятной сцены. Конечно, я не подвергся бы такой непріятности, еслибы принялъ болѣе сильную дозу гашиша, такъ какъ тогда ясно уже чувствуешь, что не можешь владѣть собою. Происходитъ вѣчто вродѣ раздвоенія мысли: человекъ понимаетъ, что онъ уже неволенъ въ своихъ словахъ и въ своихъ жестахъ. Онъ не довѣряетъ самому себѣ, онъ боится своихъ помысловъ. Вотъ почему онъ спѣшитъ спрятаться отъ постороннихъ; онъ хочетъ быть одинъ, или съ людьми близкими, чтобы не подвергаться насмѣшкамъ. Одинъ изъ моихъ друзей, принявъ известное количество гашиша, сталъ беспокоиться и убѣдительно просить, чтобы его поскорѣе отвели домой. «Я не знаю, что со мной будетъ», говорилъ онъ, «я могу надѣлать глупостей». Каждый разъ, какъ къ нему возвра-

шалось ясное сознание, — это опасение, довольно впрочемъ, основательное, преслѣдовало его неотступно. Подобное сознание безсилія воли наблюдается и въ нѣкоторыхъ патологическихъ случаяхъ; очень часто несчастные въ домахъ умалишенныхъ идутъ сами къ врачамъ и умоляютъ запереть ихъ, говоря, что они чувствуютъ приближеніе припадка и боятся натворить бѣдъ.

Но эти психическія явленія еще не самыя характерныя въ дѣйствиі гашиша. Есть одна черта, весьма важная, которая проявляется не такъ рѣзко подѣ влияніемъ другихъ ядовъ, — именно извращеніе понятія о времени и пространствѣ. Въ опьяненіи гашишемъ кажется, какъ будто время тянется безконечно. Между двумя ясно выступающими идеями, представляются еще масса другихъ идей, довольно неясныхъ и туманныхъ; — ихъ сознаешь весьма смутно, но они приводятъ въ восхищеніе, именно въ силу своей многочисленности и необъятности. Кажется, что этихъ мыслей безчисленное множество, а такъ какъ время измѣряется именно воспоминаніемъ идей, то и самое время кажется замѣчательно долгимъ. Напр., представимъ себѣ, — какъ это и бываетъ дѣйствительно отъ гашиша, — что у насъ возникло въ теченіи секунды пятьдесятъ различныхъ мыслей; такъ какъ обыкновенно, чтобы задумать пятьдесятъ различныхъ мыслей, требуется нѣсколько минутъ, то намъ и кажется, что уже прошли эти нѣсколько минутъ, и только взглянувъ на непогрѣшимые часы, мы убѣждаемся въ своей

ошибкѣ. Подъ вліяніемъ гашиша, понятія о времени совершенно спутываются, секунды кажутся годами, минуты — вѣками. Но я чувствую, что невозможно словами объяснить эту иллюзію; понять ее можно не иначе, какъ испытать ее на себѣ. Такъ и кажется, будто присутствуешь при медленномъ, мѣрномъ паденіи секундъ въ песочныхъ часахъ.)

Ничто не можетъ сравниться съ этой иллюзіей. Однако же во время сна, или вѣрнѣе, во время переходнаго состоянія между сномъ и бодрствованіемъ, иногда испытываешь нѣчто подобное. Я помню, однажды вечеромъ, работая съ пріятелемъ и съ трудомъ преодолевая сонъ, я попросилъ его дать мнѣ уснуть нѣсколько минутъ; когда я очнулся, онъ сказалъ мнѣ, что я закрылъ глаза всего на секунду и тотчасъ же опять проснулся. А между тѣмъ этотъ короткій промежутокъ времени показался мнѣ чрезвычайно длиннымъ; я даже успѣлъ увидѣть сонъ очень сложный, съ большими подробностями. Благодаря именно многочисленности представлений, протекшій срокъ времени и показался мнѣ такимъ длиннымъ. Возьмемъ другой примѣръ — человекъ спящаго, внезапно разбуженнаго паденіемъ ширмы у его кровати. Сотрясеніе порождаетъ мгновенно цѣлый рядъ сновидѣній, о которыхъ долше рассказывать, чѣмъ испытать ихъ. Спящему чудится, что онъ очутился на вершинѣ высокой горы и окруженъ враждебной толпой. Его какъ будто сбрасываютъ внизъ со скалы, и послѣ паденія, которое длится, какъ ему кажется, цѣлые

вѣка, онъ разбиваетъ себѣ голову о камни на днѣ рва: всѣ эти мысли зарождаются и мелькаютъ въ теченіи какой-нибудь полусекунды, — ровно столько времени, сколько нужно для того, чтобы быть разбуженнымъ упавшей деревянной перекладиной. Довольно легко возбудить также подобную иллюзію съ помощью психологическаго опыта. Напримѣръ, когда вы ѣдете въ экипажѣ и, превозмогая одолеваяющій васъ сонъ, ежеминутно раскрываете и смыкаете глаза, то вамъ кажется, что въ промежутокъ времени съ закрытыми глазами вы проѣхали значительное пространство. Тому кто знаетъ дорогу, кому извѣстно, что она не очень длинна, будетъ казаться, что онъ уже пріѣхалъ на мѣсто; но всякій разъ, какъ онъ открываетъ глаза, ему приходится разочароваться. Дѣло въ томъ, что оставаясь сосредоточеннымъ въ самомъ себѣ, ничего не видя и не слыша, вы получаете очень невѣрное представленіе о протекшемъ времени. Наоборотъ, когда всѣ чувства ваши бодрствуютъ, они безпрестанно провѣряютъ и исправляютъ представленія, основанныя исключительно на психическихъ данныхъ. Мы не можемъ оцѣнить въ точности всѣ услуги, которыя ежеминутно оказываютъ намъ въ данномъ отношеніи наши чувства; въ этомъ можно дать себѣ полный отчетъ только путемъ размышленія и анализа психическихъ явленій.

Какъ бы то ни было, но во время бодрствованія и сна, эта иллюзія насчетъ продолжительности времени, довольно смутна и неопредѣленна. Напротивъ,

того, при отравленіи гашишемъ она принимаетъ поразительно ясный характеръ. Не менѣе изумительна иллюзія зрѣнія, благодаря которой самыя короткія разстоянія кажутся намъ громадными. Мнѣ неизвѣстно, наблюдалась ли подобная иллюзія при другихъ условіяхъ, кромѣ отравленія гашишемъ, и я не съумѣлъ бы объяснить это явленіе. Даже описать его довольно трудно. Иллюзія такова — что какой нибудь мостъ или аллея кажутся безконечно длинными, тянущіеся на огромныя, невѣроятныя разстоянія. Когда вы подымаетесь на лѣстницу, вамъ чудится, что ступени ея высятся до самыхъ облаковъ. Небольшая рѣка, противоположный берегъ который отчетливо видѣнъ, представляется широкой, словно морской проливъ. Тщетно вы даёте себѣ отчетъ въ своемъ заблужденіи. Разсудокъ не въ состояніи уничтожить этой иллюзіи и вы думаете про себя: «Вотъ мостъ длиною въ сто метровъ, но онъ кажется мнѣ такимъ безконечно длиннымъ, точно онъ тянется на сто тысячъ метровъ».

Помимо этихъ двухъ иллюзій — времени и пространства, иллюзій, очень упорныхъ, которыя держатся иногда болѣе сутокъ послѣ приѣма яда, — есть и другія иллюзіи, чрезвычайно странныя. Однако полныя галлюцинаціи происходятъ рѣдко, хотя г. Моро и наблюдалъ одинъ такой случай, весьма замѣчательный.

Иногда довольно трудно отличить иллюзію отъ галлюцинаціи, хотя и существуетъ нѣкоторая разница между этими двумя болѣзненными проявленіями.

ніями психической дѣятельности. Если иллюзію можно сравнить съ злословіемъ, какъ остроумно замѣтилъ Лазегю, то галлюцинація — есть уже клевета. Когда умалишенный видитъ подле себя призракъ, который движется и говоритъ, то это будетъ галлюцинація. Если-же кто-нибудь, ночью, въ темномъ лѣсѣ, принимаетъ стоящій передъ нимъ древесный стволъ странныхъ очертаній за привидѣніе, — то это будетъ иллюзія. Иллюзія предполагаетъ дѣйствительное впечатлѣніе, воспринятое въ извращенномъ, преувеличенномъ видѣ, между тѣмъ какъ галлюцинація является самостоятельно и не требуетъ для своего возникновенія предварительнаго впечатлѣнія. Подъ вліяніемъ гашиша ощущенія до того преувеличиваются, что даютъ мѣсто безчисленнымъ иллюзіямъ. Вамъ чудится, что окружающія васъ лица гримасничаютъ, что они издѣваются надъ вами, презираютъ васъ. Или-же вы читаете въ ихъ чертахъ ужасъ, гнѣвъ, неудовольствіе, — между тѣмъ, какъ на дѣлѣ нѣтъ ничего подобнаго, но въ силу странной иллюзіи, вамъ кажется, что эти гримасы поминутно мѣняются вокругъ васъ. Самый легкій шумъ раздается въ вашихъ ушахъ, какъ страшный грохотъ величественныхъ водопадовъ, трубныхъ звуковъ и оглушительныхъ музыкальных инструментовъ. Нѣсколько музыкальных нотъ производятъ впечатлѣніе небесной гармоніи, и вы слушаете ее съ благоговѣніемъ и страстнымъ восхищеніемъ. Я видѣлъ людей, обыкновенно неособенно чуткихъ къ

музыкѣ, которые, послѣ гашиша, приходили отъ нѣсколькихъ музыкальныхъ звуковъ въ состояніе неописаннаго блаженства, сходнаго съ экстазомъ, описаннымъ въ священныхъ книгахъ. Головной мозгъ находится въ это время въ состояніи тако-го сильнаго напряженія, что самое ничтожное возбужденіе извнѣ отражается въ немъ продолжительной вибраціей. Впрочемъ вмѣсто того, чтобы описывать всѣ эти ощущенія, я могу рекомендо-вать вниманію читателя блестящія страницы, ко-торыя посвятилъ гашишу Теофиль Готье, большой любитель этого яда — въ своемъ разсказѣ «le Club des Nachichins».

Послѣ Готье было-бы рискованно брать на себя описанія этихъ ощущеній; лучше указать здѣсь еще на другой психологической пунктъ. Предполо-жимъ иллюзію болѣе сильную, нежели во всѣхъ предыдущихъ примѣрахъ; въ такомъ случаѣ вмѣ-сто простаго разстройства воспріятій произойдетъ разстройство въ самомъ возникновеніи мыслей. Въ обыденной жизни внѣшнія впечатлѣнія вызываютъ у насъ разнородныя мысли; кромѣ ассоіаціи ме-жду самими идеями, существуетъ еще ассоіація между впечатлѣніями и идеями: напр., ощущеніе пріятнаго вкуса, извѣстный запахъ, звукъ возбуж-даютъ множество мыслей, которыя слѣдуютъ одна за другою, въ порядкѣ, какой намъ заблагораз-судится дать имъ. При этомъ способность вни-манія вполне сохраняетъ свое значеніе; благодаря вниманію, мы можемъ остановить теченіе мыслей,

возбужденныхъ внѣшнимъ впечатлѣніемъ — пріятнымъ вкусомъ, запахомъ или звукомъ. Часто, когда вниманіе приковано извѣстнымъ предметомъ, мы не слышимъ, не видимъ ничего, что происходитъ вокругъ насъ. Въ сущности, мы видимъ и слышимъ, но непосредственно, безъ нашего вѣдома; воля и вниманіе исключаютъ и уничтожаютъ это новое ощущеніе, такъ что оно проходитъ въ нашемъ умѣ, не оставляя никакихъ слѣдовъ.

Напротивъ, у человѣка, принявшаго гашишъ, такъ какъ воля притуплена, такъ какъ сила воспріятія впечатлѣній чрезвычайно велика и такъ какъ всѣмъ умственнымъ состояніемъ овладѣваетъ особенное возбужденіе, то всякое внѣшнее впечатлѣніе порождаетъ рядъ дикихъ представлений: ничто не въ состояніи обуздать ихъ. Подобно тому, какъ камень, падая съ вершины горы, не можетъ удержаться въ своемъ паденіи и прыгаетъ съ выступа на выступъ, увлекая за собою комья снѣгу и пыли, точно также и ощущеніе постепенно нарастаетъ и перерабатывается въ таинственной лабораторіи умственныхъ способностей. Такъ напр., во снѣ, уколъ булавкой, порождаетъ сновидѣніе, что насъ ранятъ кинжаломъ при самыхъ странныхъ обстоятельствахъ, а легкое сотрясеніе кровати вызываетъ дрему не только о землетрясенія, но и всѣхъ его послѣдствіяхъ. Я могъ бы привести аналогичныя примѣры дѣйствія гашиша. Стрѣлянне, ощущаемое во всѣхъ членахъ и въ спинѣ, нерѣдко служитъ поводомъ къ возникновенію самыхъ нелѣпыхъ идей. Однажды, кажется

въ отелѣ Пимоданъ, г. X. сидѣлъ за столомъ, принявъ предварительно гашишу. Позади него висѣла гравюра съ великолѣпной картины Сальватора Розы, изображающей битву и находящейся въ Луврѣ. На первомъ планѣ изображена лошадь бѣлая съ чернымъ; полное освѣщеніе падаетъ на ея могучій крупъ, она встала на дыбы передъ копьемъ одного изъ воиновъ. Вдругъ г. X. почувствовалъ сильное колотье въ шею и тотчасъ же, въ силу быстрого и невольнаго представленія, онъ вообразилъ, будто изображенный на картинѣ конь лягнулъ его ногою въ затылокъ. Такимъ образомъ, реальное ощущеніе послужило источникомъ къ представленію явно ложному. Еслибъ доза гашиша была посильнѣе, то это заблужденіе несомнѣнно продолжалось-бы; но г. X. принялъ небольшое количество гашиша, и сумасбродная мысль была немедленно провѣрена и исправлена разсудкомъ, еще пребывавшимъ почти въ нормальномъ состояніи.

Г. Моро утверждаетъ, что существуетъ большое сходство между иллюзіями отъ гашиша и систематическимъ бредомъ умалишенныхъ; У большинства сумасшедшихъ, безумная мысль имѣетъ реальную точку отправленія—какое нибудь ощущеніе, боль, впечатлѣніе извнѣ; отъ этого исходнаго пункта, въ силу индукціи, довольно логичной въ большинствѣ своихъ пунктовъ, сумасшедшій развиваетъ цѣлую ложную систему. Напр., онъ чувствуетъ тошноту и рѣзь въ желудкѣ; изъ этого онъ заключаетъ, что его отравили, что его хотять погубить, что со всѣхъ

сторонъ его окружаютъ враги, подмѣшивающіе отраву къ его пищѣ. Самыя здравые аргументы разбиваются объ этотъ упорный пунктъ бреда, и бесполезно было-бы опровергать его, ибо сумасшедшій повторяетъ ежеминутно, что у него есть несомнѣнныя доказательства: онъ непоколебимо увѣренъ, что его отравляютъ. Совершенно то-же самое явленіе повторяется и въ опьяненіи гашишемъ: малѣйшее ощущеніе порождаетъ безумную мысль или вѣрнѣе тысячу безумныхъ мыслей. (Передъ нами словно спадаетъ таинственная завѣса, и благодаря этому драгоценному веществу — гашишу, намъ какъ бы дается способность присутствовать при самой работѣ мозга.) Сокровенное, молчаливое, въ нормальномъ состояніи, нарожденіе мыслей и сужденій уже не имѣетъ для насъ никакой таинственности: мы видимъ воочию, какъ все сцѣпляется и вытекаетъ одно изъ другаго, мы словно присутствуемъ при зарожденіи нашихъ идей. Но къ несчастью, мы тогда уже не владѣемъ ими и вынуждены слѣдовать за ними въ ихъ беспорядочномъ теченіи.)

Такимъ образомъ эти три состоянія — состоянія сновидѣній, безумія и опьяненія гашишемъ до того аналогичны, что между ними нельзя установить существеннаго различія. Внѣшнія впечатлѣнія становятся всемогущими, и разсудокъ неограниченно подчиняется возбужденію чувствъ. Несомнѣнно, что и въ нормальномъ состояніи бодрствованія внѣшнія впечатлѣнія преобразовываютъ извѣстныя мысли и

порождаютъ другія; но мы сознаемъ это лишь настолько, насколько это допускаемъ. Вниманіе и воля заволакиваютъ густымъ покровомъ всю эту бессознательную работу, и среди смутной умственной дѣятельности, разсудокъ видитъ лишь то, что желаетъ видѣть.

Одна важная черта отличаетъ опьяненіе гашишемъ отъ опьяненія виномъ и хлороформомъ — а именно, во время дѣйствія гашиша память остается неповрежденной. Человѣкъ помнитъ съ поразительной ясностью все, что онъ видѣлъ, дѣлалъ и говорилъ. Однако, при болѣе сильной дозѣ яда наступаетъ полная потеря памяти, и вмѣстѣ съ тѣмъ появляется безуміе и при томъ изступленное безуміе. Принятый въ такой дозѣ гашишъ опасенъ, хотя я не думаю, чтобы въ Европѣ произошелъ хоть одинъ случай смерти отъ гашиша. Какъ бы то ни было, но при извѣстныхъ обстоятельствахъ наблюдали, что такое состояніе безумнаго бреда держалось въ теченіи нѣсколькихъ дней и принимало тревожный характеръ. Такъ какъ, при употребленіи гашиша, никогда нельзя знать въ точности, какая доза этого вещества будетъ принята, какъ дѣйствительно активная, то благоразумнѣе поручить себя надзору другаго лица, находящагося въ совершенно нормальномъ состояніи; нерѣдко этому лицу придется останавливать своего товарища, чтобы онъ не выбросился въ окно — ибо подѣйствіемъ гашиша, чувствуешь себя такимъ легкимъ, такимъ воздушнымъ, словно у тебя отросли крылья, и ничего не стоитъ сдѣлаться жертвой подобной

иллюзіи. Кромѣ этой формы бреда, довольно обыкновенной, есть еще множество другихъ, до крайности сумасбродныхъ, могущихъ въ данный моментъ повлечь за собою серьезныя послѣдствія.

На Востокѣ потребление гашиша чрезвычайно распространено. Его обыкновенно курятъ въ большихъ трубкахъ, которыя передаются въ круговую. Дымъ гашиша чрезвычайно приятенъ, онъ имѣетъ особенный, ароматическій запахъ. Въ Каирѣ или Дамаскѣ, когда вступишь въ нѣкоторыя арабскія кофейни, чувствуешь этотъ тонкій запахъ, проникающій въ горло и слегка опьяняющій даже тѣхъ, кто не курить. Въ этой слабой дозѣ, гашишъ возбуждаетъ родъ сонливости, во время которой всѣ внѣшніе предметы принимаютъ фантастическія очертанія и проходятъ словно грѣзы передъ оцѣпенѣвшимъ мозгомъ. Монотонная, гнущая музыка тихо убаюкиваетъ во время этой дремоты. На стѣнахъ грубо намалеваны странныя красныя и синія фигуры, верблюды, смѣшныя изображенія людей, карагезы или просто пересѣкающіяся линіи, квадраты, треугольники. Въ воображеніи курителей гашиша, эти грубые рисунки вызываютъ чудныя иллюзіи; они воображаютъ себя перенесенными въ рай Магомета; въ тоже время, какой нибудь пѣвецъ развлекаетъ сказками курителей, погруженныхъ въ созерцательное состояніе, — онъ читаетъ нараспѣвъ длинный рассказъ полурелигіознаго, полу-героическаго содержанія; эта пѣсня состоитъ изъ куплетовъ, прерываемыхъ мо-

нотоннымъ ритмомъ музыки. Порою одинъ изъ курителѣй встаетъ, покачиваясь, громко восторгается какимъ нибудь фантастическимъ предметомъ, явившимся ему среди бреда, и восхваляетъ блаженство опьяненія гашишемъ. Тогда всѣ остальные раздражаются громкимъ хохотомъ, и вслѣдъ затѣмъ съ глубокимъ, религіознымъ чувствомъ, никогда не покидающимъ восточныхъ людей, говорятъ своему товарищу, одержимому экстазомъ: «Аллахъ да будетъ съ тобою! Слава Аллаху!» Зачастую пѣвецъ, желая принять участіе въ общемъ блаженствѣ, проситъ покурить въ свою очередь; ему передаютъ благодатную трубку, и онъ съ наслажденіемъ втягиваетъ въ себя ароматный дымъ; иногда, чтобы распотѣшить публику, онъ дѣлаетъ, куря, уморительные жесты, отъ которыхъ присутствующіе покатываются со смѣху; затѣмъ опять начинается гнусливое пѣніе, прерываемое аккордами музыки, и повидимому ни пѣніе, ни музыка, ни гашишъ никому не надоѣдаютъ. Никогда не забуду я этого зрѣлища, видѣннаго мною въ темномъ закоулкѣ одного изъ шумныхъ базаровъ Дамаска, при свѣтѣ дымящей лампы, при звукахъ тамбурина и трехструнной гитары, — зрѣлища, давшаго мнѣ ясное понятіе о Востокѣ, этой странѣ фантастическихъ грѣзъ.

V.

Можно было бы сказать, что опіумъ по отноше- нію къ гашишу то-же, что океанъ по отноше нію къ Средиземному морю. Гашишъ извѣстенъ лишь на Сирійскомъ берегу и въ Нижнемъ Египтѣ, ме- жду тѣмъ какъ торговля опіумомъ приняла гро- мадные размѣры на обширныхъ побережьяхъ Ти- хаго океана и китайскихъ морей. Что еще важ- нѣе для насъ, европейцевъ, это то, что опіумъ самый драгоцѣнный, самый употребительный меди- каментъ; по словамъ Сейденгема, еслибы не было опіума, то пришлось бы отказаться отъ медицины. Разсмотримъ вкратцѣ дѣйствіе его на нервную систему.

Опіумъ — это сокъ мака, и такъ какъ суще- ствуетъ нѣсколько разновидностей мака, то бы- ваетъ и нѣсколько сортовъ опіума; но собираютъ его и добываютъ всегда одинаковымъ способомъ. Въ Египтѣ, Сиріи или Индіи — въ трехъ стра- нахъ, гдѣ занимаются культурой опіума, обы- кновенно дѣлаютъ нѣсколько полукруглыхъ над- рѣзовъ на головкѣ мака и осторожно собираютъ вытекающій оттуда сокъ. Подъ вліяніемъ солнца, этотъ сокъ чернѣетъ, густѣетъ и принимаетъ видъ коричневой массы — которая и есть опіумъ. То, что называютъ *laudanum* — есть растворъ опіума въ винномъ составѣ. Свойства лауданума и опіума совершенно схожи. И то и другое слѣдуетъ счи-

тать смѣсью нѣсколькихъ тѣлъ, имѣющихъ свойства аналогичныя, но не тождественныя. Со времени Дерона (1804) и Робике (1817), впервые отдѣлившихъ наркотинъ отъ морфія, химики усердно изучали различныя тѣла, входящія въ составъ опиума. Такимъ путемъ былъ открытъ кадеинъ, нарцеинъ, тебаинъ, папаверинъ и еще другія вещества, служащія основаніями, способными соединяться съ кислотами и образовать кристаллическія соли, по всей вѣроятности, сложныя аммоніакальныя соединенія.

Эти различныя основанія дѣйствуютъ неодинаково на органическія функціи. Такъ, снотворная сила наркотина почти равна нулю; можно принять до 2-хъ граммовъ этого вещества, не ощущая чувствительныхъ послѣдствій, между тѣмъ какъ одинъ сантиграммъ морфія, т. е. доза въ двѣсти разъ слабѣйшая, дѣйствуетъ настолько сильно, что производитъ особыя терапевтическія или фізіологическія явленія. Тебаинъ не даетъ сна и вызываетъ у животныхъ судороги, вродѣ тѣхъ, которыя бывають отъ стрихнина, между тѣмъ какъ морфій, въ такой же дозѣ, производитъ глубокой сонъ. Другая не менѣ замѣчательная особенность въ дѣйствиі алколоидовъ опиума, заключается въ томъ, что на человѣка они вліяють совершенно иначе, чѣмъ на животныхъ. Этотъ интересный фактъ открытъ Клодомъ Бернаромъ. Человѣкъ особенно чувствителенъ къ дѣйствию морфія, между тѣмъ какъ тебаинъ слабо вліяетъ на его нервную систему: наоборотъ,

животныя лишь подъ вліяніемъ очень сильной дозы испытываютъ дѣйствіе морфія, а тебаинъ для нихъ сильнѣйшій ядъ; двухъ граммовъ морфія недостаточно, чтобы отравить собаку, а 10 сантиграммовъ тебаина убьютъ ее неминуемо. Почти тотъ-же опытъ, только въ обратномъ видѣ — можно повторить съ человѣкомъ — 10 сантиграммовъ морфія принятыхъ сразу были-бы опасны, между тѣмъ, какъ два грамма тебаина имѣли-бы дѣйствіе не столь серьезное. Такое различіе въ сопротивленіи организмовъ дѣйствію ядовитыхъ веществъ еще не объяснено общей фізіологіей. Извѣстно, что белладонна (сонная одурь) и содержащееся въ этомъ растеніи, активное вещество, — атропинъ, составляютъ для человѣка страшный ядъ; между тѣмъ какъ кроликъ къ нему почти нечувствителенъ. Доза атропина, способная убить десятерыхъ здоровыхъ людей, едва достаточно, чтобы отравить кролика. Положимъ для морфія эта разница не такъ велика; но всетаки существуетъ значительное различіе въ этомъ отношеніи между человѣкомъ и животными, именно въ томъ смыслѣ, что морфіей дѣйствуетъ преимущественно на человѣка. Если насъ интересуетъ болѣе всего морфіей, то это потому, что изъ всѣхъ веществъ, содержащихся въ опіумѣ, морфіей сильнѣе всего вліяетъ на человѣка. Такъ что описывать дѣйствіе морфія почти то же самое, что описывать дѣйствіе опіума; кодеинъ и тебаинъ содержатся въ немъ въ меньшемъ количествѣ и не столь сильны. Въ практической медицинѣ прописываютъ

почти безразлично морфій и опиумъ: поэтому мы будемъ разсматривать ихъ заодно.

Причину снотворнаго свойства опиума пытались объяснить состояніемъ циркуляціи крови въ головномъ мозгу. Покуда еще не увѣрены, какова настоящая причина этого дѣйствія, но уже много значитъ то, что ее разыскиваютъ. Сомнѣніе есть первый шагъ въ наукѣ.

Сосуды, доставляющіе кровь къ мозгу не инертные каналы; они имѣютъ свою собственную дѣятельность, свою автономію, такъ что въ извѣстныхъ моменты они расширяются, а въ другія — сокращаются. Если трепанировать собаку или кролика, то можно видѣть мозговую массу обнаженной; она изборождена множествомъ сосудовъ, но смотря по діаметру этихъ сосудовъ, видъ мозга бываетъ весьма различный: то онъ синеватый, вздутый, покрытъ сильно утолщенными сосудами, пересекающими его въ различныхъ направленіяхъ, — это приливъ крови къ мозгу; то, наоборотъ, онъ блѣдный, вялый, опавшій, съ едва замѣтными тонкими кровяными развѣтвленіями, — это анемія мозга. Между тѣмъ, въ силу особаго анатомическаго устройства, оказывается, что кровообращеніе глаза представляетъ собою точное подобіе циркуляціи крови въ мозгу, такъ что если кровь приливаетъ къ мозгу, то она приливаетъ также къ глазу, и наоборотъ. Понятно, что легче убѣдиться въ приливѣ крови къ глазу, чѣмъ распознать состояніе мозговаго кровообращенія. Къ тому же существуетъ вѣрное средство судить о состояніи глазныхъ сосудовъ. Зрачекъ, сокра-

щающійся при свѣтѣ и расширяющійся въ темнотѣ, — неизмѣнно бываетъ сокращеннымъ во время прилива крови къ мозгу, — и наоборотъ, всегда расширенъ при анеміи мозга, если только человѣкъ не подвергнутъ вліянію или слишкомъ сильнаго свѣта, или слишкомъ глубокой темноты. Изъ этого вывели заключеніе, что такъ какъ во время нормальнаго сна, равно и во время сна отъ опіума, зрачекъ глаза сильно сокращенъ, то въ обоихъ случаяхъ бываетъ приливъ къ мозгу, и сонъ является послѣдствіемъ такого прилива.

Къ несчастью, эта теорія не болѣе какъ гипотеза, и многіе факты говорятъ не въ ея пользу. Нѣкоторые англійскіе фізіологи, между прочими Дёргэмъ и Гаммондъ, утверждали, на основаніи тщательныхъ опытовъ, что во время сна бываетъ анемія мозга. По ихъ мнѣнію, невозможно допустить, чтобы приливъ крови къ извѣстному органу обусловливалъ состояніе покоя въ этомъ органѣ: всѣ фізіологическія отправленія данной ткани ослабѣваютъ при замедленіи въ ней кровообращенія, что въ такой же мѣрѣ должно относиться къ головному мозгу, какъ и къ остальнымъ сосудистымъ органамъ.

Итакъ, не смотря на всѣ изслѣдованія, еще нельзя опредѣлить съ полной достовѣрностью, какое именно дѣйствіе оказываетъ опіумъ на мозгъ, — происходитъ-ли отъ него приливъ крови или-же анемія; извѣстно только, что онъ усыпляетъ. Этотъ сонъ, безъ сомнѣнія, нельзя отождествлять съ нормальнымъ; онъ отличается отъ послѣдняго во мно-

гихъ отношеніяхъ. Полчаса или часъ спустя послѣ приѣма опиума, человѣкъ чувствуетъ легкое возбужденіе, общее состояніе оживленія и довольства, которое вскорѣ смѣняется сонливостью, дремотой. Чувствуется какое-то наслажденіе въ этой сладкой истомѣ; мысли воплощаются въ яркіе образы, которые быстро чередуются, при чемъ вамъ не хочется дѣлать ни малѣйшаго усилія, чтобы измѣнить ихъ теченіе, хотя такое усиліе, пока отравленіе незначительно, и возможно. Вы чувствуете, что сейчасъ заснете, но что вы могли бы преодолѣть сонъ, еслибы за хотѣли побороть свою лѣнь.

Мало - по - малу, однако, ноги словно наливаются свинцомъ, руки падаютъ въ безсиліи, отяжелѣвшія вѣки смыкаются сами собою; являются грезы, бредъ, хотя еще и не спишь: сознаніе внѣшняго окружающаго міра еще не исчезаетъ. Разные звуки, чиканье часовъ, грохотъ экипажей еще смутно слышатся, но кажется, будто всѣ эти звуки раздаются въ туманѣ и не вы ихъ слышите, а кто-то другой. Активное, сознательное я уже не существуетъ, словно его замѣнило другое лицо. Постепенно все становится болѣе и болѣе смутнымъ, мысли теряются въ неясной мглѣ, вы превращаетесь въ какое-то существо невещественное, не чувствуете своего тѣла и воплощаетесь всецѣло въ идею; идея эта, такъ сказать, порхаетъ, становясь все болѣе и болѣе блестящей, но вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе смутной. Затѣмъ, внѣшній міръ исчезаетъ; остается лишь міръ внутренній, иногда шумный и возбуж-

дающій лихорадочное волненіе, порою же, напротивъ (и это чаще) — спокойный, тихій, утопающій въ сладкой дремотѣ. Вся прелесть этого состоянія заключается въ томъ, что вы чувствуете, какъ спите. Сонъ этотъ осмысленный и сознательный. Поэтому-то часы летятъ съ изумительной быстротой. Особенно утромъ, когда, повидимому, опіумъ уже потерялъ свое дѣйствіе, а на самомъ дѣлѣ вполне еще сохранилъ свою силу, сонъ имѣетъ несравненную прелесть. Умъ, освободившись отъ всякихъ земныхъ узъ, витаетъ въ мірѣ идей спокойныхъ и свѣтлыхъ. Это опьяненіе, чисто психическое, неизмѣримо превосходитъ опьяненія алкоголемъ или гашишемъ, ибо если гашишъ доставляетъ нѣсколько часовъ безумія, то опіумъ даетъ сонъ, — а нѣтъ въ мірѣ высшаго благодѣянія.

Надо испытать мученія бессонницы, чтобы оцѣнить опіумъ по достоинству. Томиться всю ночь, слышать, какъ тянутся минуты, среди подавляющей тишины, ворочаться съ боку на бокъ, чувствовать, какъ въ головѣ вашей толпятся мысли, причемъ вы не въ состояніи вдумываться ни въ одну изъ нихъ, бороться съ непобѣдимымъ волненіемъ, еще болѣе усиливающимся отъ желанія подавить его — все это такая мука, которую нельзя понять, не испытавъ ее. Макбетъ сознавалъ это хорошо, когда, убивъ Дункана, страшился бессонницы отъ угрызений совѣсти.

При употребленіи опіума, нечего бояться бессонницы; по прошествіи часа, много двухъ, болѣз-

ненное волненіе уступаетъ мѣсто смутному возбужденію, которое и есть та сознательная дремота, о которой мы говорили выше. Физическая боль уже не существуетъ: жестокія невралгіи, ноющія боли, судороги мускуловъ, лихорадочная тоска, свойственная извѣстнымъ общимъ болѣзнямъ, физическія и нравственныя страданія алкоголизма, — все это устраняется съ помощью опиума.

Если справедливо, что роль врача заключается главнымъ образомъ въ облегченіи страданія, то опиумъ есть всемогущее орудіе. Какъ часто при леченіи всякое искусство оказывается безсильнымъ. Что можетъ подѣлать врачъ съ чахоточными, съ больными одержимыми ракомъ? Нельзя и надѣяться восторжествовать надъ болѣзнію или даже остановить ея развитіе; но по крайней мѣрѣ, съ помощью опиума, можно доставить несчастному страдальцу, обреченному на смерть, спокойныя, тихія ночи, когда онъ забываетъ свои страданія. Такимъ образомъ, медицина, располагающая хлороформомъ для операцій и опиумомъ для болѣзней, — до того могущественна передъ всякаго рода страданіями, что почти можно сказать, — страдаетъ лишь тотъ, кто добровольно обрѣкаетъ себя на это.

Такимъ образомъ, опиумъ, будучи ядомъ дѣйствующимъ на разсудокъ, въ то же время оказывается однимъ изъ сильныхъ средствъ, влияющихъ на чувствительность; неизвѣстно въ точности, дѣйствуетъ ли онъ непосредственно на нервы, которые передаютъ возбужденіе или же на мозгъ, который

воспринимаетъ это возбужденіе; но, даже не производя сна, опіумъ имѣетъ чудное свойство подавлять гиперестезію нервовъ. Замѣчено, что когда онъ ослабляетъ гиперестезію, то не вызываетъ сна; опіумъ какъ будто истощаетъ всю свою силу на облегченіе боли, и уже не въ состояніи доставить больному покоя. У лицъ, страдающихъ упорными невралгіями, опіумъ облегчаетъ сперва страданіе, и нужна затѣмъ болѣе сильная доза, чтобы доставить сонъ. Но развѣ недостаточно того, что подавляется раздражительность больного нерва?

Нѣкоторыя лица доходятъ до того, что не могутъ обходиться безъ опіума, и тогда они въ состояніи принимать его въ громаднхъ дозахъ, не чувствуя его дѣйствія. Въ этомъ отношеніи опіумъ разнится отъ алкоголя. Алкоголь постоянно усиливаетъ свое дѣйствіе на субъекта: чѣмъ чаще пьешь, чѣмъ скорѣе пьянѣешь. Нельзя привыкнуть къ опьяненію виномъ, но къ опьяненію опіумомъ привыкають; наблюдали несчастныхъ, до того злоупотребляющихъ этимъ веществомъ, что они ежедневно выпиваютъ около литра laudanum'a, между тѣмъ, какъ для большинства людей, двадцать капель этого вещества уже составляютъ очень достаточную лекарственную дозу. Когда человѣкъ дошелъ до такого состоянія отравленія, то ядъ становится для него необходимымъ возбуждающимъ средствомъ, онъ уже не можетъ обойтись безъ него, и отсутствіе опіума настолько-же вредно ему, сколько

и злоупотребленіе этимъ ядомъ. Я видѣлъ несчастныхъ женщинъ, которымъ дѣлали ежедневно подкожныя вспрыскиванія морфіемъ, и которыя дошли до того, что хорошо выносили по цѣлому грамму морфія въ день. Если случайно уменьшали дозу, а въ особенности если забывали дѣлать вспрыскиваніе, то у больныхъ появлялись серьезные симптомы, которые легко отнести къ дѣйствительной ихъ причинѣ, т. е. отсутствію возбуждающаго средства, къ которому привыкъ организмъ.

Въ Китаѣ опиумъ сдѣлался одной изъ насущныхъ потребностей народа, подобно тому, какъ въ Европѣ алкоголь и табакъ. Потребленіе опиума привилось не такъ давно; это, быть можетъ, единственное нововведеніе, заимствованное Китаемъ съ Запада; нововведеніе во всякомъ случаѣ неутѣшительное. Нельзя сочувствовать и англичанамъ, которые стараются всѣми силами распространять привычку, для нихъ столь-же выгодную, сколь она пагубна, для китайцевъ. Вотъ цифры, выражающія постепенное расширеніе торговли опиумомъ: въ 1798 г. — 300 тоннъ, въ 1,000 килограммовъ каждая; въ 1863 г. — 3,000 тоннъ; въ 1866 г. — 3,903 тонны; а за послѣдніе годы потребленіе опиума возрасло еще въ большихъ размѣрахъ. Весь этотъ опиумъ получается изъ Индіи, и индійскіе чиновники и негоданты наживаются все больше и больше по мѣрѣ распространенія опиума.

Опиумъ ѣдятъ, но особенно много его курятъ. Экстрактъ опиума кладется въ трубку съ длиннымъ

чубукомъ; старая, опіумъ вздувается, и поднимается въ краямъ трубки, такъ что надо ежеминутно прокалывать его иглой, чтобы дать доступъ воздуху. Кроме того, опіумъ горитъ не легко, надо постоянно имѣть огонь подъ рукой, — свѣчу или лампу, чтобы не допустить трубку потухнуть.

Число курителей опіума громадно. Самые богатые мандарины, самые цивилизованные купцы курятъ опіумъ, какъ и послѣдніе носильщики; это наслажденіе, сходное съ удовольствіемъ, которое находятъ у насъ въ куреніи табаку; такое пристрастіе производитъ столь-же мало вреда въ зажиточныхъ классахъ, какъ у насъ табакъ. Другое дѣло съ простымъ народомъ. Есть заведенія, специально посвященныя опіуму, нѣчто вродѣ курильни, гдѣ, за ничтожную плату, можно удовлетворить эту страсть. Рѣдко куритель уходитъ оттуда не одурманенный, точно также, какъ пьяница не уходитъ изъ кабака, покуда не напьется до пьяна. Разумѣется, при такомъ употребленіи, опіумъ — опасный ядъ, и, по отзывамъ путешественниковъ, несчастные, злоупотребляющіе имъ ежедневно, впадаютъ вскорѣ въ страшное нравственное и физическое разслабленіе. Блѣдные, изнеможенные, исхудалые, они, едва волочатъ ноги и оживаютъ лишь тогда, когда, новый приѣмъ яда доставитъ имъ нѣкоторое искусственное возбужденіе. Тѣмъ не менѣе, весьма вѣроятно, что сильно преувеличиваютъ вредное дѣйствіе опіума: число людей, умирающихъ отъ злоупотребленія имъ незначительно; множество лицъ,

курящихъ опиумъ, и притомъ въ довольно значительномъ количествѣ, не испытываютъ никакихъ расстройствъ въ умственныхъ способностяхъ. Правда, пищеварительные процессы рѣдко остаются правильными. Расстройство желудка и общая худоба — вотъ послѣдствія этой вредной привычки. Какъ бы то ни было, Китай еще не на краю бели, и если онъ въ упадкѣ, то не опиумъ тому причиною.

У опиума есть противоядіе. Подобно тому, какъ можно вызвать искусственный сонъ, такъ точно можно вызвать и бессонницу. Для этого существуетъ другой ядъ, дѣйствіе котораго диаметрально противоположно первому: я говорю о кофе. употребле- ніе кофе распространилось чрезвычайно быстро не далѣе, какъ вѣкъ тому назадъ, онъ былъ почти неизвѣстенъ. Какъ и всякій выскочка, онъ имѣетъ своихъ враговъ и своихъ сторонниковъ; но послѣдніе одерживаютъ верхъ, и въ наше время нѣтъ напитка болѣе распространеннаго.

Всѣ знакомы съ дѣйствіемъ кофе на организмъ; для нѣкоторыхъ лицъ онъ служитъ необходимымъ возбуждающимъ средствомъ при умственныхъ работахъ. У другихъ это возбужденіе выражается жестокой бессонницей, такъ что для нихъ кофе — настоящій ядъ, лишающій ихъ самого драгоценнаго блага. Принятый въ сильной дозѣ, кофе вызываетъ въ нихъ волненіе, непріятное чувство безпокойства, лихорадочную энергію, совершенно различную лѣнивому состоянію, наблюдаемому

послѣ приѣма опиума, когда дремлющая воля, спокойно созерцаетъ развивающіяся фантазіи. Отъ кофе воображеніе мало возбуждается, но зато возбуждается воля. Вамъ хочется двигаться; вы не можете докончить начатаго чтенія; вамъ не сидится на мѣстѣ. Всѣ произвольныя и сознательныя способности возбуждены до крайности; замѣчается непрерывное напряженіе вниманія и памяти, между тѣмъ какъ отъ алкоголя, отъ гашиша и опиума чувствуется какъ бы оцѣпенѣніе вниманія. Кофе производитъ настоящее опьяненіе, гораздо болѣе томительное, нежели сонливое опьяненіе опиумомъ. Въ концѣ концовъ и это вещество приводитъ къ тѣмъ-же результатамъ. Желая сдѣлать очень много, умъ дѣлаетъ гораздо меньше; отъ сильнаго напряженія воля вредитъ самой себѣ, и полное равновѣсіе умственныхъ способностей нарушается одинаково, какъ отъ чрезмѣрнаго возбужденія воли, такъ и отъ недостатка ея.

Утверждаютъ обыкновенно, что кофе производитъ анемію мозга, между тѣмъ какъ опиумъ и алкоголь вызываютъ приливъ крови къ этому органу; но эта фізіологическая теорія вовсе не основана на несомнѣнныхъ данныхъ, и необходимы новыя опыты и наблюденія. Впрочемъ извѣстно, что кофе замедляетъ сгараніе органическихъ веществъ, такъ что его справедливо называютъ сберегающимъ пищу, экономическимъ веществомъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ нормальномъ состояніи, въ нашихъ тканяхъ совершается въ тиши множество химическихъ про-

цессовъ, конечный результатъ которыхъ — образованіе теплоты и углекислоты. Слѣдовательно, количество выдыхаемой углекислоты служить до известной степени выраженіемъ питательной дѣятельности. Между тѣмъ, подъ вліяніемъ кофе, безъ видимаго упадка силъ и безъ необходимости потребленія большаго количества пищи, количество выдѣляемой углекислоты уменьшается. Примѣромъ служатъ бельгійскіе рудокопы, которые способны къ усиленной работѣ, употребляя немного пищи и поддерживая свои силы исключительно потребленіемъ большаго количества кофе. Итакъ, кофе — есть вещество, умѣряющее питаніе, ибо оно умѣряетъ дѣятельность химическихъ процессовъ, непрерывно совершающихся въ нашихъ тканяхъ. Можно упомянуть еще о другихъ веществахъ, сходныхъ съ кофе въ этомъ отношеніи — это чай и кокао. Весьма вѣроятно, что кофеинъ, теинъ и кокаинъ, т. е. активные элементы данныхъ растений, аналогичны между собою какъ въ химическомъ, такъ и въ фізіологическомъ отношеніи, и что ихъ дѣйствіе на умственные функціи приблизительно одинаково.

Быть можетъ есть еще другіе яды, дѣйствующіе на интеллектъ, напримѣръ, белладонна и табакъ; но активные элементы этихъ растений, — атропинъ и никотинъ, дѣйствуютъ преимущественно на нервную систему растительныхъ процессовъ, и вліянія ихъ на головномозговья отправленія есть лишь послѣдствіе ихъ дѣйствія на функцію спиннаго мозга.

Изучивъ въ отдѣльности дѣйствіе алкоголя, хлороформа, гашиша, опиума и кофе, не трудно будетъ резюмировать общую характеристику тѣхъ разстройствъ, которыя производятъ эти вещества на отправленія головного мозга. Подобно тому какъ изслѣдованіе разстройствъ, причиняемыхъ функціямъ спиннаго мозга дѣйствіемъ стрихнина, бромистаго калія и атропина, доставляетъ намъ драгоценныя свѣдѣнія насчетъ нормальныхъ функцій этого органа, точно также и анализъ разстройства въ функціяхъ головного мозга, вслѣдствіе отравленія извѣстными ядами, можетъ доставить намъ положительныя свѣдѣнія насчетъ механизма интеллекта въ нормальномъ состояніи.

Главный фактъ, который мы особенно старались выяснитъ, состоитъ именно въ томъ, что интеллектъ всегда испытываетъ измѣненія въ одномъ и томъ же порядкѣ. Способности произвольныя, сознательныя парализуются; сила-же воображенія и способность познавательная экзальтируются. Отсюда возникаетъ нѣкоторая двойственность въ нашемъ я. Есть я, познающее, и другое я, управляющее идеями. Когда нѣтъ направляющей силы, беспорядокъ въ сознаніи становится неизбѣжнымъ, и послѣдствіемъ являются иллюзіи, галлюцинаціи. Дѣло въ томъ, что существуетъ извѣстное равновѣсіе между интеллектуальными силами, которое не должно быть нарушаемо. Разъ этой гармоніи нѣтъ, въ человѣкѣ совершается беспорядочная мозговая дѣятельность, при которой невозможна уже ни работа,

ни умѣренность, ни размышленіе, и которая превращаетъ человѣка, если не въ грубое животное, какъ ошибочно утверждаютъ, то въ маниака, въ сумасшедшаго.

Языкѣ, этотъ лучший выразитель многовѣковыхъ опытовъ и наблюденій, говоритъ, что вино помрачаетъ разумъ. Разумъ, но не воображеніе. Владѣть разумомъ, значить быть полнымъ господиномъ самого себя, быть въ состояніи провѣрять свои мысли внѣшними ощущеніями, владѣть способностью разсужденія. Эта разсуждающая, провѣряющая и управляющая сила — это воля, а также вниманіе. Но воля не есть простая фикція, пустое слово, а нѣчто реальное, активное и могущественное. Это результатъ прежнихъ привычекъ, наслѣдственныхъ силъ, скопившихся въ данномъ потомкѣ цѣлаго рода предковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, это результатъ ощущеній, воспринимаемыхъ со всѣхъ сторонъ въ теченіи многихъ лѣтъ. Воля имѣетъ неоспоримую силу: она заставляетъ наши мысли слѣдовать извѣстному пути, она устраняетъ по своему усмотрѣнію внѣшнія впечатлѣнія и даетъ мыслямъ опредѣленное направленіе, какое ей желательно. Однако въ мозгу происходитъ множество процессовъ, которые мы едва сознаемъ и которые, благодаря волѣ, проходятъ почти незамѣченными и не тревожатъ насъ. Подобно тому какъ иногда среди толпы людей, тѣснящихся вокругъ насъ, есть лицо, за которымъ мы слѣдимъ взоромъ, котораго мы отличаемъ въ толпѣ, съ которымъ гово-

римъ, не заботясь объ остальныхъ окружающихъ, — такъ и въ данномъ случаѣ — среди множества мыслей, мы выбираемъ какую-нибудь одну, углубляемся въ нее, изучаемъ ее, и остальные мысли, тѣснящіяся вокругъ, не отвлекаютъ насъ отъ главной идеи и не заставляютъ насъ забыть цѣль, которую мы преслѣдуемъ.

(Въ этомъ-то и выражается сила человѣческаго ума: не только онъ мыслить, и мыслить шире, чѣмъ умы всѣхъ остальныхъ существъ, но въ то же время онъ господствуетъ надъ самимъ человекомъ.) Если разрушить, дѣйствіемъ яда, эту способность мышленія и воли, то уничтожается все возвышенное и могущественное, чѣмъ отличается интеллектъ. Могутъ подумать, что для произведеній фантазіи полезно возбужденіе способности вызывать идеи и, что извѣстные люди склонны къ творчеству только при такихъ условіяхъ, — но это пагубная ошибка. Теряя способность управлять своею мыслью, теряешь слишкомъ много, между тѣмъ какъ усиленіемъ твердой воли, закаленной привычкой къ труду и размышленію, можно достигнуть результата болѣе вѣрнаго и блестящаго. Никогда нельзя знать, что можетъ сдѣлать вниманіе и чего способна достигнуть воля. Хотѣть — значитъ мочь. Вниманіе, сосредоточенное на одной мысли, придаетъ ей необыкновенную яркость, и оно можетъ, въ извѣстныхъ случаяхъ и у извѣстныхъ субъектовъ, облечь идею въ чудный образъ фантазіи, совершенно такой-же блестящій, какъ

еслибы воображеніе было возбуждено алкоголемъ или опиумомъ. И такъ, опьяненіе вовсе не представляетъ тѣхъ выгодъ, которыя ему приписываютъ; это зло не имѣющее оправданій, и злоупотребленіе этими опасными ядами, разрушающими тѣло и умъ, должно быть энергично преслѣдуемо тѣми, кому дорога будущность человѣчества.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВ.

СТР.

СОМНАМБУЛИЗМЪ:

I. Симуляція (притворство)	1
II. Симптомы	27
III. О сомнамбулизмѣ животныхъ.	74
IV. О способахъ сомнамбулизаціи.	83
V. О физиологической природѣ сомнамбулизма	104
VI. Личность и память	114
VII. Заключение	146

ДЕМОНИЗМЪ:

I. Бѣснующіеся въ настоящемъ	151
II. Бѣснующіеся въ прошедшемъ.	199

ДОПОЛНЕНІЕ:

I. Дѣйствительность сомнамбулизма.	331
II. Контрактуры первого періода	332
III. О вліяніи движеній на идеи	334
IV. О вліяніи движеній на ощущенія	340
V. Врачебная роль магнетизма.	347
VI. Выжидательное вниманіе и вызванная иллюзія.	348
VII. Автоматизмъ	351
VIII. Сомнамбулическое воспитаніе	358

II.

IX. Ингибация	359
X. Вліяніе бессознательныхъ воспоминаній на характеръ.	366
XI. Новые опыты по вопросу объ объективизаціи	369
XII. Опыты съ амнезіей	371
XIII. Измѣненіе нравственнаго характера подъ вліяніемъ сомнамбулизма	373
XIV. Аналогіи нормальнаго и патологическаго состояній.	375
XV. Нѣсколько словъ относительно бібліографіи и исторіи сомнамбулизма.	376
XVI. Заклинанія новѣйшаго времени и эпидемія бѣснованія.	384
XVII. Развѣтіе идеи о зломъ духѣ.	390
XVIII. Нѣсколько приговоровъ надъ колдуньями	392
XIX. Ликантропія.	395
XX. Послѣднія казни колдуній.	396

ЯДЫ ИНТЕЛЛЕКТА:

I. Алкоголь, хлороформъ, гашишъ, опиумъ.	399
--	-----

